

Россия - Италия

академический диалог
XVIII-XXI веков

АЛЕХАНДРО

НОУ

серия **Италия**.
Россия

ACCADEMIA RUSSA DELLE SCIENZE
ISTITUTO DI STORIA MONDIALE
ACCADEMIA PONTANIANA

Russia - Italia:

un dialogo accademico
tra i secoli XVIII e XXI

a cura di
a cura di Andrea Milano e Michail Talalay

redazione scientifica di
Michail Talalay

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АКАДЕМИЯ ПОНТАНИАНА

Россия - Италия:

академический диалог
XVIII-XXI веков

Составители
Михаил Талалай, Андреа Милано

Научная редакция
Михаил Талалай

УДК 00(471:450)
ББК ж(2Рос+4Ита)
Р 768

Редакционная коллегия:

М. Г. Талалай (отв. ред.), *А. Милано* (отв. ред.), *Е. С. Токарева*

Рецензенты:

ведущий научный сотрудник Отдела истории
ИНИОН РАН д.и.н. *В. П. Любин*;
научный директор Исследовательского центра Вяч. Иванова в Риме,
профессор университета г. Салерно, д.ф.н. *А. Б. Шшикин*

Р 768 Россия – Италия: академический диалог XVIII–XXI веков
/ сост. М. Г. Талалай, А. Милано, науч. ред. М. Г. Талалай.

В сборник вошли статьи российских и итальянских исследователей, посвященные богатому спектру научных, культурных, религиозных и иных связей между Россией и Италией, множественным переключкам в сфере политики, военного дела, искусства, литературы, философии, церковной жизни.

*На обложке: статуя работы П.К. Клодта
перед Королевским дворцом в Неаполе (1840-е гг.)*

УДК 00(471:450)
ББК ж(2Рос+4Ита)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Опасаясь, что мой текст может показаться читателю скучным, но такова необходимая ретроспектива, своего рода краткий и почти нотариально заверенный отчет о долгом и, как будет сказано, временами даже тернистом итало–российском маршруте, который мог бы даже прерваться. Считаю правильным и уместным вспомнить далекие эпизоды, которые привели к новаторскому предприятию: вспомним людей, которые решили сотрудничать, преодолевая тысячи километров из России в Италию и наоборот, дабы обменяться знаниями и опубликовать результаты своих исследований.

1. Как возникла серия конференций «Италия–Россия»

Следует вернуться к 13 апреля 2006 г., когда после процесса, длившегося около двух лет, было подписано «Соглашение о сотрудничестве и академических обменах» между Неаполитанским университетом «Федерико II» (исторический факультет) и Российской Академией наук (Институт всеобщей истории). В «Соглашении», для достижения общих целей и в соответствии с принципом взаимности, предусматривалась организация конференций по проблемам, представляющим общий интерес для двух учреждений (статья 2), при этом обе договаривающиеся стороны обязывались изыскивать адекватное финансирование, которое позволило бы достичь предложенные цели (статья 3).

Именно в таких нормативных рамках 14 сентября 2007 г. в Неаполе, по адресу Via Marina 33, на седьмом этаже одного из зданий университета «Федерико II», состоялась встреча

руководителя Центра по изучению истории религии и Церкви ИВИ РАН Е.С. Токаревой с заведующей кафедрой исторических дисциплин проф. Ренатой Де Лоренцо, а также с Антонио Надзаро и Андреа Милано, профессорами той же кафедры университета «Федерико II». Именно на той встрече было запланировано проведение конференции в Неаполе 9–10 октября 2008 г. на тему «Италия–Россия. Культурные и религиозные встречи в XVIII–XX веках». Таким образом, впервые в истории древняя Alma Mater Studiorum Federiciana (один из старейших университетов в Европе) и академическое научно–исследовательское учреждение России взялись за продвижение международной инициативы, пригласив к участию известных итальянских и российских специалистов. После интенсивной серии телефонных и электронных консультаций между профессором Андреа Милано, на которого была возложена организационная задача, и руководителями ИВИ РАН, были приглашены докладчики с обеих сторон для проведения первой конференции.

Для того чтобы проинформировать СМИ о планируемой конференции, 18 сентября 2008 г. в Культурной ассоциации «Максим Горький» в Неаполе под председательством бывш. сенатора Луиджи Марино был проведен круглый стол — пресс–конференция. Среди выступавших были монсеньор Газтано Каstellо, декан Папского богословского факультета Южной Италии (секция св. Фомы Аквинского), монсеньор Винченцо Де Грегорио, директор консерватории Сан–Пьетро–а–Майелла в Неаполе, проф. Андреа Милано из Университета «Федерико II» и к.и.н. М.Г. Талалай (тогда житель Неаполя) из ИВИ РАН.

Тем временем, пока готовилась эта конференция, кардинал Крешенцио Сепе, архиепископ Неаполя, был приглашен патриархом Русской Православной Церкви Алексием II посетить Москву с 29 сентября по 3 октября 2008 г. В рамках этого визита кардинал Сепе пригласил проф. Андреа Милано присоединиться к его делегации. Совпадение событий позволило предположить, что различные инициативы — визит кардинала Крешенцио Сепе в Москву и совместная конференция университета «Федерико II» и ИВИ РАН — должны быть каким–то образом связаны между собой. После поездки в Россию кардинал Сепе

решил поблагодарить участников запланированной академической встречи, отдав им «дань уважения» от имени Неаполитанской Церкви. Эта «дань уважения» имела красноречивое значение, особенно если учесть, что сам кардинал ранее согласился стать членом Почетного комитета грядущей неаполитанской конференции вместе с президентом провинции Неаполя Риккардо Ди Пальма и мэром Неаполя Розой Руссо Иерволино.

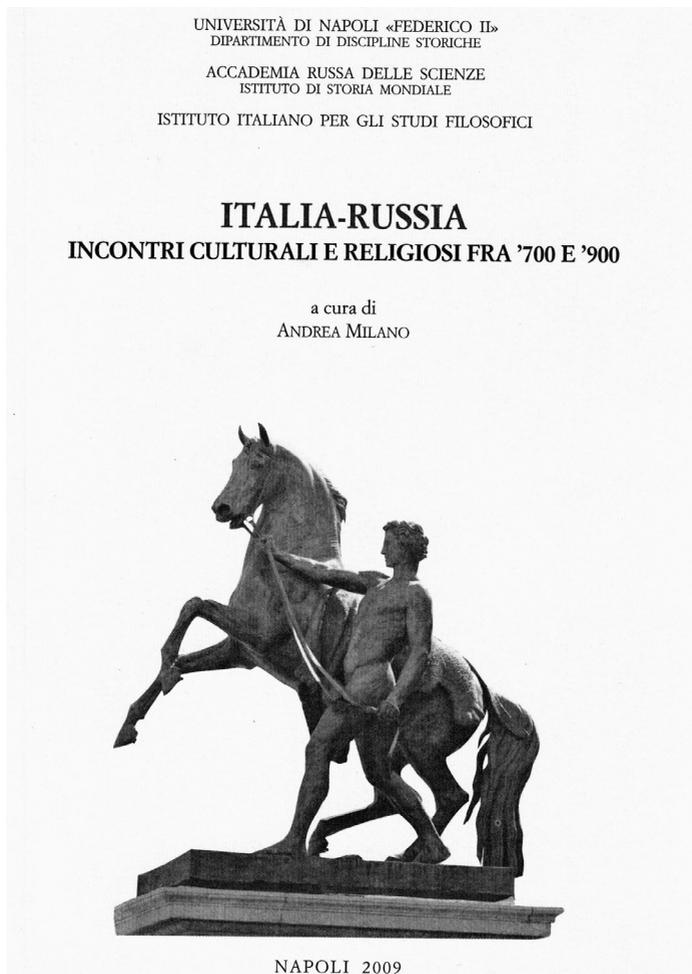
*2. Конференция «Italia–Russia.
Incontri culturali e religiosi tra '700 e '900»
(Неаполь, 9–10 октября 2008 г.)*

В заседаниях Первой конференции «Италия–Россия» приняли участие докладчики не только из ИВИ РАН и университета «Федерико II», но и из различных других российских и итальянских и научных центров и университетов. 9 октября заседания проходили в первой половине дня в историческом Актовом зале (Aula Magna) неаполитанского университета, а во второй половине дня в Актовом зале факультета гуманитарных наук того же университета. На следующее утро сессия конференции прошла в Итальянском институте филологических исследований (Istituto Italiano per gli Studi filosofici) в Неаполе.

Ранним вечером того же дня в капелле св. Ианнуария в неаполитанском кафедральном соборе состоялось уникальное событие. Кардинал Крешенцио Сепе, монсеньор Винченцо Де Грегорио, монсеньор Гаэтано Кастелло, падре Уго Довере, о. Андрей Бойцов говорили на тему мученичества христиан — мученичества св. Ианнуария и российских новомучеников XX века. В интервалах хор и музыканты консерватории Сан–Пьетро–а–Майелла исполняли музыку неаполитанского XVIII века, в том числе произведения Франческо Дуранте, Джулио Каччини, Джованни Паизиелло, Доменико Чимарозы и других, используя старинное фортепиано, подаренное Чимарозе императрицей Екатериной II.

Затем, поздним вечером 10 октября, в Архиепископском дворце рядом с кафедральным собором состоялась презентация первого тома Российской католической энциклопедии,

с докладчиками — Алексеем Юдиным из РГГУ, Евгенией Токаревой и Михаилом Талалаем из ИВИ РАН и доном Стефано Каприо из Папского Восточного института в Риме; модератором выступил проф. дон Андреа Милано. Вечер завершился угощением, предложенным кардиналом Крешенцио Сепе в зале Архиепископского дворца.

Сборник трудов Первой итало–русской конференции
(Napoli, 2009)

Все события, произошедшие на конференции «Италия–Россия» в октябре 2008 г., получили большой резонанс в местной, национальной и даже международной прессе, на радио и телевидении.

Конечно, «Соглашение о сотрудничестве и академических обменах», в первую очередь, относилось к научной сфере, в контексте растущей интернационализации исследований и распространения их результатов. Всё это, однако, не могло не открыть другие измерения, от религиозного до гуманитарного.

Материалы выступлений на конференции «Италия–Россия» 2008 г. под редакцией Андреа Милано были опубликованы в 2009 г. в серии «Материалы конференций и семинаров» (под номером 4) Итальянского института филологических исследований в Неаполе¹. После предисловия самого проф. дона Милано было опубликовано приветствие к участникам конференции от кадинала Крешенцио Сепе, митрополита Неаполя, затем — доклады участников конференции, за которыми следовал фотоальбом.

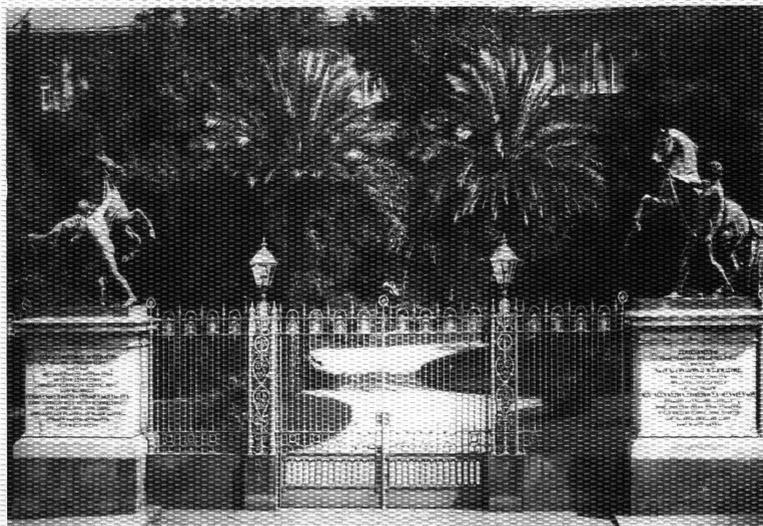
3. Вторая конференция «Россия–Италия» (Москва, 29–30 октября 2009 г.)

Плоды «Соглашения о сотрудничестве и академических обменах» проявились затем 29–30 октября 2009 г. в Москве, в штаб–квартире РАН, где была проведена конференция на заранее установленную тему «Этико–культурные ценности в истории».

Среди обратившихся с приветствиями к участникам конференции, были: Витторио Сурдо, посол Итальянской Республики в Российской Федерации; монсеньор Антонио Менинни, нунций Святого Престола в Российской Федерации; Альберто Ди Мауро, директор Итальянского института культуры в Москве. Профессор Гвидо Тромбетти, ректор университета г. Неаполя

¹ Italia–Russia: Incontri culturali e religiosi tra '700 e '900 / a cura di A. Milano. Napoli: Istituto Italiano per gli Studi Filosofici, 2009. 256 p.

Россия – Италия: этико-культурные ценности в истории

Сборник трудов Второй итало–русской конференции
(М., 2011)

«Федерико II», выступил с первым сообщением на конференции под названием «Наука и будущее», после чего прозвучали доклады итальянских и российских ученых. В конце конференции проф. Гвидо Тромбетти подписал продление «Соглашения о сотрудничестве и академических обменах» между факультетом исторических дисциплин университета «Федерико II» и

ИВИ РАН на следующие три года (2010–2013 гг.). Прошу читателя запомнить эти строки, касающиеся публичного и официального продления международного «Соглашения», подписанного главой университета г. Неаполя, поскольку об этом будет упомянуто и ниже.

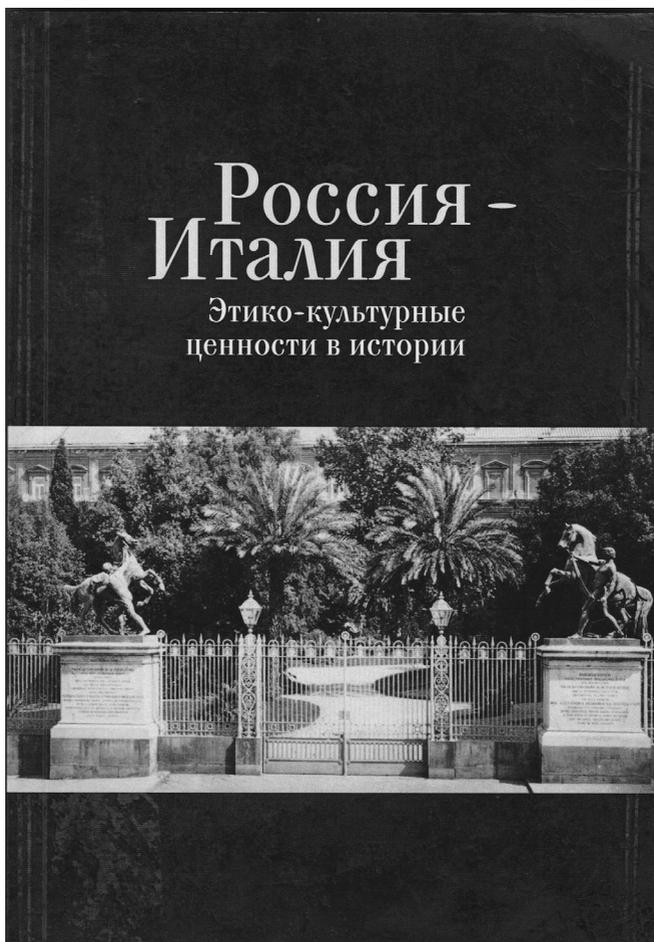
Труды московской конференции, состоявшейся 29–30 октября 2009 г., были собраны, отредактированы и переведены на русский язык Михаилом Талалаем². В предисловии к конференциальному сборнику директор Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьян заявил: «Проведение двусторонних конференций историков России и Италии имеет давнюю традицию, начало которой было положено еще в 1964 г. В советское время встречи историков, находившихся по разные стороны "железного занавеса", были незаурядным событием. В те времена организовать такие совместные встречи могла только одна структура в системе Академии наук — Национальный комитет историков. В советское время всего было проведено девять таких двусторонних конференций. Но времена изменились. После "перестройки" право организовать встречи с зарубежными коллегами имеет каждое научное учреждение в России»³.

Спустя несколько лет российским читателям было предложено расширенное издание трудов той московской конференции⁴. В предисловии редактор–составитель М.Г. Талалай писал: «Сборник трудов нашей итало–русской конференции вышел пять лет тому назад, в издательстве Института всеобщей истории РАН: уверены, что он ввел в научный оборот новые материалы и проблемы. Учитывая, что его статьи, вне сомнения, заинтересуют и широкую отечественную публику, неравнодушную к итальянской культуре и к ее перекличке с российской, мы можем только приветствовать инициативу петербургского Издательства "Алетейя" и его директора И.А. Савкина по переизданию

² Россия–Италия: этико–культурные ценности в истории / под ред. М.Г. Талалая. М.: ИВИ РАН, 2011. 284 с.

³ Там же. С. 5.

⁴ Россия–Италия: этико–культурные ценности в истории / под ред. М.Г. Талалая. СПб.: Алетейя, 2016. 376 с.

Второе, расширенное издание сборника трудов
Второй итало–русской конференции (СПб., 2016)

нашей книги. Для второго издания мы предоставили ее авторам возможность просмотреть и дополнить свои тексты и включили в нее ряд новых статей других авторов — но на том же стыке великих культур Италии и России»⁵.

⁵ Россия–Италия: этико–культурные ценности в истории / под ред. М.Г. Талалая.. СПб.: Алетейя, 2016. С. 10.

4. Третья конференция «Italia–Russia» (Неаполь, 3–4 октября 2011 г.)

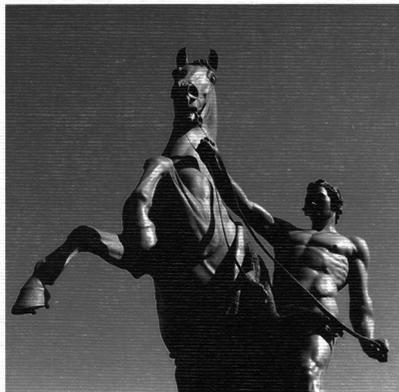
После конференций 2008 и 2009 гг., Третья Международная конференция «Россия–Италия. Культурные и религиозные связи в XVIII–XX веках» прошла в Неаполе 3–4 октября 2011 г. под кураторством А. Милано и М.Г. Талалая. Первая утренняя и вторая дневная сессии в понедельник 3 октября прошли в Актовом зале университета «Федерико II». На следующий день, 4 октября, третья сессия и завершение конференции прошли в Актовом зале факультета гуманитарных наук на виа Порта ди Масса. Согласно международному «Соглашению», всем российским участникам было гарантировано размещение и питание в неаполитанских гостиницах и ресторанах с вечера 2 октября и до завершения конференции.

В свете всего вышеизложенного можно будет понять всю серьезность того, о чем мы сейчас позволяем себе сообщать, хотя для нас это совсем неприятно. Напомним, что Гвидо Тромбетти, ректор университета г. Неаполя «Федерико II», по завершении Второй итало–российской конференции, состоявшейся в Москве 29–30 октября 2009 г., подписал продление «Соглашения о сотрудничестве и академических обменах» между университетом «Федерико II» и ИВИ РАН, на следующие три года 2010–2013. Однако университет «Федерико II» в лице нового ректора, сменившего проф. Гвидо Тромбетти, без каких–либо понятных обоснований, отказался предоставить адекватное финансирование, пусть гарантированное подписанным международным «Соглашением», не только на питание и проживание российских гостей в запланированные дни конференции 3–4 октября 2011 г. в Неаполе, но и на публикацию конференциальных трудов. Не было ли это серьезным нарушением международного «Соглашения»? Однако, несмотря на это, конференция в Неаполе все–таки состоялась, а ее участники были приняты в Италии благодаря благотворителю, оставшемуся анонимным⁶.

⁶ Этим благотворителем был сам профессор дон Андреа Милано. — *Прим. пер.*

РОССИЯ – ИТАЛИЯ

культурные и религиозные связи
в XVIII – XX веках

RUSSIA – ITALIA

incontri culturali e religiosi
tra '700 e '900

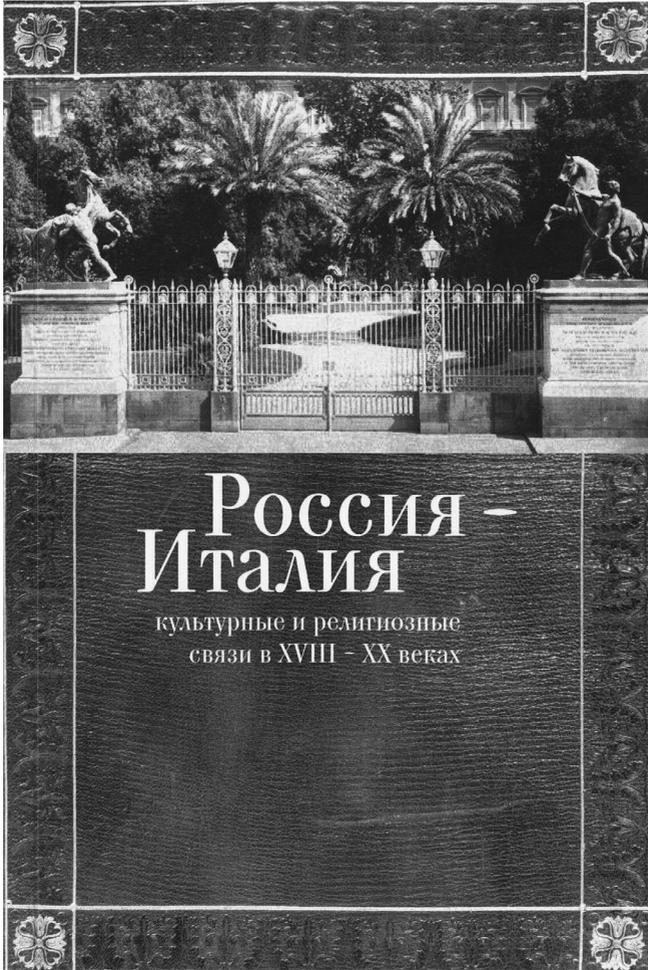

Двуязычное издание сборника трудов
Третьей итало–русской конференции (М., 2013)

ИВИ РАН благородно пожелал взять на себя все расходы по публикации конференциальных трудов, выпустив таким образом двуязычное издание, в весьма оригинальном виде: половину тома заняла русская версия, а вторую половину — в перевернутом виде — версия итальянская⁷. На двух соответствующих обложках представлены две разные фотографии: на обложке итальянской части — фотография статуи Петра Клодта «Укротитель коней», оформляющей угол парадных ворот Королевского дворца в Неаполе; на русской части — фотография аналогичной работы того же скульптора в Петербурге, на Аничковом мосту на Невском проспекте. Спустя год в Петербурге вышло

⁷ Россия–Италия. Культурные и религиозные связи в XVIII–XX веках / под ред. М.Г. Талалая и А. Милано. М.: ИВИ РАН, 2013 (200 с.); Russia–Italia: incontri culturali e religiosi tra '700 e '900 / a cura di A. Milano e M. Talalay. Mosca: IVI RAN, 2013 (190 p.).

второе, расширенное издание трудов Третьей конференции (курьезным образом переиздание Второе конференции произошло позднее)⁸.

Второе, расширенное издание сборника трудов Третьей итало–русской конференции (СПб., 2014)

⁸ Россия–Италия. Культурные и религиозные связи в XVIII–XX веках / под ред. М.Г. Талалая и А. Милано. СПб.: Алетейя, 2014. 258 с.

5. Четвертая итало–русская конференция (Москва, 31 октября–1 ноября 2013 г.)

Несмотря на то, что университет «Федерико II» не выделил необходимые средства для завершения второго трехлетнего периода Международного соглашения, с 31 октября по 1 ноября 2013 г. в Москве прошла Четвертая Международная конференция «Италия–Россия», которой способствовало щедрое гостеприимство Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Московский инженерно–физический институт). Местом проведения конференции был сам НИЯУ МИФИ, а итальянские гости были размещены в квартирах в одном из близлежащих «небоскребов» того же московского университета. Темой новой международной научной конференции стала «Наука и религия: исторические пути и перспективы конвергенции. В преддверии 450–летия со дня рождения Галилео Галилея (1564–1642)». Помимо ИВИ РАН и НИЯУ МИФИ организаторами научной встречи выступили Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия и Итальянский институт культуры в Москве. Открывая конференцию, проректор НИЯУ МИФИ А.И. Петровский обратился к участникам, подчеркнув важность данной встречи как для МИФИ, так и для научного сообщества в целом. С приветственным словом от кафедры теологии НИЯУ МИФИ и Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. Кирилла и Мефодия обратился заместитель заведующего кафедрой теологии иеромонах Родион (Ларионов). От лица ИВИ РАН к присутствующим обратилась Е.С. Токарева, затем прозвучали научные доклады. К сожалению, необходимо отметить, что «Труды» этой конференции не были опубликованы по ряду причин.

6. Пятая конференция «Россия–Италия» (Неаполь, 17–18 мая 2018 г.)

Пришла пора засвидетельствовать, что у истоков «Соглашения о сотрудничестве и академических обменах» стояла Е.С. Токарева. Именно она предложила выяснить у руководства университета г. Неаполя «Федерико II» возможность

заклучения «Соглашения». С тех пор ее мужество и поддержка никогда не ослабевали. Конечно, она нашла полное одобрение у академика А.О. Чубарьяна, директора ИВИ РАН, который направлял различные шаги непосредственных организаторов. Вместе с тем следует признать, что без нее этот маршрут не только никогда бы не начался, но и не раз мог бы прерваться. Есть еще один человек, который заслуживает благодарности: М.Г. Талалай. Его сотрудничество, компетентность, способность к научной работе и оперативное мастерство достойны похвал. Неслучайно, что он вместе со мной является редактором данного тома.

Позвольте добавить, что именно Е.С. Токарева предложила и продвинула новую уже пятую итало–российскую конференцию под названием «Академический диалог».

В июне 2017 г. мне довелось быть в Москве на семинаре в Патриаршем университете святителя Тихона, посвященном проблеме перевода на русский язык моего трактата «Persona in teologia»⁹. За этот самый труд взялись блестящие философы–итальянисты Юлия Иванова и Павел Соколов, которые в итоге достойнейшим образом представили российской аудитории новый богословский сектор (их глубокие статьи, специально для нас написанные, открывают данный сборник).

Хорошо помню, как однажды вечером мы встретились с Евгенией Токаревой и ее мужем Алексеем Комаровым; я же был с одним из моих студентов, д–ром Костантино Рубини. В какой–то момент мы заговорили о возможности проведения новой конференции «Италия–Россия», которая могла бы состояться в Неаполе. Я указал, что уже оставил преподавание «Истории христианства и Церкви» и, следовательно, университет «Федерико II» и, таким образом, пребываю в статусе пенсионера. Е.С. Токарева спросила меня, нахожусь ли я еще в членстве Академии Понтаниана... Несколько удивленный, я пообещал ей, что буду действовать в этом направлении.

⁹ *Милано А.* Ипостась, Лицо, Личность: генеалогия понятия в богословии Древней Церкви / отв. ред. М. Талалай; пер. с итал. и науч. ред. Ю. Иванова, П. Соколов. СПб.: Алетейя, 2019. 548 с.

Когда же я предложил идею новой международной конференции «Италия–Россия» проф. Фульвио Тесситоре, тогдашнему президенту Академии Понтаниана, то встретил у него немедленную и полную готовность осуществить ее, естественно, в рамках устава и правил, которые должны были строго соблюдаться.

В итоге мы тщательно реконструировали академические «прецеденты» итало–российских культурных связей и обменов, прошедшие международные конференции, опубликованные труды: изначальные культурные и научные намерения были возобновлены и вновь запущены на новой конференции под названием «Академический диалог» (Dialogo Accademico) 17–18 мая 2018 г. Ее приняла Академия Понтаниана в своих стенах. Благодаря той же Академии труды, подготовленные в ходе этого мероприятия, вышли в свет на итальянском языке¹⁰.

*Андреа Милано,
ноябрь 2021 г.,
Неаполь*

(перевод М.Г. Талалая)

* * *

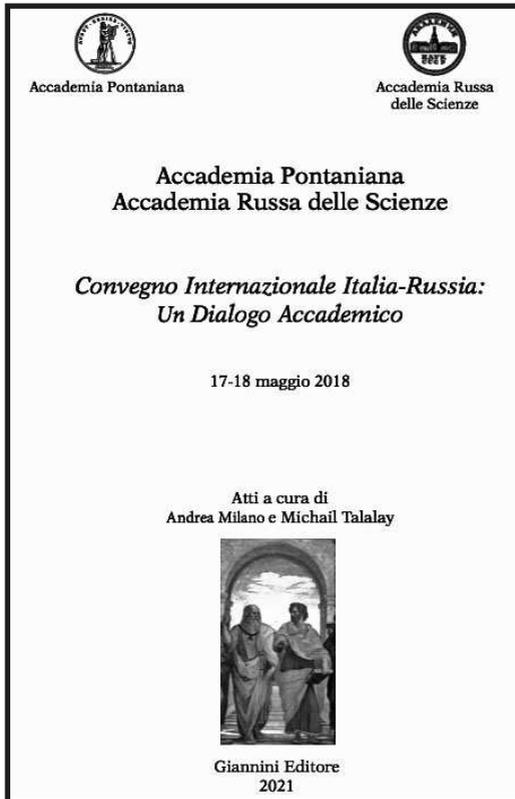
Профессор (и священник) дон Андреа Милано, вне сомнения, являлся протагонистом всех пяти академических итало–российских встреч.

В беседах со своими русскими коллегами он не раз рассказывал об истоках его русофилии — о знакомстве с великой русской культурой (литературой, музыкой, кинематографом) и последующем восхищении. Его священническое призвание привело и к высокой оценке духовного наследия русского Православия — христианский компонент в научных исследованиях для него всегда важен. Это привело его еще к одному предприятию, изданию на русском языке собственных главных богословских

¹⁰ Italia–Russia: un dialogo accademico / a cura di A. Milano e M. Talalay. Napoli: Accademia Pontaniana, 2021.

трактатов: «Женщина и любовь в Библии. Эрос, агапа, личность», «В чем истина. К "критике" теологического разума», «Ипостась, Лицо, Личность: генеалогия понятия в богословии Древней Церкви». Всё вышло в издательстве «Алетейя», и тут следует сказать о возникшем сотрудничестве, переросшем в дружбу с директором этого смелого издательства, Игорем Савкиным и его сплоченным коллективом.

Пятая, заключительная конференция «Италия–Россия», прошедшая 17–18 мая 2018 г. в стенах древней неаполитанской Академии Понтаниана, получила спустя три года свой итальянский сборник.

Сборник трудов Пятой итало–русской конференции
(Napoli, 2021)

Однако, как и прежде, мы решили сделать русскую его версию, используя для ее предисловия текст «Prefazione» проф. дона Андреа Милано. Следует сказать, что наша книга серьезно отличается от итальянской: у нас не было сил и возможности переводить на русский язык ряд докладов итальянских коллег. С другой стороны, мы восполнили этот недостаток публикацией статей тех авторов, которые не присутствовали на той последней неаполитанской конференции, но принимали участие в других наших научных встречах (или же имели новые исследовательские результаты).

Мы поместили на обложку самого первого, итальянского издания конференциальных трудов (Napoli, 2009) изображения *Укротителей коней* Петра Клодта: эти великолепные статуи украшают и Россию, в Петербурге, и Италию, в Неаполе¹¹. По традиции «бег» этих бронзовых коней сопровождает всю серию академических сборников «Италия–Россия», включая и этот, завершающий.

*Михаил Талалай,
ноябрь 2021 г.,
Милан*

¹¹ Две статуи Клодта, украшавшие прежде Аничков мост, перед визитом Николая I в королевство Обеих Сицилий в 1846 г. были сняты с пьедесталов и отправлены морем в Неаполь как подарок королю Фердинанду II.

НАУКА / БОГОСЛОВИЕ

Юлия Владимировна Иванова

АВГУСТИН И АМВРОСИЙ В САДУ ЮПИТЕРА

Вопросы, затронутые в этой статье, по всей видимости, будут сильно выбиваться из общего круга тем книги, составленной монсиньором профессором Андреа Милано. Но однажды, в недалеком прошлом, мне выпала честь быть одним из переводчиков фундаментального труда проф. Милано, увидевшего свет по-русски под названием «Ипостась, Лицо, Личность», — последней книги «русской трилогии», как сам автор называет три своих исследования, переведенных на русский язык¹. И теперь я дерзаю в книге, выходящей в свет благодаря его усилиям и при существенной помощи его русского друга историка М.Г. Талалая, выступить пусть очень скромной, но всё же в каком-то смысле его ученицей и продолжательницей его дела и написать об авторах, которые для проф. Милано, великолепного специалиста по святоотеческой литературе, истории и богословию ранней Церкви, а также тонкого знатока античной литературы и философии, всегда были и остаются ключевыми.

В середине 1990-х гг. круг исследовательских тем для российских гуманитариев неимоверно расширился в сравнении даже с последними годами советского периода — так называемым периодом *перестройки*. Именно в эти годы и позже,

¹ Милано А. Ипостась, лицо, личность. Генеалогия понятия в богословии Древней Церкви. СПб.: Алетейя, 2019. Два первых труда проф. А. Милано, переведенных на русский язык: Милано А. Женщина и любовь в Библии. Эрос, агапа, личность. Пер. с итал. А. Бакулова и М. Талалая / М. Талалая (науч. ред). СПб: Алетейя, 2011; *Он же*. В чем истина: К критике теологического разума. Пер. с итал. А. Бакулова и М. Талалая / митр. Илларион (Алфеев) (предисл.), М. Талалай (науч. ред). СПб: Алетейя, 2016.

в первые десятилетия нынешнего века, сразу несколько десятков молодых ученых продолжили традицию, прерванную после Октябрьской революции, и вернули российскую науку к освоению не только грекоязычного, но и латиноязычного наследия Отцов Церкви, прежде всего — свв. Августина, Иеронима, Амвросия, Илария, Киприана, но также и многих других, современных перечисленным и более поздних церковных писателей латинского Запада. Эта инициатива была поддержана книгоиздательской практикой: вновь увидели свет многочисленные переводы святоотеческих творений, в том числе и латинских, выполненные в XIX в. и в предреволюционные десятилетия. Многие из этих текстов уже были скорее фактами истории перевода, чем подспорьем в изучении патристики, однако их появление в российской интеллектуальной среде, пусть сильно запоздавшее, сыграло существенную роль: с одной стороны, оно удовлетворяло жажду (в начале и середине 1990-х гг. — прямо-таки массовую) причаститься церковной учености, а с другой, воодушевляло новых переводчиков к соревнованию с предшественниками, работавшими в совершенно иной исторической и языковой ситуации и руководствовавшимися глубоко отличными от современных представлениями о переводе. Из литературы ранней Церкви, родившейся на итальянской почве, тогда увидели свет труды Ипполита Римского, Льва Великого, Северина Боэция, Мария Викторина Афра². В сотрудничестве с замечательным филологом — классиком из МГУ Сергеем Александровичем Степанцовым, чья посвященная Толкованиям Августина на Псалмы

² *Ипполит Римский*. Слово против эллинов / вступ. статья, пер. и комм. // Альфа и Омега. 1997. № 13; *Лев Великий*. Слово III на Рождество Господне / пер. и комм. // Альфа и Омега. 2000. № 25; *Марий Викторин*. Против Ария. Книга III. Гл. 4–9 // *Философия религии: Альманах*. Выпуск III. Восточная литература. М., 2011. С. 286–297; *Он же*. «О рождении Божественного Слова», «Против Ария», «Гимны о Троице» (фрагменты) / пер. с лат., комм. // *Святые Отцы и учителя Церкви*. Антология. Том 2. Золотой век святоотеческой письменности (начало IV — начало V вв.) / под общей ред. митр. Волоколамского Илариона. М., 2017. С. 514–532.

диссертация³ была защищена в том же — 2000-м — году, что и моя (по Августиновой экзегезе в «Исповеди», нескольких Шестодневх и «О христианской науке»⁴), мы внесли посильный вклад в множасьее число переводов Иппонийского епископа, дважды издав наш перевод самой важной, III книги «De doctrina Christiana» на русском языке спустя более 100 лет после выхода первого перевода этого труда, выполненного в стенах Киевской духовной академии⁵.

Наследие Августина в России, при всем настороженном отношении местной богословской традиции к предложенным им решениям тринитарных и многих других богословских вопросов, переводилось и исследовалось довольно интенсивно, особенно в сравнении с тем, насколько слаб был интерес ко многим другим латинским авторам первого ряда, — хотя на первый взгляд такая оценка и может вызвать удивление. Конечно, российскую августианину нельзя даже сравнивать ни с одним из национальных корпусов исследований Августина, сложившихся в Западной Европе и Новом Свете. Но и в нашей августианине есть интересные явления — и есть даже обобщающие работы, анализирующие состояние исследований трудов Августина в различных академических сообществах России и в разные периоды русской истории. Так, сравнительно недавно по итогам работы двух конференций, состоявшихся в Православном Свято-Тихоновском университете в 2013 и 2014 гг., был издан очень информативный сборник «Блаженный Августин и августинизм в западной и восточной традициях». В вошедших в него

³ Степанцов С.А. Семантика высоты в экзегезе Августина (на примере толкований на Песни восхождения. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2000.

⁴ Иванова Ю.В. Поэтика «Исповеди» Аврелия Августина в контексте христианской литературы IV века. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2000.

⁵ Трактат Аврелия Августина «О христианской науке». Пер. с лат. Ю.В. Ивановой и С.А. Степанцова // Культура интерпретации до начала Нового времени / под ред. О.С. Воскобойникова и Ю.В. Ивановой. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 125–166 (предварительная публикация: *Августин Аврелий*. «О христианской науке» / Ю.В. Иванова (пер. с лат., комм.), С.А. Степанцов (вст. ст., пер. с лат.) // *Arbor mundi — Мировое древо*. № 11. 2004. С. 149–198).

работах М.А. Корзо, прот. Павла Хондзинского и Н.Ю. Суховой перечислены и проанализированы многочисленные факты переводов и исследований отдельных сочинений Августина в русскоязычной среде от конца XVI в. вплоть до последних предреволюционных лет⁶. Особенный интерес представляет изложение российской «повседневной августианы» — систематизация эпизодов обращения к наследию Иппонийского епископа в студенческих работах и кандидатских диссертациях, создававшихся с середины XIX в. до падения Российской империи в высших духовных школах. Сейчас этот сборник доступен любому заинтересованному читателю в сети Интернет, поэтому мы почти не коснемся упомянутых в нем фактов. Перед тем, как перейти к конкретному «августиновскому» вопросу, собственный ответ на который мы и надеемся предложить в этой статье, мы лишь очень кратко охарактеризуем состояние исследований Августина в России на протяжении советского и постсоветского периодов.

Следует отметить, что наследием Иппонийского епископа, и в частности, «Исповедью», интересовались в России — что естественно — в основном богословы и историки философии. И хотя в принадлежащих им работах иногда затрагивается филологический аспект творчества Августина, однако нам известны лишь очень редкие случаи, когда бы внимание отечественных ученых привлекала филологическая сторона его сочинений — особенности языка, композиции, образный ряд, аллюзии и реминисценции из классической античной литературы и ранних церковных писателей. Это тем более удивительно, если

⁶ Корзо М.А. Блаженный Августин в религиозной книжности Киевской митрополии конца XVI–XVII вв. // Блаженный Августин и августинизм в западной и восточной традициях / под ред. М.В. Дмитриева, прот. П. Хондзинского, Н.Ю. Суховой. М.: Издательство ПСТГУ, 2016. С. 176–192; прот. Павел Хондзинский. «Тринитарная Церковь»: блаженный Августин и русская экклесиология середины XIX в. // Блаженный Августин... С. 193–202; Сухова Н.Ю. Изучение наследия блаженного Августина в высшей духовной школе России (вторая половина XIX — начало XX в.) // Блаженный Августин... С. 211–231. См. также: прот. Павел Хондзинский. Блаженный Августин в русской духовной традиции XVIII в. // Вестник ПСТГУ I: Богословие, философия. 2011. Вып. 1 (33). С. 22–36.

учесть, что уже в 1990–е гг. «Исповедь» стала у нас неотъемлемой частью программ по зарубежной (средневековой) литературе филологических факультетов многих государственных университетов.

В последние десятилетия XIX — начале XX вв. едва начавшая складываться российская исследовательская августианина (согласно данным, приведенным Н.Ю. Суховой, первые посвященные Августину научные работы были написаны в российских духовных школах в 1860–е гг.) пополняется сразу несколькими чрезвычайно яркими сочинениями. Это до сих пор не утратившая своей актуальности работа Е.Н. Трубецкого «Религиозно–общественный идеал западного христианства в V–м веке» (1892)⁷, книга В.И. Герье «Блаженный Августин» (1910)⁸, удостоившаяся весьма критического отзыва Н.Н. Глубоковского⁹, работа П.И. Верещацкого «Плотин и бл. Августин в их отношении к тринитарной проблеме» (1911)¹⁰, монография В.З. Белоликова «Литературная деятельность бл. Августина против раскола донатистов» (1912)¹¹ и, наконец, двухтомное исследование «Личность и учение бл. Августина» И.В. Попова (1917)¹².

Трудом И.В. Попова заканчивается первый, досоветский период русской августианины. Вновь имя Августина возникает в светской печати лишь полувеком позже¹³. Однако нельзя не

⁷ *Трубецкой Е.Н.* Религиозно–общественный идеал западного христианства в V–м веке. Ч. 1. Мирозерцание Блаженного Августина. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1892.

⁸ *Герье В.И.* Блаженный Августин. М.: Т–во Печатня С. П. Яковлева, 1910.

⁹ *Глубоковский Н.П.* Отзыв о сочинении В.И. Герье: «Блаженный Августин», Москва. 1910 г., составленный проф. Н.Н. Глубоковским. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912.

¹⁰ *Верещацкий П.И.* Плотин и блаженный Августин в их отношении к тринитарной проблеме // Православный собеседник. 1911. № 7–8. С. 171–197; № 9. С. 305–328.

¹¹ *Белоликов В.З.* Литературная деятельность бл. Августина против раскола донатистов. Киев: Тип. АО «Петр Барский в Киеве», 1912.

¹² *Попов И.В.* Личность и учение бл. Августина, т. I, ч. 1–2. Сергиев Посад: Тип. Свято–Троицкой Сергиевой Лавры, 1916–1917.

¹³ Исключение представляет только работа Г.Г. Дилигенского, где текст проповедей Августина используется как источник сведений по экономической

упоминать о событии, которое, пожалуй, можно считать одним из центральных в истории российской рецепции наследия Августина. Самый читаемый сегодня перевод «Исповеди» создается ученицей Ф.Ф. Зелинского, М.И. Ростовцева, И.М. Гревса Марией Ефимовной Сергеенко (1891–1987) в 1941–1945 гг., во время Великой Отечественной войны, в течение которой она не покидает Ленинграда, оставаясь там и во время блокады и не прекращая своей работы¹⁴. Можно предположить, что ленинградская античница, в 1942 г. отказавшаяся от эвакуации, перешедшая с кафедры классической филологии ЛГУ преподавать латынь в 1-й Ленинградский медицинский институт, готовивший врачей для фронта, и в 1943 г. защитившая докторскую диссертацию по совокупности своих многочисленных статей о сельском хозяйстве в Древнем Риме, переводила «Исповедь» практически без надежды увидеть ее напечатанной. Перевод ее будет издан в православном церковном журнале «Богословские труды» лишь в 1978 г., спустя почти тридцать лет после его завершения, да и то, в соответствии с требованиями цензуры, анонимно. Вероятно, издание русскоязычной «Исповеди» в конце 1970–х гг. стало возможным отчасти потому, что к этому времени М.Е. Сергеенко уже находилась на пенсии и была неуязвима для антицерковных государственных органов — она оставила свое последнее место работы, Институт истории АН СССР, в 1974 г. в возрасте 85-ти лет.

Однако с 70-х гг. — последовавшего за хрущевской «оттепелью» периода «социализма с человеческим лицом», — имя Августина стало время от времени появляться и на страницах светской печати. Статьи о нем именно с тех пор включаются в пособия по средневековой философии¹⁵, выходят в свет работы

и политической истории; но проблематика этой работы никак не связана с нашей темой (*Дилигенский Г.* Северная Африка в IV–V веках. М., Изд. АН СССР, 1961).

¹⁴ О М.Е. Сергеенко см.: *Гаврилов А.К., Казанский Н.Н.* К 100-летию М.Е. Сергеенко // *Вспомогательные исторические дисциплины.* 1993. Вып. 24. С. 316–329.

¹⁵ Речь идет о пособиях *Соколов В.В.* Средневековая философия. М.: Высшая школа, 1979; *Майоров Г.Г.* Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М.: Мысль, 1979. С. 181–340.

А.А. Гаджикурбанова, А.А. Столярова, В.В. Бычкова¹⁶. Но интерес к Августину в среде литературоведов по-прежнему невелик: речь о нем идет лишь на нескольких страницах изданной в 1972 г. «Средневековой латинской литературы Италии» И.Н. Голенищева–Кутузова¹⁷; филологических аспектов наследия Иппонийского епископа касается архиеп. Волоколамский Питирим в своей статье 1976 г. «О блаженном Августине»¹⁸, предваряющей целую серию переводов сочинений Августина, опубликованных в последующие годы в «Богословских трудах» (среди них — и перевод «Исповеди» М.Е. Сергеенко; многие другие переводы из Августина были сделаны тоже ею)¹⁹. Очень краткие, хотя и чрезвычайно интересные и точные, ремарки, касающиеся «Исповеди», рассеяны по страницам сочинений М.М. Бахтина. Единственная работа на русском языке, целиком посвященная филологическому анализу произведения Августина, — это вышедшее в 1989 г. исследование Н.И. Григорьевой, в котором не только обобщены многие достижения западного августиноведения, но и предвосхищаются тенденции, которые будут развиты в трудах европейских ученых в 1990–е гг.²⁰

В последнее десятилетие XX в. интерес к творчеству Августина в России резко возрастает: об этом свидетельствует количество

¹⁶ Гаджикурбанов А.А. Августин и академический скептицизм // Из истории западноевропейской культуры. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 53–66; Бычков В.В. Эстетика блаженного Августина. М.: Искусство, 1983; Столяров А.А. Аврелий Августин. Жизнь, учение и его судьбы. // Аврелий Августин. Исповедь. М.: Ренессанс, 1991. С. 5–50.

¹⁷ Голенищев–Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. М.: Наука, 1972. С. 62–98 посвящены литературному наследию Амвросия Медиоланского и Августина.

¹⁸ Питирим, архиеп. Волоколамский. О блаженном Августине // Богословские труды. М., 1976. № 15. С. 3–24.

¹⁹ Аврелий Августин. Исповедь / пер. с лат. М.Е. Сергеенко, вступ. статья А.А. Столярова. М.: Ренессанс, 1991.

²⁰ Григорьева Н.И. Жанровый синтез на рубеже эпох: «Исповедь» Августина // Она же. Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. М.: Наука, 1989. С. 229–276. См. также: Григорьева Н.И. О поэтике «Исповеди» // Она же. Блаженный Августин. Исповедь. М.: ГЕНДАЛЬФ, 1992. С. 507–541.

изданий сочинений Иппонийского епископа, снабженных обширными комментариями. Так, первое же постсоветское издание «Исповеди» (1991) сопровождается вступительной и заключительной статьями А.А. Столярова, представляющими собой небольшие, но весьма содержательные очерки основных философских и филологических проблем исследований творчества Августина. В этом же году выходит философско-публицистическая книга В.Л. Рабиновича²¹: один из ее разделов посвящен «Исповеди» — произведению, создание которого, по мнению автора, явилось поворотным моментом в истории европейской культуры. В 1993 г. опубликована работа Л.М. Баткина «"Не мечтайте о себе" (О культурно-историческом смысле "Я" в "Исповеди" Августина)» — попытка культурологического (в том смысле, который вкладывали в этот термин культурологи школы РГГУ) исследования раннесредневекового персонализма²². В 1995 г. увидело свет полное, без цензурных купюр, издание «Aesthetica patrum» В.В. Бычкова, в котором более двухсот страниц занимает раздел, посвященный философской эстетике Августина²³. Книга В.В. Бычкова впервые издавалась в начале 1980-х гг.: ее нелегкую судьбу тех лет — борьбу с цензурой, письма в издательство от атеистически настроенных «читателей», усмотревших «протаскивание» богословской проблематики под фиговым листком эстетической и философской терминологии, — автор описывает во введении к изданию 1995 г. В 1998 г. появилась посвященная анализу литературной исповеди работа М.С. Уварова «Архитектоника исповедального слова», в одном из разделов которой «Исповедь» Августина рассматривалась, в первую очередь, с точки зрения ее жанра²⁴. Наконец, свидетельством тому, что Августин обрел значимое место в русскоязычной интеллектуальной культуре,

²¹ Рабинович В.Л. Августин // Рабинович В.Л. Исповедь книгочех, который учил букве, а укреплял дух. М.: Книга, 1991. С. 197–287.

²² Баткин Л.М. «Не мечтайте о себе» (О культурно-историческом смысле "Я" в "Исповеди" бл. Августина). М.: Изд-во РГГУ — ИВГИ, 1993.

²³ Бычков В.В. Aesthetica Patrum. М.: Ладомир, 1995.

²⁴ Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова. СПб.: Алетейя, 1998. С. 39–60.

стало издание в 2002 г. коллективной монографии «Августин: pro et contra», в которой собраны сочинения классиков русской и советской философии — Е.Н. Трубецкого, А.И. Бриллиантова, о. Сергия Булгакова, Л.П. Карсавина, В.Н. Лосского, прот. Иоанна Мейендорфа, А.Ф. Лосева, С.С. Аверинцева, В.В. Бычкова²⁵. Заметим, что до и после Августина героями серии «Pro et contra» становились такие ключевые для русской культуры фигуры, как А.С. Пушкин, М.И. Кутузов, В.И. Иванов, И.А. Бунин, М.А. Булгаков, российские императоры Павел I, Александр II, Александр III, Николай II, из зарубежных авторов — Данте Алигьери, Джованни Боккаччо, Бенедикт Спиноза, Жан-Жак Руссо.

На протяжении последних десятилетий количество научных работ, отмеченных присутствием Августина в качестве главной или, во всяком случае, одной из центральных фигур, исчисляется десятками, и даже пытаться сказать обо всех них в одной небольшой статье просто бессмысленно. Как автор одной из первых кандидатских диссертаций об Августине, могу засвидетельствовать, что и до появления «всемирной паутины», используя только литературу, содержащуюся в библиотеках Москвы и Петербурга, российский исследователь мог изучить наследие Иппонийского епископа вполне основательно: найти в наших библиотеках многие классические работы по Августину и другим церковным писателям античности и Средневековья на основных европейских языках не составляло труда. Однако возможность использования электронных ресурсов, конечно, должна была распахнуть перед всеми учеными, и вовсе не только «августинистами», новые горизонты. В этой статье, спустя много лет возвращаясь к одному из центральных эпизодов «Исповеди» — сцене обращения главного героя в миланском саду, — я впервые предлагаю вниманию читателя собственные размышления почти двадцатипятилетней давности и хочу заново перепроверить свои выводы, взглянув на них из новой перспективы, открывшейся благодаря знакомству с идеями

²⁵ Августин: pro et contra / под ред. Р.В. Светлова и В.Л. Селиверстова. М.: РХГА, 2002.

многих поколений исследователей Августина, чьи работы ныне доступны в многочисленных электронных библиотеках.

* * *

Вкратце напомним обстоятельства, в которых разворачивается повествование автора «Исповеди» о собственном окончательном обращении к истинной религии. Оно происходит внезапно после многих лет, проведенных сначала в еретических заблуждениях, а затем — в сомнениях в своей способности выдержать требования к строгости жизни, о которых неустанно твердила будущему христианину его совесть даже в те времена, когда он был еще далек от присоединения к Церкви (Conf. VIII, 1.2; 5.10–12; 7.17–18; 9.21). Отчасти под влиянием матери—христианки, отчасти — прислушиваясь к общественному мнению, Августин знакомится с епископом Медиолана Амвросием. Амвросию суждено стать для Августина высочайшим авторитетом и учителем. В некоторых отношениях он располагал познаниями, превышающими эрудицию Августина: в частности, он свободно читал по-гречески, а значит, мог знакомиться с написанными на этом языке сочинениями языческих философов и христианских богословов в подлиннике, тогда как Августин признается в своей нелюбви к греческому языку — по всей видимости, он не мог разбирать греческие тексты, не прибегая к их латинским переводам (зато мы можем предположить, что именно трудности в освоении чужой речи сделали Августина одним из самых интересных философов языка его эпохи, причем еще в ранний период его философской и богословской работы — подтверждениями тому служат сочинения «Об учителе», «Против академиков», «О диалектике»; из более поздних трудов нельзя не упомянуть трактат «О христианской науке»). Амвросий знал (и использовал в своих трудах) сочинения платоников, которые Августин научился ценить задолго до знакомства с ним. Епископ Медиолана был не только прекрасным ритором, искусно управлявшим настроениями паствы, но и виртуозным библейским экзегетом, способным вчитывать плоды языческой философии в тексты Священного Писания. Наше предположение состоит в том, что

именно эта сторона учености и дарований Амвросия, имевшая особую важность для Августина как экзегета во всё время его служения христианской Церкви, сказала и в литературно-символическом оформлении знаменитой сцены в миланском саду.

Напомним, что сцена эта начинается в 8-й главе VIII книги «Исповеди», затем прерывается патетическими описаниями тяжкого раздора в душе главного героя, его молитвами об обретении веры и сил, которые позволили бы ему наконец отказаться от прежней жизни, чтобы последовать Христу (гл. 9–11). Сцена обращения достигает кульминации и заканчивается в последней, 12-й главе VIII книги. В 8-й главе Августин, потрясенный услышанным им рассказом о внезапном обращении в христианство двух агентов тайной полиции в результате их случайного знакомства с житием св. Антония Великого, обращается к другу Алипию с горькими сетованиями на то, что обращение без терзаний доступно простым, необразованным людям, в то время как люди ученые страдают раздвоенностью и слабостью духа и скептически относятся к собственной способности следовать церковной дисциплине. Это ощущение слабости, заявляющее о себе одновременно с сильнейшим религиозным порывом, повергает Августина в испуганное волнение, он физически страдает от нравственного раздвоения и стремится справиться с овладевшими им чувствами. Не в силах находиться в четырех стенах, он выбегает из жилища и устремляется во внутренний сад имения. В саду он простирается «под какой-то смоковницей» и, проливая потоки слез, взывает к своему Создателю, умоляя даровать ему веру и силы, чтобы встать на путь чистой жизни. Внезапно герой слышит «голос из соседнего дома... будто мальчика или девочки», который повторяет нараспев слова: «Возьми, читай!». Он задается вопросом, доводилось ли ему слышать эти слова в какой-то детской игре, и не может припомнить ничего подобного, но следует призыву ребенка — возвращается на место, где прежде оставил книгу апостольских Посланий, открывает ее наугад и читает два стиха (Рим. 13:12–13), после чего — совершенно неожиданно, то есть явно мистическим образом — «мир и покой» воцаряются наконец в его сердце. Судьба его отныне решена — он навсегда становится членом Христовой Церкви.

Сцена в саду многократно привлекала внимание исследователей, что вполне естественно. Ведь именно здесь один из самых чтимых Отцов Церкви предстает человеком, обуреваемым теми же сомнениями и страстями, что присущи многим и многим людям, желающим и боящимся последовать за Христом. И вместе с тем, здесь же Августин свидетельствует о собственном обращении как чуде — даре Божиим после долгих мук. И за одним чудом очень скоро следует второе: обращение его лучшего друга Алипия, вселяющее надежду в сердца и умы всех нестойких в вере, но ищущих ее.

В сцене в саду Августин постоянно пользуется тем приемом, который Жан Фонтен назвал *взаимной метафорой* (*métaphore mutuelle*)²⁶: реалистические детали, едва возникая, превращаются в его повествовании в символы, но, как только читатель осознает, что какая-то реалья требует от него символического истолкования, — как она тут же погружается обратно в реалистический контекст и становится частью бытового окружения героя. Альтернатива бытовой и символической функций одних и тех же образов в речи Августина происходит непрерывно — в этом и состоит его искусство удерживать в одном рассказе сразу два плана повествования: реалистический и аллегорический.

Нетрудно, обладая самым скромным знанием текстов Св. Писаний, соотнести некоторые образы сцены обращения с библейскими контекстами. Сад — это и Эдем, насажденный Богом на земле для Первого человека, и Гефсиманский сад, где в слезах и тоске молился Спаситель. Смоковница — это и райское дерево из книги Бытия, и смоковница в винограднике, которую Хозяин грозит срубить за то, что она не приносит плодов (Лк. 13:6–9), и смоковница, проклятая Спасителем (Мф. 21:18–22; Мк. 11:12–14 и 20–21), но главное — это смоковница Нафанаила (Ин. 1:43–51). И герой «Исповеди» здесь — Адам, которому суждено терпеть муки после изгнания из рая, но он же — как мы понимаем благодаря упоминанию смоковницы — и Нафанаил, которому уготовано спасение: человек,

²⁶ См. его статью: *Fontaine J. Genres et styles dans les «Confessions» de saint Augustin // Information littéraire. 1990. P. 13–20.*

принадлежащий к богоизбранному народу, «израильтянин, в котором нет лукавства», следующий отмеченному еще в книгах Ветхого Завета обычаю молиться, находясь «под смоковницею своею» (3 Цар. 4:25; Мих. 4:4), в спокойствии и смирении духа, — когда он «был под смоковницей», увидел его Иисус.

Однако аллюзии в сцене в саду значительно сложнее, и Писание здесь не просто интерпретирует само себя: образы этой сцены отсылают не только к библейским текстам, но и к ключевым текстам греческой языческой философии. Первой на ум приходит сцена в саду, написанная почти за тысячу лет до Августина: это, конечно, сцена из Платонова «Пира». Усмотреть эту аллюзию несложно, более сложно ее развить. Связь между Августином и Платоном через сцену в саду отмечает, в частности, канадская исследовательница Марджори О'Рурк Бойль, которая предлагает очень подробное рассмотрение этой сцены «Исповеди» в контексте как сочинений самого Августина, так и произведений других авторов, входивших в круг его чтения. Удивляет при этом, что исследовательница не указывает ни на каких посредников между Платоном и Августином, кроме Плотина²⁷, в то время как участие в Августиновой рецепции Платона и Плотина такого знатока их сочинений, как св. Амвросий, на наш взгляд, заслуживает особого внимания. Впрочем, и рецепция библейской образности, которую мы в изобилии наблюдаем в сочинениях Августина, и восприятие текстов Библии, как можно убедиться, рассматривая отдельные яркие образы и сцены библейского происхождения в его трудах, тоже в некоторой степени предопределены экзегезой Амвросия.

Близость книг «Исповеди», повествующих о юности Августина, к притче о блудном сыне (Лк. 15) отмечена Ж. Фонтеном²⁸. Действительно, читая «Исповедь», мы неоднократно обнаруживаем не только аллюзии, но и цитаты из Евангелия от Луки²⁹. Однако такая аналогия нуждается в уточнении:

²⁷ *O'Rourke Boyle M.* Augustine in the Garden of Zeus: Lust, Love, and Language // *The Harvard Theological Review.* 1990. Vol. 83. № 2. P. 117–139.

²⁸ *Fontaine J.* Op. cit.

²⁹ См., например: II, 2, 2; II, 10, 18; III, 6, 11; IV, 16, 30.

есть основания полагать, что евангельский текст был воспринят Августином сквозь призму амвросиева комментария, составленного в 387 г. 24 апреля этого года, накануне праздника Воскресения Христова, от Амвросия принимает крещение Августин.

Подобно герою притчи, Августин видит себя отошедшим от Господа «в дальнюю страну, чтобы расточить всё на блудные страсти» (IV, 16, 30). «Воистину, издерживает наследство тот, кто уклоняется от Церкви», — гласит *Expositio* Амвросия [пер. наш — Ю.И.]³⁰. Медиоланский экзегет заботится о правильном, символическом понимании евангельского образа: он подчеркивает, что «уклонение от себя» — результат следования пагубным пристрастиям и отвержения Христа; духовное же обособление страшнее множества физических границ. Ему вторит голос Августина: «Не в пространстве: мы отходим от Тебя и приходим к Тебе не в пространстве».

Амвросий обращается к любимой им книге пророка Исаии и, соединяя сказанное в ней с евангельской притчей, заключает, что «страна удаленная», о которой мы читаем у Луки, «есть тень смерти». Возможно, этот образ — еще один источник знаменитой *regio dissimilitudinis*³¹ — в связи с нею комментаторы Августина обычно вспоминают только имя Плотина.

Голод, который приходится терпеть неразумному сыну в чужой стране, Амвросий понимает как «алкание не яств, но дел чести и доблести» (col. 1463). Уделом того, кто не умеет насытиться нетленной пищей божественной мудрости, кто покинул «вершину небесного богатства», становится вечный голод, «плачевнейшая скудость», ибо «ничем не удовлетворяется расточительная похоть» — не это ли чувство испытывал юный Августин во время своего пребывания в Карфагене?³²

³⁰ *Ambrosius Mediolanensis. Expositio Evangelii secundum Lucam Libris X comprehensa // PL 15. Col. 1462.*

³¹ Страна несходства, область неподобия.

³² «Я еще не любил и любил любить и в тайной нужде своей ненавидел себя за то, что еще не так нуждаюсь. Я искал, что бы мне полюбить, любя любовь: я ненавидел спокойствие и дорогу без ловушек. Внутри у меня был голод по внутренней пище, по Тебе Самом, Боже мой, но не этим голодом я

Духовный голод влечет молодого Августина в лоно манихейского учения, самые нелепые веления которого он на протяжении многих лет старается исполнять, — тем самым он снова уподобляется несчастному сыну, который, впав в нужду, доверился человеку, пославшему его пасти свиней. В этом персонаже притчи Амвросий видит самого дьявола — он приказывает грешнику сделаться пастухом животных, «обитающих в нечистотах и зловонии», ставших обителями бесов и низвергнутых «в море этого мира».

Блудный отрок просит у своего хозяина бобовых стручков — пищи свиней, которой не гнушается в своем алкании. Здесь, по мнению Амвросия, мы должны узреть символ лишнего действительной пользы честолюбия, «бессмысленного красноречия» (col. 1463), за которое обладающие им надеются снискать рукоплескания, и соблазнов языческой философии — вспомним жажду побед и славы, обуревавшую Августина, когда ему доводилось принимать участие в риторских и поэтических состязаниях³³.

Пройдя через множество испытаний, сын наконец «обращается к самому себе». Голос разума ведет его к Отцу, и он произносит «первую исповедь перед Творцом природы», необходимую, несмотря на то, что Тому, к Которому он пришел, известны все его дела и помышления (этот парадокс — всеведение Господа и необходимость исповеди — неоднократно обсуждается и на страницах «Исповеди»). Отец велит принести ему стóлу — так обозначается облечение мудростью, «которой апостолы покрывают наготу тел <...>, чтобы скрыть несовершенство тела добродетелью духовной мудрости», перстень — «знак искренней веры и выражение истины», и обувь — символ «приготовления (praeparatio)» (или проповеди) Евангелия, направляющего верных «на небесные пути, чтобы не во плоти ходили мы, но в духе» (col. 1466).

томился, и у меня не было желания нетленной пищи не потому, что я был сыт ею: чем больше я голодал, тем больше ею брезговал» (III, 1).

³³ На страницах «Исповеди» Августин неоднократно рассказывает в своем пагубном стремлении к славе: см., например, III, 3, 6; III, 4, 7; IV, 14; VI, 6.

Таким образом, события жизни Августина, раскаявшегося в деяниях и устремлениях своей молодости, принявшего от Отца дар божественной мудрости и непрестанно проповедующего закон Христов, не только оказываются в абсолютном согласии с сюжетом евангельской притчи, но и излагаются автором в соответствии с Амвросиевой интерпретацией этой притчи.

Дважды — в комментарии к Песне Песней и в трактате «О благе смерти» — медиоланский толкователь довольно точно (конечно, переиначивая языческий миф в христианском духе, — прием, популярный в раннехристианской экзегетике) воспроизводит текст сочинения Плотина «Об Эросе»³⁴. Мы подробно охарактеризуем оба означенных фрагмента, во многом определивших, как мы беремся утверждать, композицию одного из важнейших эпизодов «Исповеди».

Плотин вспоминает платоновский миф о происхождении Эрота (Smp. 203b). Боги собираются на пир в честь рождения Афродиты. Порос (сноровка, ловкость, торный путь), присутствовавший на празднике наряду с прочими, охмелев от нектара, вышел в сад Зевса и там уснул. Пения (бедность), просившая подаюния у дверей, решила зачать от него дитя и прилегла к нему. Плодом этого случайного союза и был Эрот.

В интерпретации Плотина содержание мифа трансформируется: Афродита понимается им как душа (ψυχή), Порос превращается в «разум всего» (λόγος τῶν πάντων). Истолкование значения фигуры Зевса/Юпитера требует обращения к другим платоновским текстам, где говорится, что Зевс — «великий вождь» (ἡγεμὼν μέγας; Phdr. 246e), в котором сочетаются царская душа и царский ум (ἐν τῷ διί <...> βασιλικὴν μὲν ψυχὴν, βασιλικὸν δὲ νοῦν; Phlb. 30d). Следовательно, Зевс есть Ум, «а Афродита, его дочь, из него и с ним происшедшая, займет место соответственно душе». Плотин трактует опьянение (буквально — «отяжеление») Пороса от нектара как извне пришедшее к нему

³⁴ *Ambrosius Mediolanensis. Commentarius in Cantica Canticorum* // PL 15. Col. 1547sgg. Русский перевод трактата Плотина, выполненный А.Ф. Лосевым, см. в изд.: *Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм*. М.: Искусство, 1980. С. 492–501.

состояние полноты. Таким образом, «разум этот, появившийся в душе от Ума, влился в его сад (κῆλος), когда родилась Афродита. Всякий же сад есть украшение, роскошное убранство богатства» (κῆλος δὲ λὰς ἀγλαίσμα καὶ πλοῦτου ἐγκαλλώλισμα; Ennead. III. 5, 10). И сад Зевса не что иное, как его «изваянный образ» (ἀγάλματα) и ответ (ἀγλαίσματα), и украшения его — смысловые истечения Ума. Нектар же символизирует «то, что божественное приносит с собою», то есть смысл. Миф повествует, что одновременно с этим душа—Афродита, получающая бытие от Ума, наполняется смысловыми излияниями, когда входит в сад Зевса. Она украшается множеством смыслов, принимая в себя обилие истекающего сверху нектара (Πόρος ἀλὸ τῶν ἄνω ρυέντος τοῦ ἐκεῖ νέκταρος; Ennead. III. 5, 11).

До сего момента Плотин просто более четко прорисовывает для нас картину, созданную Платоном, — и неожиданно он производит смену положений вмещающего и вмещаемого: «Украшения же в ней (душе), как покоящиеся в сфере жизни, называются садом Зевса, и там заснул Порос, отяжелевший от того, чем наполнился».

Амвросий сплетает воедино книги пророка Исаии и Песни Песней. Стих о Сионе — «Се Я начертал Твои стены» — интерпретируется им как мистическое указание на взаимоотношения Бога и человека: «Душа имеет свои стены, из которых выступает и о которых говорит: "Я город крепкий, я город осажденный"» (coll. 1616–1617). Голос Невесты из Песни Песней — «Я — стена, груди мои подобны башням» — Амвросий комментирует так: «Добрые башни имеет душа, заключающая в себе и слово умопостигаемого, и учение нравственное. О ней сказано в Песне Песней как о "достигшей полноты" в глазах Жениха» (Христа и Бога) [пер. наш — Ю.И.] (col. 1616).

Такая душа входит «в сад, который Платон создал себе и называл в одном месте садом Юпитера, в другом — садом Ума. О Юпитере же он говорил как о боге и Уме всего мира. В сад входит душа, именуемая им Венерой, чтобы наполнить себя изобилием и богатствами (abundantia et divitiis) этого сада, в котором, отяжелевший от питья (repletus potu), лежит Порос, изливая (effunderet) нектар» [пер. наш — Ю.И.] (col. 1589).

Душа входит в сад, где застаёт Жениха за беседой с друзьями, и, жаждущая встречи с возлюбленным, призывает Его: «Беги, брат мой...» — ей и самой не терпится подняться над землей, взлететь, вырвавшись из тела, и навсегда покинуть этот мир греха, прилепившись к Жениху—Христу.

В сочинениях Амвросия экзегеза подчинена дидактической задаче — истребить в душе верующего присущий человеку естественный страх смерти. Цель эта не чужда и Плотину, но последний гораздо менее «человечен»: духовный взор философа, которому довелось пережить экстатическое единение с Абсолютным Благом, неподвижен, навсегда прикован к беспримесному сиянию Божества. У Амвросия сама форма произведения, ориентированного скорее на произнесение вслух, чем на чтение, свидетельствует о том, что исполнение долга — наставление паствы — волнует его не меньше богословских истин.

Медиоланский епископ не упоминает имени язычника Плотина — может быть, потому, что авторитет его еще не вырос до размеров платоновского, ведь его эпоха отделена от амвросиевой всего сотней лет; кроме того, Амвросий неоднократно говорит — косвенно или прямо, — что мудростью своей Платон обязан иудеям, у которых ему довелось многое перенять во время длительного путешествия. Но что Платон был воспринят им сквозь призму «Эннеад» — очевидно: вспомним, что в «Пире» нет никаких описаний зевского сада, да и Порос изображается там весьма скудными средствами, а о том, что Афродита входит в означенный сад, вообще нет речи — воспроизводятся только обстоятельства, при которых произошло зачатие Эрота — пир небожителей по поводу рождения богини³⁵.

Амвросий, конечно, сильно сжимает рассуждения Плотина, почти игнорируя диалектическую сторону его интерпретации платоновского мифа. Миф становится аллегорией: наглядный, хорошо запоминающийся образ для медиоланского епископа

³⁵ О еще одном возможном источнике образа сада из «Исповеди» — эллинистическом романе Ксенофонта Эфесского «Повесть о Габрокоме и Антии» — см.: Courcelle P. L'oracle d'Apis et l'oracle du jardin de Milan (Augustin, «Conf.», VIII, 11, 29) // Revue de l'histoire des religions. 1951. Vol. 139. № 2. P. 216–231.

оказывается важнее построения эфемерной иерархии надмирных начал.

Но Амвросий вспоминает еще один сад, основываясь на греческом переводе латинского «hortus» — *парадиз* (παράδεισος), то есть рай, о котором говорится в Книге Бытия. Мы уже наблюдали произведенное Плотиним взаимное обращение сада и Души — Амвросий тоже пользуется этим приемом, ссылаясь на слова Соломона: «Замкнутый сад — сестра моя, невеста». Из райского сада, из парадиза, где сам Бог насадил «древо Жизни, древо Познания добра и зла и другие деревья», надлежит перенести в сад Ума «полноту добродетелей» и укоренить ее в душе, которую Соломон называет садом. «Насколько прекраснее, чтобы душа была украшенным цветами добродетелей садом или имела бы в себе цветущий рай!» [пер. наш — Ю.И.] (col. 1590). Тогда Слово Божье окропит ее небесным дождем, и она, орошенная щедротами, принесет свои плоды.

Вспомним описание психического состояния Августина накануне обращения: потрясение, почти физическая боль от неизбывной внутренней раздвоенности, с одной стороны — уверенность в истинности учения Православной Церкви, с другой — отсутствие сил, необходимых, чтобы следовать ему. Разве не те же чувства владеют Душой–Невестой из Песни Песней? Слова «сыновья матери моей разгневались на меня» Амвросий в своем комментарии объясняет как бунт телесных страстей и соблазнов, не позволяющих Невесте устремиться навстречу Жениху–Христу. Пребывая в своем жилище, она не решается выйти к возлюбленному тогда, когда Он ожидает ее у запертых дверей, взывая к Невесте³⁶.

³⁶ «А юношей я был очень жалок, и особенно жалок на пороге юности; я даже просил у Тебя целомудрия и говорил: "Дай мне целомудрие и воздержание, только не сейчас". Я боялся, как бы Ты сразу же не услышал меня и сразу же не исцелил от этой злой страсти: я предпочитал утолить ее, а не угасить» (VIII, 7, 17). Тема страха героя перед собственным «преображением», т.е. окончательным обращением в православие, становится лейтмотивом VIII книги. Вот один из наиболее ярких примеров ее развития (следует обратить внимание на почти исключительно «пространственное» ее воплощение!): «Я говорил сам себе: "Пусть это будет вот сейчас, вот сейчас", —

Встреча Души с Женихом — Словом должна произойти в саду — том самом, о котором говорили Платон и Плотин и о котором упоминается в книге Бытия. Пристанищем Августина в роковой для него момент также становится сад, но сначала место действия описывается, казалось бы, вполне реалистически: «При нашем обиталище находился садик, которым мы пользовались, как и всем домом, потому что владелец дома, нас приютивший, тут не жил». Противники символического прочтения сцены в саду часто видят в невзрачности этого описания подтверждение своей позиции: это указание на обстоятельства обращения легко ассоциируется с описаниями быта, которые характерны для произведений Августина, — блестящим примером тому может служить рассказ о детстве и юности Моника (Conf., IX, VIII–IX).

Но включение в текст эпизода, кажущегося, на первый взгляд, просто бытовой зарисовкой, «необязательной» и характеризующей ее автора, скорее, как тонкого и остроумного наблюдателя, нежели как великого философа и первооткрывателя истин, которыми и по сей день живет католическая церковь, — чрезвычайно важная, если не сказать — определяющая черта стиля некоторых произведений Августина. Прием эксплуатации незначительных бытовых подробностей и — в итоге — превращения их в основание для изложения существеннейших идей был применен Августином гораздо раньше возникновения самого замысла «Исповеди». Яркой иллюстрацией использования этого приема может служить композиция диалога «О порядке», написанного в 386 г.

Диалог открывается картиной ночного бдения Августина, внимание которого неожиданно привлекает предмет поистине

и с этими словами я уже принимал решение, собирался его осуществить и не осуществлял, но и не скатывался в прежнее: я останавливался, не доходя до конца, и переводил дыхание. И опять я делал попытку, подходил чуть ближе, еще ближе, вот-вот был у цели, ухватывал ее — и не был ближе, и не был у цели, и не ухватывал ее: колебался, умереть ли смертью или жить жизнью. <...> И чем ближе придвигалось то мгновение, когда я стану другим, тем больший ужас вселяло оно в меня, но я не отступал назад, не отворачивался; я замер на месте». (VIII, 11, 25).

ничтожный: шум воды сегодня, как ему кажется, раздается громче и менее равномерно, чем обыкновенно. Августин принимается рассуждать о причине этого явления, когда его приятель, молодой поэт Лиценций, вспугнув докучающих ему мышей, обнаруживает свою готовность вступить в беседу. Между ними завязывается диалог, к которому постепенно присоединяются и другие ученики Августина. Два ничтожнейших факта — расплавленные мыши и изменившая громкость своего падения вода ручья — служат отправными моментами для глубокомысленного рассуждения, результатом которого становится не только открытие собеседниками новых для них истин, но и решительный отказ Лиценция от поэтических занятий и обращение его к философии.

На протяжении диалога «О порядке» Августин еще дважды прибегает к этому приему. Один раз он рассказывает о стычке Моники с Лиценцием, причиной которой послужило пение последним псалма в отхожем месте, возмутившее набожную женщину. Лиценций обращается к Августину в поисках защиты, и наставник выносит свой вердикт, решая спор в пользу друга³⁷.

Последняя зарисовка, включенная в текст диалога, — случайно представшая перед взорами Августина и его собеседников картина петушиного боя — стоит несколько особняком по отношению к другим бытовым сценам, поскольку за нею не следует длительное рассуждение: только в уме Августина возникает несколько вопросов, связывающих увиденное с занимающей его темой.

Итак, в «О порядке», одном из первых в литературной биографии Августина христианских произведений, мы обнаруживаем сразу четыре случая эскалации бытового эпизода в ранг философского символа. Можно ли после всего только что замеченного, анализируя фрагмент «Исповеди», созданной Августинем тогда, когда он мог считаться вполне зрелым писателем, утверждать, что символическая трактовка сцены обращения

³⁷ «Ибо от каких, по-твоему, дел и предметов молимся мы быть обращенными к Богу и увидеть лицо его, как не от некоторой телесной нечистоты и грязи, а также от тьмы, которую несет нам заблуждение?» — Aug. De ord. I, 8.

диссонирует с «намеренно приглушенной», «застенчивой мелодией рассказа»³⁸?

Подводя итоги, мы берем на себя смелость утверждать, что если сцена в саду и может трактоваться реалистически, то аллегорическая ее интерпретация всё же гораздо более актуальна: сближение фрагмента из VIII книги «Исповеди» с двумя разобранными выше текстами Амвросия кажется нам не только правомерным, но и значительно обогащающим читательское восприятие этой кульминационной сцены автобиографического сочинения Августина.

³⁸ Таково мнение М.Е. Сергеенко, изложенное в комментарии к изданию: *Аврелий Августин. Исповедь* / пер. с лат. М.Е. Сергеенко... С. 451.

Павел Валерьевич Соколов

ΤΟ ἜΝΔΟΝ ἜΕΙΔΟΣ:

Марсилио Фичино, Фридрих Крейцер и Алексей Лосев о внутренней форме красоты и «эстетическом воспитании» древних

Всякий гуманитарно–научный или философский текст можно уподобить палимпсесту, однако есть среди оных текстов и такие, которые можно было бы, усилив эту палеографическую метафору, назвать гиперпалимпсестами: так много уровней традиции сосуществуют в них, говоря схоластическим языком, *modo vivo*. Иногда стратиграфия одного небольшого фрагмента позволяет увидеть как бы *in pice* больше напластований смысла, чем изучение увесистых томов. В настоящем очерке мы предполагаем рассмотреть один из таких «гиперпалимпсестов», — небольшой параграф¹ в одном из последних разделов монументальной (десятитомной) «Истории античной эстетики» А.Ф. Лосева (далее — ИАЭ), посвященной, по замыслу автора, истории специфических для античного мира форм выразительности, отношения сущности и формы, пластической артикуляции смысла от архаической эпохи до позднеантичного неоплатонизма. Этот *opus magnum* был последним, самым поздним и масштабным результатом многолетних исследований особого «культурного типа» античности, «спецификума античной культуры»: исследований, разные этапы которых обрели воплощение

¹ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. 7: Последние века. Книга II. М.: АСТ, 2000. С. 362–374.

в работах Лосева начиная с 1920-х гг. На этом пути спекулятивная диалектика и философская эстетика немецких идеалистов сопрягалась у Лосева с феноменологией и диалектическим материализмом², символюлогия романтиков — с новейшими достижениями классической филологии; Крейцер соседствует здесь с Бруно Снеллем³, Шпенглер с Винкельманом, Маркс — с Проклом. Замысел синтеза классической филологии и философии в одном историко-систематическом труде, своим субстратом имеющем древность, видение в языке мифологии ключа к «древнейшей системе человечества», а в философии — ключа к мифологии позволяет безошибочно распознать в проекте Лосева поздний образец романтической спекулятивной мифологии и поставить его в один ряд с такими авторами, как Ф.В.Й. Шеллинг, Фр. Крейцер, Й. Гёррес, Х.Г. Гейне, И.А. Канне или Г. Даумер. ИАЭ, в самом деле, имеет много схожих черт с «Символикой и мифологией древних народов» Крейцера или речью «О божествах Самофракии» Шеллинга; влияние обоих этих авторов на свою философию мифологии, выступавшую в разные периоды под разными именами и наполнявшуюся несколько различным, хотя всегда родственным, содержанием («диалектика художественной формы», «диалектика мифа», «абсолютная мифология», «античная эстетика»), Лосев открыто признавал. Относительно Шеллинга это обстоятельство, конечно, гораздо лучше известно благодаря исследованиям П.В. Резвых; мы позволим себе привести вслед за ним особенно репрезентативную в этом отношении цитату из «Очерков античного символизма и мифологии»:

² Об амбивалентной и до конца неясной роли марксистского языка у Лосева, в частности, в ИАЭ, см.: *Rezvykh P.V. Zwischen zwei Marxismen. Zur Sprache der sowjetischen Philosophie // Was bleibt? Karl Marx heute. Gesprächskreis Politik und Geschichte im Karl-Marx-Haus. Heft 15. Bonn: Friedrich Ebert Stiftung, 2009. S. 342–347.*

³ *Резвых П.В., Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Лосев и Бруно Снелль: к истории переписки и научных контактов // Вопросы философии. 2017. № 10. С. 76–85; Резвых П.В., Тахо-Годи Е.А. Лосев А.Ф. Переписка с Бруно Снеллем. Рецензия на «Словарь раннегреческого эпоса» (Публикация П.В. Резвых и Е.А. Тахо-Годи, перевод П.В. Резвых) // Вопросы философии. 2017. № 10. С. 86–93.*

[В]овсе не Шпенглер, а изучение эстетики Гегеля и Шеллинга привело меня к формуле античности, которую я даю в I очерке этого тома. <...> трехтомные гегелевские «Лекции по эстетике» и шеллинговскую «Философию искусства» я впервые тщательно проштудировал не раньше 1924 г. И должен прямо сказать, это сочинения произвели на меня огромное впечатление. Из них — то я и почерпнул то удивительное понимание античности, которое гениально вскрывает и ее полную специфичность и несводимость ни на какой другой культурный тип и ставит ее в совершенно ясную диалектическую взаимозависимость с другими основными культурно-историческими эпохами. <...> мое понимание специфика античной культуры зависит <...> прежде всего — от гегелевского учения о «символической», «классической» и «романтической» художественной форме и от шеллинговского учения о существовании античного символа и мифа»⁴.

Масштаб и формы влияния Крейцера на Лосева установить гораздо труднее: исследований об этом предмете, как, впрочем, и о рецепции Крейцера, а равно и других *dii minores* немецкой спекулятивной мифологии (Даумера, Бахофена и т.д.) в Российской империи и СССР в целом чрезвычайно мало⁵. Прямых ссылок на Крейцера в опубликованных работах Лосева немного: есть, в общем и целом, только несколько упоминаний в научном «подвале», впрочем, неизменно комплиментарных. Важно, что Крейцер здесь получает позитивную характеристику и как филолог-издатель позднеантичных философов, и как теоретик мифологии⁶. Предсказуемым образом Лосев проявлял интерес

⁴ Цит. по: Резвых П.В. Ф.В.Й. Шеллинг и А.Ф. Лосев: Тезисы к постановке проблемы // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева», Вып. 12. М.: Водолей, 2010. URL: <http://old.losev-library.ru/index.php?pid=6500> (дата обращения 28.09.2021).

⁵ Одно из очень немногих исключений — предисловие Н.В. Брагинской к публикации одного из текстов О.М. Фрейденаберг: Фрейденаберг О.М. К изучению источников Энгельса. Баховен / Предисловие, публикация и примечания Н.В. Брагинской // Русская антропологическая школа. Труды. 2004. Вып. 1. С. 290–294.

⁶ «Тем временем оживал и филологический Плотин. Fr. Creuzer, шеллингианец и с 1804 г. профессор в Гейдельберге, усердно изучал Плотина и в особенности Plot. III 8» (Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы.

и к крейцеровой концепции символа⁷. С проектом истории эстетики имя Крейцера у Лосева впервые связывается, насколько мы можем понять, еще в 1920–е гг.: в протоколе ГАХН от 12 февраля 1925 г. мы читаем, что Комиссия по изучению истории эстетических учений при распределении материала между своими членами поручила именно А.Ф. Лосеву исследование «проблем символа и мифа» у Крейцера⁸.

Однако самый, пожалуй, интригующий случай упоминания имени Крейцера в корпусе трудов Лосева — упомянутый нами выше параграф из заключительной части ИАЭ. Предметом специального анализа в параграфе становится текст, который сам Лосев расценил как единственный в древности «самостоятельный очерк эстетики»: нигде более от Гомера до Дамаския, пишет автор, «мы не можем найти столь ясной и настолько удовлетворительно решенной проблемы прекрасного». Текст этот, как сообщается нам в самом начале параграфа, — «"Трактат о единении и красоте", сконструированный Фр. Крейцером на основе комментария Прокла к "Алкивиаду I"», причем автор замечает, что собственно текст проклова комментария сохранился плохо, «его содержание порой граничит с полной

М.: Издание автора, 1928. С. 205); «Кроме всего этого отмечу еще две замечательные концепции мифа, которые безусловно должны быть приняты во внимание при построении теории мифологии. Это — Fr. Creuzer, Symbolik u. Mythologie d. alten Völker. 1810–121. 1820–242. 4 Bd. Другая концепция принадлежит Зольгеру (Ästh., 136–156), различающему «символ» и «аллегории» (см. ниже прим. 61) и соединяющему первый — с «мифическим», вторую же — с «мистическим»» (Там же. С. 152).

⁷ «Для понятия символа интересны, кроме того, след, работы. Fr. Creuzer, Symbolik u. Mythologie. I–IV. Joh. Voss, Antisymbolik. 1824. R. Hamann. Das Symbol. 1902. L. Platzhoff–Lejeune, Das Symbolische 1902. A. Hompf. Symbolgattungen. 1904. E. Baes. Le Symbole et l'Allégorie. 1900. Th. Schaefer, Über die Bedeutung der symbolischen Kultusformen. 1909. W. Robert. Das ästhetische Symbol. 1906. B. Rüttenauer, Symbolische Kunst 1900» (Там же. С. 153).

⁸ Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920–х годов / Под ред. Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской при участ. Ю.Н. Якименко. М.: НЛЮ, 2017. С. 76 — 77.

бесмыслицей», а потому как первый современный издатель трактата, Фридрих Крейцер, так и сам Лосев воспользовались для реконструкции смысла переводами и комментариями Марсилио Фичино⁹. Таким образом, оказывается, что высшее и наиболее систематически законченное свое выражение античная эстетика обретает в тексте, «сконструированном» спустя много столетий после конца античности немецким филологом XIX века, опиравшимся на флорентийского платоника века XV. Фичино и Крейцер в истории комментария Прокла к первому «Алкивиаду» сыграли ключевую роль: переводы первого открыли его для латинского Запада, второй предпринял первое научное издание этого памятника. Отметим, однако, что Лосева интересует не критическое издание комментария, которое Крейцер выпустил в свет с посвящением Шеллингу в 1820 г., а компиляция из нескольких древних текстов о красоте, изданная немецким филологом в 1814 г. Оценка Лосевым этого небольшого текста удивительно высока:

Методологическая ценность проанализированных у нас формул Прокла при изучении истории античной эстетики огромна и обладает всеми чертами окончательного и завершительного метода. После изучения Прокла историку античной эстетики уже не нужно будет путаться в текстах, трактующих о добре, красоте и справедливости. Нигде в античной эстетике мы не можем найти столь ясной и настолько удовлетворительно решенной проблемы прекрасного. В Прокле, жизнь которого относится к последнему столетию античности, здесь сказался тысячелетний опыт всей античной эстетической мысли, так что благодаря соответствующей концепции Прокла только и можно овладеть методом распознавания эстетического, этического и онтологического начал в античной философии. Методология изучения истории античной эстетики только здесь и получает свою окончательную форму, и на основании этой методологии мы только и можем разобраться в бесконечных и запутанных материалах античной эстетики¹⁰.

⁹ Лосев А.Ф. История античной эстетики... С. 362–363.

¹⁰ Там же. С. 373–374.

Что же это за текст, вобравший в себя опыт многовековой истории античной эстетики? Он¹¹ является частью аллигата, посвященного Крейцером его учителю, Даниэлю Виттенбаху, и состоящего из трех частей (в дальнейшем мы будем именовать его латинской сиглой DP): издания греческого текста с латинским переводом Марсилио Фичино «Эннеад» 1,6 («О красоте»), собственно интересующего нас фрагмента из Прокла, который Крейцер озаглавил «Περὶ ἐνώσεως καὶ κάλλους» (сам Крейцер переводит им же придуманное название на латынь как «Disputatio de unitate et pulcritudine»); Лосев предпочитает переводить его как «О единении и красоте»¹²), а также сочинения византийского философа Никифора Хумна «Антитетик против Плотина о душе». «О единении...» начинается буквально с середины фразы: это свое решение Крейцер обосновывает палеографически — именно с этого места начинается авторитетный Дармштадтский кодекс — а также содержательно, т.к. именно в этой части текста содержатся наиболее важные (*insigniora*) идеи Прокла¹³. В предисловии Крейцер ссылается также на авторитет Марсилио Фичино: если тому было позволено составить по собственному произволению из проклова комментария две тематические подборки, одну из которых он озаглавил «О душе и о демоне», а другую — «О жертвоприношениях и магии», то почему не может этого сделать и Крейцер? Интересна еще одна аналогия, которую приводит Крейцер для своего предприятия: он уподобляет избранный им фрагмент из проклова комментария четвертой сатире Персия, написанной по мотивам платоновского «Алкивиада». Как римский поэт нашел в римской жизни материал для своей философской диатрибы, так и Прокл в платоновском диалоге открыл богатый материал для

¹¹ *Creuzer F.G. Plotini liber de pulcritudine accedunt anecdota graeca: Procli disputatio de unitate et pulchritudine. Heidelbergae: In officina Mohri et Zimmerii, 1814.*

¹² «Plotini liber de pulchritudine, emend. Fr. Creuzer. Heidelbergae, 1814, p. 71–126. Точнее было бы назвать данный трактат "О единении и красоте" или, еще точнее, "О переходе в единичность и о красоте"» (*Лосев А.Ф. История античной эстетики... С. 362*).

¹³ *Creuzer F.G. Plotini liber de pulcritudine... P. 77.*

утонченных рассуждений¹⁴. Характерным образом, как отмечает и Лосев, компиляция Крейцера оказалась впоследствии не востребована в цеху классических филологов — на фоне критических изданий Прокла и Плотина, выполненных позднее самим Крейцером¹⁵ и, почти одновременно с ним, Виктором Кузенком¹⁶ опыт 1814 г. выглядел несколько архаичным.

В пространном латинском введении к своему аллигату Крейцер объявляет главной целью своего предприятия исследование «общего места красоты» (*locus de pulcritudine*) в древности: автор обещает решить весьма амбициозную задачу — реконструировать «тайное учение древних» и показать, каково было отношение (*ratio*) между этим тайным учением и учением о прекрасном самом по себе (или как таковом)¹⁷; подобное исследование, если верить нашему автору, способно также продемонстрировать, сколь «тесные узы» связывают Плотина и Прокла не только с Платоном и Аристотелем, но и с Новым Заветом и с Отцами Церкви¹⁸. Нельзя не видеть в этом замысле нового издания ренессансной историософской конструкции, известной под именем *prisca sapientia*: конструкции, возникновение и обоснование которого связано с именем Марсилио Фичино. Где же, по Крейцеру, следует искать истоки топоса красоты в древности? Прежде всего, в естественном чувстве прекрасного

¹⁴ Ibid. P. 75–76.

¹⁵ *Initia philosophiae ac theologiae ex Platonicis fontibus ducta sive Procli Diadochi et Olympiodori in Platonis Alcibiadem Commentarii* / F.G. Creuzer (ed.). 3 vols. Francfurtis, 1820–1822.

¹⁶ *Proclus. Procli Opera* / V. Cousin (ed.). P.: J.M. Eberhart, 1820–1827.

¹⁷ «Adumbratur ratio, quae inter disciplinam Graecorum arcanam doctrinamque ipsius Pulcri intercesserit, exponunturque fabulae, quas Plotinus et Proclus eodem hoc loco tangunt. Prisco admodum aevo hanc quaestionem, *quid hoc ipsum pulcrum sit*, mature agitari coeptam, credibile fiet ex iis, quae paullo post ex arcana Graecorum disciplina delibabimus» (*Creuzer F.G. Plotini liber de pulcritudine... P. xiv*).

¹⁸ «Nunc quidem in hoc uno libello specimen prodere volo, quo constet, quam arcto vincula contineatur ejus philosophi explicatio non modo cum ipsa lectione Platonis et Aristotelis, sed reliquorum etiam philosophorum omnium. Etiam hoc volui intelligi, quantum invicem sese adjuvant Plotinus et Novi Testamenti scriptores, Paulus praecipue, itemque Ecclesiae Patres christianae» (*Ibid. P. xliii–xliv*)

у греков, засвидетельствованном всеми доступными античными текстами: «Прочитайте греческих писателей от Гомера до самых поздних, и вы должны будете признать, что люди эти были наделены врожденным и исконным чувством прекрасного»¹⁹. Далее, — правда, этот источник Крейцера не слишком интересует, — в риторике; гейдельбергский профессор ссылается, в частности, на некоторые речи Диона Хризостома и три декламации о красоте, приписываемые Лукиану. Еще один источник, предсказуемым образом, Крейцер находит в платоновской философии: «Сократ (...) положил начало этому учению о прекрасном, Платон усовершенствовал его при посредстве утонченнейшего искусства, благодаря чему позднейшие философы получили богатый материал (locum) как для открытия новых истин, так и толкования и обогащения тех, что были почерпнуты из традиции»²⁰. Однако наибольшей информативностью и авторитетом для Крейцера обладают, как нетрудно догадаться, труды философов-неоплатоников: именно эти «остающиеся в почти полном пренебрежении греческие философы»²¹ не только придали окончательный вид «топосу красоты» в древности, но и в целом разработали первую философскую герменевтику форм выразительности всех областей древней культуры — в первую очередь, мистерий, символов и мифов. История «общего места красоты» продолжается Крейцером до его собственного времени. В числе современных немецкому филологу авторов, которых он почитает наследниками античных теорий прекрасного, мы видим весь цвет немецкой философии и филологии рубежа XVIII–XIX вв.: упоминаются Винкельман, Гаман, Гердер, Кант, Гете, Шиллер, братья Шлегели, Шеллинг,

¹⁹ «Legat mihi aliquis Graecorum scriptores inde ab Homero usque ad extremos et fateatur necesse est, primigenio eos homines nativoque floruisse pulcritudinis sensu» (Ibid. P. xxiv).

²⁰ «Socrates (...) illam Pulcri doctrinam inchoasset, eandem politissima arte erudiit Plato, ita tamen ut aliis deinceps philosophis plenissimum exhiberet locum cum nova reperiendi, tum a se tradita exigendi augendique» (Ibid. P. v).

²¹ «...die fast vernachlässigten Griechischen Philosophen, zumal die Platoniker» (Creuzer G.F. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. Bd. 3. Abt. 1. Leipzig und Darmstadt: Bei Heyer und Leske, 1812. S. 679)

Геррес²². Итак, перед нами, можно сказать, «гейдельбергский Фичино», притязающий на реконструкцию своего рода *prisca aethetica* (правда, самому Крейцеру, как мы увидим далее, такой эпитет бы не понравился): «тайного учения древних о красоте» (*pulcritudinis disciplina recondita*), истоки которого можно найти в греческих мистериях, мифах, надгробных изображениях, вазописи, философских диалогах и трактатах, а современное воплощение — в трудах крупнейших немецких классических филологов и теоретиков эстетики; это учение объединяет древность и современность, язычество и христианство, Грецию и Германию. Фичино недаром выделяется из толпы исследователей греческого учения о прекрасном, появившихся после «возрождения учености» (*a renatis literis*): «Во главе сонма их по праву шествует оный Марсилио Фичино, более чем кто-либо заслуживающий имени платонического мужа, а равно и последователя Плотина»²³. Теперь же перед нами «Фичино», во-первых, выступающий во всеоружии филологической критики, сверяющий свои источники *ad codicum fidem*, а во-вторых, нашедший ключ к древней выразительности — «формальную символику», которая, «подобно грамматике, систематически упорядочивающей возможные формы, т.е. законы, языка, подчиняет одному наивысшему закону законы высокого языка образов»²⁴. Для Крейцера очень важно подчеркнуть, что его компиляция трактатов о красоте является своего рода королларием к главному труду его жизни, «Символике и мифологии древних народов»: некоторые сюжеты (интерпретация мифов о Нарциссе, зеркале Вакха, Дионисе, сказки об Амуре и Психее) только пунктиром намечаются в предисловии к ДР, потому что полная их разработка была уже предпринята в «Символике». Тем самым, ДР по отношению к «Символике» исполняет

²² *Creuzer F.G. Plotini liber de pulcritudine...* P. xiv.

²³ *Ibid.* P. xii.

²⁴ Цит. по: *Резвых П.В.* Спекулятивная конструкция и историческое свидетельство в немецкой мифологии конца XVIII — начала XIX в. // *Клио в зеркале: Исторический аргумент в гуманитарной и социальной теории* / Ю.В. Иванова, И.М. Савельева, П.В. Соколов (ред.). М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 167.

у Крейцера такую же функцию, как речь «О божествах Самофракии» по отношению к «Мировым эпохам» у Шеллинга: ученой маргиналии на полях *opus magnum*, содержащего реконструкцию «древнейшей системы человечества».

Но как же именно DP дополняет «Символику»? Может возникнуть естественная мысль, что здесь Крейцер, взяв в союзники Плотина и Прокла, предпринимает опыт собственной эстетики. Однако сам автор предупреждает нас от такого мнения, по меньшей мере, дважды, и оба раза подчеркивает, что, во-первых, ему сам термин «эстетика» применительно к древней Элладе кажется анахронизмом, а во-вторых, он полагает, что учение о красоте в древности относилось к *этике*: «Я думаю, немало найдется тех, кто эту книгу Плотина "О красоте" отнесет к числу чисто эстетических сочинений (которые наши современники весьма неточно называют именно так, хотя правильнее было бы считать, что в сочинениях этих излагается учение о Благе самом по себе): скорее в них нужно видеть сочинения о морали»²⁵. В другом месте Крейцер высказывается еще определеннее: «Если мы внимательнее рассмотрим этот сюжет (*locus*), то увидим, что он принадлежит, по мысли философов-платоников, к области морали (...) Одно это должно отвратить нас от мыслей о книге по эстетике (да будет мне позволено еще раз воспользоваться этим популярным названием), коих немало сочиняется в наши дни»²⁶. Отказ от автономии эстетического обосновывается знаменитым уравнением красоты и справедливости в первом «Алкивиаде», поддержанном и Проклом в «О единении и красоте»²⁷. Однако, если мы попытаемся

²⁵ «Haud paucos fore arbitror, qui hunc Plotini librum περί τοῦ κάλλους annumerent mere aestheticis (quos quidem satis inepte nostrates dicunt, rectius dicuntur libros de doctrina ipsius Pulcri): cum potius ad *moralia* pertineat» (*Creutzer F.G. Plotini liber de pulcritudine... P. xci*).

²⁶ «Jam, ut de hoc loco penitus quaeramus: pertinet is, ex Platonicorum quidem ratione philosophorum, ad *Moralia* (...) Quod unum avertere nos debet a cogitatione libelli aethetici (ut iterum utar vulgato nomine), quales hodieque de Pulcritudine scriptitantur» (*Ibid. P. c*)

²⁷ «...ἄμα ἄρα τὸ δίκαιον τέλειόν ἐστι, καὶ μέτριον, καὶ ὀρισμένον, καὶ καλόν, καὶ οὐ διέστηκε ταῦτα ἀπ'ἀλλήλων κατὰ φύσιν» (*In Alc. 327.2.-20*).

подробнее проанализировать логику Крейцера, то увидим, что дело здесь не ограничивается простой редукцией эстетики к этике. В «Символике» роль красоты в культуре древних и значение его для европейцев Нового времени систематически не освещается, однако, сопоставляя некоторые места из этого сочинения с DP, мы можем понять, что с его точки зрения сокровенный смысл *doctrinae pulcri* заключался в отвлечении, посредством прекрасной формы, от власти чувственных побуждений и возведении души к ее прародине (ἄνοδος τῆς ψυχῆς). Телесная красота призвана была выступать своего рода медиумом, направляющим ум созерцающего ее от формы к содержанию, от внешней стороны символа к сокрытому в нем тайному учению:

Они [греки — П.С.] ублажали чувство и чтили красоту в той мере, в какой она не противоречила цели их тайного учения. Поэтому чем более эллинскими, чем более проникнутыми духом образованности были мистерияльные действия (Institute), тем лучше они могли выразить эту двойную сущность символа (...). Достаточно вспомнить о неподражаемом сказании об Амуре и Психее, содержащем в себе описание мистерий. Повсюду встречается нас этот двойственный дух: дух формы, угрождающий чувству, и дух содержания, ведущий нас к глубочайшим размышлениям²⁸.

Занятно, что именно в свете этой тайноводственной этики прекрасного Крейцер объясняет особое отношение греков к красоте юношей. Культ эфебов в античном полисе был на самом деле элементом пайдейи: «И так как греческие юноши, сообразно духу своего народа, более всего ценили форму, свое чувство прекрасного они благоразумно обращали к добродетели,

²⁸ «Sie befriedigten den Sinn und huldigten dem Schönen, so weit es verträglich war mit dem Zwecke geheimer Lehre. Je Hellenischer also, je gebildeter mysteriöse Institute wurden, desto mehr mussten sie jenes Doppelwesen des Symbols zu erschöpfen im Stande sey. (...) Man denke nur an die unnachahmliche Mysteriendichtung von Amor und Psyche. Allenthalben begegnet uns jener zweifache Geist, der Geist der Form, der dem Sinne schmeichelt, und der Geist des Inhalts, der uns zum tiefsten Nachdenken leitet» (Creuzer G.F. Symbolik und Mythologie der alten Völker... S. 479).

и как во внешних словах, так и в том, что под ними разумелось прибегали к красоте как к толковательнице сокрытого в ней учения, как бы примирительнице и подружке невесты на свадебном торжестве»²⁹. Чтобы растождествить, на более высоком этапе образования, чувственную и моральную красоту греки создавали мифы о героях двух типов: прекрасных юношах, погибших от любви к собственной красоте (Гилас, Нарцисс), и славных мужах, стяжавших почести на родине за свои доблести и в конце концов уничтоживших «грязь своих земных тел в некоем очистительном огне» (Геракл, Ясон, Демофонт, Триптолем). Чуткость к прекрасному была важна не только для самих древних греков: не менее важна она для нововременных их читателей. Еще в раннем своем программном сочинении, статье «Изучение древних как приуготовление к философии» (1805 г.) Крейцер утверждал, что, при определенных условиях, изучение древних способно развить «вкус к вечной красоте» (*der Sinn für die ewige Schönheit*), который, в свою очередь, способен стать органом, воспитывающим к абсолютной идеальности (*Bidungsorgan zur absoluten Idealität*)³⁰. Итак, красота воспитывает к идеальности, она находится в центре древней пайдеи, не ограничивавшейся только словесным образованием, но включавшей в себя также мистерии и образотворчество: «учитель есть также творец образов» (*der Lehrer ist auch Bildner*); драматических поэтов Крейцер называет «дионисийскими художниками» (*des Dionysus Künstler*)³¹. Образ помещается в середине между *символом* — продуктом нужды, и произвольным

²⁹ «Et cum formam amplexarentur maxime Graeci juvenes, quod quidem erat ejus populi ingenium, hunc ipsum pulcri sensum salubriter illi ad honestatem converterunt, ita ut, cum verbis tum sententiis, ipsa pucritudine tanquam interprete suae doctrinae uterentur et quasi conciliatrice atque pronuba» (*Creuzer F.G. Plotini liber de pulcritudine... P. xli*); О возводящей функции телесной красоты пишет и Прокл в DP: «Τὸ καλὸν ἐράσιμὸν ἐστὶ κατὰ τὴν αὐτοῦ φύσιν, ὅπου γὰρ καὶ τὸ ἔσχατον κάλλος ὡς ἐν εἰδώλοις φερόμενον ἐραστόν ἐστι καὶ κινεῖ τὰς ψυχὰς πρὸς αὐτὸ καὶ ἐκπλήττει φαινόμενον, ἰνδαλμα φέρον τοῦ θεοῦ κάλλους» (*In Alc. 328.5–11*).

³⁰ Цит. по: *Резвых П.В.* Дискуссии о мифологии в романтической *Altertumswissenschaft*. Препринт WP6/2012/05/. С. 22.

³¹ *Creuzer G.F. Symbolik und Mythologie der alten Völker... S. 428.*

творениями фантазии; некоторые читатели Крейцера (в их числе, как мы увидим далее, и Лосев) не могли не увидеть в этой диспозиции аллюзии на шиллерову концепцию эстетического воспитания.

Влияние Шиллера на Крейцера остается совершенно неисследованным: сам он в автобиографии, озаглавленной «Из жизни старого профессора» (*Aus dem Leben eines alten Professors*, 1848), упоминает о глубоком впечатлении, которое произвели на него лекции Шиллера о всемирной истории (Крейцер прослушал соответствующий курс в Йене 1790–1791 гг. и пишет, что не пропустил ни одной лекции) и сама личность лектора; он сообщает, что даже имел счастье однажды оказаться в обществе великого романтика, но не осмелился с ним заговорить³² Известный немецкий филолог–классик второй половины XIX столетия, ученик Августа Бёка Карл Бернгард Штарк сообщает нам несколько больше подробностей, но без каких–либо ссылок на источники. Согласно Штарку, автору единственной академической биографии Крейцера, тот «слушал лекции Шиллера по всемирной истории зимой 1790–91 гг. и был впечатлен философским подходом его к истории, проповеданным им евангелием красоты как силы, примиряющей чувственность и дух, очень глубоко, намного глубже, чем кантовской философией в изложении Рейнгольда, которая занимала весь свет вокруг него и которую он добросовестнейшим образом штудировал. Те слова, которые Шиллер, будучи в Эрфурте в 1791 г., записал для Крейцера в альбоме: "Природа дает нам только бытие, искусство дает нам жизнь, мудрость — совершенство", стали для последнего важной жизненной максимой»³³. Штарк сообщает о мощном воздействии на Крейцера именно *эстетики* Шиллера, в центре которой идея красоты, «примиряющей чувственность и дух»: эта идея и лежит в основании «эстетического воспитания» в шиллеровых «Письмах». Родство символики Крейцера

³² *Creuzer G.F.* *Aus dem Leben eines alten Professors.* Leipzig und Darmstadt: Carl Wilhelm Leske, 1848. S. 18, 22.

³³ *Stark K.B.* *Friedrich Creuzer, sein Bildungsgang und seine bleibende Bedeutung.* Heidelberg: J.C.B. Mohr, 1875. S. 8.

и эстетики Шиллера отметил, спустя несколько десятилетий, еще один немецкий автор, через посредство которого эта идея достигла и Лосева.

Речь идет об Оскаре Вальцеле (1864–1944) — крупном австрийско–немецком литературоведе, последователе Вильгельма Дильтея и духовноисторическом теоретике формы; главные категории его философской эстетики — форма («Form») и гештальт («Gestalt»): именно «воля к форме» (Formwille) конституирует, согласно Вальцелю, идеальное единство художественного произведения, служит основанием жанровых классификаций, позволяет различным искусствам взаимно «прояснять» друг друга (wechselseitige Erhellung der Künste). В 1915 г. Вальцель публикует статью под названием «Понятие эстетической формы у Плотина», в которой предметом исследования становятся «внутренние предпосылки художественного формообразования» (innerliche Voraussetzungen aller künstlerischen Formung)³⁴. По Вальцелю, именно благодаря вниманию к «осуществлению внутренней формы» (Verwirklichung einer inneren Form), характерному для немецкого художественного чувства, немецким теоретикам удалось глубже, чем представителям других наций, проникнуть в природу эстетического.

В своей «Диалектике художественной формы» (1927) Лосев ссылается именно на эту статью Вальцеля³⁵: именно интерпретация ее здесь соединяет в одном фокусе эйдос Плотина, *lebende Gestalt* Шиллера и «внутреннюю форму» («intrinseca forma», «innere Form») Фичино и Крейцера³⁶. Общая почва, как сказал бы Крейцер, *Vereinigungspunkt* для всех этих авторов — попытка разработать теорию «внутреннего созерцания» (innere Anschauung), которая позволила бы понять, как «идеальная сущность просвечивает сквозь чувственное явление», а интеллигибельный мир морали сопрягается с областью

³⁴ Walzel O. Plotins Begriff der ästhetischen Form // Id. Vom Geistesleben alter und neuer Zeit. Leipzig, 1923. S. 1–57.

³⁵ О рецепции Вальцеля в России см.: *Nebbrig A.* Forme artistique. Oskar Walzel et l'Académie des sciences d'État de Moscou // *Revue germanique internationale*. No. 31. 2020. P. 81–96.

³⁶ Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы... С. 210–211.

чувственного опыта³⁷. Роль первопроходца в этой области принадлежит, по Вальцелю, Плотину: «он первым усмотрел связь между эстетическим восприятием и нравственными идеями: ведь еще Сократ удовольствовался трезво–рассудочной теорией целесообразности. Также он первым заговорил о том, что только в красоте переходит в явление то, что в остальных случаях влечет дух за его пределы»³⁸. Незаметно в интерпретацию неоплатоников у Вальцеля влетают категории кантовской и послекантовской эстетики: «Вспомогательным средством и побудительной силой, зовущей погрузиться в область духовного, служит прекрасное. Так представляет себе Плотин возможность эстетического воспитания»³⁹. Плотин в его изложении оказывается вдохновенным художником, радостным созерцателем красоты мира: «Плотин, говорящий миру "да"» (*der Weltbejaher Plotin*). Он только, как это подобает подлинному художественному гению в представлении Канта и романтиков, «не мог перевести в понятия свои художественные переживания»⁴⁰:

Плотин был в достаточной мере наделен художественным духом, чтобы радоваться эстетической стороне чувственно воспринимаемого мира. Однако его фаустовская душа, преодолевающая все положенные чувству границы, не могла избавиться от ощущения неудовлетворенности, когда ей приходилось довольствоваться одним чувственно воспринимаемым, не находя за ним ничего более высокого. Он был больше привержен духовному, чем Гете, он был сентиментальнее —

³⁷ «...ideale Wesenhaftigkeit durch die sinnliche Erscheinung hindurchleuchtet» (*Walzel O. Plotins Begriff der ästhetischen Form... S. 12*).

³⁸ «Allerdings brachte er, nachdem noch Sokrates sich mit einer nüchternen Zweckmäßigkeitstheorie begnügt hatte, zuerst die ästhetische Auffassung in Beziehung zu sittlichen Ideen. Ebenso sprach er als erster aus, daß nur in der Schönheit zur Erscheinung gelange, was sonst den Geist über die Grenzen der Erscheinung hinausführe» (*Ibid. S. 13*).

³⁹ «Als anregende Hilfe, sich ins Geistige zu versenken, dient das Schöne. So denkt sich Plotin die Möglichkeit einer ästhetischen Erziehung» (*Ibid. S. 8*).

⁴⁰ «Er kann seinen Besitz innerer künstlerischer Erlebnisse nicht in Begriffe umsetzen» (*Ibid. S. 15*).

в шиллеровском смысле этого понятия. Подобно Шиллеру, он презирал людей, погруженных в чувственный мир⁴¹.

Несовершенства эстетической теории Плотина связаны были с тем, что он не мог удержаться на тонкой грани, отделяющей красоту от добродетели, или прекрасное от блага⁴². Посредствующая роль эстетического между чувственностью и моралью может иметь то парадоксальное следствие, что слишком глубокое погружение в созерцание прекрасной вещи может приводить к выходу за границы эстетического в область чистой морали: именно так и случалось порой с Плотиним⁴³. Понятие «внутреннего созерцания» отсылает к Канту: не к анализу времени в «Трансцендентальной эстетике», а к «Критике способности суждения», к знаменитому понятию «эстетической идеи», которой «не может быть полностью адекватно никакое понятие» (KU §49 (II 168)). Однако вопреки Канту Вальцель не согласен признать созерцание пассивным⁴⁴: в отличие от «ощущения» (*Empfindung* — по Канту, напомним, это материя созерцания) это активная формообразующая деятельность, отличная, однако, от рассудка⁴⁵. Именно это «внутреннее созерцание»,

⁴¹ «Plotin hatte wohl genug künstlerisches Gefühl, um sich an dem Ästhetischen der Sinnenwelt zu freuen. Aber seine faustische, alle Sinnenschränken überfliegende Seele kam über ein Gefühl des Ungenügens nicht hinaus, wenn sie sich bloß des Sinnlichen freute und hinter ihm nichts Höheres fand. Er war geistiger gewendet als Goethe, er war sentimentalischer — nach Schillers Fassung des Begriffes. Er verachtete wie Schiller die bloßen Sinnenmenschen» (Ibid. S. 16).

⁴² «Aber Plotin gelangt zu diesem Ende nur aus seiner rastlosen Sehnsucht nach einem höchsten sittlichen Zustand. Wirklich liegt das Schöne weit hinter ihm, wenn er die letzten und schwersten Aufgaben des sittlichen Menschen bedenkt» (Ibid. S. 36).

⁴³ «Allein Plotins ganze seelische Haltung neigte zu dem Versuche, Kunstwerken ihren tiefern Sinn abzufragen, und scheute nicht vor der Möglichkeit zurück, auf solche Weise völlig aus dem Feld des Ästhetischen herauszukommen» (Ibid. S. 47).

⁴⁴ «Die Anschauung unseres Geistes ist nämlich immer passiv und deshalb nur soweit möglich, als etwas unsere Sinne affizieren kann» (Mund. sens. § 10 (V 2, 102)).

⁴⁵ «Der Begriff wird vom Verstande gebildet; die Empfindungen sind ein sinnliches Wogen und Fließen, die Empfindungen läßt man über sich ergehen. Anschauung hat mit dem Verstand nichts zu tun und ist, anders als Empfindung, eine Tätigkeit. Anschauung gibt der Empfindung Form» (Ibid. S. 39).

осуществляющееся в духе художника, Вальцель отождествляет с «внутренним эйдосом» у Плотина (τὸ ἐνδον εἶδος; *En. I. 6. 3, 9*): по Плотину, этот эйдос также пребывает в уме (ἐν τῷ ἐνοήσαντι; *En. V. 8. 1, 17*), а не в чувственной вещи. Аналогом «внутреннего эйдоса» Вальцель считает «живой образ» из пятнадцатого «Письма об эстетическом воспитании» Шиллера (неслучайно именно здесь появляется знаменитая метафора из «Эннеад», λίθος ἐν ὄγκῳ). Напомним, что «живой образ» (*lebende Gestalt*) определяется Шиллером как «предмет побуждения к игре, представленный в общей схеме», «понятие, служащее для обозначения всех эстетических свойств явления, одним словом, всё то, что в обширнейшем смысле слова называется красотой»⁴⁶. Именно этот «живой образ», как и «внутренний эйдос», позволяет сделать «чувственного человека разумным, сделав его сначала эстетическим». О том же говорит и Прокл, а вслед за ним Крейцер: «Прекрасное в теле может существовать лишь тогда, когда эйдос господствует над материей. Ибо материя лишена красоты и достоинства и, когда эйдос подчиняется ее власти, он исполняется мерзости и безобразия и делается словно бы безвидным (ἀνεἶδεον), уподобившись подлежащей природе»⁴⁷.

Рожденная во внутреннем созерцании художника эстетическая идея, «внутренний эйдос», подчинив себе чувственную вещь, возводит человека к моральной красоте: приблизительно так представляет себе согласное учение древних неоплатоников и немецких романтиков Вальцель, и это мнение с одобрением цитирует Лосев в «Диалектике художественной формы». Много лет спустя в ИАЭ связь этики и эстетики предстанет уже в несколько ином обличье⁴⁸, но всё равно в центре внимания

⁴⁶ Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. Письмо 15 // Его же. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Государственное изд-во худ. литературы, 1957. С. 298.

⁴⁷ «Τὸ ἐν σώματι καλὸν οὐκ ἄλλως ὑφέστηκεν ἢ ὅταν τὸ εἶδος ἐπικρατῇ τῆς ὕλης. Ἀκαλλῆς γὰρ αὕτη καὶ αἰσχροῦ, καὶ ὅταν κρατηθῇ τὸ εἶδος ὑπ' αὐτῆς, αἰσχοῦς ἀνατίπλεται καὶ ἀμορφίας καὶ οἷον ἀνεἶδεον γίνεται τῇ ὑποκειμένῃ φύσει ἐξομοιωμένον» (In Alc. 326.12–17).

⁴⁸ Здесь финальный вывод о характере античной эстетики в ее систематическом выражении будет сформулирован так: «всякую красоту античные

здесь будет именно эта таинственная пограничная область между красотой и благом, и снова в совместном взгляде на нее неоплатоников и романтиков.

авторы всегда склонны связывать с еще более высоким началом, а именно с благом, или добром. При этом как раз для античной эстетики, а у древних, выходит, и для этики, весьма характерно виртуозное умение как разделять благое и прекрасное, так и объединять их в нерушимую цельность, а также отождествлять и разделять самодовление красоты с ее утилитарным и производственным характером» (*Лосев А.Ф. История античной эстетики... С. 369*).

Марк Аркадьевич Юсим

ТРУДНОСТИ КНИЖНОГО ОБМЕНА Эпизод из переписки ученых XVIII века

Российская Академия наук существует уже около 300 лет, ее библиотека комплектовалась разными способами, в значительной мере поступлениями из частных собраний, таких как библиотека Петра I, нередко из конфискованных коллекций. Например, из крупнейшей в России того времени библиотеки князя Д.М. Голицына, затем А.П. Волынского и его «конфидентов»; их судьбы рассматривались автором этих строк в связи с изучением восприятия Макиавелли в России¹.

Существовал также обычай дарить и обмениваться книгами в научном мире, который использовался и для пополнения академической библиотеки.

В 1783 г. издатель шеститомного собрания сочинений Макиавелли Реджинальдо Танцини отправил свои книги² в Академию наук в Петербург, но только в 1785 г., спустя полтора года, книги были получены и итальянскому ученому был направлен ответ с благодарностью³. Возможно, задержка произошла, помимо

¹ Юсим М.А. Макиавелли в России. Мораль и политика на протяжении пяти столетий. М.: ИВИ РАН. 1998. (2-е изд. в кн.: Юсим М.А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна, М.: Канон, 2011). Итал. изд.: *Youssim M. La fortuna di Machiavelli in Russia. Morale e politica nel corso di cinque secoli.* Roma. Aracne. 2019.

² *Machiavelli N. Opere in 6 vol.* Firenze: Cambiagi, 1782–1783.

³ См. СПбО ААН, ф. 1, оп. 3, д. 69, л. 6 и 2–2об., а также: Протоколы заседаний конференции императорской АН с 1725 по 1803 годы. Т. III. 1771–1785. СПб., 1900, с. 790 (на франц. яз.).

прочего, по вине графа Дмитрия Мочениго, российского консула при Тосканском дворе⁴.

Я буду говорить о похожем эпизоде, происшедшем немного ранее — о нем свидетельствуют несколько писем, сохранившихся в фонде Якова Штелина в Рукописном отделе РНБ (Российской Национальной библиотеки) в Петербурге. Речь идет о переписке между Штелином, в тот период (1765–1769) секретарем Академии наук, и итальянским антиковедом Габриэле Ланчилотто Каstellи ди Торремуцца. Яков (Яков Яковлевич) Штелин (1709–1785) известен своей разносторонней деятельностью: он был искусствоведом, историком, автором медалей, литературным деятелем, академическим администратором, мастером фейерверков. Знал несколько языков, в том числе в совершенстве итальянский, на котором вел переписку.

Его корреспондент Габриэле Ланчилотто Каstellи, князь Торремуцца (1727–1794), известен больше всего изучением сицилийских древностей: монет и надписей. (А также благодаря тому, что он оставил иезуитам, стоявшим у основания Национальной библиотеки в Палермо, свою библиотеку, насчитывавшую 12 тыс. томов)⁵. В огромном архиве Штелина имеется 5 писем князя и 6 черновики ответов Штелина, охватывающих 12 лет: с 1767 по 1779 год. Из первого письма Каstellи из Палермо от 29 мая 1767 г.⁶ мы узнаем, что оно уже не первое, то есть, что он получил от Штелина ответ (от 3 марта 1767 г.) на его предыдущее послание⁷ на имя директора Академии

⁴ Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века. Научное описание. 1783–1800. Л., 1987. (Труды Архива АН СССР. Вып. 29). С. 259 (Указатель).

⁵ См. о нем *Longo K. Gabriele Lancillotto Castelli: un 'principe delle lettere' nella Sicilia illuminista (1727–1792)* // INC (=International Numismatic Council) *Compte Rendu*. 61, 2014. P. 32–36; *Crisà A. G. L. Castelli, principe di Torremuzza, numismatico ed antichista ad Halaesa Archonidea* // *LANX. Rivista della Scuola di Specializzazione in Archeologia, Università degli Studi di Milano*. 2, 2009. P. 116–149.

⁶ ОР РНБ, ф. 871, № 501, л. 1.

⁷ Первое письмо Каstellи, в архиве Штелина отсутствующее, было отправлено, как он пишет здесь, 26 декабря 1766 г. (В мартовском черновике ответа на это письмо Штелин называет датой его отправки 26 ноября 1766 г., но, вероятнее всего, по ошибке). В левом верхнем углу письма от 29 мая 1767 г. имеется пометка Штелина, что оно получено 16/24 июня

В.Г. Орлова⁸, где он предлагал быть своего рода корреспондентом Академии в Сицилии, в частности, присылать свежие научные труды.

Соответственно, в данном (хронологически втором) письме Каstellи сообщает, что он высылает два пакета книг о сицилийских древностях, предлагает Академии приобрести для своего музея за 10 тыс. золотых неаполитанских дукатов коллекцию из более 1000 старинных сицилийских медалей. Также он рассказывает о грядущем бракосочетании обожаемого монарха (очевидно, Фердинанда III Сицилийского — IV Неаполитанского, 1751–1825, тогда тому было 16 лет). Свадьба не состоялась из-за смерти невесты в октябре того же года от оспы, она повторила судьбу старшей сестры, и Фердинанд женился лишь на третьей сестре, очередной претендентке из дома Габсбургов, Марии Каролине, 7 апреля 1768 года. Такого рода события были заметными и для ученого мира; издавались описания коронаций; сам Штелин участвовал в организации подобных празднеств и описывал их, в 1744 г. он издал роскошный иллюстрированный альбом с описанием коронации Елизаветы Петровны, упоминаемый ниже.

1767 г. через «негоцианта Джо. Ла Мура» из Неаполя. В левом верхнем углу написано *Risps. gli... luglio*, что можно понимать как «ответчено» или «ответить в июле», и действительно, черновик такого письма, о котором будет сказано ниже, есть в фонде Штелина в РНБ (ОР РНБ, ф. 871, № 253, л. 2).

⁸ Владимир Григорьевич Орлов (1743–1831), младший из знаменитых братьев Орловых, бывших в фаворе при Екатерине II. В 1766–1774 гг. Владимир Орлов был директором Академии наук при президенте К.Г. Разумовском. Его сын, граф Г.В. Орлов, был известным коллекционером. В собрании Орлова в ОПИ ГИМ (Отделе письменных источников Государственного исторического музея) в Москве имеется и автограф Г. Каstellи ди Торремунца, письмо к Гаэтано Каркани, директору Королевской типографии от 4 мая 1785 г. Другое письмо, от 16 февр. 1815 г., принадлежит астроному Федерико Дзуккари, постоянному секретарю Понтанианской Академии (ум. в 1817). В коллекции Орлова имеется около 1000 итальянских автографов, большая часть из них происходит из Неаполя XVIII — начала XIX века.

См. о нем Орлов К.О. Орловы и Италия: «вечный элемент русской души». СПб.: Алетейя, 2019. (Глава «Граф Владимир Григорьевич Орлов и его семейство», с. 33–37). — *Прим. ред.*

Пересылку пакетов, далее он называет их *fagotti*, «тюки», Каstellи планировал произвести с помощью некоего неаполитанского негодяна и через г-на Дженнаро ди Баттиста Росси, жившего в Неаполе. Но из следующего письма, отправленного уже через два месяца, 24 июля 1767 г., нам становится известно, что Росси отказался, и Каstellи просит указать ему подходящий путь доставки в Вену, к российскому послу при тамошнем дворе. Это письмо написано другим почерком по сравнению с остальными; либо его писал секретарь, либо копия сделана уже в России. На четвертой странице листа находится латинский перечень главных историков Сицилии, *Scriptores rerum sicularum praecipui*, записанный той же рукой, что и черновики Штелина, то есть, видимо, им самим.

Надо сказать, что труды Каstellи издавались ин фолио, поэтому его посылка должна была быть весьма объемистой. В крупнейших библиотеках Петербурга есть их экземпляры, в частности, в исторической Библиотеке Академии наук (БАН), но их происхождение трудно определить и в основном они были напечатаны позже.

Третье письмо, отправленное через год после первого, дошедшего до нас (по хронологии второго), 27 мая 1768 г., информирует, что два пакета были высланы в Вену к русскому «министру» Голицыну⁹ через Рим, но известий об их дальнейшей судьбе не поступало. Вся переписка тем временем шла через некий торговый дом в Неаполе.

Четвертое письмо, от 6 марта 1769 г.¹⁰, сообщает, что князь Голицын приказал придержать книги в Риме, где они и застряли, так что Каstellи решил отправить свое издание «Античных надписей на Сицилии» через Лондон.

Последнее письмо, написанное 29 декабря 1769 г., уточняет эти сведения в ответ на письмо Штелина от 6 октября «по старому

⁹ Князь Дмитрий Михайлович Голицын (1721–1793), посол в Вене с 1751 по 1792 гг., основатель нынешней Первой Градской больницы в Москве. Хозяин библиотеки, упомянутой выше (см. прим. 1), — его дядя по отцу.

¹⁰ На нем есть пометка Штелина о том, что он ответил 6 октября. ОР РНБ, ф. 871, № 253, л. 6. См. также следующий абзац.

стилю» того же года, поступившее через Венецию (в черновиках Штелина его нет). В июне 1768 два пакета были переданы в Риме банкиру Голицына, некоему синьору Барацци, который составил по указанию посла их список, но дальше дело не пошло, и вернуть книги для пересылки их по другому пути, через Ливорно и Лондон, он отказался. Тут Кастелли высказывает некоторое раздражение и предлагает посылать книги для самого Штелина, если Академии они не нужны (очевидно, это реакция на некоторые замечания Штелина, о которых ниже):

Мне странно слышать, что Императорскую Академию в настоящее время не интересуется изящная словесность, и это тогда, когда вся Европа соревнуется в занятиях ею и в публикации важнейших открытий в области истории, греческих и римских древностей; в прежние времена такого точно не было, я видел пять первых томов «Материалов Императорской Академии» и не раз поражался тому, что раздел словесности был составлен учеными и знающими профессорами, и что изучение древних памятников, медалей, греческих и латинских надписей, а именно исследования о происхождении и древностях народов, называемых нами северными, являются достойным предметом приложения сил упомянутой сиятельной Академии¹¹.

Дальше речь идет о новых путях связи: письма Штелин предложил посылать через маркиза Маруцци в Венеции, а книги Кастелли решил отправлять через своих друзей в Лондоне и российского посла в Англии барона Пушкина¹², которого

¹¹ ОР РНБ, ф. 871, № 501, л. 70б–8. «Stupisco nel sentire che codesta imperial Accademia non faccia al presente conto delle lettere, e ciò in un tempo quando per tutta la Europa si va a gara sul portarli avanti e nel pubblicare le più interessanti scoperte sulle storie ed antichità greche, romane; non era sicuramente così ne' tempi andati, io ho veduti i primi otto volume degli atti di essa Imperiale Accademia, e più di una volta ammirai che la classe delle belle lettere era trattata da dotti ed abili professori, e che i studi sugli antichi monumenti, sulle medaglie ed Iscrizioni Greche e Latine, e precisamente le scoperte sulle origini ed antichità dei popoli che noi diciamo settentrionali erano degni oggetti delle applicazioni di essa illustre Accademia».

¹² Алексей Семенович Мусин–Пушкин (1730–1817), русский посол в Великобритании в 1765–1768 и 1769–1779 гг.

Штелин должен был уведомить, что они поступят летом. Также Каstellи поблагодарил своего корреспондента за обещание прислать книгу о прохождении Венеры над солнечным диском и просит другие книги: самого Штелина о коронации Елизаветы, «Флору Сибири», сочинения Т.С. Байера по нумизматике и прочие. Книга Штелина на русском языке нужна была Каstellи для коллекции, в связи с тем, что он собирал издания на разных языках: еврейские, арабские, армянские и другие издания. Он предлагает отправлять посылки через книготорговца Сэмюэля Бейкера в Лондоне, квартал Йорк–Стрит — Ковент–Гарден, чтобы они доставлялись оттуда в Ливорно. В конце письма упоминается о двух прекрасно выгравированных портретах (чьих не указано), приложенных к посланию Штелина, и еще есть любопытный отрывок, напоминающий о современных и столь актуальных индексах цитирования: «Если ссылки на мои книги, пишет Каstellи, редко встречаются в главных европейских журналах, это потому, что наше Королевство обеих Сицилий мало связано с другими средиземноморскими государствами»; впрочем, их много в итальянских изданиях; приводится и несколько немецких названий.

Дополнения и пояснения к цитированным письмам мы находим в других частях архива Штелина. Сохранилось шесть черновиков писем секретаря Академии к Каstellи¹³, написанных на хорошем итальянском языке. Первое из них, от 3 марта 1767 г., является ответом на послание Каstellи, то есть это то самое письмо, которое упоминается в первом дошедшем до нас письме итальянца. Здесь Штелин благодарил его от имени графа В.Г. Орлова за поздравление с назначением директором Академии наук с упоминанием того, что этот пост Орлов получил по протекции императрицы, т.е. недавно восшедшей на престол Екатерины. Штелин выражает надежду, что с коронацией Фердинанда IV науки в Неаполитанском королевстве получат новый стимул. Что касается пересылки книг, то секретарь Академии, благодаря своего корреспондента, отмечает ее трудности и пишет, что не может настаивать на доставке этих трудов.

¹³ ОР РНБ, ф. 871, № 253.

В следующем письме от июля 1767 г. (в черновиках дни в основном не указаны) эти соображения повторяются с дополнительными доводами; Штелин не советует итальянцу идти на большие расходы по пересылке и вообще дарить книги Академии, по крайней мере пока, тем более что двор находится в Москве, а Академия — в ожидании нового устава. Объяснение такой позиции секретаря мы находим в одном из писем В.Г. Орлова к нему, как раз предшествующее цитированному черновику и датированное 3 июля 1767 г. (на русском языке):

В рассуждении господина Каstellи я думаю лутче сделать так: отказать благопристойным образом от ево сочинений. Вы знаете, что мое намерение теперь — никого не принимать в члены, ни в корреспонденты, а принять ево книги было бы некоторым обязательством для нас; а ежели можно ему подобным образом отслужить, тогда бы что же ничево и принять. Сие препоручаю Комисии [по книгам, так] как хочет, так и зделает, только чтоб не были бы мы обязаны принять ево в сочлены¹⁴.

Здесь же имеется приписка Штелина на немецком языке о том, что это ответ Орлова на его предложение в благодарность на присылку книг принять князя ди Торремущца в члены Академии. Почти через полтора года в ответ на очередное письмо Каstellи (май 1768), в черновике от декабря 1768 г., Штелин повторяет, что книги где-то застряли, двор в Москве, устав Академии не принят, и неизвестно, кто будет президентом Академии и сохранится ли за В.Г. Орловым пост ее директора.

Об обмене письмами в 1769 г. мы уже говорили выше, а в июле 1770 г. Штелин отвечает на письмо Каstellи от 29 декабря 1769 г., полученное им в феврале. За это время кое-что действительно произошло, но совершенно иначе, чем предполагал Штелин. К.Г. Разумовский сохранил пост президента Академии, на котором он оставался до 1798 г., пережив многих директоров и обоих героев данной статьи. В.Г. Орлов остался директором, хотя его руководство стало более формальным, поста же лишился

¹⁴ ОР РНБ, ф. 871, № 610.

сам Я. Штелин, что позволило ему теперь быть более откровенным. Он говорит о том, что присылаемые книги больше пригодятся ему самому, и объясняет, что прежде отвечал по поручению Орлова, с тем чтобы избавиться от столь далекого и столь неудобного на его вкус корреспондента (*corrispondenza*): «Но подумайте при этом, могли ли понравиться ваши сочинения господину, который не знает ни одного слова по-итальянски или по латыни и который желает лишь быть любителем естественной истории России и отчасти химии [на поле добавлено: и российской географии]»¹⁵. Что будет заметно по публикации нового Устава, подготовленного директором. Однако Штелин отдает Орлову должное, называя весьма полезным его проект исследования российской природы, из действующих участников которого он называет профессоров И.Г. Гмелина, И.П. Фалька, и адъюнктов И.А. Гульденштадта и И.И. Лепёхина. В новой программе, замечает Штелин, будет, впрочем, уделено внимание и словесности, которая оказалась в некотором пренебрежении после смерти проф. Г. Байера. С помощью летописей были уже написаны труды по русской истории таким авторами, как Шлёцер, Эмин, Ломоносов и князь Щербатов. Некоторые из названных книг Штелин посылает через Лондон с данным письмом, наряду с Наказом Екатерины II, сокращенным изложением русских летописей на немецком, сделанном его сыном Петром Яковлевичем (*Pietro Jachelicea*, речь идет о переводе «Краткого российского летописца» М.В. Ломоносова), а также собственными сочинениями: о поисках залежей каменного угля в России, атласом Китая, описанием коронации Елизаветы Петровны (о котором просил его корреспондент) и другими.

В заключение Штелин рекомендует Кастелли ознакомиться с изданиями Академии наук, которые посылаются в Турин и продаются там по той же цене, что и в Петербурге.

Очевидно, на это послание ответа Штелин не получил, так как он прилагает его копию (на ней стоит дата 10 июля 1770 г.) к своему следующему письму от 10 августа 1771 г., которое он, судя по вставке на поле, хочет переслать через русского посланника

¹⁵ ОР РНБ, ф. 871, № 253, л. 4.

в Венеции маркиза Маруцци. Зато Яков Яковлевич получил с прибывшим из Лондона кораблем пакет с книгами и еще те два, которые «столько времени оставались в плену в Риме, не будучи, впрочем, таковыми, на которые обычно налагает свои лапы Святая Инквизиция с присущей ей строгостью»¹⁶. Теперь Штелин наслаждается сочинениями Каstellи, будучи ими в свою очередь пленен, и проводит всё свободное время наедине с ними. Он хотел бы послать своему корреспонденту книги из России, но откладывает это до весенней навигации.

По – видимому, на этом переписка прервалась, так как в последнем из сохранившихся черновиков, помеченном 1779 годом, т.е. написанном через 8 лет, Штелин говорит о своем «воскресении» и возвращении в Петербург — «вы, без сомнения, думали, что ваш друг скончался несколько лет назад»¹⁷. Поводом для письма служит диплом почетного члена Общества любителей старины (*antiquari*), основанного Светлейшим ландграфом Гессен – Кассельским (Фридрихом II; правил в 1760 – 1785 гг.), полученный Штелином для Каstellи. Связаться с Касселем Штелин предлагает через маркиза Маруцци, которого он называет «своим другом», или непосредственно через Венецию. Он также просит прислать ему гравированный на меди вид порта Палермо, о котором Штелин узнал от своего приятеля, и собирается приложить к письму эстамп, изображающий прием русского посла князя Репнина в Константинополе. В дальнейшем он обещает выслать свое сочинение о фейерверках, которое должно выйти в 1780 г. в Нюрнберге.

Другие подробности этой переписки нам неизвестны: продолжилась ли она в дальнейшем и сумели ли ее участники обменяться всем, чем хотели. Г. Каstellи получил важные назначения в королевстве и, возможно, был уже менее заинтересован в обмене, но его книги, как уже было сказано, есть в российских библиотеках¹⁸.

¹⁶ ОР РНБ, ф. 871, № 253, л. 5.

¹⁷ ОР РНБ, ф. 871, № 253, л. 6.

¹⁸ Во всяком случае в своих записках Г. Каstellи в качестве корреспондентов по переписке и Штелина: «*Sig. Giacomo de Stehlin Segretario perpetuo*

Несколько слов в заключение. Почему письма двух корреспондентов приведены по отдельности, а не в хронологическом порядке? Для удобства изложения, но и для интриги, которая подчеркивает разные повороты этой переписки. Кастелли в известных нам письмах преимущественно обсуждает пути и сложности пересылки книг, содержание переписки Штелина объясняет подводные камни и трудности обмена.

Вывод же, который можно сделать из этого небольшого эпизода из истории научных коммуникаций — у каждого времени свои сложности: географические, экономические, политические, личные. В советский период некоторые книги были труднодоступны по идеологическим причинам, но старались всё важное закупать. Сегодня существует Интернет, однако книжные новинки в российские библиотеки поступают скудно по причинам финансовым. Как видим, 250 лет — не тот промежуток времени, за который что-то может измениться. Наука по природе интернациональна, но ей пока приходится преодолевать такого рода преграды.

Сергей Иванович Фокин

НЕАПОЛЬ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ
Из писем русских зоологов,
работавших на Неаполитанской зоологической станции

С морской набережной открывается чудесный вид: налево двузубая громада Везувия, вершина которого, кажется, вот-вот опять задымится; прямо — характерный, срезанный наискось абрис Капри; направо — уступами взбегающие на крутую скалу кварталы Позиллипо. Это Неаполь, а вид открывается от ворот Неаполитанской зоологической станции на Villa Comunale. Окруженное небольшим парком фундаментальное здание станции широким фасадом смотрит на залив. Практически также эта панорама выглядела и в начале XX в.¹ Тогда на станции, кроме итальянской, а чаще немецкой, слышалась и русская речь².

Наших соотечественников всегда встречали там радушно. Конечно, это было, прежде всего, связано с научными успехами отечественных биологов и их желанием работать на прекрасно организованной станции, изучая различные группы морских животных, их морфологию, биологию, физиологию. До Первой мировой войны и большевицкого переворота в России (с 1874 по 1917 г.) в Неаполе успело поработать почти 150 русских биологов. Некоторые по несколько раз. Еще около десятка уже советских

¹ Трехчленное здание было построено в три захода и приобрело современный вид в 1905 г.

² Подробно состав и работа русских ученых в Неаполе освещены в моей книге: *Фокин С.И.* «Русские ученые в Неаполе» (СПб.: Алейтея, 2006).

ученых (и русских ученых–эмигрантов) работали на станции в 1920–х гг.

Основатель, собственник и первый директор станции — этого воистину международного научного института был немецкий зоолог–морфолог Антон Дорн (1840–1909)³. Несмотря на поддержку этого начинания, как моральную, так и материальную со стороны многих современников, только его энтузиазм, кропотливая работа и вера в важность начатого дела, позволили Неаполитанской станции возникнуть (1872/1873) и стать тем, чем она стала — настоящей зоологической «Меккой» Европы конца XIX — начала XX вв.

Была и другая, не столь очевидная, но существовавшая причина многочисленности в то время русских биологов в Неаполе. Вскоре после открытия станции Дорн женился (1874) на русской — Марии Егоровне Барановской (1855–1918), дочери бывшего саратовского губернатора Егора Ивановича Барановского (1821–1914). Более того, их сын — Рейнхард (1880–1962), который унаследовал от отца директорство Неаполитанской зоологической станции, также женился (1913) на русской — Татьяне Романовне Живаго (1884–1952)⁴. Таким образом, немецкое предприятие, получившее жизнь на итальянской почве, оказалось кровно связанным и с Россией.

«Кто не был в Неаполе, тот не видел зрелища народной жизни, — писал известный знаток Италии Павел Павлович Муратов (1881–1950), бывавший в Неаполе почти в то же время, что и большинство русских визитеров–зоологов, — <...> здесь и не может быть никакой границы между жильем и улицей. У неаполитанца нет никакой домашней жизни, кроме той, которая открыта взору каждого прохожего в любом переулке <...>. Для неаполитанца нет более привлекательной цели в жизни, чем праздник, с музыкой, с процессиями, с едой на людях, с шумом,

³ В 1897–1904 гг. А. Дорн стал почетным членом Московского и С.–Петербургского ун–тов и иностранным чл.–корр. ИСПб АН.

⁴ Более подробно история этого семейства освещена в моей статье: *Фокин С. Письма с этого Света. История одного русско–немецкого семейства // Русское слово (Прага), 2020. №10 С. 18–23, №11 С. 30–35.*

пальбой, вечерней иллюминацией и заключительным фейерверком»⁵. От себя добавлю, что это тот город, который обычно вызывает одно из двух чувств — либо любовь, либо неприязнь. Очевидно, что большинство русских, работавших на Неаполитанской зоологической станции, полюбили это южно-итальянское чудо⁶. Некоторые из них уделяли в своей переписке из Неаполя с родными определенное место этому своеобразному уголку Италии. Нередко такие описания были сделаны вполне художественно (особенно у В.А. Догеля) и содержат интересные приметы быта и особенностей тогдашней жизни на берегах Неаполитанского залива.

За долгое время работы с архивами нескольких представителей отечественной зоологической науки, в том числе с их эпистолярным наследием⁷, у меня скопилось немало текстов писем, отправленных из Неаполя, за период с 1899 по 1946 г. С некоторыми из них, наиболее интересными, на мой взгляд, я и хочу познакомить читателей этого сборника. Публикуемые архивные тексты расположены в хронологическом порядке.

Как уже было отмечено, среди описывавших свои неаполитанские впечатления, прежде всего, следует упомянуть Валентина Александровича Догеля — одного из крупнейших отечественных зоологов первой половины XX в.⁸. Попав на Неаполитанскую зоологическую станцию в первый раз в 1902 г., Догель был еще всего лишь студентом второго курса Императорского Санкт-Петербургского Университета (ИСПБУ). Понятно, что юношу сильно занимала жизнь этого колоритного города и его окрестностей. На станции для знакомства такого рода были все возможности — как рачительный хозяин проф. А. Дорн часто устраивал для всех работавших на станции (или для их наиболее

⁵ *Муратов П.П.* Образы Италии. М., 1994. С. 316, 320.

⁶ Например, В.А. Догель был в Неаполе 6 раз и 4 раза работал на Станции.

⁷ См., например, составленный мною сборник писем В.А. Догеля: «Ваш любящий Валя». В.А. Догель (1882–1955). Письма домой. М.: КМК, 2007.

⁸ В.А. Догель (1882–1955) — выпускник Зоотомического кабинета ИСПБУ (1904), ученик В.Т. Шевякова, один из основателей экологической паразитологии и советской научной школы протозоологов, проф. ИСПБУ — ПГУ — ЛГУ (1913–1955), чл. корр. АН СССР (1939).

близкой ему части) поездки по окрестностям на станционном пароходе: молодежь нередко предпринимала вылазки и в своей компании. В.А. Догель старался не упустить ни одной из таких возможностей. Кроме того, его учитель по ИСПБУ — проф. В.Т. Шевяков с которым молодой ученый одновременно работал на станции в 1902, 1905 и 1926 гг., был одним из близких друзей директора. Владимир Тимофеевич сделал много для того, чтобы поток русских ученых в Неаполе не только не иссекал, но (до 1917) постоянно увеличивался⁹. Таким образом, Догель обычно попадал во все поездки, куда приглашали Шевякова.

Письма В.А. Догеля

[Италия, Неаполь. 8.06.1902¹⁰] Из Мюнхена на Верону дорога идет не через Швейцарию, а через австрийский Тироль: Инсбрук, Меран, Триент¹¹ и др. И вот ночью в горах сделался такой холодище, что спать, положительно, было невозможно. Я закутался в пальто, застегнул его на все пуговицы, поднял воротник, но все-таки ноги оставались открыты и мерзли до того, что я встал, вышел в коридор и стал подпрыгивать и похлопывать руками, как это делают извозчики у костров. Зато виды были чудны: повсюду цепи снеговых гор при лунном освещении, обрывы, пропасти, словом то же, что мы видели проездом в Венецию, но только ночью всё это представлялось гораздо более красивым и диким. Утром мы проезжали через итальянскую таможенную и в 11 ч. приехали в Верону; здесь я в первый раз за весь путь основательно поел сытный завтрак, а весь первый день питался

⁹ Владимир Тимофеевич Шевяков (1859–1930) — выпускник Гейдельбергского ун-та (1889), ученик О. Бюкли, проф. ИСПБУ, Женского педагогического ин-та и Иркутского ун-та. Основатель отечественной школы протозоологов, товарищ министра просвещения России (1911–1917), чл.-корр. ИСПБ АН (1908). О научной карьере и жизни этого крупного отечественного зоолога-протистолога недавно я издал книгу: *Фокин С.И. Незабывтая жизнь. Владимир Тимофеевич Шевяков (1859–1930). Научная биография.* М.: КМК, 2021.

¹⁰ Публикуются только отрывки писем, связанные с темой статьи. Оригиналы писем В.А. Догеля отложились в СПб филиале Архива Российской Академии Наук. Ф. 960. Оп. 1. Д. 50.

¹¹ Немецкое название г. Тренто.

бутербродами и пивом, потому что очень уж показалось обидным приплачивать, как пассажиру III класса, за вагон–ресторан 50 пфеннигов, да и тратиться не хотелось. Верона хорошенький городок, весь в садах, со старинными монастырями и колокольнями — вот все, что можно заметить из поезда. В Вероне и затем всё время вплоть до Рима шел, не переставая дождь, так что и видеть сквозь стекла ничего нельзя было и тот чудесный переезд через Апеннины, где мы видели в прошлом году массу светляков, вовсе не показался мне теперь таким красивым. С Вероны я ехал уже вторым классом, хотя и то пожалел, что до Рима не взял в III–м, потому что всё равно приходилось пересаживаться два раза: в Модене и Риме. Во Флоренции я взял себе в вагон холодный ростбиф, языка и флакон красного Chianti, всего на 1.80 лиры и блаженствовал. Поезд наш опоздал и я еле–еле успел перескочить в поезд, идущий в Неаполь; только что я влез в вагон, он уже тронулся. Ну, тут уж всю ночь пришлось просидеть, скорчившись в три погибели, потому что на одной стороне нас сидело постоянно трое; на другой лавке поместилось двое русских, муж и жена, но я не захотел с ними заговаривать, и притворился иностранцем; конечно, мне пришлось выслушать несколько замечаний на свой счет, вроде того, что: «Ну, уж и шапка у него, как есть блин» (а моя шапочка и правда была совершенно сплющена и исковеркана), быть свидетелем нескольких супружеских стычек, но, в общем, всё прошло благополучно. В Неаполь поезд приходил утром, в 7 часов; я ожидал, что, по крайней мере, в Неаполе увижу синее небо и жару, но, оказалось, что и тут погода серая, сумрачная, Везувий закрыт тучами, и весь Неаполь в какой–то серой дымке. Я забыл вам сказать, что из Вероны телеграфировал Швейеру¹², и потому он встретил меня на вокзале. Тут же на вокзале Швейер сказал, что мне представляется выбор между тремя пансионами: 1) один из них внизу, в центре города, полный пансион 5 лир, там живут Сукачев¹³

¹² Александр Владимирович Швейер (1873–1942). Выпускник ИСПБУ (1898), протозоолог, ученик В.Т. Шевякова. Магистр зоологии ИСПБУ (1913), доцент Зоотом. кабинета ЛГУ(1928). Близкий знакомый, а потом и сотрудник В.А. Догеля.

¹³ Борис Владимирович Сукачев (1874–1934), выпускник ИСПБУ (1896), ученик В.Т. Шевякова. Зоолог–морфолог. В то время был женат на французке. В Первую мировую войну был санитаром на фронте и после 1917 г. в Россию не вернулся. Работал и умер в Париже.

и Аверинцев¹⁴; но этот пансион далеко от Шевяковых, в скверной части города, Бог знает, как там кормят, и потому я отклонил его, несмотря на дешевизну (думаю, что это согласно и вашему желанию). 2) Пансион Палладиных, 6 лир без завтрака; они его, как говорил Швейер, очень хвалят, но Швейер не знал, наверное, есть ли там комната, а потому я теперь отправился в 3) пансион Sabilli, где жил Швейер до переселения к Шевяковым, в его же комнату. Пансион стоит без завтрака 6 лир (с завтраком 7). Пансион хороший во всех отношениях: он на Позиллиппо¹⁵, в двух шагах от Шевяковых (также как и пансион Палладиных), комната моя на четвертом этаже с чудесным видом на весь Неаполь, Везувий и Капри, комната большая, высокая, москитов нет; утром, в 8 часов кофе с молоком, хлебом и маслом, в половине седьмого обед, сытный и хороший; вино тут стоит 80 *centimi* бутылка и будет, я думаю, хватать на 3–4 дня; что касается завтрака, то я сказал хозяйке, чтобы она велела каждый день утром покупать и варить мне пару яиц, которые я буду носить на станцию. Итак, всё как будто хорошо, но вот в чем беда: этот пансион совсем особенный, в нем нет *table d'hôte*, и каждый обедает и завтракает отдельно. Кофе мне приносят в комнату, а обедать я хожу вниз, где сию совершенно один. Вот относительно этого я и хотел с вами посоветоваться. Покамест я уговорился на неделю, а дальше не знаю, как быть. Понятно тут практики в языках не может быть, но так, вообще, всё хорошо. Вот я и не знаю, стоит ли переходить в тот пансион, где живут Палладины и где есть *table d'hôte*, или нет. Напишите мне, что вы думаете об этом. Если вы думаете, что я ленюсь писать, то ошибаетесь: у меня просто нет свободного времени. В первый день приезда (суббота) я, только что обосновавшись, отправился со Швейером к Шевяковым, где напился утреннего чаю. Шевяков приехал только за два дня до меня и Лидия Ал[ександровна]¹⁶ ездила встречать его в Рим. Они живут на чудной

¹⁴ Сергей Васильевич Аверинцев (1875–1957). Выпускник ИСПБУ (1900), ученик В.Т. Шевякова, протозоолог и ихтиолог. Магистр (1906) и доктор зоологии (1914) ИСПБУ. Работал и преподавал в Петербурге, на Мурмане, в Якутии, Фергане и Москве. Отец выдающегося отечественного филолога и религиозного философа, чл.–корр. РАН С.С. Аверинцева (1937–2004).

¹⁵ Согласно итальянскому написанию следовало бы — Позиллипо.

¹⁶ Л.А. Шевякова (Ковалевская) (1873–1942) — жена В.Т. Шевякова, младшая дочь академика А.О. Ковалевского.

вилле у самого моря; на вилле (она не вся занята ими, а только два нижних этажа) такая масса балконов, терасс, чудный сад, пальмы, масса переходов к морю и несколько громадных гротов, куда в ветреную погоду волны закатываются с глухим шумом; все окна оплетены розами, жасминами, над верандой нависает плетенка из винограда; вид от них просто чудный.

Я уже три дня пишу к вам и всё не могу окончить. Был я и у Палладиных¹⁷, и хотя пансион там всего 5 лир, но не знаю, стоит ли переезжать: там, во-первых, грязные комнаты, по-моему, душные, а, кроме того, всё равно если перееду, придется всё время водиться с Палладинами, из которых она сама и дети хотя и нечего себе, но ужасно надоедливы. Кроме того, Шевяков всё предлагает поселиться у них и говорит, что я ничуть ему не помешаю, так как живет же у них Швейер, который платит (с завтраком) 6 лир.

[Италия, Неаполь. 13.06.1902] Опишу вам мой день: утром просыпаюсь я каждый день в 8 ч., и тут же мне приносят горячей воды для чистки зубов (холодной я их не мою) и кофе с хлебом, а также два яйца для завтрака на станции. Пью кофе я в одних штанах и нижней рубашке, при открытом балконе, причем снизу ко мне доносятся бесконечные завывания и выкрикивания продавцов овощей и всяких других съестных припасов. За кофе я читаю какую-нибудь ученую книгу, вроде зоологии Ланга¹⁸ и др. Затем я встаю, не торопясь одеваю верхнюю рубашку и всё прочее, беру завтрак и спускаюсь на улицу; здесь надо садиться на электрическую конку, но чтобы не платить 15 centesimi, вместо 10, я прохожу несколько шагов до полуразрушенного Palazzo Donna Anna, где начинается другая дистанция, и сажусь там. Через 10–15 минут конка останавливается у городского парка, против самой станции, куда я, таким образом, прихожу около половины десятого утра. Я вхожу прямо в нижний этаж, в отделение, где моряки приносят

¹⁷ Палладин Владимир Иванович (1859–1922) — выпускник Московского ун-та (1883), ученик К.А. Тимирязева. Магистр ботаники Московского ун-та (1886), доктор ботаники Варшавского ун-та (1889), проф. Ново-Александровского с/х ин-та, Харьковского, Варшавского и ИСПб ун-тов., академик ИСПБАН (1912). Был в Неаполе с семьей — женой и сыновьями.

¹⁸ Популярный в то время учебник зоологии.

к Ло–Бьянко¹⁹ весь улов; вся добыча здесь сортируется и распределяется или в аквариум, или для работающих на станции. Я слежу здесь за консервированием животных, причем Ло–Бьянко называет мне особенно интересные формы, а затем отправляюсь наверх, в свое отделение. Там я сижу до 1 часу, потом съедаю мой скромный завтрак и иду в комнату Шевякова пить чай. После чего раньше мы гуляли (т.е. Шевяков, Швейер и я), но теперь работаем без перерыва, зато не до 6½, а до 5–5½ часов. Часов в пять каждый надевает свой пиджак, воротник и галстук, и мы втроем идем домой, сначала пешком до Toretto, а оттуда на конке прямо на Posillipo. В 6½ ч. меня ждет обед, очень хороший и сытный, хотя немного однообразный (вина хватает на 4–5 дней бутылка); за обедом я, чтобы не скучать, читаю книгу. После обеда полежишь себе в кресле до половины восьмого или восьми, а там идешь каждый день к Шевяковым пить чай, на что я получил постоянное приглашение.

[Италия, Неаполь. 13.06.1902] В прошлом письме я писал вам, что мы были на Искии, теперь мы успели съездить и на Капри. Сначала мы побывали в Голубом гроте, оттуда высадились на Капри и позавтракали, а затем объехали кругом весь остров. Вот такие поездки и еще разные экстренные расходы и превышают норму дневной траты. Поездка на Капри стоила лир 5; за получение микроскопа (который очень хорош) я заплатил 5 лир; кроме того, у меня стали вываливаться из пенсне стекла, а потому я купил другое, заплатив, опять же, 5 лир. Траты свои я аккуратно записываю ежедневно; в общем, в день выходит 7–7,5–8 лир.

Я забыл вам написать, что в первые дни после моего приезда в Неаполе была стачка всех коночных кондукторов; конки ходили очень редко, и на каждой сидело по несколько жандармов и солдат; на улицах повсюду толпились солдаты, и по городу разъезжали конные патрули. Однажды за городом нам пришлось увидеть целый ряд

¹⁹ Сальваторе Ло Бьянко (1860–1910). Сотрудник Неаполитанской зоологической станции, заведующий отделом изготовления коллекций. Попал на Станцию подростком и, не имея никакого образования, сделался незамеченным сотрудником. Неаполитанский ун–т присвоил ему степень доктора. Опубликовал несколько статей по консервации морских беспозвоночных и по результатам глубоководных каприйских экспедиций Ф.А. Круппа, в которых он участвовал.

повозок, в которых сидели с цепями на руках участники беспорядков, а около них ехали жандармы. Всё это время было очень интересно; теперь всё успокоилось.

Мы рассчитываем с Дерюгиным²⁰ и Сукачевым достать проводника и отправиться на Везувий пешком, притом не днем, а дождавшись полнолуния, ночью, при лунном свете, чтобы прийти на вершушку к восходу солнца; не знаю, как это устроится.

Мы ездили на днях еще в Комальдоли²¹; это старый бенедиктинский монастырь над Неаполем, откуда открывается чудный вид; там было очень хорошо: тихо, прохладно, по саду бродили монахи в белом, точно тени среди полей Елисейских; я разговорился с одним из них, который был нашим провожатым, и удивлялся, отчего их так мало (всего 7 человек); он отвечал на это: «*Ну что ж, найдется еще место и для вас*», и посмотрел на меня, добродушно улыбаясь.

[Италия, Неаполь. 9.07.1902] В Неаполе уже начинается разъезд русских: Палладины уже уехали, завтра уезжают Сукачевы, а через полторы недели Аверинцев; ну, да это всё меня особенно не касается.

Прогулок особенных, после того как я написал последнее письмо, не было, зато мы раза два ходили пить пиво к Гамбринусу и недавно были здесь в театре Беллини, где давали «Паяцев» и «Сельскую честь». Но это не так интересно, гораздо любопытнее был народный праздник и иллюминация в честь «*Madonna della Carmen*»²². Праздник этот справляется в одном из бедных и грязных кварталов Неаполя, где все улицы кишат итальянским сбродом; вся площадь, все улицы, залиты светом от бесчисленных рядов плошек, фонариков и лампочек, развешанных в причудливые и красивые фигуры, на что итальянцы большие мастера. А внизу, под этими фестонами огней копошится, топчется и кишит на грязной, забросанной всякими объедками мостовой столь же грязная толпа. По бокам, посреди улицы, повсюду расставлены столы и походные кухни с разнообразнейшими яствами: в одном

²⁰ Константин Михайлович Дерюгин (1878–1938) — выпускник ИСПБУ, зоолог–гидробиолог, ученик В.М. Шимкевича, один из первых отечественных гидробиологов, провел за свою жизнь более 50 экспедиций на всех морях России; проф. (1919) и основатель каф. гидробиологии и ихтиологии ЛГУ (1928).

²¹ Правильно: Камальдоли.

²² Правильно: *Madonna del Carmine*.

месте предлагают вареных ракушек, в другом грязная баба прямо своими жирными пальцами вытаскивает из котла кукурузу и предлагает ее желающим; тут же идет продажа кренделей, тыквенных семечек, лимонаду, макарон, и прочих, по природе своей весьма вкусных вещей, но которые тут из-за подобной грязи становятся прямо-таки отвратительными. Между ногами шмыгали каждую минуту мальчишки, кучами бродили оборванцы, так что я всё время одной рукою придерживал портмоне, а другою — часы. На днях мы всё собираемся посмотреть Помпею при лунном свете, не знаю только когда.

[Италия, Неаполь. 22.07.1902] У Шевяковых есть тут знакомый скульптор, Фоска, делающий им бюст Ковалевского²³; у него большое семейство, с которым он приходил к нам на виллу обедать и после пригласил за то и всех нас к себе. Я пошел с удовольствием, так как интересно посмотреть на итальянский обед. Мы все, конечно, разделились, как только могли: Шевяков надел смокинг, Швейер — сюртук, я — визитку и затем торжественно отправились на обед. Входим к Фоске и застаем там его и всех гостей, одетых совершенно запросто, в каких-то подозрительной чистоты пиджаках и светлых брюках, в рубашках с отложными воротничками и т.д. По большей части присутствовали какие-то подозрительные молодые люди, был и старик «маэстро» фортепьянной игры, но тому лучше бы не приходиться: он уже до начала обеда был навеселе, а к концу его даже совсем пьян и ходил сильно раскачиваясь. Нас усадили между барышнями и дамами, так что приходилось плохо, но, все-таки, я кое-как справлялся и болтал по-итальянски, подвирая и коверкая. В числе кушаний были неизменные макароны с «vongoli» — вареными морскими ракушками (которые я не ем), потом курица, приготовленная по одному способу, курица — по другому, мясо, соленая рыба, жареная рыба, пирожное и фрукты. За фруктами все прямо накинулись на большой букет цветов, стоявший посреди стола, и буквально разнесли

²³ Александр Онуфриевич Ковалевский (1840–1901). Знаменитый зоолог-эмбриолог и сравнительный физиолог беспозвоночных; окончил ИСПБУ (1863), но основное образование получил в Германии — Гейдельбергский и Тюбингенский ун-ты (1859–1862). Магистр (1865) и доктор зоологии (1867) ИСПБУ. Работал и преподавал в Казанском, Киевском, Одесском (Новороссийском) и Петербургском ун-тах. Чл.-корр. (1887) и академик (1890) ИСПБ АН.

его по кусочкам, засовывая себе цветы в петлицы, в волосы и куда только возможно. После обеда хозяин показывал свой крошечный садик, в 2–3 квадратных сажени, с персиками, фигами и виноградом; садиком своим он очень гордится. Потом все отправились в залу (причем хозяин любезно предложил нам, что если кому что нужно, то, всегда можно выйти в сад), и там начались танцы, но совершенно отличные от наших, и потому, мы не могли принять в них участие. Вскоре, к счастью, Лидия Ал[ександровна] нашла какой–то предлог, и в 10 1/2 вечера мы благополучно отправились домой.

Раз я был на фейерверке; что касается до обстановки, это всё как две капли воды походило на праздник, описанный мною в прошлом письме; но сам фейерверк был восхитителен; я с наслаждением смотрел около часу, как вздымались к небу снопы ракет, пучки огненных змей, как крутились сверкающие колеса и взлетали кверху разноцветные огоньки римских свечей.

[Италия, Неаполь. 4.08.1902] Что касается всей станционной жизни, то она идет по–прежнему. В последние две недели были прогулки в Байи и на Прочиду²⁴. В Байи мы отправились так: в 12 1/2 ч. наш маленький «Johannes Müller» подошел к нашей вилле, мы сели на лодку постоянно торчащего у наших берегов барочника Рафаэля и переправились на борт; там уже были Ло–Бьянко, американец Чайльд с женой, молодой итальяшка тоже с женой, два вышеупомянутых швейцарца, Тур (приехал на месяц), один словак и мы; общество, как видите, самое разноплеменное. Вы помните, как мы в прошлом году ездили на извозчике в Байи и что мы видели там; ну, так–то же самое осталось там и теперь; тот же старик–гид с козлиной бородой, показывающий храм Венеры и подземный храм Сатурна, та же тарантелла с теми же исполнительницами. Но на этот раз мы не останавливались надолго в Байи, а пошли пешком на озеро Фузаро со знаменитыми устрицами; там мне очень понравилось: ровное, гладкое озеро с пологими, заросшими лесом берегами и с панорамой на гору Вала. Я со Швейером ездил по озеру на лодке, ловить для него инфузорий. Пробыв на озере часа полтора, мы вернулись в Байи, где пообедали, и затем, часов в 9 вечера, при чудном лунном свете поехали на нашем пароходе обратно. Море было совершенно тихое, без малейшей ряби,

²⁴ Городок на север от Неаполя и один из островов Неаполитанского залива.

луна стояла точно блестящий серебряный щит, яркая и круглая, а мы незаметно скользили по воде и распевали песни. Швейер пел по-русски, швейцарцы бурчали что-то по-своему, а Ло-Бьянко пропел нам особую песню об «Аквариуме», составленную по-итальянски одним из работавших на станции; песня мне эта интересна и, если будет возможно, я достану ее и спишу.

Другая поездка, маленьким обществом, была на Прочиду. Это маленький островок по дороге на Искию; проплыв мимо городка, расположенного уступами на одном из мысов, мы остановились прямо у берега, спустили лодку и высадились, чтобы побродить по берегу. Но потом этого показалось мало, и мы поднялись по широкой, с пологими ступенями лестнице наверх на гору, чтобы добраться до городка, который мы проходили. По одну сторону лестницы были почти отвесные скалы, а по другую — пологий обрыв, где, точно в тропическом пейзаже, рос бамбук, желтели своими почти поспевшими плодами кактусы и, ощетинившись, торчали во все стороны колючие агавы. Поднявшись, мы очутились между двумя рядами грязных, закопченных домов — это улица, по которой можно добраться до главной «piazza» городка. Городок этот производит очень странное впечатление — это смесь всех эпох и стилей. От моря поднимаются террасами, один за другим, низкие, полуразрушенные, точно после землетрясения, домики, со слегка выпуклыми крышами, притом так, что потолок одного дома служит балконом другому — это уголок востока, вероятно, остатки от времен Сарацин. На верху, на горе, масса старых, убогих церквей, которые там и сям выдаются среди сырых, старинных же домов XVI–XVII столетия. Это типичные Средние века. В дополнение картины видишь такую сцену: налево — старая каменная стена с бойницами, направо и прямо впереди теснится узкая, извилистая, совершенно пустая улочка, а посередине ее, разговаривая с кем-то, выглядывающим из окна, стоит закутанный в черную рясу старый монах; эта сценка навсегда останется у меня в памяти. Наконец, женщины, обычно старухи, ходят в каких-то темных или черных плащах, драпируясь в них, точно древние римляне в свою тогу; это положительно город контрастов: полная патриархальность, простота и грязь, а рядом в доме, на котором стоит «анно 1589», бречит разбитое фортепьяно; и так во всем. Одним словом, эта поездка оставила мне много хорошего в памяти.

[Италия, Неаполь. 31.07.1902] В последнем большом письме я говорил о поездке нашей на Прочиду; после этой поездки прошло несколько дней, и неутомимым Шевяковым снова захотелось улизнуть из Неаполя. Переговорили с Ло-Бьянко и порешили отправиться всей почти станцией на Капри, отчасти для прогулки, частью для того, чтобы ловить Шевякову материал с глубины 300–1000 метров. Итак, в назначенный день пароход заехал на нашу виллу, и мы пересели на него целым домом, ибо Шевяковы пожелали взять на Капри и детей с няней. Погода была тихая, над морем стояла утренняя серая дымка, так что Капри, цель нашего путешествия, был совершенно скрыт в тумане. К часам 10 окончательно прояснилось, так что видны стали все берега Неаполитанского залива. Мы любовались стаями чаек, покачивающихся спокойно на воде, и пролетавших изредка мимо пароходика летучими рыбами, которые, совершенно напоминая ласточек, шныряли над самой поверхностью воды. Вдруг в полуверсте от нас показалось целое стадо дельфинов, пересекавших пароходу путь. Между матросами поднялась сразу невообразимая суматоха, и все они закопошились точно муравьи: это они решили воспользоваться случаем и устроить на дельфинов охоту. Несмотря на кажущуюся беспорядочность, через минуту все приготовления уже были сделаны. Рулевой Антонио, высокий, сухой, скуластый сицилиец передал руль моему приятелю Альфонсо, а сам бросился к носу парохода; в то же время остальные успели уже снять с крючков два гарпуна, приладить их хорошенько и держать наготове. Чтобы не упустить ничего из готовившегося зрелища, я кое-как примостился около Антонио на самом носу. Он стоял, крепко упираясь широко расставленными ногами в палубу, держа длинный и тяжелый гарпун наготове и всем корпусом подавшись вперед, чтобы следить за добычей. Наконец, пароход, подошедший к дельфинам, стал пересекать им путь (а они плывут гуськом, один за другим) и наступил момент, когда целая стая оказалась под водой перед самым носом парохода, изо всей силы удирая от такого неприятного соседства. Было так красиво видеть этих больших, красивых животных, когда они скользили, серебрясь, в прозрачной голубой воде, под самыми моими ногами. Этого-то момента и ждал Антонио; он, точно пружина, выпрямился и метнул со страшной силой свой гарпун в глубину. Я еще не успел опомниться, как уж он отскочил назад, бросился к веревке, на которой держался

гарпун, и закричал: «Скорее, отдавайте веревку, травите канат, чтобы дельфин не оборвал гарпун». Действительно, будучи поранено, животное немедленно бросается вглубь, и в это время не надо вытягивать его, а, напротив, отпускать веревку, чтобы оно ослабло и не держалось очень сильно. Минут через 5 веревку стали вытягивать, и скоро дельфин показался на поверхности, крутясь около парохода и, крася воду своей кровью; гарпун попал ему прямо в бок. Когда дельфина подтянули к борту, Антонио горячился, конечно, больше всех других, как убивший животное, свесившись совсем над водой, ловко накиннул дельфину на хвост скользящий узел — и полугорасаженное чудище было подтянуто на блоке кверху, где его добились теми же гарпунами. Я написал вам об этом дельфине более двух страниц, из этого можете судить, как меня заинтересовала охота. Еще два слова о нем: подъехав к Капри, мы спустили дельфина на берег и оставили; через час от него не осталось ничего кроме мотушки кишок; остальное итальянцы растащили себе на обед, все—всё до крошки: а, каковы?

На Капри мы поселились, по рекомендации Ло—Бьянко, в отеле «Scheizerhof», хоть это и оказалась дрянь порядочная относительно еды. Позавтракав, я прилег на часок поспать, потому что очень устал (ведь я, забыл написать, не сразу слез на берег, а еще ездил с Ло—Бьянко и еще двумя—тремя добровольцами, на ловлю), так что пробыл на море с 7 до 1 часу. Другие разбежались, кому куда понравилось <...>. Следующий день мы весь пробродили со швейцарцем по острову: сначала на один конец острова — на виллу Тиберия, затем на совершенно противоположную сторону, в городок Анакапри. Такие прогулки вдвоем мне больше всего нравятся: идешь себе спокойно, снимешь пиджак, чтобы не было жарко, пить захочется, так зайдешь в виноградник, поговоришь с крестьянами и крестьянками, сорвешь сам себе винограду или выпьешь вина и идешь себе дальше. Так мы проходили целый день, а вечером, часам к 9, Ло—Бьянко уговорил всё общество собраться в этой же кофейне «Zum Kater Hiddigeigei», чтобы потом идти в маленькую таверну и там провести часок—другой. И, действительно, Шевяковы, Тур, чета американцев, немец Симиг, швейцарец и я — все мы собрались в условленном месте. Сначала выпили немного там, а потом по узким улочкам пробрались в маленькую таверну, где единственная комната была вся расписана разными художниками, жившими на Капри; я в первый раз видел что—то подобное.

В таверне все окончательно повеселели; Ло–Бьянко снова пел песню об «Аквариуме», немцы орали студенческие песни, Ло–Бьянко затягивал потом и наши русские, одним словом было весело. Уже было полдвенадцатого, когда мы тронулись из города вниз к Marina Grande, где находился наш отель. Мы с немцем и швейцарцем подотстали и, спускаясь мерным шагом по шоссе, распевали немецкие песни, причем я, конечно, не зная таковых, мог только подтягивать, что и проделывал очень усердно.

На другой день утром все мы хрипели и сипели ужасно, но, в общем, чувствовали себя отлично. Я со швейцарцем снова отправился в горы, смотреть на Arco Naturale, где громадные скалы, прорезанные посредине широким отверстием, образуют громадную естественную арку. В три часа был назначен отъезд, и вскоре после завтрака мы стояли уже на берегу перед наши пароходом. Во время переезда была, так называемая, мертвая зыбь, т.е. широкие, пологие волны при полном безветрии.

[Италия, Неаполь. 27.06.1905] Единственным изменением прежнего образа жизни являются, от времени до времени, прогулки с Мериакри²⁵ на Castel St. Elmo, что над Неаполем. Оттуда открывается чудный вид на залив, да и вообще эта верхняя часть города своей тишиной и чистотой очень мало напоминает настоящий Неаполь. Там можно пообедать (довольно скверно), полежать часик–другой на траве, любуясь Везувием, а затем снова спуститься по funicolare в шумный муравейник городской жизни. Недавно была экскурсия на Капри; опять я видел Голубой грот, опять обедал в том же отеле, где и два года назад, но настроение было хуже; прежде и сам был гораздо беззаботнее, да и в России обстоятельства были иные.

Отрывок из письма П.П. Иванова²⁶

[Италия, Неаполь. 10.08.1910] Живу всё так же, проклятые черви никуда не отпускают меня из Неаполя поехать подальше, чуть не

²⁵ Русский студент, учившийся тогда у проф. Бючли в Гейдельберге.

²⁶ Петр Павлович Иванов (1878–1942) — выпускник ИСПБУ (1901), зоолог–эмбриолог, ученик В.Т. Шевякова, проф. ПГУ (1919), основатель в ун–те каф. эмбриологии; работал также в 2–м Медицинском ин–те и в Ин–те экспериментальной медицины. Один из крупнейших отечественных эмбриологов первой половины XX в. Письмо хранится в семейном архиве.

посмотришь за ними, начинают дохнуть. Чего доброго и нынче тоже на Капри или в Амальфи не попаду. Сегодня вся зоологическая станция отправилась на пароходе на о. Искию — пришлось отказаться. Об этом положим не очень жалко — в море, по-видимому, качает и дождь накрапывает. Много уж очень, что хотелось бы посмотреть и сделать есть, а времени мало. Выехать отсюда думаю 13-го августа (нашего), немного опоздаю в корпус²⁷, но ведь это как-никак правительственная командировка, а потом можно всё свалить на конгресс зоологов в Граце, как будто я там был. Станция начинает пустеть, половина народу уехала в Грац²⁸, часть в отпуске. Предстоит здесь, говорят, нехорошее время, погода в августе и сентябре в Неаполе тяжелая, дует африканский ветер «сирокко», это я уже испытал недавно — довольно скверное состояние, ходишь как разваренный, воздух тяжелый и душный. Но пока очень хорошо, солнечно, а если дождь пойдет, так только чуть побрызгает. Через три дня Неаполь сойдет с ума — будут выборы Regina del mare²⁹, говорят при этом интриг, ругани не оберешься. В магазинах выставлены фотографии Regina's других городов, что-то я не очень восхитился ими — фотографии плохие. Выбирать будет комиссия из 25 человек, то-то теперь за ними ухаживают претенденты. Вчера опять в самое обеденное время ввалилась в Аквариум экскурсия русских учителей, пришлось им показывать животных. Одна учительница вначале, стоя около меня, громко спрашивала с тоскою «По-немецки или по-французски он будет объяснять»? Ужасно есть наивные особы: другая, глядя на морских угрей и мурен, которым кладутся в аквариум глиняные трубки и горшки, чтобы они могли туда прятаться, спросила: «А как они в море обходятся без горшков?» и вопрос был предложен так неожиданно, что принял совсем особый смысл и весьма развеселил всю компанию. Устроители экскурсии обещают, что мне от какого-то комитета будет прислана благодарность — мне бы лучше деньгами в таком размере, как здешние гиды с меня дерут <...>. Последнее время стали и по вечерам часов до 10 сидеть на станции. Одно из окон моей комнаты выходит в сад Villa Nazionale, где играет музыка совсем почти под окном.

²⁷ В то время он преподавал естествознание в 1-м Кадетском корпусе.

²⁸ В Граце (Австрия) проходил тогда Международный зоологический конгресс.

²⁹ «Королева моря» (итал.).

Хороший оркестр, играли Чайковского и как-то раз смерть Зигфрида и какой-то марш. В итальянских и немецких газетах только и пишут про Россию, что о холере и, действительно, она приняла серьезные размеры, уже 102 чел. в день. Были ли случаи в Царском? Удивительная вещь — в Неаполе и жарче, и грязнее он по внешности Петербурга, и скученность ужасная, но не развилась же здесь такая мерзость, как у нас...

Письма В.А. Догеля

Средиземное море, пароход Фельдмаршал. 04.04.1914³⁰. В Неаполе пароход простоял целый день, который мы и провели в компании с Зеленским. Были на Станции, потом завтракали на Позилиппо, а затем успели еще съездить в Байи и на Аверенское озеро. Боже мой, как хорошо в Неаполе! С балкона ресторана на Позилиппо смотришь вниз, на залив, и не веришь, что пред тобой действительная природа, а не декорация. Впрочем, остановка в Неаполе произвела особо сильное впечатление потому, что здесь мы на долгое время простились с Европой и со знакомыми лицами и местами.

[Италия, Неаполь. 16.07.1926³¹] В воскресенье 13-го был я с Северцовыми³² в Капо дель Монте³³. Осмотрели дворец, посидели в саду, который разбит на французский манер, с прямыми аллеями стриженных деревьев, но главное внимание обратили на фарфор. Большинство сервизов белого цвета с мелким разноцветным орнаментом и медальонами с видами Италии. Несколько мисок со слегка выпуклыми фигурками из мифологии прямо прелесть. Вообще фарфор имеет свой почерк, и я постараюсь найти хоть тарелочку. Вернулись в город в 3 1/2 ч. и обедали в ресторанчике, так как Шевяковы были в Помпее в этот день. Потом Северцовы повели меня угощаться

³⁰ Выдержка из письма В.А. Догеля на пути в Африку, где вместе с И.И. Соколовым они провели в экспедиции почти полгода.

³¹ Выдержки из писем В.А. Догеля во время его 4-го последнего приезда на Неаполитанскую зоологическую станцию.

³² А.Н. Северцов (1866–1936) — выпускник ИМУ, крупный отечественный зоолог–морфолог, магистр (1895) и доктор (1898) зоологии, ученик А.П. Богданова. Проф. Юрьевского, Киевского и Московского ун–тов, академик РАН (1920).

³³ Правильно: Каподимонте.

к Кафлишу, здешнему хорошему кондитеру, но я, чтобы не одолжаться, выпил только две чашки черного кофе.

Вечером того же дня я видел процессию в честь Св. Антония. Раскрашенную статую святого несли на плечах, почти приплясывая, а сзади несли хоругви со страусовыми перьями на верхушках, а военный оркестр жарил самый отчаянный марш. Здешняя религиозность носит иной отпечаток, чем у нас. Меньше духовного и отблеск чего-то языческого.

[Италия, Неаполь. 20.06.1926] Дописываю письмо после завтрака и короткой прогулки. Пошел завтракать в небольшой ресторанчик в 10 минутах ходьбы от станции. Взял макароны с томатом и небольшой графинчик вина, и заплатил 25 коп. Потом решил пройтись, прежде чем возвращаться на станцию. С одной из главных улиц города Chiaja вы можете войти в подъезд, и по многочисленным ступеням, поднимаясь как будто внутри дома, выйти в совсем другой части города, которая лежит на 6 или 7 этажей выше Киайи. Оттуда я пошел потихонечку всё выше и выше по маленьким улочкам, по рядам ступенек, потом вновь по улочкам и решил добраться на самую вершину горы Vomero, на которой лежит соответствующая часть города и старинный монастырь San Martino. Дорога, по которой я поднимался на каждом шагу, на каждом повороте улицы открывает чудесные панорамы: то на море и Везувий, то на другую гору с королевским дворцом Капо ди Монте. Туда было особенно красиво смотреть, ибо с той стороны надвигалась огромная армия черных туч, готовивших серьезную грозу. На одной красивой вилле даже сделана надпись: «Guardate qui Napoli nobilissima, incantevole sirena»³⁴. И, действительно, город этот кажется очаровательной сиреной. Но тут же рядом идешь по улочкам, где валяются отбросы, у всех окон и балконов висит белье, а матери там и сям ищут в голове у прехорошеньких деток. Как остатки старины на многих домах видны капеллы с изображением Богородицы, большей частью украшенные цветами. А под некоторыми окнами я видел вделанные в стену и торчащие из нее бычачьи рога: должно быть в охрану от дурного глаза. Прогулка была прекрасная,

³⁴ Правильно: *Mirate da qui Napoli Nobilissima, l'incantevole Sirena*, Любуйтесь отсюда на благороднейший Неаполь, очарованную сирену (в итальянском языке Неаполь, как и другие названия городов — женского рода).

но в течение ее я сделал не менее 700–800 ступеней, так что устал порядочно. Ведь вы знаете, на склоне горы есть еще такие квартиры и комнаты, при которых нет ни сажени ровного пространства. Перед дверьми прямо ступеньки: сотня ступенек вниз, да столько же наверх. Вот несчастные—то жители этих квартир. Только что успел прийти на станцию, как разразилась гроза, но теперь я уже уютно сижу у себя в комнате.

[Италия, Неаполь. 2.07.1926] Не успел Вам вчера написать, потому что очень устал после экскурсии. Утром в 8½ ч. к Шевяковской вилле подъехал станционный пароходик и забрал меня, Шевяковых и Северцовых, чтобы ехать на Capo Miseno. Там желающие должны были купаться с пароходика, а другие могли выйти на берег. Capo Miseno это мыс, замыкающий с одной стороны Неаполитанский залив. За ним начинается уже открытое море. Хоть около нас море было совсем гладкое, но по пути до Miseno немного качало, и мадам Северцова и одна золотозубая американка, работающая на станции, провели часть пути в полу лежачем положении. Худшего ничего не случилось. По приезду на Capo Miseno компания разделилась: пара шведов и пара немцев поехали купаться. Северцовы с американкой решили выпить кофе в городке Casoli, около которого мы пристали, и вернуться по прямой дороге в Неаполь. А мы с Шевяковыми, воспользовались сравнительно прохладной и туманной погодой, чтобы пойти пешком в Кумы. Кумы были самой древней из греческих колоний, основанных в Италии, и лежали на берегу уже открытого моря. Шли мы часа три, прошли мимо знаменитого своими устрицами Фузарского (соленого) озера и дальше по пыльной дороге среди виноградников. Наконец налево от нас показалась между нами и морем гора с какими—то развалинами наверху. Спросили, и это и были Кумы. Только жилья почти никакого нет и никаких трактирчиков. А между тем с утра мы ничего не ели. Это несколько охладило наш пыл, но, тем не менее, решили обойти кругом гору и выйти к морю. Пошли среди кустов по маленькой тропинке, и тут было очень хорошо. А еще лучше стало у моря. Песчаный берег весь зарос цветущими кустами миртов (цветы, как шестиугольные белые звездочки) и дрока. В траве много приятно пахнущей мяты и полыни, а сам берег чудесный, песчаный. Дул ветер, было достаточно прохладно, чтоб не страдать от жары, а волны открытого моря ударялись в берег и пели свою неутомимую песню. Я с громадным

наслаждением пролежал на песке около часа, ни о чем не говорил и только смотрел на море. На обратном пути зашли в кабачок (совсем простой), спросили сыру, копченой колбасы, абрикосов, апельсинов, два литра вина — и всё это удовольствие обошлось по полтиннику (на русские деньги) на человека. Потом Шевяковы остались гулять в городке Поццуоли, а я поехал в Неаполь.

Отрывки из записок С.С. Чахотина

[Париж, август 1946³⁵] Помнишь, грохот и сумятицу уличной жизни в Неаполе, дикую пыль, нестерпимую жару и синее море? Проголодавшись, забралась мы, прежде всего в Chiaia, недалеко от Asquario, и с упоением ели макароны, жареную рыбку и пили чудесное, терпкое красное вино, от которого у нас почти сейчас же стала кружиться голова. Я никак не мог успокоиться от сознания, что я в Неаполе — в моем милом, шумливом, безалаберном Неаполе, я шутил, хохотал, целовал через стол твои руки и был готов отдать все деньги в бумажнике. *«Ты знаешь — говорил я — Ведь мы их надуваем — мы даем им эти презренные смятые бумажки, а они дают нам это всё — пляшущее солнце, смеющееся небо, это синее-синее море, с цветами, поющими рыбаками, забрасывающими в него свои сети, и этих бронзовых, чудесных мальчишек»*. Слышать вдали мандолину, видеть красные арбузы на разрез, черноглазых женщин, громко кричащих и спорящих на улице... и звон трамваев, и фантастическую грязь. Запах морской тины, жирные лоснящиеся макароны и это дивное, сумасшедшее вино. Твои глаза и счастливая улыбка... весящее повсюду

³⁵ Сергей Степанович Чахотин (1883–1973) — выпускник Гейдельбергского ун-та (1907), клеточный биолог и биофизик, ученик О. Бючли. Большую часть активной научной жизни Чахотин провел в Италии, Германии и Франции; работал в Неаполе 3 раза (1909, 1913, 1932). После эмиграции из России (1919), вернулся в СССР в 1958 г. и в 1960 был удостоен звания д.б.н. по совокупности работ. Отрывки были собраны их автором в виде коротких писем, обращенных к неизвестной возлюбленной Чахотина тех лет (1946). Архив С.С. Чахотина. Подробнее о С.С. Чахотине смотри мои статьи: «Сергей Степанович Чахотин — гражданин Европы». Право на имя // Биографика 20 века (СПб., 2012. С. 178–185) и «Сергей Степанович Чахотин. 90 лет между Европой и Россией» // Русское слово (Прага), 2021, № 7–10.

на улицах белье — всё это за эти смешные бумажки — *«Берите их, берите все!»*

Мы ходили по грязным закоулкам Неаполя, помнишь, — улицы точно ущелья среди многоэтажных домов, увешенных рядами сушащегося белья, гам громких голосов, снующие всюду, играющие в костяшки, сидя прямо на улице, мальчишки, в лохмотьях, с горящими глазами — того и гляди что-нибудь стащат у зазевавшегося прохожего. Тут же на улице матери кормят грудью детей, — дети повсюду тучами и беременные женщины без конца. Винные лавки, повсюду лавочки с сыром, белоснежными «черными» булочками, с колбасами и всякими сладостями — дивное мороженное... И брань в воздухе, и смех, и звуки мандолины — не изменилась ты, Италия — ни Муссолини, ни американцам не удалось к счастью окультурить, объевропейть тебя! *«Смотри, смотри, дорогая — говорю я тебе — это Неаполь. Это самый настоящий, бессмертный Неаполь. Вон там, видишь сквозь арку — синее море и дымящийся Везувий, а вон там — причудливый силуэт Капри»* <...>. Сегодня мы тряхнем стариной, милая, — пойдем на Зоологическую станцию — Неаполитанская станция самая старая и самая лучшая, пожалуй, во всем мире. Помнишь, мы пришли в это белое здание, утопающее в зелени — здесь неоднократно я жил и работал научно, здесь встречался с учеными всего мира, стекавшимися отовсюду в этот дворец науки. Здесь возвращался я к жизни и прерванным научным изысканиям после катастрофы мессинского землетрясения³⁶ <...>. Как счастлив я водить тебя по лабораториям, в библиотеку, в аквариум. В его полумраке плавают, ползают по дну водоемов, карабкаются по подводным скалам, зарываются в песок крабы, рыбы, моллюски, причудливые морские звезды и ежи, раскинувшие свои щупальца, словно цветы, морские анемоны, светящиеся, прозрачные как стекло медузы и ктенофоры — весь этот изумительный подводный мир, захватывающий, увлекающий <...>. Помнишь, как потом мы навестили живущую тут же на станции директрису ее, русскую приветливую госпожу Дорн и пили чай у нее, и говорили о Неаполе, о станции,

³⁶ Чахотин был погребен под развалинами дома в Мессине 28 дек. 1908 г. и чудом самостоятельно выбрался из-под руин через 12 ч.

о науке, о международном сотрудничестве³⁷ <...>. Был жаркий летний день и море — синее–синее. Мы сидели с тобою в кафе на набережной — помнишь? Легкий ветерок доносил до нас запах гниющих водорослей и смолы — типичный аромат Неаполя летом. Изнутри кафе доносилась музыка, играли неаполитанские тягучие с переливом песни, и влюбленное состояние в наших душах вторило им.

³⁷ Имелась в виду Т.Р. Дорн (Живаго), которая, конечно, жила не на станции, а в обширной квартире Дорнов неподалеку.

Стефано Каприо

ПРЕПОДАВАТЕЛИ–КАТОЛИКИ В ПРАВОСЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Вступление

История взаимопомощи и взаимоподдержки в области богословского и духовного образования между Католической и Русской Православной Церквами началась, конечно же, не в XX в., она продолжалась на протяжении веков и пережила очень обширные и значительные фазы.

От универсального гения Аристотеля Фьораванти до монашеского гуманизма Максима Грека, через схоластику иезуитов, введенную Петром Могиллой и Стефаном Яворским, у России на ее пути было много возможностей сопоставления и диалога с религиозной культурой католического Запада. Греческий колледж св. Афанасия в Риме, специально созданный в 1577 г. для содействия этой встрече, со дней своего основания принимал русских студентов, среди которых, например, был знаменитый Феофан Прокопович, богослов и идеолог Петра I. Пророческой и вместе драматической оказалась в XVII в. миссия хорвата Юрия Крижанича, посла–утописта, жаждавшего единения христиан и кодифицировавшего правила славистики.

Не вдаваясь в подробности всех этапов развития академической культуры в России в XVIII–XIX вв., сопровождавшегося непрерывным обменом техническими, гуманитарными и религиозными знаниями между Востоком и Западом, вплоть до внутренних дебатов в лоне самой русской культуры между славянофилами и западниками, мы всё же должны упомянуть

период конца XIX — начала XX в., когда вопрос «образования» в области знания двух полюсов христианского мира был поставлен ребром. Как известно, во время понтификата Льва XIII (1878–1903) «восточный вопрос» был рассмотрен в новом духе, в стремлении преодолеть взаимное незнание и непонимание, приведшее к многим неудачам и подозрительности в отношениях между католиками и православными. Своего рода провокацией в России и в Европе стало утопическое богословие о *России и Вселенской Церкви* философа Владимира Соловьева, где автор предлагал идею духовной теократии как программы реформирования Европы в истинном христианском духе, которая должна была быть реализована под руководством русского царя и духовной власти Римского папы. Его проект не был принят так, как он надеялся, в Риме (как впрочем ни в каком другом месте христианского мира), но, возможно, не случайно, что год спустя после его прочтения, в 1891 г., Папа издал энциклику *Rerum Novarum*, являющуюся основой современного социального учения Католической церкви, в которой он обращается к некоторым идеям самого Соловьева. Вскоре после этого, в 1893 г., Иерусалимский Международный Евхаристический конгресс открыто рассмотрел восточный вопрос, сопоставив «унионистский» подход с более проблематичным и диалогичным, в котором выделялась личность пионера экуменизма, князя Макса Саксонского, выступавшего за необходимость более глубокого познания христианского Востока. Были предложены различные решения; самый агрессивный предполагал католическую экспансию на территории Османской империи, с привлечением греко-католических меньшинств и с наибольшим сплочением вокруг них. Также было предложено открыть учреждения по изучению восточных христианских традиций в Константинополе, Иерусалиме и Москве, как того хотели русские иезуиты на протяжении всего XIX века. Секуляристская революция «младотурков» в начале XX в. помешала развитию константинопольских проектов, до тех пор, пока в 1917 г. не произошло выделение специальной Конгрегации по делам Восточной Церкви, в отличие от Соборной, и

открытие Папского Восточного института в Риме со «специальной Программой исследований России и христианского Ближнего Востока».

Ровно столетие спустя после основания этих особых католических учреждений, произошедшего одновременно с теми драматическими событиями, которые определили историю России XX в., мы можем по достоинству оценить смелую попытку взаимопомощи между двумя Церквями в середине того, что сегодня называют «русским веком», по значимости событий с 1917 по 2017 г., которая сегодня приводит нас к размышлению о судьбах вселенской Церкви в третьем христианском тысячелетии.

*От исследования к мученичеству,
в поисках новых путей*

Революционная буря быстро изменила благие намерения «полного любви взора» на христианский Восток, превратив его в неотложность почти апокалиптического противостояния режиму, заявлявшему о своем намерении стереть религию с лица земли. Еще в 20–х гг., когда в Советской России закончилась гражданская война и начались религиозные гонения, Католическая Церковь реорганизовала свои структуры, чтобы нацелить их на борьбу с агрессивным атеизмом. Папский Восточный институт, изначально вверенный бенедиктинцам под руководством будущего архиепископа Миланского Ильдефонса Шустера, был передан Обществу Иисуса, самой миссионерской и «воинствующей» конгрегации Католической Церкви, постоянно находящейся в авангарде в самых горячих областях евангелизации и продвижения католицизма в мире. Институт всегда был местом сопоставления и синтеза лучших сил со всего католического мира (до сих пор он объединяет преподавателей и студентов из различных монашеских конгрегаций и епархий) и остается под общим управлением иезуитов Григорианского университета и Конгрегации по делам Восточных Церквей, что является уникальным случаем как в римском академическом мире, так и в целом в католическом.

Неудивительно, что иезуиты появились на передовой в поиске новых путей, ведущих к укреплению католического присутствия в Советской России. И здесь главным героем был французский иезуит и епископ Мишель д'Эрбиньи (1880–1957), который сделал себе имя в 1911 г., защитив по достоинству оцененную диссертацию о русском философе Соловьеве, опубликованную под названием *Владимир Соловьев — новый русский человек*, и получившую награду Французской Академии. Прибыв в Рим в 1921 г., чтобы преподавать в Григорианском университете, год спустя Д'Эрбиньи становится ректором Папского Восточного института, который с тех пор был фактически вверен иезуитам, и окончательно отделил его от Григорианского университета. В декабре 1924 г. он стал консультантом Конгрегации по делам Восточных Церквей, приняв на себя управление русскими делами, и вдохновив в 1925 г. основание Комиссии «Pro Russia», во главе которой он оставался до 1934 г., года его внезапного и таинственного ухода. Как известно, Д'Эрбиньи предпринял попытку организовать подпольную сеть священников, епископов и католических общин в СССР, которая закончилась полным провалом. В 1928 г. ему удалось реализовать свой главный проект, заключавшийся в основании семинарии для подготовки русских молодых священников, которые должны были обеспечить будущее церковной жизни и евангелизации в коммунистической России, как для католиков, так и православных.

Папа Пий XI основал Колледж *Руссикум*, который в 1931 г. был переведен в здание, прилегающее к Восточному институту, где находится по сей день. При отсутствии призываний из России, за исключением нескольких русских из семей эмигрантов, в Руссикуме начали готовить священников, происходящих из разных стран, и вышедших из их первоначальной юрисдикции, чтобы начать исключительное служение миссии Pro Russia, «*quotidie dare Domino in sacrificium seipsos pro populo Russo*»¹, согласно официальной формулировке. Им преподавали русский язык и культуру и готовили к совершению литургии по восточному обряду, с предоставлением особого разрешения на

¹ Жертвовать себя ежедневно Господу ради русского народа (лат.).

двоеобрядность, служение по латинскому и византийско–славянскому обрядам, что, как правило, не является нормальной церковной практикой.

Миссионеры Руссикума должны были быть готовы даже заменить православных священников, которым, как казалось, всем было суждено оказаться в аду советского Гулага. Во время войны некоторые священники Руссикума были направлены на украинские и российские территории, оккупированные нацистами. Несколько десятков священников пытались включиться в подразделения оккупантов, в качестве капелланов немецких и итальянских войск, и даже как простые солдаты для того, чтобы присутствовать и действовать на территории, даже в случае победы Советов и отвоевания ими оккупированных земель. Так в действительности и произошло, но все миссионеры Руссикума были немедленно выявлены и депортированы, некоторые из них были убиты, другие заключены в тюрьму и отправлены на долгое время в лагерь. В течение чуть более десятилетия все епископы, тайно рукоположенные Д'Эрбиньи, были арестованы, сосланы или казнены, а попытка организовать Церковь в России посредством тайных назначений была окончательно оставлена.

Провал подпольной миссии, однако, не унял, а еще больше подстегнул рвение католических начинаний в отношении России. Папа Пий XII в 1942 г., по просьбе португальской провидицы сестры Люсии из Фатимы, посвятил мир Непорочному Сердцу Марии, с явной ссылкой на Россию, а затем в 1952 г. освятил народ России, призвав все Церкви мира соединиться в молитве и предоставить все имеющиеся силы, и особенно молодых людей, ориентированных на священство, чтобы поддержать эту великую миссию Церкви. Многие молодые семинаристы и священники вступили в Руссикум, движимые идеей духовного восстановления мира, разрушенного ненавистью и насилием. Им предлагали два различных подхода к специализации: первый заключался в изучении византийско–славянской духовности русской традиции, а другой в изучении философии и социологии, в особенности марксизма–ленинизма с тем, чтобы лучше знать и опровергать противника. Благодаря этим исследованиям, иезуиты открыли один из крупнейших центров

изучения марксизма в мире. От всех студентов требовалось интенсивное изучение русского языка, на котором они должны были говорить даже за трапезой, и ежедневное участие в византийской литургии в церковнославянской версии, чтобы получить право на биритуальное служение (почти все они, прежде чем отправляться на восточную литургию, совершали латинскую Мессу). Таким образом, литургия стала одним из привилегированных направлений для того, чтобы наполнить «русскую миссию» действенным и всеобъемлющим содержанием.

Невозможность работать непосредственно в России, принимая во внимание послевоенный климат жесткого противостояния между сталинским режимом и Церковью Пия XII, заставила некоторых миссионеров *руссиетов*, как их называли, начать рассматривать другие возможности реализации их миссии. Были предприняты романтические путешествия для учебы и туризма в СССР, чтобы установить полуофициальные контакты с населением, которым в целом советская власть противилась. В разных странах открывались центры по изучению русской культуры и духовности, а также по сбору информации о преследовании христиан и диссидентов в СССР. Одним из самых активных таких центров был брюссельский *Foyer Oriental Chrétien*, основанный в 1951 г. русской интеллектуалкой Ириной Посновой, дочерью православного профессора Михаила Поснова, библеиста и историка церкви Киевской Духовной Академии, эмигрировавшего после революции. В нем активно работали различные члены Руссикума, и прежде всего словенские иезуиты Антоний Ильц (1923–1998) и Кирилл Козина (1925–2004), которые поддерживали издательство *Жизнь с Богом (La vie con Dieu)*, на протяжении многих лет являвшееся основным источником распространения религиозной литературы в СССР. К Брюссельскому центру с 1957 г. присоединилась итальянская группа, Центр *Христианская Россия* из Милана–Сериате, который основал и возглавлял до самой своей недавней смерти еще один выпускник Руссикума, о. Романо Скальфи (1923–2016), вместе с некоторыми священниками и мирянами. Еще несколько подобных инициатив было реализовано не только в Европе, но и в Соединенных Штатах, Канаде, Австралии, Центральной и Южной Америке.

Особая миссия осуществилась в Центре русских исследований Св. Георгия в Медоне, в пригороде Парижа, где работали также разные иезуиты из Руссикума. Там в 1920–1930-е гг. нашла себе приют русская эмигрантская колония, насчитывавшая в ту пору около двух тыс. человек. Среди иезуитов Медона особенно выделялся личность о. Алексея Стричека (1916–2013), преподаватель русского языка в престижном Эколь Политекник, который долго мечтал уехать в Россию. Отец Стричек осуществил свою мечту только в 90-х годах.

Период экуменического диалога и культурного обмена

В 1960-х гг. политический и дипломатический климат в отношениях между Востоком и Западом радикально изменился, благодаря различным событиям, которые не будем здесь комментировать. Решающим событием в отношениях Католической церкви с советским режимом и самой Русской церковью, безусловно, стал Второй Ватиканский собор (1962–1965), благодаря его экуменическим устремлениям и участию московской делегации во главе с митрополитом Ленинградским и Ладожским Никодимом (Ротов; 1929–1978). Еще до открытия Собора Папа Иоанн XXIII 5 июня 1960 г. учредил Секретариат по содействию христианскому единству, как одну из комиссий, занимавшихся подготовкой Собора. Немецкий кардинал и иезуит Августин Беа (1881–1968) стал ее председателем, а секретарем был назначен голландский прелат Иоганн Виллебрандс (1909–2006), долгое время возглавлявший то, что после Собора в 1966 г., станет постоянным Ведомством Римской Курии, а с 1988 г. будет называться Папским Советом по содействию христианскому единству.

Вначале работа Секретариата заключалась в поддержке и организации участия не католических делегаций в Соборных мероприятиях. Контакты, установленные на римском собрании, как раз и положили начало в последующие годы продолжительному периоду двусторонних и многосторонних экуменических диалогов между Католической Церковью и другими христианскими конфессиями.

Католическая Церковь разработала обширную программу приема студентов — не католиков в своих институтах, которая финансово поддерживалась на пожертвования верующих и реализовывалась заинтересованными Конгрегациями и Советами, и прежде всего Секретариатом — Советом по содействию христианскому единству. После Второго Ватиканского Собора, многие студенты клирики и миряне получили возможность жить, учиться и проводить свои исследования в католических университетах и заведениях в Риме и во многих других странах по всему миру. Одной из наиболее активных конгрегаций в реализации этой программы было как раз Общество Иисуса, прежде всего, с его главными академическими заведениями, то есть Папским Григорианским университетом и двумя ассоциированными с ним высшими исследовательскими институтами, Папским Библейским институтом и Папским Восточным институтом. Последний сыграл и продолжает по сей день играть особую роль в экуменических проектах культурного обмена со всеми Восточными Церквами, которые составляют особый предмет, проводимых в нем исследований, особенно в том, что касается изучения Истории литургии и Восточного канонического права.

Папский Восточный институт (ПВИ) является единственным в мире учебным заведением, где есть факультет Восточного Канонического права, а его преподаватели (прежде всего, о. Иван Жужек, 1924–2004) внесли огромный вклад в принятие *Codex Canonum Ecclesiarum Orientalium* в 1991 г., кодекса, регулирующего дисциплину всех Восточных Церквей *sui juris* в рамках католического общения. Несмотря на различия в более или менее систематическом подходе к канонической дисциплине в различных Церквях, специфика преподавания ПВИ всегда вызывала большой интерес у православных ученых. Не меньший интерес, естественно, вызывает и изучение наук, связанных с литургической жизнью Церкви, исследование древних рукописей различных литургических обрядов, истории и литургического богословия многих традиций, из которых византийская является наиболее важной и распространенной.

Историческо–богословский аспект литургических исследований обрел особое экуменическое выражение в новом открытии восточных обрядов, как правило, более древних и выразительных, чем латинские и в частности римский. Среди представителей католического литургического движения выделялись некоторые, посвятившие себя исследованиям литургии христианского Востока специалисты, для которых ПВИ стало естественным местом для выражения их идей и предложений, распространявшихся не только на восточных католиков, но и на православных и на восточных не–католиков в духе экуменизма и общего устремления к первоначальному христианству. Основным представителем и вдохновителем группы «восточных литургистов» ПВИ был испанский иезуит Хуан Матеос (1917–2003), впоследствии ставший известным библеистом. Он продолжил кропотливый исследовательский труд первых литургистов ПВИ², опубликовав в 1959 г. очень важную работу по заутрени в халдейском обряде³, которую можно считать первым примером исследования применительно к проекту возрождения и реформирования восточных обрядов. Позднее стала фундаментальной его публикация *Типикона* Великой Константинопольской церкви между 1962–1963⁴, в которой

² Вспомним Жана–Мишеля Ханссенса (1885–1976), опубликовавшего в двух томах «*Institutiones liturgicae de ritibus orientalibus*» (Рим, 1930–1932) и Альфонса Раэса (1896–1983), преподавателя литургии с 1932 по 1975 г., автора серии «*Anaphorae Syriacae*» и многочисленных статей. Раэс был консультантом Конгрегации по делам Восточных Церквей и членом ватиканской Литургической комиссии на протяжении многих лет, внеся решительный вклад в переиздание восточных литургических книг различных обрядов. Австрийский иезуит Йозеф Швайгль (1894–1964), отвечавший за византийско–славянские богослужения в домовый церкви Руссикума, был автором римского издания славянских литургических книг, к которым он оставил многочисленные комментарии.

³ *Mateos J. Leyla–Sapra: Les Offices Chaldéens de la Nuit e du Matin // Orientalia Christiana Analecta (OCA), 156. Roma, 1959.*

⁴ *Mateos J. Le Typicon de la Grande Église. Ms. Sainte Croix n. 40, Xe siècle. Introduction, texte critique, traduction et notes. T. I: Le Cycle des douze mois // OCA, 165. Roma, 1962; Le Typicon de la Grande Église. Ms. Sainte Croix n° 40,*

излагались на основе рукописей наиболее аутентичный и изначальный аспект византийского обряда, и история византийской Литургии слова⁵, не говоря уже о многочисленных статьях и очерках, посредством которых Матеос не только произвел революцию в восточных литургических исследованиях, но и показал «латинским» литургистам необходимость в гораздо более глубоком анализе древних рукописей и текстов, без идеологических предрассудков и догматической зашоренности, для того чтобы понять всю широту литургического и экклезиологического самосознания Церкви первых веков. Таким образом, он положил начало самой настоящей «школе Матеоса», представлявшей из себя группу молодых ученых, духовных лиц и мирян, связанных с ПВИ, и отдававших все свои силы в течение длительного времени распространению результатов своих исследований среди христиан Востока и Запада. По сей день ей следуют многие наследники этой ветви литургических исследований.

Миссия отца Арранца

Отец Матеос, изначально дав сильный толчок исследованиям восточной литургии, пережил серьезное разочарование из-за недостаточной реакции представителей восточных Церквей, особенно православных, на его предложения по реформе. Принимая во внимание тот большой энтузиазм, который был вызван в Католической Церкви реформой римского обряда, он надеялся на то, что и восточная ветвь сможет объединить усилия, чтобы привести обряды к их первоначальной форме, и что это внесет большой вклад в дело единения христиан. Неприятие его исследований и предложений привели к его постепенному отходу от литургических исследований, и обращению скорее к исследованиям библейским, в которых он достиг результатов не менее достойных его блестящего ума и реформаторского

Xe siècle. Introduction, texte critique, traduction et notes. T. II // OCA, 166. Roma, 1963.

⁵ *Mateos J.* La célébration de la parole dans la liturgie byzantine. Étude historique // OCA, 191. Roma, 1971.

рвения. Он никогда не отказывался целиком от своих литургических исследований, предлагая ежегодный практический семинар по восточной литургии со студентами ПВИ, но отошел от исследовательской и публикационной деятельности по этим темам. Как бы там ни было, «Школа Матеоса» продолжила свое существование даже после того, как ее основатель сменил направление деятельности благодаря работе многочисленных учеников испанского иезуита. Одними из них были два главных ученика два собрата Общества, баск Мигель Арранц (1930–2008) и американец Роберт Тафт (родившийся в 1932 г., профессор литургии в ПВИ с 1975 по 2011 г., скончался в 2018 г.). Эти два иезуита ПВИ в свою очередь продолжили начатые Матеосом литургические исследования, оставив академическое наследие, ныне обогащаемое исследованиями многочисленных специалистов в Италии и по всему миру, включая Россию.

Деятельность о. Арранца⁶, первого из двух последователей Матеоса, была особым и провиденциальным образом связана

⁶ Арранц [испан. Arranz у Lorenzo; Арранц–и–Лоренсо] Михаил (испан. Мигель) родился 9 июля 1930 г. в Гвадалахаре, Испания; иеромонах–иезуит, литургист, доктор церковных восточных наук (с 1967), магистр богословия (с 1979). В 1941–1949 гг. обучался в Малой и Высшей соборной семинариях в Толедо. В 1949 г. поступил в Восточный Папский институт в Риме. Служил иподиаконом у русского католического епископа восточного обряда Александра (Евреинова), рукоположен им во диакона (1952), через два года — во пресвитера. В 1954 г. начал проходить двухгодичный новициат Общества Иисуса в Бельгии, третий год прошел во Франции (1963). 1954 г. — лицензиат богословия в Папском Григорианском университете, в 1967 г. защитил докторскую диссертацию «Мессинский Типикон (рпк. Messin. gr. 115, 1131 г.)» в Восточном папском институте, в 1979 г. — магистерскую диссертацию «Как молились Богу древние византийцы» в Ленинградской Духовной академии. В 1964–1969 гг. был заместителем ректора колледжа Russicum и работал переводчиком с русского языка при папе Римском. Начал преподавать в русском лицее–интернате св. Георгия в Медоне под Парижем (1956); читал курсы: восточной литургики в Папском Урбанианском университете (1967–1972), в Богословском институте св. Николая в Бари (1970–1975), Институте св. Ансельма в Риме (1979–1983); византийской литургики в Восточном папском институте (с 1969; с 1995 — заслуженный профессор института); сравнительной литургики в Папском Григорианском университете (с 1992). В 1969–1975 гг. читал

с развитием отношений между Россией и Ватиканом. Программа академических обменов, начавшаяся в конце 60-х гг., представляла собой, как казалось, неразрешимую проблему. Для адекватного функционирования обмен должен был быть двусторонним, но отправка в Советский Союз католических студентов из западных стран была сопряжена с трудноразрешимыми проблемами, связанными с получением аккредитации и различных разрешений. Чисто случайно именно о. Арранц вступил в прямой контакт с митрополитом Никодимом, и в конечном итоге добился возможности поехать в Россию, чтобы поделиться своими литургическими исследованиями, фактически став единственным представителем католической стороны в программе католическо-православного культурного обмена между Ватиканом и Московской Патриархией. Он сам рассказывал в нескольких интервью об обстоятельствах его встречи с митрополитом Никодимом, для которого он стал не только официальным представителем, но и личным другом, и эта дружба распространилась на того, кого Арранц узнал в качестве молодого монаха и секретаря Никодима, нынешнего Патриарха Московского Кирилла (Гундяева). Отец Арранц поделился в эфире католической радиостанции «Радио Мария» в Петербурге в 1997 г. рассказом о своей встрече с митрополитом Никодимом и о годах академической работы в России, а также о подробностях смерти самого митрополита в Риме, во время аудиенции у Папы Римского⁷.

лекции по литургике в Ленинградской Духовной академии, в 1975–1979 гг. по назначению Патриарха Московского и всея Руси Пимена профессор Ленинградской духовной академии; в 1996–2001 гг. преподавал в светских и церковных вузах Москвы и Петербурга. Под руководством М. Арранца было защищено большое число диссертаций, его аспирантами были литургисты К. Георгиу (Греция), Ч. Джераудо (Италия), А.М. Пентковский (Россия), Г. Шургая (Грузия) и другие. В последнее время жил в Риме, где и скончался 16 июля 2008 г.

⁷ <https://www.katolik.ru/mir/1016--archive/100163--st33553.html> (дата обращ. 2 авг. 2021).

Об о. Арранце и митр. Никодиме см. также *Kaluzny T. Nikodim: una ecclesiologia vissuta*. Roma: Pontificio Istituto Orientale, 1995 (указано А.В. Юдиным).

Лекции о литургии и смысле истории

Ценные замечания по литургике были собраны в выступлении о. Арранца на XIII Междисциплинарном семинаре, организованном в апреле 1996 г. Папским Богословским Факультетом Южной Италии⁸. Прежде всего, важно подчеркнуть, что «иезуитская школа» литургических исследований находилась в глубокой преемственной связи с позициями, представляемыми русским богословием эмиграции, заново перечитывавшим святоотеческие тексты и предлагавшим наиболее подлинную традицию древней Церкви. Ссылаясь на основателя «русской неопатристики» о. Георгия Флоровского (1873–1979), Арранц утверждал, что «во второй половине пятидесятых годов... на меня произвел очень сильное впечатление тезис, предложенный Георгием Флоровским, одним из величайших православных профессоров Свято–Сергиевского Института в Париже и Свято–Владимирской духовной семинарии Нью–Йорка. Флоровский заявлял, что для христиан, и особенно для Церкви, история прекратила свое существование: время закончилось с приходом Господа нашего Иисуса Христа ... Так называемая *История Церкви*, не менее *Мировой Истории*, это лишь недо-разумение, опоздание членов Христовых до сих пор не прославленных, каковыми мы являемся»⁹. Таким образом, апокалиптическая склонность раннего христианства, непрерывным эхом которой является литургия, связана с чувствами русской духовности, которая как раз из своего исторического «опоздания» по сравнению с другими древними Церквями извлекла свою способность выражать новизну христианской проповеди.

Описание истории литургии другого русского богослова эмиграции о. Александра Шмемана как раз подтверждает эсхатологическую натуру христианского вероисповедания,

⁸ Planimetria sacramentale del rito bizantino: liturgia e spiritualità // Pontificia Facoltà Teologica dell'Italia Meridionale — Sezione san Luigi, Liturgia e Spiritualità nell'Oriente Cristiano. In dialogo con Miguel Arranz / a cura di C. Giraud. Torino: San Paolo, 1997. P. 15–43.

⁹ Ibid. P. 15.

опосредованную развитием монашеского благочестия: «Есть одна важная для нас литургистов книга, которая называется *Введение в Литургическое Богословие*; она написана Александром Шмеманом, также преподавателем в православных институтах Парижа и Нью-Йорка. Шмеман выдвигает гипотезу о четырехчастной периодизации истории христианского вероисповедания... Первый период соответствует первым трем векам христианства, период существенного и эсхатологического поклонения, процеженного через веру в парусию и подогретого неустойчивой атмосферой, созданной преследованиями и свидетельством мучеников... Второй период начинается с реформы — в некотором смысле революционной — которой подверглась литургия в IV веке... Третий период характеризуется реакцией ревностных христиан на церковные изменения, произведенные в предыдущий период, который считается золотым веком литургии. Они бегут от мира, и в некоторой степени от Церкви... Этот период проходит почти одновременно с четвертым, когда монахи возвращаются в мир, оставаясь при этом монахами *sui generis*»¹⁰.

В размышлениях Арранца улавливается отголосок разочарования Матеоса и его учеников из-за отсутствия реформы восточных обрядов, выраженного с осознанием абсолютной свободы в подходе восточных христиан к официальной дисциплине Церкви: «У византийцев никогда не было реформы, и не думаю, что когда-то будет. Традиции обновляются — Бог знает, как! — но нет никакой власти, которая принимала бы решение сверху. На горе Афон Богослужения занимают от десяти до двенадцати часов в день; но не все присутствуют на всей службе, а когда присутствуют, не всегда бодрствуют. В других монастырях практикуются сокращения то здесь, то там, но стараются читать и петь все. В мирских церквях, то есть, в соборах и приходах, сокращают гораздо больше, и критерий диктуется обычаями, но некоторые части, которые народ очень любит, неприкосновенны»¹¹. Обращение к «соборной» литургии народа, ее сдержанности и

¹⁰ Planimetria sacramentale del rito bizantino: liturgia e spiritualità. P. 16–17.

¹¹ Ibid. P. 29

способности к пастырской адаптации, как раз и стало сильной стороной исследований Матеоса, Арранца, Тафта и других римских литургистов.

Другое очень важное соображение, связанное с одним из основных убеждений Арранца и других литургистов ПВИ, заключалось в том, что для понимания византийского Востока нельзя ограничиваться тем или иным из его исторических проявлений, греческим происхождением или русским выражением. Даже в том, что позже развилось как латинский мир, есть очень много очевидных свидетельств византийской традиции, которая, следовательно, не является прерогативой абстрактного противопоставления между Востоком и Западом: «Говоря о византийской традиции, следует помнить, что Византия — это не только более или менее далекая территория за пределами Адриатики, и что *Magna Grecia* — это не платоновская концепция, а очень близкая нам историческая реальность. Весь Юг Италии, а также сами Рим и Равенна, со времен Юстиниана и папы Григория I были византийскими. Поэтому мы говорим не о чем-то экзотическом, а о "наших" реалиях, пусть даже сокрытых в коллективном бессознательном»¹².

Заключение

Мы полагаем, что из всего что нами было изложено легко можно понять, что присутствие о. Мигеля Арранца в России в годы открытости и обмена между католиками и русскими православными означает гораздо больше, чем простая реализация дипломатического соглашения и попытка создать атмосферу взаимной симпатии и сотрудничества. Он был носителем гораздо более широкого и глубокого видения сближения между христианами разных конфессий в общей верности Евангелию в наше время.

Его компетентность вызывала в России большое восхищение, и он смог восстановить нить отношений, установленных во время его пребывания в 60–70-х гг., и после окончания

¹² Ibid. P. 273

коммунизма, во время некоторых визитов в то бурное десятилетие, последовавшее после распада Советского государства. Его семидесятилетие было отпраздновано в 2001 г. преподавателями и студентами Санкт–Петербургского Института богословия и философии, одной из многих структур, возникших с целью восстановления религиозного и культурного сознания новой России. Они прекрасно выразили свою благодарность за наследие о. Арранца: «Отец Михаил является крупнейшим в мире специалистом по литургическому богословию как Западной, так и Восточной Церкви... Это качество именно сейчас оказывается особенно ценным, так как от богословского образования зависит очень многое, едва ли не судьба страны. Труды о. Михаила: "Таинства Византийского Евхология" и "Таинства Византийской традиции" можно без преувеличения назвать подвижническими. Думается, всякий, кто хотя бы бегло полистает страницы этих книг, согласится со столь обязывающим определением. Здесь поражает все: и колоссальный объем исследованного материала и дотошность текстологической работы по сличению рукописей, и всестороннее знание предмета, вложенное в исторические и реальные комментарии... К тому же следует учесть, что работа над этими книгами началась более четверти века тому назад, в Ленинградской (тогда еще) Духовной Академии... О. Михаил — один из немногих, кому удалось жить и работать в нашей стране даже в советские годы. И это не игра случая, а вполне закономерное следствие его глубокого интереса и любви к России и ее культуре»¹³.

Эти слова точно описывают значимость труда о. Арранца как в России, так и на протяжении всей его миссии иезуита и литургиста. В последние годы он выражал дух больших надежд на отношения между Церквями и совместную деятельность по евангелизации, и мы можем лишь уповать на то, чтобы этот дух сохранился и получил развитие во времена большой неопределенности и обеспокоенности за судьбы наших стран и всего человечества.

¹³ Отцу Михаилу исполнилось 70 лет // Начало (журнал Института богословия и философии; СПб.), № 10, 2001. С. 171.

РУСИСТИКА / ИТАЛЬЯНИСТИКА

Марко Каратоццоло

У ИСТОКОВ ИТАЛЬЯНСКОЙ СЛАВИСТИКИ: Никола Феста

В 2020 г. в южной Италии (в невыгодных условиях, связанных с распространением пандемии) отмечался немаловажный юбилей — восьмидесятый год со смерти выдающегося итальянского классического филолога и сенатора Итальянского королевства Николы Фесты (Nicola Festa; 1866–1940). В том же году в Барийском университете намеревались посвятить научный конгресс личности и творчеству этого итальянского интеллектуала, но по той же причине мероприятие перенесли на следующий год. Наконец, в ноябре 2021 г. прошел конгресс, где приглашенные ученые осветили разные черты политической и научной деятельности этого общественного деятеля, родом из луканского города Матеры. Речь в данной статье пойдет более подробно о неизученной еще, но интересной теме, связанной с пестрой деятельностью Николы Фесты — о его научных заслугах в области русистики.

Следует уточнить, что Феста особенно известен не своими исследованиями в русистике, а — в классической филологии. Кроме того он играл ценную роль и в итальянской политике, особенно в конце жизни, когда официально приблизился к фашизму. Он очень известен также тем, что в 1936 г. опубликовал латинский перевод речей Муссолини, а за год до смерти стал «grazie al Duce» (т.е. благодаря самому вождю) сенатором Итальянского королевства и членом Комиссии по Государственному

образованию и народной культуре. О Николе Фесте не очень много написано. Кроме достаточно исчерпывающей библиографической статьи о нем, написанной Пьетро Тревесом для *Dizionario biografico degli italiani*¹, следует упомянуть сборник статей, изданный по докладам конференции, посвященной ему в Матере в 1982, и несколько других статей². В этих материалах исследуется не роль ученого в качестве слависта, а его заслуги византиниста и представителя в Италии высшей школы классической филологии, однако в сборнике встречается несколько интересных замечаний о его переводческой деятельности, в том числе и с русского. О Фесте, в настоящем веке вышла только неполная биография, изданная луканским писателем Леонардо Селваджи³, а потом ничего больше, поэтому публикация работ ноябрьского барийского конгресса ожидается с нетерпением.

Никола Феста родился в 1866 г. в Матере, в регионе Базиликата (по старому названию Лукания) и учился в классическом лицее родного города, будучи учеником великого итальянского поэта Джованни Пасколи, который именно в те годы имел свою первый опыт преподавателя латинского и греческого. Благодарность своему «Маэстро», ученик открыто выразил в посвящении своей *Греческой Грамматики*:

В моей жизни нет ни одного момента, когда я забываю, сколько я обязан Пасколи, особенно в качестве его ученика в лицее; Пасколи, который своей чудесной, неподражаемой поэтической манерой внезапно превратил непрозрачную и неподвижную материю того, что обычно преподается в классической школе, в дух жизни, в слово, озаряющее бесконечное тепло и свет: он заставлял меня и моих

¹ Treves P. Nicola Festa [биобибл. ст.] // *Dizionario biografico degli italiani*. Roma, 1997. Vol. XLVII. P. 292–295.

² Nicola Festa. *Atti del Convegno di Studi. Matera 25–27 ottobre 1982*. Venosa: Osanna, 1982. О Фесте в прошлом веке см. еще: *Colonna A. Rievocazione di Nicola Festa // Annali del Liceo Classico G. La Farina di Messina. Anno scolastico 1964–65*. Messina, 1964–1965. P. 157–163; *Padula M. Nicola Festa e la politica // Elzeviri lucani*. Venosa: Osanna, 1986. P. 39–57.

³ *Selvaggi L. Nicola Festa: il classicista sommo della Basilicata*. Nettuno: Edizione dell'Unione di Convergenza Universale, 2002.

одноклассников пристально взглядеться в грубую и суровую маску Аристофана, изборожденную гримасой смеха, похожего на плач, в спокойный и светлый лоб Платона, в слепые глаза, наполненные солнечным блеском величественного поэта Гомера⁴.

Учеба у Пасколи несомненно повлияла на решение молодого Фесты продолжить изучение классической филологии в университетском контексте. Высшее образование он на самом деле завершил во Флоренции, в Istituto di Studi Superiori, защитив диссертацию о космографии у Гомера. В 1900 г. Феста начал свою академическую карьеру, получив кафедру греческой литературы в Римском университете (теперь университет «Ла Сапиенца»), а в 1906 г. — кафедру византийской филологии. Из многочисленных его работ, особенно важными являются не только его переводы из Софокла и Гомера (в том числе и вышедшие в 1919 переводы *Илиады* и *Одиссеи*, которые косвенно отражались в его интерпретации русской литературы), но и первое научное издание (в 1926 г.) поэмы Петрарки *Арфика*, которое ему дало некую известность в научной итальянской среде. Не будучи центром нашего внимания, здесь не упоминаются его многочисленные другие работы в области классической филологии и итальянской литературы, полный список которых не раз опубликован⁵.

Как уже сказано, наше внимание обращается особенно на его деятельность русиста. Еще не выяснилось, когда точно Феста начал изучать русский язык, но из воспоминаний одного из учеников (Джузеппе Скиро) узнаем, что у него была особая методика в изучении иностранных языков:

«Хотите быстро и хорошо выучить немецкий язык?» — говорил он нам, — «оставьте все остальные занятия, возьмите его штурмом и

⁴ Цит. по: Bruno G. Saluto del Presidente della delegazione materana dell'Associazione Italiana di Cultura Classica // Nicola Festa. Atti del Convegno di Studi. Matera 25–27 ottobre 1982. P. 14.

⁵ Кроме вышеуказанной биобибли. ст. Тревеца, см. в частности: *Montesi Festa H. Bibliografia degli scritti di Nicola Festa // Atti dell'Accademia degli Arcadi e scritti dei soci. Voll. XXI–XXII. 1941. Roma: Tipografia poliglotta vaticana. P. 29–62.*

занимайтесь им по шесть часов в день в течение трех месяцев подряд». <...> Он несомненно взял на вооружение тот же метод для изучения русского языка, и таким образом смог читать и переводить произведения Майкова и других авторов⁶.

Добавим интересное замечание Фесты в одной его статье, опубликованной в 1923 г. в журнале «*Vita e pensiero*» на тему преподавания религии в школе. Автор здесь не разделяет убеждения большинства в том, что лучше начинать изучение иностранных языков в раннем возрасте, поскольку «время и внимание молодых людей должны быть направлены на более важные цели: личность молодых людей всё еще находится в процессе становления; ученику нужно помочь достичь своей собственной физиономии, а не раствориться во множестве занятий»⁷. О том, когда более или менее Феста начал заниматься русским языком, узнаём из библиографии его работ, составленной женой Гильдой Монтези после его смерти. Именно его рукой написана уже в 1905 г. первая, насколько нам известно, работа, касающаяся русского мира — рецензия на книгу Пьетро Мотти *Grammatica della lingua russa*, которая вышла в распространенном итальянском литературном журнале «*La cultura*» (из библиографии жены стало ясно, что именно Николе Фесте принадлежит в данной рецензии подпись «Ну», неясно латинскими ли буквами, или кириллицей). Грамматика Мотти была составлена по широко используемой тогда в Италии методике «*Sauer — Gaspey — Otto*», против которой Феста открыто выступает в своей рецензии, выделяя, что в книге сильно чувствуется отсутствие чисто филологического подхода:

Принцип максимального упрощения грамматического обучения сам по себе правильный, и особенно рекомендуется для таких учебников, как и данный. Это учебник, предназначенный для ученых всякого уровня образования. Но это опасное преувеличение — отказываться

⁶ *Schirò G.* Nicola Festa bizantinista e maestro nel ricordo di un suo discepolo // Nicola Festa. Atti del Convegno di Studi. Matera 25–27 ottobre 1982. Цит. Р. 39.

⁷ *Tibiletti C.* Cultura e religione nel pensiero di Nicola Festa. Там же. Р. 128.

от полного обсуждения, из-за боязни не быть достаточно ясным, «чтобы не запутать ученых», как пишет М[отти]⁸.

В середине 1910-х гг. Никола Феста начал глубже интересоваться русским культурным миром. Свидетельства этого интереса относятся к периоду 1915–1932 гг., когда вышел его итальянский перевод гоголевской повести *Тарас Бульба* и двух рассказов из *Миргорода*. Если оценивать целый период интереса Фесты к русским писателям, нетрудно заметить своеобразие его литературных выборов, которые (исключая самого Гоголя) затрагивали совсем не известных и не изучаемых тогда в Италии русских авторов — Александра Радищева, Алексея Кольцова, Аполлона Майкова.

Его статья *Patria e libertà nei canti di A. Koltzov* относится к 1915 г.: она вышла в тогда очень распространенном литературном журнале «Nuova Antologia». Комментируя песни Кольцова в кратком предисловии, Феста в статье предлагает перевод нескольких песен поэта, которого считает «самым популярным в современной России»⁹. По словам автора статьи, Кольцов «в своих песнях предлагает большие и бесценные элементы для изучения русской души. Особенно душа народа, жизнь простых людей, отражена в творчестве поэта»¹⁰.

В конце 1910-х гг. Феста начинает изучать Майкова, творчество которого его особенно интересовало из-за отражения античного римского мира и из-за ссылок на древне-греческую литературу, т.е. из-за тем, оказавшихся основными в его профессиональной деятельности. Между прочим, как и уточнял

⁸ *Hu [Festa N.] [Рец. на:] Motti P. Grammatica della lingua russa con temi letture e dialoghi. Metodo Gaspey–Otto–Sauer. Roma: Giulio Groos editore 1905 // La cultura. 1905. № 1. P. 279.*

⁹ *Он же. Patria e libertà nei canti di A.V. Koltzov // Nuova Antologia. 1915. № 50. P. 542.*

¹⁰ Там же. Интересно, что Феста в статье объявляет выход своей монографии о Кольцове. Об «уже готовой» к печати для серии ИРЕО монографии Фесты о Кольцове «с параллельным переводом» песен пишет и Этторе Ло Гатто в письме Маверу от 5 апреля 1921г., но как выделяет комментатор писем «книга наконец не вышла» (Lo Gatto Maver A. *Le lettere di Ettore Lo Gatto a Giovanni Maver // Europa Orientalis. 1996. № 2. P. 306.*)

Тревес, «византиноведение естественно вело к русскому миру. Ф[еста] выучил поэтому русский язык и им пользовался для побочной литературной деятельности»¹¹. Интересно, что Феста не обратился к более известным произведениям Майкова, но, скорее, на те, которые прямо подходили к его исследованиям античности — циклы стихов *Очерки Рима* и *Неаполитанский альбом* и драмы *Два мира* и *Три смерти*¹². Его переводы из Майкова вышли у известного тогда абруццкого издателя Карабба, выпускавшего в 1910–1920-е гг. не мало изданий из русских классиков, переводы которых (в противостоянии устойчивой итальянской традиции переводить русские книги через французскую версию) совершали прямо с русского текста. Выпуску его переводов предшествовала статья самого автора, появившаяся в газете «Il giornale d'Italia»¹³. В статье автор представляет личность Майкова, останавливаясь на его большом интересе к античности и на его художественной программе:

уже в юности, когда он сочинял *Очерки Рима*, он чувствовал возможность грандиозного художественного представления, в котором борьба между древним миром и современным, между язычеством и христианством, между царством силы и царством любви ожила бы на наших глазах¹⁴.

Одновременно Феста комментирует *Два мира*, выделяя, с одной стороны, недостатки в изображении несколько из главных лиц, а с другой, — заслуги автора, которому удалось представить «тревожное состояние [Римского] общества, которому постоянно угрожает темная опасность»¹⁵. Если исключать

¹¹ Treves. Nicola Festa. Цит.

¹² Majkov A. Schizzi di Roma. Album napoletano. Traduzione di Nicola Festa. Lanciano: Carabba, 1919; *Он же*. Due mondi. Dramma in tre parti. Traduzione di Nicola Festa. Lanciano: Carabba, 1920.

¹³ Festa N. Il dramma di Roma Imperiale nell'opera di un Russo // Il giornale d'Italia. 6.06.1920. P. 3.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Интересными нам кажутся тоже заключительные слова рецензента, адресованные не без полемического тона, русскому, уже покойному, писателю: «Он, конечно, лучше справился бы со своей задачей, если бы

короткую статью, посвященную Фестой Александру Радищеву и опубликованную в журнале «La cultura» в 1921¹⁶, можно сказать, что луканский интеллеktуал сконцентрировал свои усилия на прозу Гоголя, особенно на то произведение (*Тарас Бульба*), которое ему больше всех напоминало приемы так достойно переведенных им самим произведений древнегреческой эпопеи.

Работа над Гоголем относится к концу 20-х гг., но интересно тоже заметить, что в начале того же десятилетия Никола Феста был в самом центре очень важного мероприятия, связанного с русской, или лучше, «восточной» культурой. Речь идет о создании, при поддержке МИДа Италии (возглавляемого тогда министром Карло Сфорца), Института для изучения Восточной Европы (ИРЕО), который имел немаловажную роль в развитии тогдашней итальянской славистики. Институт был создан в январе 1921г. и, как отмечает историк русской культуры Габриэле Маццителли, «его открытие с одной стороны вписывалось в рамки так называемой культурной дипломатии, имея цель упрощать общее знание и тоже действие итальянского государства в направлении того района», а с другой — Институт «был школой для тех молодых, которые начинали изучать литературы и культуры восточной Европы, и содействовал развитию специализированной издательской деятельности»¹⁷. Не буду здесь останавливаться на богатой исследовательской и издательской деятельности Института, исторический каталог которого недавно издан под редакцией самого же Маццителли. Интересно однако заметить, что после первого собрания Оргкомитета (куда, кроме Фесты, вошли и такие важные интеллектуалы, как Франческо Руффини, Умберто Дзанотти–Бьянко, Джузеппе Преццолини, Джованни Джентиле и Амедео Джаннини)

ему довелось пережить те тяжелые испытания, которые принес нам этот мучительный послевоенный период. И если бы он смог увидеть на своей великой родине, как большевистские дрожжи используются для приготовления хлеба будущего самодержавия, он также понял бы, что у христианства есть только один путь к триумфу — стать римским».

¹⁶ *Festa N. Radiscev // La cultura. 1921. № 1. P. 81.*

¹⁷ *Mazzitelli G. Le pubblicazioni dell'Istituto per l'Europa Orientale. Catalogo storico (1921–1944). Firenze: FUP, 2016. P. 16.*

с самого создания Института его директором был избран Никола Феста. В течение всего 1921 г. Феста неутомимо работал над этим проектом, сочиняя статут Института и предлагая его на одобрение, планируя публикации, курсы и другие мероприятия по восточным культурам, основывая ежемесячный журнал «L'Europa Orientale», который стал официальным органом ИРЕО. Он даже искал талантливых помощников, выбирая самых трудолюбивых из молодых специалистов, в том числе и тогда тридцатилетнего Этторе Ло Гатто, который с учреждением Института стал его генеральным секретарем и начал работать с самыми тогда выдающимися славистами, готовя таким образом свою блестящую карьеру. Из опубликованной переписки 20-х гг. самого Ло Гатто с филологом Джованни Мавером, открывшим в 1920 г. первую в Италии кафедру славянской филологии в Падуанском Университете, стали известными несколько подробностей о деятельности Фесты в Институте и о славяноведении в итальянских университетах. Ло Гатто пишет «коллеге Маверу», что его первая встреча с Фестой назначена на пятое марта 1921 г.¹⁸, но встреча состоялась только на день позже, когда по словам Ло Гатто «беседа оставалась общей». Тем не менее собеседники при первой встрече успели согласовать «критерии, служащие руководством для грамматик»¹⁹. В письме от 5-го апреля тому же Маверу, Ло Гатто пишет, что «говорил Фесте и Джентиле по поводу *libera docenza*. Они меня поддерживают»²⁰, а в конце мая уточняет, что «подал заявление

¹⁸ Письмо Ло Гатто Маверу от 4 марта 1921. Цит. по: *Lo Gatto Maver A. Le lettere di Ettore Lo Gatto a Giovanni Maver (1920–1931) // Europa Orientalis. 1996. № 2. P. 302.*

¹⁹ Письмо Ло Гатто Маверу от 7 марта 1921. Там же. P. 303.

²⁰ Там же. P. 306. По тогдашнему итальянскому законодательству, «libero docente» (роль свободного доцента) являлся тот, кто «имеет право преподавать университетские курсы по определенной дисциплине, не получая, однако, как правило, никакой другой платы, кроме той, которая поступает от платы, вносимой студентами, посещающими его курсы» (цит. по: *Béghin L. Leone Ginzburg libero docente di letteratura russa // A. D'Orsi [под ред.]. Quaderni di storia dell'università di Torino. Vol. IV. Torino, 2000. P. 290*). Об экзамене роли свободного доцента см. также: *Каратоццо М. «Ваш тон был тон приказа игумена послушнику»: письма П.А. Соколова*

на *libera docenza*. Я говорил об этом не только с Фестой, который в качестве декана факультета будет председателем комиссии, но и с Джентиле, Кроче и другими. Всеми ими хорошо принят»²¹.

Но вернемся к Институту. После двухмесячной болезни, в сентябре Ло Гатто пишет Маверу, что «об Институте очень мало, почти ничего не знаю, так как профессор Феста взял всё в свои руки»²², но уже 22-го октября сообщает собеседнику, что «у нас небольшой кризис: отставка профессора Феста. Поговаривают, на его место могут пригласить [Паоло Эмилио] Паволини»²³. Действительно Феста оставил пост директора Института и его долгое время не заменяли — наконец, решили разделить Институт на «отделения», у каждого из которых был свой директор (именно Ло Гатто стал директором секции Славистики). Тем не менее за почти год работы Никола Феста успел сделать очень много. Кроме составления «редакционного плана, включающего, прежде всего, публикацию грамматик и словарей, а также переводов»²⁴, он был автором большинства обзоров и рецензий, вышедших в первом номере журнала Института. Тем не менее после отставки, он решил отказаться от этой задачи и только в 1931 г. его имя снова появится «среди советников института».²⁵

Что касается его заслуг переводчика с русского, осталось кратко написать о его работе над гоголевской повестью *Тарас Бульба*. Причины, по которым он решил перевести этот текст, а не другие, лежат, как уже отмечалось, в его любви к старо-греческой эпосе и к народной песне — присущие, согласно Фесте, элементы повествовательной манере Гоголя. Об этом он подробно пишет в одной статье о повести Гоголя по названию

В.И. Иванову и его семье (1947–1961) // Русско-итальянский архив / под ред. Дж. Джулиано, А. Шишкина. XI. Салерно, 2020. С. 272).

²¹ *Lo Gatto Maver A. Le lettere di Ettore Lo Gatto a Giovanni Maver (1920–1931)*. Цит. Р. 307.

²² Там же. Р. 309.

²³ Там же. Р. 311.

²⁴ *Mazzitelli G. Le pubblicazioni dell'Istituto per l'Europa Orientale*. Цит. Р. 36.

²⁵ Там же. Р. 194.

*Storia, romanzo ed epopea nel «Taras Bulba» di Gogol*²⁶, в которой автор начинает, сравнивая изображения бедных голодующих людей в *Обрученных* Алессандро Мандзони с теми же фигурами у Гоголя. Главный тезис Фесты в том, что повествовательная манера автора *Тараса Бульбы* отражает так глубоко его прямое знание и страсть к гомерской классической эпопее, что элемент эпической песни живо чувствуется (на разных уровнях — сюжетном, стилистическом, изобразительном) и становится кардинальным в повести. Опубликованная в 1931 г. в литературном журнале «Convivium», эта статья предшествовала одним годом выпуску его переводу повести Гоголя, у миланского издателя Мондадори²⁷. Следует уточнить, что итальянских переводов повести Гоголя было уже не мало: перевели его Федерико Вердинуа, Лев Гинзбург, Амедео Реканати²⁸. Особенно важным, если так можно сказать, является перевод 1927 г. тогда очень молодого Льва Гинзбурга (ему было восемнадцать!) для издательства «Slavia»²⁹. Книга была включена в очень важную серию «Il genio slavo» (Славянский гений), в которой издавались очень распространенные тогда тома русских классиков в переводах с русского оригинала.

²⁶ *Festa N. Storia, romanzo ed epopea nel «Taras Bulba» di Gogol // «Convivium»*. 1931. № 2. P. 161–173.

²⁷ *Gogol N. Taras Bul'ba. Piccolo mondo antico. Una vecchia amicizia troncata*. Traduzione di Nicola Festa. Milano: Mondadori, 1932.

²⁸ См. в частности: *Gogol N. Tarass-Bulba e le veglie alla fattoria di Dicanca*. Versione di Federigo Verdinois. Giannini. Napoli 1921 (потом Lanciano: Carabba, 1923); *Mirgorod. Taràs Bùlba*. Versione integrale e conforme al testo russo con note di Alfredo Polledro e Leone Ginzburg. Torino: Slavia, 1927; *Taras Bulba*. Nuova versione di Amedeo Recanati. Torino: A.V.C., 1932. До 1932 г. вышли еще другие итальянские издания повести Гоголя, переводчики которых, к сожалению, не указаны: *Tarass Bulba (dal russo)*. Milano: Tipografia Editrice Lombarda, 1877; *Tarass Bulba: romanzo*. Milano: Brigola, 1882; *Tarass Bulba: romanzo*. Milano: Fratelli Treves, 1921; *Tarass Bulba: romanzo*. Milano: Sonzogno, 1927.

²⁹ О Льве Гинзбурге как филологе и переводчице см. *Сини С., Талалай М.Г.* Леон Гинзбург — герой итальянского Сопротивления, переводчик и исследователь Толстого // Лев Толстой и мировая культура. X Международная научная конференция. Ясная Поляна, 2018. С. ??

Одним словом, можно сказать, что новое издание перевода Гоголя ожидалось с некоторым любопытством.

Перевод Фесты был одобрительно встречен Львом Гинзбургом, который с одной стороны отметил, что «это в целом очень добросовестная и тонкая работа, в которой сделана реальная попытка примирить следование тексту с особыми требованиями [итальянского] языка»³⁰, а с другой (он, как правило, писал рецензии очень строго) не удержался от того, чтобы указать на некоторые ошибки или неуместные интерпретации в переводе. Об этом мы не будем здесь писать, тем более что мы уверены, что ошибок очень мало и они не умаляют ценности перевода луканского интеллектуала. Важнее всего, наоборот еще раз упомянуть, что у Фесты перевод и интерпретация гоголевского текста вдохновляются его громадной работе над Гомером: гоголевская «проза становится всё более поэтичной, и во многих местах трудно сказать, чего бы автор добился, принимая фиксированную меру в манере эпических песен, вместо той разнообразной ритмической формы, которая приспосабливается к сюжету и постоянно трансформируется»³¹.

Хочется в заключении еще раз подчеркнуть значение Николы Фесты в области славистики, — очень важной фигуры, которой еще не было уделено должного внимания, особенно в отношении его вклада в развитие итальянской русистики, которая именно в те годы, когда он работал, находилась в зачаточном состоянии.

³⁰ *Ginzburg L.* [La versione gogoliana di Nicola Festa] // *Он же.* Scritti. Torino: Einaudi, 1964. P. 160–161.

³¹ *Festa N.* *Storia, romanzo ed epopea nel «Taras Bulba» di Gogol.* Цум. P. 166.

Валерия Боттоне
Габриэле Маццителли

РУССКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ЭТТОРЕ ЛО ГАТТО*

1.

Этторе Ло Гатто (1890–1983) считается центральной фигурой в итальянской славистике XX века. Он был переводчиком, публицистом, университетским профессором, культурным посредником и, прежде всего, неутомимым пропагандистом русской литературы в Италии, неизменным ориентиром для итальянских и зарубежных ученых, о чем свидетельствуют письма, хранящиеся в Фонде Ло Гатто в Национальной Центральной библиотеке в Риме, приобретенные в 2002 г. вместе с библиотекой слависта, насчитывающей около 8500 томов¹. В архиве, который еще предстоит каталогизировать, хранятся рукописи, машинописи, фотографии, программы конференций, театральные афиши, газетные статьи, разнообразные

* Авторы статьи недавно опубликовали эпистолярный Этторе Ло Гатто из его Фонда в Национальной Центральной библиотеке в Риме; см. *Sono contento di avverti continuato. Lettere a Ettore Lo Gatto conservate alla Biblioteca nazionale centrale di Roma / a cura di V. Bottone e G. Mazzitelli, con la collaborazione di P. Avigliano. Roma: Biblioteca Nazionale Centrale di Roma, 2020 (222 стр.)*. В первой части данной статьи воспроизводится, в русском переводе, предисловие к этому тому; вторая часть написана специально для данного сборника.

¹ См. *Battaglini M. Libri russi e slavi della Biblioteca nazionale centrale di Roma // Mal di Russia amor di Roma. Libri russi e slavi della Biblioteca Nazionale, Roma, 23 ottobre 2006 — 5 gennaio 2007 / a cura di M. Battaglini. Roma: Colombo, 2006.*

изобразительные материалы и другая документация (в основном, за годы после Второй мировой войны)².

Письма относятся преимущественно к периоду с конца 1950–х до начала 1980–х гг. – Ло Гатто получал их от корреспондентов разных национальностей: русских, итальянцев, французов, украинцев, чехов и пр., преимущественно связанных с миром славистики. К нему обращались коллеги, бывшие ученики, знакомые и друзья, которые писали ему, чтобы поприветствовать, сообщить о проектах, обязательствах, учебной деятельности, определить практические вопросы или поблагодарить за помощь, которую они от него получили – как материальную, так и моральную – в настоящем или прошлом. Тон писем, естественно, различается в зависимости от отношений между отправителем и получателем, но даже в самых формальных письмах всегда чувствуется теплота и радушие.

Несмотря на многоголосье, в эпистолярии представлены только письма, адресованные Ло Гатто, за исключением нескольких его собственных посланий, включая те, что касались возможной публикации четвертого тома «*Gli artisti italiani*»³ в России, и его четыре черновика писем к Максиму Горькому. Отсутствуют ответы от Ло Гатто или же письма, которые он отправил первым и на которые ответили его адресаты. Подобная

² Реестр архива см. *D'Amelia A. Un maestro della slavistica italiana: Ettore Lo Gatto // Europa Orientalis*, (1987), n. 6, p. 329–382 (в особенности: p. 370–380).

³ В серии «*L'opera del genio italiano all'estero*» в 1934–1943 гг. вышло три тома: *Lo Gatto E. Gli artisti italiani in Russia. I: Gli architetti a Mosca e nelle Province*. Roma, 1934; II: *Gli architetti del secolo 18. a Pietroburgo e nelle tenute imperiali*. Roma, 1935; III: *Gli architetti del secolo 19. a Pietroburgo e nelle tenute imperiali*. Roma, 1943. После кончины Э. Ло Гатто эти тома были переизданы с добавлением четвертого тома, который оставался неопубликованным: *Lo Gatto E. Gli artisti italiani in Russia. I: Gli architetti a Mosca e nelle province / a cura di A. Lo Gatto; introduzione di C. Bertelli; prefazione di G. Glisenti, A.L. Adamishin e F. Salleo*. Milano, 1990; II: *Gli architetti del secolo 18. a Pietroburgo e nelle tenute imperiali / a cura di A. Lo Gatto; introduzione di C. Bertelli; prefazione di A.A. Sobciak*. Milano, 1993; III: *Gli architetti del secolo 19. a Pietroburgo e nelle tenute imperiali / a cura di A. Lo Gatto; introduzione di P. Angelini; con un'appendice ai due primi volumi*. Milano, 1994; IV: *Scultura, pittura, decorazione e arti minori / a cura di A. Lo Gatto; introduzione di C. Bertelli*. Milano, 1991.

«односторонность», является особым аспектом этой «усеченной» переписки: голос Ло Гатто никогда не слышен, пусть читатель писем и ощущает его постоянное присутствие. Это чувство усиливается тем, что во многих случаях можно восстановить содержание «отсутствующего» письма слависта по тому, которое мы имеем: например, когда корреспонденты благодарят Ло Гатто за полученную в подарок книгу и высказывают свое мнение о ней.

Письма представляют собой живое свидетельство — одно из многих возможных, но при этом уникальное и более личное — об эпохе и ее действующих лицах, будь то актеры второго плана или даже статисты. На основе писем реконструируются человеческие взаимоотношения, четко вырисовывается роль и репутация слависта в том историческом и культурном контексте, в каком он жил. Ло Гатто служил ориентиром, как мы уже говорили в начале статьи, и это одна из ролей, которую он играл в итальянской и зарубежной славистике, но он служил также и отправной точкой традиции, «ремесла» (если воспользоваться названием поэтического сборника Марины Цветаевой⁴), полного безграничной страсти: достаточно прочитать письма, отправленные ему бывшими студентами, которые, вероятно, являются одними из самых прекрасных — по выраженной в них благодарности, привязанности и ностальгических воспоминаний. В письме, датированном началом 1960-х гг., Анджело Мария Рипеллино⁵ писал: «Это вы открыли мне стремительную анфиладу ведущую в чарующие дали, это вы открыли мне образы, имена, фильтры мира, который навсегда очаровал мое воображение». Много лет спустя, 20 сентября 1976 г., Рипеллино вновь признавался: «Я хотел бы иметь вашу мудрость, вашу удивительную уравновешенность, ваш твердый взгляд». В том же году Риккардо Пиккио⁶ написал: «Я многому научился и продолжаю учиться у вас». Отправной точкой для этих признаний

⁴ Ср.: *Цветаева М.* Ремесло: Книга стихов. Берлин: Геликон, 1923.

⁵ Анджело Мария Рипеллино (1923–1978) — славист, поэт, переводчик, литературный критик.

⁶ Риккардо Пиккио (1923–2011) — славист.

всё в том же 76-м году стала автобиография Ло Гатто «I miei incontri con la Russia»⁷ — итоги жизни, а также увлекательное свидетельство эпохи.

Таким образом, он — ориентир, то есть точка отсчета, но вместе с тем и точка отправления, а также и точка схождения двух России: России эмигрировавших писателей (среди прочего сохранились письма Бориса Зайцева и Глеба Струве) и Советской России, представленной, в частности, Сергеем Кара-Мурзой, Виктором Жирмунским и Виктором Шкловским. Помимо конкретных свидетельств различных, разнообразных и даже идеологически противоположных, но дружеских отношений, эти письма демонстрируют способность Ло Гатто к щедрому общению, внимательному и любознательному выслушиванию, что позволяло ему часто встречаться, как писал Джузеппе Преццолини⁸, с «изгнанниками в Париже и сторонниками Советов в России»⁹, способность, которую Преццолини считал одним из «чудес натуры Ло Гатто»¹⁰.

Этот дар также связан с той энергичностью, видной из писем его корреспондентов, с тем светлым энтузиазмом относительно предмета своих исследований, с желанием делать и участвовать и со страстью, которая никогда не стихает, даже в старости. И если порой течение лет наносит интеллектуалам серьезный удар, делая их «саркастичными, горькими и сварливыми», на полпути между капитуляцией и жалостью к себе, по словам Леоне Пачини¹¹ в письме от 7 января 1977 г., то Ло Гатто удастся сохранить до конца жизни качества натуры, присущие ему с юности: «Я писал вам, что вы — как то хорошее вино, что чем старше, тем бодрее», — обращается к нему в восхищении Пачини, именно для того, чтобы подчеркнуть разницу между их двумя способами противостояния неумолимому ходу лет. У Пачини —

⁷ *Lo Gatto E. I miei incontri con la Russia*. Milano: Mursia, 1976. Русс. пер.: *Ло Гатто Э. Мои встречи с Россией*. М.: Кругъ, 1992.

⁸ Джузеппе Преццолини (1882–1982) — журналист и писатель.

⁹ *Prezzolini G. Ettore Lo Gatto un «educatore» // Il Resto del Carlino*, 14 nov. 1976, n. 261. P. 3.

¹⁰ *Ibidem*.

¹¹ Леоне Пачини (1907–1990) — славист и литературовед.

более «лунный» путь, путь самоизоляции и закрытости по отношению к миру, в отличие от приверженности Ло Гатто к «солнечной» открытости. Как рассказывали его бывшие ученики или те, кто имел возможность проводить с ним время в разные периоды его жизни, Ло Гатто всегда любил рассказывать и слушать рассказы, советовать, делиться знаниями и предоставлять свою библиотеку, которую Рипеллино определял как «королевские копии».

Эти «копии» также включают в себя архивное наследие Фонда Ло Гатто, где, к сожалению, не сохранились письма, относящиеся к более раннему периоду, к тем начальным годам итальянской славистики, когда Ло Гатто имел свой архив в Институте Восточной Европы (Istituto per l'Europa orientale). Эти материалы были рассеяны или, возможно, уничтожены в конце Второй мировой войны, когда необходимость повседневного выживания возобладала над возможностью сохранения имущества Института, постепенно обреченного на окончательное закрытие. Именно во время этого первого «героического» этапа — особенно в 1920–х и 1930–х гг. — Ло Гатто впервые установил контакты и познакомился со многими корреспондентами своих последующих лет.

2.

К огромному сожалению, архив, хранимый Ло Гатто в Институте Восточной Европы, секретарем которого он являлся, как сказано выше, утрачен: он мог бы стать очень важным источником для реконструкции истории как итальянской славистики, так и отношений, установленных Ло Гатто со многими учеными и литераторами в период между окончанием Первой мировой войны и 1945 г. От этих лет в Фонде Национальной Центральной библиотеки в Риме сохранились только черновики писем Ло Гатто к Максиму Горькому, сыгравшему важную роль в том, что в 1920–е гг. Ло Гатто познакомился с молодой советской литературой, вступил в контакт с русскими, посещавшими знаменитого писателя в Италии, и получил ценный материал для составления номеров журнала «Russia». Личные и рабочие отношения переплетаются в трех письмах

С.Г. Кара–Мурзы¹², написанных с конца 1934 до середины 1935 г., где театровед постоянно спрашивает о своих текстах, публикуемых на итальянском языке в журналах «L'Europa Orientale» и «Scenario»¹³, неутомимым редактором которого был и Ло Гатто, а с другой стороны, выражает желание получать новости о своем итальянском друге.

Скачок во времени переносит нас в период после Второй мировой войны: Ло Гатто к тому времени становится в Италии признанным ученым, преподает в римском университете «La Sapienza» и является ориентиром как для тех, кто в Италии хочет заниматься Россией, так и для советских граждан, желающих установить контакты с Италией. В письмах Андрея Белецкого, Павла Беркова, Георгия Брейтбурда мы находим упоминания об академических обязательствах или о возможных русских версиях произведений таких писателей, как Тарас Шевченко, а Алексей Дубовиков предложил ему сотрудничество в работе над томом «Литературного наследия», посвященным культурным отношениям между Италией и Россией.

Не было недостатка в просьбах к слависту о библиографической консультации, как в случае с Антоном Чижняком, Борисом Канделем, Константином Логачевым и Григорием Нудьгой, это доказывает, что к нему обращались, возможно, даже те, кто не знал его лично, поскольку Ло Гатто считался посредником в контактах с итальянским издательским миром.

Письмо–извинение Янины Левкович имеет весьма специфический характер: она позаботилась о том, чтобы заверить Ло

¹² Сергей Георгиевич Кара–Мурза (1878–1956), окончив юридический факультет Московского университета, практиковал как адвокат, однако главным его увлечением стал театр. Еще будучи студентом, начал публиковаться как театральный критик. В 1920–1940–е гг. был опубликован ряд его театроведческих работ, однако многое из его творческого наследия осталось неизданным. — *Прим. ред.*

¹³ Всего опубликованы три статьи С.Г. Кара–Мурзы, две из которых перевела супруга Э. Ло Гатто, Зоя Матвеевна Воронкова: Angelo Masini in Russia / trad. di Z. Voronkova dal manoscritto russo // L'Europa Orientale, 14 (1934), n. 11–12. P. 636–642; La Duse in Russia / trad. di E. Lo Gatto // Scenario, 1 (1932), n. 11. P. 23–30; Maria Taglioni a Pietroburgo / trad. di Z. Voronkova // Scenario, 2 (1933), n. 12. P. 647–652.

Гатто, что неточность в цитировании его тома, посвященного Пушкину, тома, который Ло Гатто очень ценил¹⁴, была вызвана банальной ошибкой и уж точно не отсутствием уважения к ученому (она здесь подтверждает престиж слависта в Пушкинском Доме). Другая книга Ло Гатто, «I miei incontri con la Russia», является темой письма Николая Томашевского, сына Бориса, который, поблагодарив за ее отправку, отдавая должное работе Ло Гатто, также свидетельствует об академических отношениях Ло Гатто с ведущими фигурами российского интеллектуального мира. Фонд также содержит открытку от Нины Алексеевой, жены Михаила Алексеева, и письма от Виктора Жирмунского, который не только обменивался с Ло Гатто публикациями и научными мнениями, но и просил его связаться со своей сестрой, живущей в Риме: советскому литературоведу удалось разыскать ее через много лет.

Поздравительные открытки Евгения Солоновича говорят об их связи, питаемой взаимным уважением и привязанностью, а письмо Виктора Шкловского выделяется своей оригинальностью. Взяв за основу просьбу Ло Гатто, который тогда работал над монографией, посвященной русским в Италии, он вспоминает о своем пребывании в Апулии в качестве гостя барийского издателя Диэго Де Донато, причем повествование пронизано экспрессивностью и ностальгией, что делает его типичной страницей прозы Шкловского¹⁵.

Борис Филиппов, Вацлав Ледницкий, Надежда Натова, Софья Прегель, Эммануил Райс, Валерия Тумина и Глеб Струве — вот русские ученые, работавшие за рубежом, с которыми итальянский славист поддерживает контакты. Ряд этих писем носит официальный характер и связан с предложением написать статьи для публикации в сборниках, посвященных отдельным писателям, другие, как письмо Струве, более личные или, как в случае с Райсом, свидетельствуют о высокой оценке научной деятельности слависта.

¹⁴ *Lo Gatto E. Puškin: storia di un poeta e del suo eroe.* Milano: Mursia, 1959.

¹⁵ Об этом письме—эссе см. Виктор Шкловский в «Апулее» / публ. М.Г. Талалая // Барградский сборник. № 2. М.: Индрик, 2020. С. 237–244.

Однако Ло Гатто поддерживает отношения и с деятелями русской эмиграции, продолжившими свою творческую или научную деятельность за рубежом. Писатель Василий Яновский написал ему письмо с просьбой предложить переводчика для его произведений. Юрий Анненков, которому Ло Гатто заказал иллюстрации к итальянскому переводу произведений Некрасова, сообщил ему о ходе работы. С ним связалась Ольга Кожевникова, актриса, эмигрировавшая во Францию, попросив его помочь дочери Александра Бенуа, испытывавшей серьезные трудности с наследством отца. Ло Гатто познакомился с Кожевниковой в парижском доме Бориса Зайцева: об их отношениях свидетельствует одно письмо писателя–эмигранта, тон которого говорит о связывавшей их крепкой дружбе. В том же духе — письмо от Виды Ляцкой, жены литературоведа Евгения Ляцкого, чей дом Ло Гатто посещал во время своего пребывания в Праге в 1930–е гг. Другой знак искренней дружбы — письмо Татьяны Осоргиной, третьей жены Михаила Осоргина, еще одного эмигранта, с которым Ло Гатто поддерживал близкие отношения. Дружил он и с семьей Вячеслава Иванова: его сын Дмитрий в письме от 1976 г. благодарил его за присланный том «*I miei incontri con la Russia*».

Эпистолярный свидетельствует о глубоком уважении и признательности к Этторе Ло Гатто, подтверждая не только его готовность к диалогу, но и его авторитет как ученого, чьи работы стали важной частью итальянской культуры.

Перевод М.Г. Талалая

Александра Михайловна Бибикова

**У ИСТОКОВ ИТАЛЬЯНИСТИКИ В РОССИИ:
Татьяна Борисовна Алисова**

Т.Б. Алисова известна как первый преподаватель итальянского языка на филологическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, одна из основателей современной итальянистики в России и известный также за пределами родной страны ученый–романист. В 1971 г. она стала членом итальянской Академии делла Круска (Accademia della Crusca)¹, Итальянского общества Данте (Società Dantesca Italiana) и вице–президентом Итальянского лингвистического общества (Società di Linguistica Italiana).

Татьяна Борисовна Алисова родилась 20 февраля в 1924 г. в Геленджике в семье профессора географического факультета Московского университета Бориса Павловича Алисова². В 1941 г. закончила школу и поступила в Московский Институт философии, литературы и истории (МИФЛИ) — единственный в то время гуманитарный вуз университетского типа в Москве³ —

¹ Сайт кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ; <http://www.philol.msu.ru/~roman/today.html> (дата обрац.: 24.4.2021).

² *Школьникова О.Ю.* Алисова Татьяна Борисовна // Филологический факультет Московского университета. Энциклопедический словарь / ред. М.Л. Ремнева. М., 2005. С. 17–18.

³ *Шарапов Ю.П.* Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ — Московского института истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского (1931–1941). М., 1995; В том далеком ИФЛИ. Воспоминания, документы, письма, стихи, фотографии / сост. А. Коган, С. Красильщиков, В. Малый, Г. Соловьев. М.: Филологический факультет МГУ, 1999.

на немецкое отделение. Когда началась Великая Отечественная война, Татьяна Алисова училась на первом курсе, а в самом конце 1941 г. факультет был эвакуирован в Ашхабад. Там МИФЛИ влился в состав Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и стал филологическим факультетом МГУ. После слияния оказалось, что в эвакуации не удалось организовать все запланированные языковые группы, была возможность учиться только в английской или французской группе. Татьяна выбрала французский язык. В 1945 г. она закончила филфак МГУ и поступила в аспирантуру.

Когда факультет вернулся в Москву, Татьяна Алисова оказалась в числе тех студентов, кто, получив дополнительный год обучения, из «французистов» стали испанистами. Из Ленинграда в Москву приехала Эрнестина Иосифовна Левинтова, известная испанистка, с которой Т.Б. Алисова познакомилась еще в Ашхабаде. Основатель испанской специализации на филологическом факультете в Москве, Э.И. Левинтова окончила Ленинградский университет; ее учителем был В.Ф. Шишмарев; она затем долго заведовала кафедрой иберо–романского языкознания на филологическом факультете МГУ. А когда она только начала вести группу испанского языка, Татьяна Алисова пришла учиться к ней. «Как и многие студенты Э.И. Левинтовой, Татьяна Борисовна навсегда приобрела любовь к историческому языкознанию и навык филологического анализа средневековых текстов на романских языках; наряду с семантикой и синтаксисом, история романских языков (прежде всего итальянского) станет основным предметом ее научных интересов»⁴.

Учась в аспирантуре, Татьяна Борисовна также недолго преподавала испанский в Военном университете, где она познакомилась с Тамарой Захаровной Черданцевой и Юрием Александровичем Карулиным (впоследствии известными итальянистами, авторами учебников). И Т.З. Черданцева, и Ю.А. Карулин были участниками итальянского Сопротивления. Ю.А. Карулин

⁴ Гуревич Д.Л., Жолудева Л.И. Татьяна Борисовна Алисова (20.02.1924 — 28.11.2014) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2014, № 6. С. 219–222.

позже также преподавал итальянский язык на филологическом факультете МГУ (самые первые занятия по языку у автора статьи в 2009 г. проводил как раз Юрий Александрович).

Татьяна Борисовна Алисова защитила кандидатскую диссертацию по теме «Пассив в староитальянском языке» в 1951 г.⁵ и потом работала по распределению в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков им. Мориса Тореза (совр. МГЛУ — Московский государственный лингвистический университет) преподавателем испанского до 1957 г., при этом одновременно учила итальянский самостоятельно по книгам.

Обстоятельства сложились так, что преподавать итальянский ей пришлось фактически одновременно с его изучением: в 1957 г. на филологическом факультете была открыта итальянская группа и потребовались преподаватели, которые, помимо знания языка, обладали бы должной филологической подготовкой. Леонид Григорьевич Андреев, ставший впоследствии деканом факультета, обратился к Татьяне Борисовне с предложением перейти на работу в МГУ. Татьяна Борисовна, «не раздумывая, согласилась, прекрасно понимая, как много ей предстоит и узнать самой, и сделать для создания новой специализации. Татьяна Борисовна со смехом рассказывала, что поначалу она знала итальянский не намного лучше своих студентов, изучавших язык "с нуля". Однако у нее было важное преимущество: владение французским и испанским языками и понимание структурных особенностей романских языков и специфики их исторического развития. Возможно, именно этот опыт помог Татьяне Борисовне при подготовке курса "Введение в романскую филологию", который был призван подготовить студентов к осмысленному, подлинно филологическому изучению романских языков»⁶.

В 1964 г. Т.Б. Алисова отправилась на полугодовую стажировку во Флоренцию: как раз тогда начался академический обмен между зарубежными университетами и МГУ, так что она попала в первую группу из Университета, которой было

⁵ Школьников О.Ю. Алисова Татьяна Борисовна... С. 17–18.

⁶ Гуревич Д.Л., Жолудева Л.И. Татьяна Борисовна Алисова... С. 220.

разрешено выехать в Италию. Татьяна Борисовна побывала в Риме и во Флоренции. Эта долговременная стажировка с октября 1964 по май 1965 г. позволила Татьяне Алисовой усовершенствовать знание итальянского языка и завязать хорошие отношения со многими итальянскими профессорами–лингвистами: среди них были Джованни Ненчони, затем многие годы возглавлявший Академию делла Круска, Франческо Сабатини, Маурицио Дардано. За два года до этого, в 1962 г., подругой Татьяны Борисовны стала филолог–русист Франческа Фичи Джустини, приехавшая тогда в Московский университет на стажировку вместе с другой итальянкой, Ренатой Де Фео. Благодаря более поздним многочисленным поездкам в Италию и другие европейские страны завязались приятельские отношения с Лоренцо Ренци и Розанной Беннакьо.

Важно отметить, что позднее Т.Б. Алисова отобрала, перевела и подготовила для публикации фрагменты тех работ итальянских лингвистов, которые показались ей наиболее интересными и полезными для ознакомления русскоязычной аудитории: они составили книгу «Современное итальянское языкознание. Сборник статей» (М.: Прогресс, 1971).

На филологическом факультете МГУ Татьяна Борисовна сначала была единственным итальянистом, потом кафедра расширилась, и некоторые ее ученики остались на кафедре. Известные итальянисты М.Л. Андреев, Г.Д. Муравьева, Р.А. Говорухо, И.И. Челышева, А.В. Топорова и другие были учениками Алисовой. Сейчас на кафедре романского языкознания работают учившиеся у Татьяны Борисовны О.Ю. Школьников, М.С. Соколова, Л.И. Жолудева и автор статьи А.М. Бибикина. Многие другие ученики Татьяны Борисовны преподают итальянский на других факультетах МГУ (например, преподаватель исторического факультета МГУ Ю.С. Калинкина) или в других вузах (например, переводчица, исследователь и преподаватель Литературного института имени А.М. Горького А.В. Ямпольская, преподающая в Университете Осло в Норвегии Е.В. Хачатурян и автор последней кандидатской диссертации, защищенной под руководством Алисовой в 2011 г., М.А. Смирнова, преподающая в Военном университете).

Татьяна Борисовна всегда старалась помогать своим студентам: как научный руководитель могла согласиться на малоизученную и сложную тему выпускной или диссертационной работы, как преподаватель помогала советом и давала из личной библиотеки научную литературу (у автора этой статьи до сих пор хранятся книги, подаренные Татьяной Борисовной). При этом поражает то, что ученый такого масштаба считала, что студенты, которых она учила, например, в 2000–2010–х гг., «лучше подготовлены, что сами трудности поступить в Университет заставляют их уже поступать с большим багажом. Наши сегодняшние студенты уже стали большими специалистами»⁷ и знают предмет лучше преподавателей.

Трудно найти исследование, посвященное синтаксису итальянского языка, где не было бы ссылок на работы Татьяны Борисовны. Наиболее известна — как в России, так и за рубежом — ее монография «Очерки синтаксиса современного итальянского языка» (М.: Изд-во МГУ, 1971; итальянское издание — «*Strutture semantiche e sintattiche della proposizione semplice in italiano*». Firenze: Sansoni, 1972). Хотя об этом не упоминается в изданиях, этот труд является переработанной версией диссертации на соискание степени доктора филологических наук, которую Т.Б. Алисова защитила в 1971 году. Татьяна Борисовна писала по-итальянски и по-русски одновременно, и работа с разницей в год была опубликована в Москве и во Флоренции. Работа была написана в новом для исследователей-итальянистов того времени ключе. Дело в том, что «с 1960–х годов в Институте языкознания работал семинар, активными участниками которого, помимо Т.Б. Алисовой, были Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Ю.Д. Апресян, Е.М. Вольф и другие исследователи, чьи научные интересы были связаны с логическим анализом языка, семантикой, прагматикой, иными словами, выходили за рамки более ранней научной парадигмы (будь то сравнительно-историческое языкознание или "классический" структурализм)»⁸.

⁷ Италия: полвека с МГУ. Ч. 1; <http://archive.taday.ru/text/162836.html> (дата общ.: 24.4.2021).

⁸ Гуревич Д.Л., Жолудева Л.И. Татьяна Борисовна Алисова... С. 221.

В своем труде Т.Б. Алисова опирается на работы последователей Фердинанда Соссюра и Женевской лингвистической школы: швейцарских лингвистов Шарля Балли, Альбера Сеше, Анри Фрея, французских Люсьена Теньера и Альгирдаса Жюльена Греймаса, русских Романа Осиповича Якобсона, Сергея Осиповича Карцевского и др., а также на работы итальянских исследователей в том, что касается частностей. Алисова впервые на материале итальянского языка создает классификацию семантико–синтаксических отношений между субъектом и предикатом, выделяя 24 типа таких отношений. Работа была высоко оценена и итальянскими лингвистами. Схожую классификацию предложил позже Джампаоло Сальви в своей работе «Grande grammatica italiana di consultazione» (1988).

Именно благодаря публикации работы «Strutture semantiche...» Татьяна Борисовна в 1970–е гг. по приглашению Дж. Ненчони читала в Высшей Нормальной школе в Пизе курс теоретической грамматики итальянского языка для профессоров и преподавателей этого учебного заведения. За исследования в области синтаксиса и семантики итальянского языка в Италии она стала иностранным членом–корреспондентом Академии делла Круска. «О значимости этого звания говорит уже то, что в составе Академии делла Круска одновременно может присутствовать лишь 15 иностранных членов–корреспондентов, избираемых пожизненно»⁹. Татьяна Борисовна была единственным представителем СССР и — позднее — России среди членов–корреспондентов Академии.

К сожалению, до сих пор не существует полной библиографии работ Т.Б. Алисовой ни в печатном виде, ни в сети Интернет (отчасти это восполняет список публикаций, приведенный в конце статьи). Большая часть ее работ выходила по–русски, только некоторые на итальянском. Часто это была итальянская версия работы, вышедшей ранее на русском языке. Друг Татьяны Борисовны Лоренцо Ренци и ее ученица Алина Звонарева в статье¹⁰,

⁹ Там же.

¹⁰ Zvonareva A., Renzi L. Tatiana Alisova 1924–2014 // L'Accademia della Crusca e gli studi sulla lingua e la letteratura italiana in Russia / a cura di R. Govorukho. Firenze, 2018. P. 109–122.

посвященной Алисовой, перечисляют итальянские публикации на следующие темы: «Relative limitative e relative esplicative nell'italiano popolare» (1965), «Studi di sintassi italiana» (1967), «Il posto della scuola italiana nella linguistica moderna» (1973), «Analitismo/sintetismo lessico–sintattico del testo: comparazioni di traduzioni della Congiura di Catilina di Sallustio» (2002). Краткое изложение этих работ Алисовой представлено в разделе упомянутой выше статьи, написанном Л. Ренци. Итальянский лингвист помимо прочего утверждает, что, судя по датам, открытие italiano popolare (народного регистра итальянского языка) стоит приписать Т.Б. Алисовой (он анализируется в работе 1967 г. «Studi di sintassi italiana»), а не Туллио де Мауро (1970) или Манлио Кортегеллаццо (1972), как принято считать.

Татьяна Борисовна не обошла вниманием и историю языка: среди ее наиболее известных и цитируемых работ — исследование по историческому синтаксису итальянского языка («Синтаксис и стиль в процессе формирования письменной нормы литературного итальянского языка XIII—XVII вв.» (Вестн. Московского университета. № 7, 1963. С. 47–48); уже упомянутая работа «Studi di sintassi italiana» (Studi di filologia italiana. Bollettino dell'Accademia della Crusca. Vol. XXV, 1967. Firenze, 1967. P. 223–313); «Rapporti tra sintassi e stile nel processo di formazione della lingua letteraria italiana (dal XIII sec. al XVII sec.)» (Beiträge zur romanischen Philologie. II, 2. 1963. P. 96–110 и др.), работы, посвященные специфике формирования итальянского литературного языка, исследования языка и стиля классиков итальянской литературы, а также работы сопоставительного характера.

Филологи–романисты узнают имя Татьяны Борисовны с первых дней знакомства со своей специальностью: ее книга «Введение в романскую филологию» (М.: Высшая школа, 1982; в соавторстве с Т.А. Репиной и М.А. Таривердиевой) давно вошла в число классических университетских учебников¹¹. Некоторые

¹¹ Косарик М.А., Школьникова О.Ю. Кафедра романского языкознания // Филологический факультет Московского университета. Очерки истории. М., 2001. С. 439–444.

пособия, написанные Алисовой в соавторстве с коллегами, являются первыми и по сей день единственными учебниками по данным дисциплинам: помимо упомянутого выше пособия по романской филологии с антологией текстов и упражнениями это такие издания, как: Алисова Т.Б., Челышева И.И. «История итальянского языка. От первых памятников до XVI века» (М.: Издательство Московского Университета, 2009) и Алисова Т.Б., Плужникова К.Н. «Старопровансальский язык и поэзия трубадуров» (М.: МАКС Пресс, 2011). Эти труды демонстрируют, что Татьяна Борисовна не ограничивалась исследованием только итальянской лингвистики или только исследованиями в рамках синхронии. Она изучала вопросы, связанные с историей языка, а также условия языковых изменений, законы и тенденции эволюции романских языков из латыни, историческую грамматику старопровансальского языка и литературу на этом языке, первые грамматики итальянского языка, влияние латыни, старопровансальского и французского языков на итальянский в XIII–XIV вв., формирование поэтического языка и языка прозы в Италии XIII–XIV вв., философские и лингвистические идеи Данте и его литературное наследие. Основные публикации Т.Б. Алисовой охарактеризованы в уже упомянутой выше статье А. Звонаревой и Л. Ренци, во второй ее части.

В сборнике «L'Accademia della Crusca e gli studi sulla lingua e la letteratura italiana in Russia», кроме статьи Звонаревой и Ренци, представлены личные воспоминания подруги Татьяны Борисовны — Франчески Фичи¹². Она рассказывает в частности о семье Татьяны Борисовны, которую хорошо знала: о муже композиторе Александре Лазаревиче Локшине, о сыне математике Александре (Шурике) Локшине, о внучке Александре, проживающей во Франции. Также в сети Интернет можно ознакомиться с интервью, которое Татьяна Борисовна Алисова дала в 2009 г. студенческой газете «Татьянин день»¹³.

¹² Fici F. Ricordo di Tatiana (pensieri alla rinfusa) // L'Accademia della Crusca... P. 99–107.

¹³ Италия: полвека с МГУ. Ч. 1; <http://archive.taday.ru/text/162836.html> (дата общ.: 24.4.2021); Ч. 2; <http://archive.taday.ru/text/163046.html> (дата общ.: 24.4.2021).

Татьяна Борисовна Алисова скончалась 28 ноября 2014 г. в возрасте 90 лет в Москве. Она воспитала не одно поколение филологов–романистов и внесла значимый вклад в изучение итальянского языка и в его распространение в России.

Приложение

Публикации Т.Б. Алисовой на русском языке

1. История итальянского языка от первых памятников до XVI века. М.: Издательство Московского университета, 2009. 440 с. (совместно с И. Чельшевой).
2. Именные словосочетания с субстантивным определением в романских языках // Коммуникативно–смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002. С. 95–100.
3. Изобразительность синтаксических форм в тексте «Пиковой дамы» и его переводе на итальянский язык // Риторика в свете современной лингвистики: тезисы докладов межвузовской конференции (13–14 мая 1999). Смоленск, 1999. С. 7–8.
4. К вопросу о так называемых «стативных» предикатах // Все-союзная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы секционных заседаний. М., 1974. С. 55–66.
5. Константы языкового развития и типология романских языков // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 39, № 1. 1980. С. 3–12.
6. Концепт истины у Данте // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. Москва, 1995. СС. 58–63 (доступно онлайн: <http://dante.rhga.ru/section/russkiy-dante/kontseptsiya-istiny-u-dante.html>; Дата обрац.: 24.4.2021).
7. Некоторые синтаксические особенности староитальянской (флорентийской) прозы // Вопросы иберо–романского языкознания. Сборник статей к 80–летию В.С. Виноградова. Вып. 7, 2005. С. 31–37.
8. О лексико–семантическом аналитизме/синтетизме текста: Сравнение итальянского перевода «Заговора Катилины» Саллюстия, выполненного Бартоломео да Сан Конкордио в начале XIV в., и Витторио Альфьери в конце XVIII в. // Романское языкознание. Семантика и перевод. М., 1991. С. 66–74.

9. Опыт анализа концептуального мира Данте с позиций современной лингвистики // Вестник МГУ. Серия 9 «Филология». № 6. 1996. С. 7–19.
10. Особенности становления норм итальянского письменного–литературного языка в XVI в. // Вопросы формирования и развития национальных языков. Труды Института языкознания, Т. X. М.: АН СССР. 1960. С. 177–203.
11. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М.: URSS, 2009 (1–е изд. М.: Изд–во МГУ, 1971). 296 с.
12. Программа курса «История итальянского языка» // Сборник программ кафедры романского языкознания для студентов романо–германского отделения. М.: Изд–во МГУ, 1998. С. 73–79.
13. Семантико–коммуникативный субстрат безличных предложений // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969. С. 27–36.
14. Структура простого предложения в современном итальянском языке. Автореферат диссертации д.ф.н. Москва, 1971. 39 с.

*Публикации Т.Б. Алисовой [Alisova]
на итальянском языке*

1. Analitismo/sintetismo lessico–sintattico del testo: comparazione di traduzioni della Congiura di Catilina di Salustio (Bartolomeo da San Concordio, sec. XIV; V. Alfieri, sec. XVIII) // L'Accademia della Crusca per Giovanni Nencioni, Firenze, 2002, pp. 215–223, traduzione di Cinzia Greco.
2. Il posto della scuola italiana nella linguistica moderna // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia, Serie III, Vol. 3, № 1, 1973. P. 301–315 (con M. Di Salvo).
3. I rapporti tra soggetto e predicato nella comunicazione e la loro espressione grammaticale // Studi di filologia italiana. Vol. XXVII, 1969. P. 229–253.
4. Relative limitative e relative esplicative nell'italiano popolare // Studi di Filologia Italiana. Vol. XXIII, 1965. P. 299–333.

5. Rapporti tra sintassi e stile nel processo di formazione della lingua letteraria italiana (dal XIII sec. al XVII sec.) // *Beitrage zur romanischen Philologie*. II. Heft 2. Jahrgang 1963. P. 96–109.
6. Strutture semantiche e sintattiche della proposizione semplice in italiano. Firenze: Sansoni, 1972. 286 p.
7. Studi di sintassi italiana. Forme di subordinazione relativa nell'italiano antico (secoli XIII–XV) // *Studi di Filologia Italiana*, Vol. XXV, 1967. P. 223–250.

ПЕРЕКЛИЧКА ИСКУССТВ

Сергей Олегович Андросов

ЕЩЕ РАЗ О РУССКИХ ЛЮБИТЕЛЯХ АНТИЧНОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Как известно, до самого конца XVII в. Россия не знала круглой скульптуры в европейском понимании этого слова. Петр Великий, всесторонне изменивший жизнь страны, реформировал и изобразительное искусство, в результате чего русские живописцы, после обучения в Италии и в Голландии, начали работать в манере, принятой в Европе (Иван Никитин и Андрей Матвеев). Для адаптации скульптуры в России потребовалось гораздо больше времени. Хотя с 1717 г. в Петербурге работал скульптор Бартоломео Карло Растрелли, практически ничего не известно о его русских учениках, кроме их имен. Не сохранились также произведения русских юношей, посланных для занятий скульптурой в Италию в 1724 г., хотя некоторые из них учились в Карраре у Пьетро Баратты, получившего патент первого скульптора царя в Италии. Можно предположить, что одной из причин медленного прогресса искусства ваяния в России стал недостаточный спрос на произведения пластики со стороны потенциальных заказчиков. Если сам Петр Великий, без сомнения, был энтузиастом скульптуры, то из его сподвижников, насколько известно, только А.Д. Меншиков и Ф.М. Апраксин имели собственные коллекции статуй и бюстов, которые можно объяснить не столько личными интересами, сколько желанием следовать за царем. Можно считать уникальным и интерес Петра Великого к античной скульптуре, приведший к покупке в Риме ряда интересных произведений,

в том числе статуи Венеры, вошедшей в историю как «Венера Таврическая».

Положение начинает меняться только во второй половине XVIII в., когда вырастает новое поколение русских аристократов, воспитанных на европейский манер и затронутых идеями Просвещения. Их можно считать внуками первых волонтеров, посетивших страны Западной Европы еще в конце XVII в., путевые дневники которых сохранили их удивление перед всем необычным, впервые увиденным за границей. К тому же манифестом Петра III от 18 февраля 1762 г. дворянству была дарована вольность, свобода от обязательной государственной службы и возможность путешествий по Европе, в том числе с образовательными целями (так называемый Grand Tour). Из таких поездок «русские князья» привозили не только знания и впечатления, но и сувениры, в том числе произведения искусства, которые затем на долгие годы оставались у их потомков.

Изучение частных коллекций, создававшихся просвещенными русскими аристократами во второй половине XVIII в., было начато до революции, когда многие собрания еще принадлежали частным лицам — потомкам собирателей. В дальнейшем история частного коллекционирования, или в более широком смысле история развития интереса к искусству в России, мало привлекала историков искусства, несмотря на то, что всё время происходило накопление материала. Важные сведения о русских собирателях западного искусства, в частности включил в свою книгу об истории картинной галереи Эрмитажа В.Ф. Левинсон–Лессинг. Как известно, она была издана посмертно в 1985 г. и вторым изданием в 1986 г.¹, однако еще раньше, в 1973 г. вышла в свет содержательная статья того же автора, посвященная писателю Денису Ивановичу Фонвизину и его интересу к изобразительному искусству². Эта статья имела особенно важное значение, потому что в ней был поставлен вопрос

¹ Левинсон–Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 1986.

² Левинсон–Лессинг В.Ф. Д. И. Фонвизин и изобразительное искусство // ТГЭ 1973, 14, С. 97–132.

о собирательской деятельности отдельного русского человека, хотя и выдающегося по своему интеллектуальному развитию. Фонвизин не только совершил путешествие по Европе, но и приобретал в Италии картины с целью продажи их в России, где его компаньоном выступал антиквар Герман Иоганн Клостерман. Ряд картин в результате попала в собрание Эрмитажа, хотя среди них не было подлинных шедевров.

В дальнейшем внимание исследователей привлекали в основном самые яркие фигуры среди русских коллекционеров — граф Александр Сергеевич Строганов и князь Николай Борисович Юсупов. Во многом этот интерес был связан с сохранившимися в основном собраниями обоих, а также с возможностью работать с их архивами. Результатом этой коллективной работы явился ряд выставок, показанных в Москве, Петербурге, а также за рубежом³.

В то же время проследить историю приобретения искусства в Европе произведений искусства, предназначенных для украшения частных домов и дворянских усадеб, которые отражали вкус того времени, оказалось делом нелегким, потому что, в отличие от императорских коллекций, исследователи не располагали ни подробными описаниями частных собраний, ни документами о покупке отдельных произведений.

Для более подробного исследования требовались неизвестные ранее материалы, особенно архивные документы. Так, до недавнего времени недостаточно изученной оставалась деятельность Ивана Ивановича Шувалова в Риме, где он приобретал произведения искусства. Знакомство с архивными материалами в петербургском и римском архивах позволило прийти к выводу, что он покупал произведения искусства в Риме не только для себя и Екатерины II, но также для других русских аристократов в том числе для графа Кирилла Григорьевича Разумовского и графа Григория Григорьевича Орлова. В то же время о многих

³ Stroganoff. The Palace and Collections of a Russian Noble Family. New York. 2000; «Ученая прихоть» коллекция князя Николая Борисовича Юсупова. М., 2001, т. 1–2; Строгановы меценаты и коллекционеры. СПб., 2003, см. также: *Савинская Л.Ю.* Коллекция живописи князей Юсуповых. М., 2017.

клиентах Шувалова у нас нет сведений. Можно только утверждать, что, по сути дела, он являлся агентом для значительного числа русских аристократов⁴.

Документы Государственного архива в Риме указывают на некоторых путешественников, побывавших в «вечном городе» и получивших разрешение на вывоз из Рима художественных ценностей. Документы, связанные с приобретениями скульптуры уже становились темой специального исследования автора этих строк. В поле зрения попали, например, граф Александр Романович Воронцов, посетивший Рим в 1761 г.⁵, граф Кирилл Григорьевич Разумовский, проведенный некоторое время в Риме в 1766 г.⁶, князь Андрей Михайлович Белосельский, побывавший в «вечном городе» в 1771 г.⁷, а также Конрад Рене Кох, покупавший картины и скульптуру для князя Александра Михайловича Голицына в Риме в 1770–1771 гг.⁸ Неоднократно бывал в Риме, приобретая произведения современной и древней пластики также граф Иван Григорьевич Чернышев⁹. По его заказу скульптор Александер Триппель исполнил монументальное надгробие его брата Захара, к несчастью, погибшее во время Великой Отечественной войны в Яропольце. В качестве агентов русских коллекционеров в отдельных случаях выступали также советник Иоганн Фридрих Рейфенштейн¹⁰ и русский консул в Риме (с 1781 г.) Гаспаре Сантини¹¹. Как удалось

⁴ Андросов С.О. Скульпторы и русские коллекционеры в Риме во второй половине XVIII века. СПб., 2011. С. 189–213; *он же*. И.И. Шувалов в Риме: приобретение произведений искусства // Из России в Италию. Творческая интеллигенция и Рим (XVIII и XIX век). Салерно, 2015. С. 249–309 (с публикацией документов на итальянском и французском языках).

⁵ Андросов С.О. Русские коллекционеры и их агенты в Риме во второй половине XVIII века // ТГЭ, т. LXVIII. Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. 2015. С. 33

⁶ Там же. С. 33–34.

⁷ Там же. С. 36–37.

⁸ Там же. С. 37–39.

⁹ Там же. С. 39–42.

¹⁰ Андросов С.О. Рейфенштейн и приобретение скульптуры в Риме. Новое о статуях Павловска // Кучумовские чтения. СПб., 2020. С. 29–38.

¹¹ *Он же*. Скульпторы и русские коллекционеры... С. 232–244.

установить, разрешение на вывоз произведений искусства в Россию получал банкир Франческо Барацци¹², а также, возможно, Джакомо Антонио дель Прато, специализировавшийся на подобных операциях¹³.

За последнее время в нашем распоряжении появились материалы, которые позволяют дополнить круг русских аристократов, интересовавшихся скульптурой, как античной, так и современной итальянской. Это позволяет шире очертить круг коллекционеров, посещавших Италию или приобретающих произведения скульптуры, находясь в России. Здесь, в первую очередь, следует указать на информацию, которая содержится в фонде Ричарда Сутерланда в Российском Государственном историческом архиве. Некоторые новые сведения о русских, интересовавшихся античной скульптурой можно почерпнуть из биографической записки каррарского скульптора и первого директора Академии художеств в Карраре, Джованни Антонио Чибеи (1706–1784)¹⁴, а также из дневниковых записей скульптора и реставратора Винченцо Пачетти (1746–1820)¹⁵. Пачетти в течение многих лет не только занимался реставрацией античной пластики, но и играл важную роль в художественном рынке Рима, продавая и перепродавая, наряду с собственными произведениями, статуи и бюсты,

¹² *Он же*. Русские коллекционеры и их агенты... С. 34.

¹³ Среди многочисленных прошений о разрешении на вывоз произведений искусства, подписанных Джакомо Антонио дель Прато, по-видимому, специализировавшегося на транспортировке скульптуры из Рима, значится статуя высотой шесть палмов (около 132 см), представлявшая Императрицу России («...una statua di Palmi sei rappresentante L'Imperatrice delle Russie»). Разрешение на вывоз ее было получено 14 мая 1781 г. (Archivio di Stato, Roma, Camerale I, busta 693, f. 72r). Следует отметить, что в старой публикации А. Бертолотти речь идет о статуе императора, что является ошибкой автора (*Bertolotti A. Esporazioni di oggetti di belle arti da Roma nei secoli XVII e XVIII // Archivio storico artistico, archeologico e letterario della Città provinciale di Roma, 1877, Vol. II. P. 292.*

¹⁴ *Fusani A. «Dal Choro alla Bottega».* Nuove acquisizioni su Giovanni Antonio Cybei // *Commentari d'Arte, settembre–dicembre 1999, a. V, n. 14. P. 45.*

¹⁵ *Roma 1771–1819. I Giornali di Vincenzo Pacetti / a cura di A. Cipriani, G. Fusconi, C. Gaspari, M. G. Picozzi, L. Pirzio Biroli Stefanelli. Pozzuoli, 2011.*

которые находили тогда в изобилии в римской земле. Поденные заметки скульптора являются важнейшим источником для истории коллекционирования в Риме.

О произведениях Джованни Антонио Чибеи, исполненных для России, было известно уже с 1990–х гг., и в 1996 г. на выставке в Карраре и Массе демонстрировались статуи времен года из Эрмитажа и портретные бюсты Екатерины II и графа Алексея Григорьевича Орлова из Музея–заповедника «Петергоф»¹⁶. Однако только после публикации автобиографической записки Чибеи, осуществленной Андреа Фузани в 1999 г., удастся на документальной основе воссоздать историю заказа произведений мастера, предназначенных для России.

Из записки Чибеи следует, что основным его заказчиком стал граф Алексей Григорьевич Орлов, брат фаворита Екатерины II. Именно Алексею Орлову принадлежал план активных военных действий в Средиземном море, направленных против Турции. После одобрения этого проекта императрицей, в Средиземное море были отправлены две эскадры, прибывшие туда в ноябре 1769 и в апреле 1770 г. Под командованием Орлова в июне 1770 г. они одержали важную победу над турецкой эскадрой при Чесме, за что адмирал получил почетное прибавление к своей фамилии и стал называться Орловым–Чесменским. Одним из опорных пунктов русской эскадры стал тосканский город Ливорно.

По–видимому, знакомство Орлова и Чибеи произошло вскоре после приезда адмирала в Ливорно. В записке скульптор пишет, что «при первом прибытии генерала Арлоф» он в очень сжатые сроки исполнил мраморные бюсты Екатерины II, самого заказчика и его брата¹⁷. Можно предположить, что портрет Григория Орлова не дошел до наших дней, тогда как два другие находятся ныне в ГМЗ «Петергоф». По–видимому, их следует датировать

¹⁶ I Marmi degli Zar. Gli scultori carraresi all'Ermitage e a Petergof [Catalogo della mostra]. Milano, 1996, nn. 3–6, 7, 8. О творчестве Чибеи в целом см: *Rudolph S. Labate Giovanni Antonio Cybei primo direttore dell'Accademia carrarese e statuario per le corti di San Pietroburgo, Massa e Modena // Pittura toscana e pittura europea nel secolo dei lumi. Atti del Convegno.* [Firenze, 1993]. P. 99–117.

¹⁷ *Fusani A.* "Dal Choro alla Bottega" ... P. 45.

временем около 1770 г. Эту датировку вполне подтверждает то обстоятельство, что в марте 1771 г Орлов возвращался в Петербург. Вполне вероятно, что портрет Екатерины II был поднесен им самой императрице.

Следующим заказом, о котором пишет Чибеи в автобиографии, стала мраморная статуя в натуральную величину, изображавшая Екатерину II. Императрица была представлена в короне, с атрибутами войны (шлем) и власти (орел). Итальянские источники ошибочно сообщают, что у ног ее был представлен побежденный турок¹⁸. Можно предположить, что такое произведение было связано с заключением в 1774 г. мира с Турцией в местечке Кючук–Кайнарджи, в результате которого Россия получила Керчь, Кинбурн и Азов. К сожалению, статуя не дошла до наших дней. Она находилась в начале XX в. в здании Верховного Округного суда в Петербурге, которое сгорело в результате революционных событий 1917 г. Тем не менее, мы можем получить представление об этом произведении Чибеи, по–видимому, подписанном мастером, по фотографии, опубликованной в 1916 году¹⁹.

Однако наибольший интерес вызывает тот факт, что в автобиографии Чибеи пишет о выполненных им «восьмидесяти бюстах для сада Царя Московии»²⁰. Даже если такое количество бюстов было просто завезено в Россию и разошлось между частными коллекционерами, они должны бы были каким–то образом проявиться в литературе. В свое время нами была предпринята попытка приписать Чибеи (или его мастерской) восемь бюстов–герм, хранящихся ныне в ГМЗ «Гатчина». Они, правда, лишены подписи, однако вполне могут быть датированы 1760 или 1770–ми гг. Стилистически они близки к той неоклассицистической манере, в которой работал в поздний период творчества Чибеи. Качество их исполнения также можно считать

¹⁸ *Campori G.* Memorie biografiche degli scultori, architetti, pittori... Modena, 1873. P. 85.

¹⁹ *Казнаков С.* Дочь Бецкого и «философ» Дюваль // Старые годы, октябрь–декабрь 1916. С. 18.

²⁰ *Fusani A.* «Dal Choro alla Bottega»... P. 45.

достаточно высоким²¹. Тем не менее, вопрос требует дальнейшего изучения.

Еще четыре статуи, изображающие времена года, хранятся ныне в Эрмитаже. Они лишены подписи, а как выясняется в последнее время, неизвестна также история их появления в императорской коллекции. Авторство Чибеи было установлено нами на основе полного сходства трех статуй со статуями из парка в Рейнсберге (около Берлина), резиденции Фридриха Великого. Если авторство Чибеи для статуй из Рейнсберга основывается на традиции, идущей из XVIII в., то история их приобретения и датировки остается неизвестной и не может помочь при исследовании статуй из Эрмитажа²². Может быть, их также имел в виду Чибеи, писавший о восьмидесяти бюстах, исполненных для царя.

Знакомство со статуями времен года важно для понимания Чибеи как крупного скульптора, имевшего в свое время международную известность. Происходя из семьи ваятелей и будучи учеником и племянником Джованни Баратты, он был также племянником и его брата Пьетро Баратты, много работавшего для Петра Великого. По-видимому, он не был выдающимся портретистом, к тому же ему приходилось создавать портреты Екатерины II по каким-то образцам. В то же время декоративные статуи Чибеи интересно задуманы, хорошо прорисованы и являются действительно выразительными памятниками переходного времени от барокко к неоклассицизму.

Всё же основные контакты русских коллекционеров, особенно начиная с 1780-х гг., были связаны не с несколько провинциальной в то время Тосканой, а с Римом, непререкаемым притягательным центром для путешественников Grand Tour. Здесь мы находим интересную информацию среди документов банкира Сутерланда, хранящихся ныне, как уже отмечалось в РГИА.

²¹ *Androsov S. Giovanni Antonio Cybei e i committenti russi // Atti e memorie della Accademia Aruntica di Carrara, 2012, XVIII. P. 21–30.*

²² Ошибочным оказалось выдвинутое ранее нами предположение о том, что под четырьмя статуями континентов, исполненными Чибеи для России, которые упоминаются ранними итальянскими авторами, могли иметься в виду фигуры времен года, хранящиеся ныне в Эрмитаже.

Ричард Сутерланд (1739–1791), сын кораблестроителя из Шотландии, с молодости занимался коммерцией в России. Ему удалось получить для своего банка большой капитал, который позволял ему субсидировать операции русского правительства в Европе, в том числе и военного характера. В 1785 г. он стал придворным банкиром Екатерины II, а в 1788 г. получил от нее титул барона Российской Империи. Однако позднее Сутерланд столкнулся с большими затруднениями, потому что русские вельможи отказывались возвращать ему взятые в долг деньги. Оказалось, например, что долг князя Г.А. Потемкина–Таврического, оставшийся после его смерти, составлял почти 750 тыс. рублей. В результате, уже после смерти Сутерланда в октябре 1791 г., его банк обанкротился, а документы поступили в государственный архив.

Вопреки сложившейся традиции, в значительной степени основанной на мемуарах Г.Р. Державина, материалы фонда Сутерланда свидетельствуют об исключительной аккуратности и добросовестности банкира. На каждый календарных год приходится 8–10 томов входящей корреспонденции на английском, французском, немецком, итальянском и русском языках. Из переписки видно, что Сутерланд имел деловые отношения с банкирами по всей Европе, от Дюнкерка и Гибралтара до Херсона и Кременчуга, переводя деньги и занимаясь торговлей. Сохранились также копии ответных писем банкира в сокращенном виде.

Материалы фонда Сутерланда уже позволили нам прояснить историю приобретения группы памятников скульптуры из собрания Локателли в Риме (в их число входила знаменитая античная мраморная статуя Диониса)²³. В то же время переписка шотландца с его корреспондентами позволяет несколько расширить круг русских любителей искусства, покупавших с его помощью произведения в Италии, в частности, в Риме. Часто

²³ Андросов С. Неизвестный эпизод приобретения скульптуры в Риме (1785–1786) // СГЭ, 2016, [вып.] LXXIII. С. 150–159; *Androsov S. Vincenzo Pacetti e la clientela russa. La corrispondenza di Richard Sutherland nell'archivio storico di stato russo // Bollettino d'Arte, Volume Speciale — 2017. Vincenzo Pacetti, Roma, L'Europa all'Epoca del Grand Tour. P. 365–373.*

Сутерланду приходилось также заниматься транспортировкой приобретенных произведений в Петербург.

Примером подобной корреспонденции может служить письмо купца Антонио Франческо Бранки (Branca), торговавшего с Россией с середины XVIII в., от 18 августа 1783 г. (по-французски), возможно, из Генуи. Он сообщал об отправке на корабле «Штадт Барт» с капитаном Симоном Траппом 12 ящиков с товарами. Один из них предназначался «Господину Де Сойманофф», а остальные — «графу Скавронски»²⁴. О содержании этих ящиков в письме не сообщалось. Одновременно тому же Скавронскому направлялся один ящик от братьев Ливио, в котором находились «два мраморных стола» (вероятно, столешницы). Судя по тому, что в документе упоминалось имя Гаспаре Сантини, русского консула в Риме, можно предположить, что посылка отправлялась именно из «вечного города», а Бранка отвечал лишь за ее транспортировку.

По-видимому, первым адресатом был Михаил Федорович Сойманов (1753–1804), одно время бывший статс-секретарем Екатерины II и даже руководивший театром Эрмитажа, а затем ставший сенатором.

Еще более примечательной кажется личность графа Павла Мартыновича Скавронского (1757–1793), последнего представителя семьи, возвысившейся, благодаря родству с царицей Екатериной I. Обычно о нем вспоминают только потому, что он был первым супругом Екатерины Васильевны Энгельгардт, племянницы Г.А. Потемкина (с 1781 г.) и пользовался покровительством этого государственного деятеля. В то же время была общеизвестна его любовь к музыке и музыкантам. Современники сообщали также об его симпатиях к Италии: «никакая земля не нравилась ему, кроме Италии...»²⁵. В 1785 г. Скавронский был назначен полномочным министром в Неаполитанском королевстве. Здесь он и скончался в ноябре 1793 г.

²⁴ Российский Государственный исторический архив (РГИА), ф. 602, д. 59, л. 73.

²⁵ [Без имени автора] Скавронский, Павел Мартынович // Русский биографический словарь. Сабанеев — Смыслов. СПб., 1904. С. 532.

Основываясь на записках римского скульптора и реставратора Винченцо Пачетти, мы можем попытаться предположить, что находилось в ящиках, посланных для Скавронского из Рима. Именно в 1783 г. Пачетти неоднократно пишет о посещении его мастерской «господином Московитом», которым и был Скавронский, побывавший в Италии ранее своего назначения в Неаполь. Под 15 марта 1783 г. Пачетти писал: «Пришел Господин и взял фигурку Дианы, жертвенник и две головы, Паллады и Фавна, за 120 скуди, который называется Скавронски»²⁶. 9 апреля того же года «господин Московит» поручил Пачетти реставрацию античной статуи Венеры, работа была оценена в 16 скуди²⁷. 26 апреля Скавронский купил у Пачетти фигуры Иолы, Виктории и семь лап (льва?) на сумму в 170 скуди²⁸. Наконец, 31 июля 1783 г. Пачетти отметил посылку на виллу Сантини двух фигур, отреставрированных им для Скавронского и изображавших Венеру и Викторию²⁹. Интересно, что оплата этих работ производилась также через Сантини, и Пачетти получил от банкира по счету Скавронского 140 скуди³⁰. Именно эти произведения могли составить содержимое 11 ящиков, посланных из Италии в Петербург в середине августа 1783 г. К сожалению, произведения античной скульптуры, перечисленные в дневнике Пачетти достаточно суммарно, в настоящее время не могут быть идентифицированы.

В письме Джованни (Жана) Каламаи из Ливорно к Сутерланду от 26 мая 1786 г. (по-французски) речь шла об отправке в Петербург, снова по указанию Гаспаре Сантини, на бригантине «Удивительный» ящика с произведениями искусства, предназначенными для князя Михаила Голицына. К сожалению, и здесь дается только самое общее их описание: «Картина с рамой, два бюста из терракоты и статуя из меди»³¹. Адресатом этой отправки, очевидно, был князь Михаил Петрович

²⁶ Roma 1771–1819... P. 22.

²⁷ Ibid. P. 23.

²⁸ Ibid. P. 24.

²⁹ Ibid. P. 25.

³⁰ Ibid. P. 26.

³¹ РГИА, ф. 602, д. 89, л. 20.

Голицын (1765–1848), племянник бывшего вице–канцлера князя А.М. Голицына, учившийся в Страсбургском университете и также посещавший Италию. По возвращении в Россию М.П. Голицын показал себя страстным коллекционером произведений искусства и библиофилом. О его расточительности и долгах, доходивших до 100 тыс. рублей, по–видимому, уже в 1790–е гг. можно сделать заключение из писем к нему А.М. Голицына³². Хотя его дом в Москве погиб во время пожара 1812 г., он вскоре смог составить себе новую коллекцию. А.Я. Булгаков, в частности, писал к брату 16 марта 1820 г.: «Сегодня обедал я у князя Михаила Петровича Голицына... Славный обед, славные вещи, славные картины. Видел я эту Корреджиеву Богородицу, с ребенком Иисусом Христом, за которую он заплатил 60 тысяч. Необъятная цена! Картина хороша, но, право, не стоит этой цены»³³. Непомерные траты привели в дальнейшем М.П. Голицына к разорению уже к середине 1820–х годов³⁴. Не исключено, что присланные из Рима произведения со временем могли попасть в Голицынский музей, купленный для Эрмитажа в 1886 г., однако из–за того, что сюжеты не названы, их невозможно идентифицировать³⁵.

Более подробно рассказывают о сложностях приобретения и перевозки в Россию скульптуры несколько писем на русском языке, выделенных в отдельное дело. Автор этих писем, Петр Богданович Пассек (1736–1804), вписал свое имя в историю России. В 1762 г., вместе с братьями Орловыми он участвовал в подготовке дворцового переворота, приведшего к свержению Петра III. Из–за своей неосторожности Пассек был арестован 27 июня

³² *Парушева В.Г.* Я вдруг переносюсь во дни Екатерины... Николай Алексеевич Голицын и его усадьбы. М., 2015. С. 470–472. Приводя цитаты из писем А.М. Голицына, упрекающего племянника в лишних расходах, автор, к сожалению, не уточняет их дат.

³³ Письма А.Я. Булгакова к его брату // Русский архив, 1900, кн. 3. С. 348.

³⁴ См.: *Чулков Н.* Голицын, князь Михаил Петрович // Русский биографический словарь. Гоголь — Гюне. М., 1997, С. 176–177.

³⁵ См. о нем также краткую заметку в статье: *Рыкова О.* Из истории князей Голицыных, где он назван «известным библиофилом и коллекционером» (Голицынский музей на Волхонке. М. 2004, С. 38)

1762 г., что ускорило выступление заговорщиков, происшедшее уже на следующий день. Взойдя на трон, Екатерина II присвоила Пассеку чин гвардии капитана и выдала в качестве единовременного награждения 24 тыс. рублей, за этим последовали и другие знаки внимания. Однако в декабре 1766 г. он в чине генерала–поручика уволился из службы по болезни, с сохранением полного содержания. В 1778 г. Пассек вернулся к государственной деятельности и был назначен правителем (губернатором) Могилевского наместничества, а в 1781 г. — генерал–губернатором Могилевской и Полоцкой губерний. На этом посту он оставался до самой смерти Екатерины II, хотя, как кажется, мало утруждал себя заботами управления. В декабре 1796 г. Павел I отправил Пассека в отставку с запретом въезда в обе столицы. Против него было возбуждено дело о злоупотреблениях, однако его так и не довели до конца. Придя к власти, Александр I снял с Пассека опалу³⁶. До недавнего времени об интересе Пассека к искусству было известно только из записок Якоба Штелина: «Кавалер Пассек привез при своем возвращении прекрасное собрание большей частью брабантских картин и устроил кабинет в Петербурге (1769)»³⁷.

Переписка начинается с письма Пассека из Могилева, адресованного Сутерланду и датированному 6 июля 1786 г. (в сохранившейся копии явно ошибочно проставлен 1790 г.). В нем содержалась просьба принять в Петербурге 12 мраморных бюстов, которые должен был купить в Риме для Пассека некий Гутаковский. «По случаю отъезда в чужие края Старосты и польскаго шамбеляна г–на Гутаковскаго упросил я его купить мне в Риме двенатцать мраморных бюстов... полагаясь на доброе ваше к людям расположение советовал г–ну Гутаковскому для удобнейшаго получения адресовать на имя ваше, а потому когда сии бюсты привезены будут в С:Петербург на каком–либо корабле то покорнейше вас Государя моего

³⁶ Тагеев М. Пассек, Петр Богданович // Русский биографический словарь. Павел, преподобный — Петр. СПб., 1902. С. 359–361.

³⁷ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. Т. 1. М., 1990. С. 379.

прошу приняв оные приказать хранить в амбаре и меня о том уведомить...»³⁸.

Не получив ответа от Сутерланда, Пассек направил ему второе послание, датированное 24 октября 1786 г. В дополнение к предыдущему письму он сообщал: «... ныне получил я от г-на Старосты польскаго шамбеляна Гутаковского при письме его конесементы на каком корабле оные везутся, то препровождая их при сем в подлиннике также и письмо г-на Гутаковского паки вас усердно прошу приказать те бюсты приняв хранить в амбаре и о том пожаловать меня уведомить...»³⁹. К сожалению, указанные документы в деле не сохранились. В то же время мы располагаем письмом по-французски Гутаковского из Варшавы от 14 октября, адресованного, вероятно, к Пассеку, в котором речь идет как раз о сопроводительных документах к посланным из Рима бюстам⁴⁰.

Людвик Шимон Гутаковский (1738–1811) является яркой фигурой в истории Польши. Свое звание камергера («шамбеляна») он получил еще в 1762 г. от короля Августа III и сохранил при Станиславе-Августе. С 1778 г. он являлся членом Постоянного Совета, а в 1780 г. был избран депутатом Трибунала Великого княжества Литовского и получил орден св. Станислава. В 1791 г. Гутаковский стал подкоморием Великого княжества Литовского и был награжден орденом Белого Орла. Тогда он одобрял политику короля Станислава-Августа и участвовал в принятии Конституции 1791 г. Однако позднее Гутаковский изменил свою политическую ориентацию, поддержал восстание Костюшко и занял антирусскую позицию. В 1807–1808 гг. он являлся председателем Совета министров созданного Наполеоном Варшавского герцогства, а в 1810–1811 гг. — председателем его Сената.

Можно предположить, что Гутаковский был знаком с Пассеком, благодаря географической близости их владений. В то же

³⁸ РГИА, ф. 602, д. 297, л. 1. Оригинал письма Пассека от 6 июля 1786 г. см. также: д. 92, л. 217.

³⁹ Там же, л. 1 об. Оригинал письма Пассека от 24 окт. 1786 г. см. также: д. 92, л. 216.

⁴⁰ Там же, д. 92, л. 215.

время об интересе Гутаковского к искусству до сих пор не было сведений⁴¹. Зато можно подтвердить, что Гутаковский действительно находился в Риме летом 1786 г. Среди произведений, исполненных художницей Ангеликой Кауфман, в июне 1786 г. значился: «Для г–на графа Гутакоски из Польши Портрет вышеназванного, 34 цехина»⁴².

Сутерланд ответил на письма Пассека 17 ноября 1786 г. Он объяснил, что «на первое не отвечал по причине той, что не знал, на каком корабле находятся ваши бюсты». Теперь же он сообщал Пассеку, что «тот корабль ныне не бывал, а как скоро будущую весною прибудет, то не премину оные вещи приняв вашего превосходительства уведомить»⁴³.

Следующее письмо Пассека должно быть датировано 21 февраля 1787 г. (копиист снова ошибочно поставил 1790 г.). Он просил Сутерланда, в дополнение к статуям (по–видимому, еще не привезенным на тот момент в Петербург), принять также «в свои анбары» «провизию и вины», выписанные им из Лангедока. Оплату за эту торговую операцию на сумму 1000 рублей Пассек посылал через Александра Васильевича Обрескова, которому и поручалось затем получить «статуи провизию и вины»⁴⁴.

Из ответного письма Сутерланда от 15 апреля 1787 г., в котором он подтвердил получение 1000 рублей, можно заключить, что в эту сумму входила также и оплата провизии и вин из Франции на сумму 729 рублей 11 копеек (что соответствовало 129 луидорам)⁴⁵.

Далее в переписке наступает перерыв, который трудно объяснить. Только 20 апреля 1789 г., то есть два года спустя, Пассек, не получивший ни бюстов, ни провизии, снова обращается к Сутерланду с едва скрываемым раздражением. «Копии двух моих в 1786 году к вам написанных, ваш на оныя отзыв и копии

⁴¹ За консультации по этому вопросу автор благодарит г–жу Катажину Микоцку–Рахубову (Варшава).

⁴² La «Memoria delle pitture» di Angelica Kauffman / a cura di C. Knight. [Roma. 1998]. P. 36.

⁴³ РГИА, ф. 602, д. 297, л. 2.

⁴⁴ Там же, л. 3.

⁴⁵ Там же, л. 4.

письма к вам так же чрез Александра Васильевича Обрескова посланного о переводе тысячи рублей денег, и о получении оных ваш ответ [то есть корреспонденция, отложившаяся в одном деле. — С.А.] засвидетельствует вам истинну, сколько я потерпел убытков по неполучении мне принадлежащаго». По его словам, все попытки Обрескова получить бюсты оказались неудачными. «Наконец еще за нужное почитаю уведомить вас что Александр Васильевич Обресков получа сведения от г—на Раля [компаньон Сутерланда. — С.А.] о доставлении в С:Петербург тех бюстов, когда требовал об отсылке их в Могилев слышал от г—на Восгард или г—на Раля что артельщик ушел домой, которой оныя принимал в амбар, без коего теперь от искать будто бы невозможно. В сем случае не оставьте Государь мой зделать ваше мне одолжение приказанием отыскать оныя и выполнением впрочем справедливаго моего требования...»⁴⁶. В качестве возможного получателя бюстов здесь был назван уже не Обресков, а «г—н Менелас», очевидно, архитектор Адам Менелас (1753–1831).

Из имеющихся документов не видно, чем закончилось дело. Поскольку на этом переписка обрывается, можно предположить, что мраморные бюсты были в конце концов получены Пассеком.

К сожалению, из приведенной нами переписки невозможно получить информацию о том, что из себя могли представлять бюсты. Судя по числу 12, можно предположить, что они могли изображать 12 месяцев или 12 древнеримских императоров. Почти наверняка они не были античными, и делались на заказ одним из римских скульпторов того времени. И всё же собранные нами факты позволяют немного расширить сведения о людях, интересовавшихся итальянской скульптурой в России при Екатерине II.

⁴⁶ РГИА, ф. 602, д. 297, л. 5, 5 об.

Елена Вениаминовна Карпова

ИТАЛИЯ В ПИСЬМАХ И ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЯХ С.И. ГАЛЬБЕРГА

«Для художников нет в мире лучшего уголка земли, как Рим. Он — всемирная академия художеств. Если Вы любите искусство, то хоть пешком, но будьте в Риме», так говорил ученикам незабвенный профессор Гальберге¹.

Крупнейший русский скульптор–портретист пушкинской поры Самуил Иванович Гальберг (1787–1839) оставил обширное эпистолярное наследие. Он был другом О.А. Кипренского, К.П. и А.П. Брюлловых, С.Ф. Щедрина и находился с ними в постоянной переписке. Будучи в Италии, Гальберг писал рапорты в Академию художеств и подробнейшие послания домой, родителям и братьям, вел дневниковые записи.

В 1884 г. педагог и почетный вольный общник Императорской Академии художеств В.Ф. Эвальд подготовил и опубликовал в качестве приложения к «Вестнику изящных искусств» солидное издание под названием «Скульптор Самуил Иванович Гальберг в его заграничных письмах и записках. 1818–1828». Указанные даты свидетельствуют о том, что речь идет об итальянском периоде жизни скульптора. На материалы этой книги традиционно ссылаются и по сей день.

Свою задачу автор данной статьи видел не в том, чтобы извлечь и представить в одной публикации все упоминания

¹ *Рамазанов Н.А.* Материалы для истории художеств в России. Статьи и воспоминания / сост. Н.С. Беляев. СПб., 2014. С. 312.

скульптора об Италии. Гораздо важнее было, избегая повторов, проследить влияние итальянских впечатлений на его собственное творчество.

Предваряя цитирование писем С.И. Гальберга, следует привести некоторые сведения биографического характера. Самуил (Самуил–Фридрих) Гальберг приехал в Петербург из Эстляндии, где его отец Иоанн–Эрик Гальберг, швед по происхождению, служил управляющим в имениях. Вслед за старшим братом, Иоанном–Рейнгольдом (в России — Иваном Ивановичем), он был отдан в Императорскую Академию художеств, где обучался с 1795 по 1808 г. При переходе в скульптурный класс его любимым педагогом стал Иван Петрович Мартос (1754–1835), самый значительный мастер эпохи классицизма, практически возглавлявший в первой трети XIX в. национальную скульптурную школу.

Удостоенный в 1808 г. золотой медали за программный барельеф на историческую тему («Марфа Посадница приводит жениха своей дочери Мирослава к деду своему Феодосию, который дает тому свой родовой меч»), Самуил Гальберг получил звание классного художника I степени и право на заграничное пенсионерство. Однако политическая обстановка в Европе воспрепятствовала отъезду и он, равно как и другие удостоенные наград выпускники, вынужден был остаться при петербургской Академии, занимаясь самообразованием и творческой практикой (произведения того периода в большинстве своем не сохранились, и мы можем судить о них лишь по названиям). Известно, что он помогал своему учителю в работе над барельефами для пьедестала памятника Минину и Пожарскому, открытого на Красной площади в Москве в феврале 1818 г.

Спустя несколько месяцев, в августе того же года, Гальберг начал вести дневник своего долгожданного путешествия в Рим.

Наконец я еду! наконец после девятилетних ожиданий, увижу Италию, страну любимую природы и дарований, увижу Рим, чрез несколько столетий повелевавший миру силою оружия, суеверия и искусств изящных. Еще владычество его продолжается. От далеких стран Севера летят молодые питомцы муз, чтоб в нем усовершенить и

обязивать вкус свой; покидают родных и друзей, чтобы взглянуть на почтенные остатки великой древности².

Многочисленные письма и дневниковые записи отражают не только явный литературный талант Гальберга, но и его зрелость, образованность, недаром, как утверждал современник, русские пенсионеры «братья Тоны, Брюлловы, Кипренский, Щедрин и другие не иначе называли его как ходячим энциклопедическим лексиконом»³.

Скульптор, перешагнувший 30-летний возраст, ехал в Рим уже не юношей, а человеком вполне сформировавшимся, имеющим свой взгляд на искусство, свое понимание принципиальных задач творчества. Владение несколькими языками позволяло ему постоянно расширять круг общения, что, в свою очередь, сделало его впечатления и отзывы во многих отношениях интересными и значимыми.

По дороге он осмотрел множество знаменитых художественных коллекций. Выехав из Кронштадта 29 июля, он 8 августа прибыл в Берлин. Бродил по улицам, был в мастерской директора Академии художеств И.–Г. Шадова, осматривал его работы и картинную галерею королевского замка, в Монбизу — коллекцию гипсов с антиков и собрание древних мраморов, купленное фон Гумбольдтом в Риме. Далее в письмах братьям Гальберг подробно описывал Дрезден, Прагу, Вену, Венецию, Флоренцию.

20 октября 1818 г. он сообщил: «Вот я и в Риме!». Развалины «некогда великолепнейшего города» поначалу разочаровали, а неминуемые расходы при всем стремлении к строжайшей экономии были удручающими. Как и пенсионеры прежнего

² Скульптор Самуил Иванович Гальберг в его заграничных письмах и записках. 1818–1828. Собрал В.Ф.Эвальд. СПб., 1884. С. 14 (далее: Гальберг, 1884). Цитаты, приведенные здесь и далее, сверены и уточнены по рукописным оригиналам (ОР ГРМ. Ф. 56. Д. 7, 13, 14). Впервые эти материалы были представлены нами в статье на датском языке: Bertel Thorvaldsens romerske kreds: den russiske billedhugger Samuil Hallberg // Meddelelser fra Thorvaldsens Museum 2008. Kobenhavn, 2008. S. 43–49 (Thorvaldsens Museum Bulletin, 2008).

³ Рамазанов... цит. С. 328.

времени Гальберг и его товарищи были обречены на постоянное безденежье:

...мы получаем около 4 р. на день. В день надобно издержать на завтрак, обед, ужин 2 р.; это — немного. Что же останется на наем квартиры и мастерской, на материал и инструменты, на одежду, обувь, белье etc.? А натурщику? Натурщик один требует по пиастру в день, и ему дают. Из чего я дам ему пиастр, когда и сам не получаю столько? Я думал купить кое-каких книг; теперь это надо оставить. Мне хотелось и казалось нужным, — писал Гальберг, — научиться работать из мрамора; теперь не знаю, как из этих денег и покупать мрамор, и покупать инструменты, и платить учителю (самоучкой нельзя)⁴.

Непростыми оказались и условия жизни пенсионеров, особенно поздней осенью и зимой. Довольно часто жалуюсь родственникам на свое болезненное состояние, скульптор рассказывал:

...в нашем ужасном северном климате я никогда не терпел столько от холоду, сколько в благословенной Италии. Там холодно на улицах; но на улицах не живут, а в домах у вас всегда лето. Здесь же у всех нас, с самого приезда, насморк не проходит, и мы часто в полдень выходим из комнаты на улицу отогреться на солнышке. Нет сил терпеть: из окон дует, из дверей дует, из стен дует; дует в бока, в спину, в уши, в ноги. И каково им, бедным, на каменном полу? А комната моя не из последних: есть и занавесы у окон, и на занавесах видны коричневые потоки дождей; есть и камин, и от него вся комната моя трубой воняет...⁵.

Читая эти строки, невольно вспоминаешь русских скульпторов и живописцев, которым не суждено было вернуться на родину.

Однако постепенно новые впечатления и знакомства выходили на первый план и становились для Гальберга главным. Уже в ноябре он рассказывал братьям:

Я был у Кановы, почтенный старичок, учтивый старичок, так учтив, что я уж не знал, как мне быть учтивым, не знал, как отвечать ему; он сам водил нас по мастерской, сам показывал, сам отворял двери. Что же нам перед ним? Мы кланялись, сколько могли и умели. Великий

⁴ Гальберг, 1884. С. 55.

⁵ Там же. С. 113.

человек! подумал я. Статуи его полны ошибок, барельефы его никуда не годятся, но видя вместе поставленными такое множество прекрасных работ им произведенных, нельзя не сказать — великий человек! Торвальдсен имеет более правильности, стиль его чище, проще, особенно барельефы его несравненно лучше нежели Кановы, но у него нет той приятности, той отделки, и от того он менее нравится. Он принял нас холодно, сухо, когда мы были у него (он Датчанин), но, прощаясь, пожал мне руку. Признаюсь, я бы хотел заслужить внимание этого человека⁶.

Надежды Гальберга оправдались, он сумел снискать расположение Торвальдсена, получив возможность пользоваться его советами. Они особенно понадобились ему после того, как в феврале 1819 г. прибывший в Рим брат русского императора Александра I великий князь Михаил Павлович, по совету Ореста Кипренского, заказал русским скульпторам — пенсионерам Самуилу Гальбергу и Михаилу Крылову статуи Ахиллеса и Гектора, которые должны были составить своего рода группу из отдельно стоящих фигур. Уже начав работать над эскизом «Ахиллеса», Гальберг сделал такую запись: «Канова и Торвальдсен суть, бесспорно, знаменитейшие в нынешнее время по своей части художники. Итальянцы на стороне первого; иностранцы, и в особенности, северные, предпочитают последнего...»⁷.

Письмо Гальберга братьям, датированное 6 мая, начинается словами:

Сейчас вышел от меня Торвальдсен. Я ему показал эскиз, и он был доволен. Кажется, мы с ним поладим, более потому, что по-немецки он немногим лучше меня говорит, а мне то и любо, раздолье. Он сам предлагал мне свою услугу, помощь, совет для большой статуи. Жаль, что он мало имеет свободного времени: я его более недели ждал, Англичане затаскали его бедного. *Brav, sehr brav*, говорил он; *ich bitte tausendmal um Verzeihen, dass ich nicht eher kommen konnte* [*Хорошо, очень хорошо; тысячу раз прошу извинить меня в том, что не мог придти ранее. — В. Эвальд*]. Он долго смотрел⁸.

⁶ Там же. С. 56.

⁷ Там же. С. 65.

⁸ Там же, с. 72.

«Отзвуки» бесед с Торвальдсеном можно уловить из письма Гальберга к его петербургскому учителю И.П. Мартосу (оно было написано весной 1819 г.). Посылая в Петербург рисунок задуманной им фигуры Ахиллеса, Гальберг рассказывает:

...[показывал] эскиз свой г-ну Торвальдсену и по его совету повесил меч и приделал щит. Он советовал еще поднять голову Ахиллеса, а я нарочно, было, наклонил ее, потому что 1) все древние статуи и бюсты Ахиллеса, сколько я их видел, имеют голову наклоненную: может быть, это была принятая формула для представления Ахиллеса, и я думал, удержав оную, придать более сходства своему герою; 2) я думал представить, что он, наклоня голову, смотрит изподлобья, меряет глазами своего противника; к тому — ж, казалось мне не натуральным, идучи на бой, выставлять вперед свой лоб. Впрочем, я не знаю, могут ли иметь какой вес сии мои причины в глазах здравой критики. Как Вы скажете? Посоветуйте, Иван Петрович! В ожидании же вашего разрешения, я последую мнению г-на Торвальдсена⁹.

К сожалению, гипсовые статуи Гальберга и Крылова, посланные в 1824 г. в Петербург, экспонировавшиеся на выставке в Академии художеств, а затем поставленные в только что построенном Михайловском дворце, не сохранились. Известны лишь гравированные рисунки с них, сделанные в четырех ракурсах и впервые воспроизведенные в «Журнале изящных искусств» (1825), там же было помещено подробное описание обеих фигур, сопровождаемое цитатами из Гомера¹⁰.

Судя по этим изображениям, и Самуил Гальберг в той или иной мере опирался на торвальдсеновского «Язона». Однако, еще более важными, особенно для Гальберга, были уроки антиков, изучением которых русский пенсионер был занят с первых дней своего пребывания в Италии (существует легенда, что его

⁹ Гальберг, 1884, с. 97–98.

¹⁰ Разбор статуй Ахиллеса и Гектора, произведенных гг. Гольбергом и Крыловым // Журнал изящных искусств, издаваемый Василием Григоровичем. СПб., 1825. Кн. 2. С.44–58.

даже прозвали в Риме «русским Винкельманом»). Так, в ноябре 1818 г. он писал братьям:

...рисую с антиков, смотрю на них, и каждый день нахожу какие-нибудь новые, еще не примеченные мною вещи, или в старых новые красоты, и люблюсь ими. Аполлон, Лаокоон etc., которые мне были так знакомы в гипсе, в мраморе кажутся мне совершенно новыми, невиданными доселе. Я чувствую неизъяснимое удовольствие, рассматривая сии образцовые произведения древней Греции, мечтая пред ними. Ах, если бы ты мог произвести две, одну вещь, подобную этим, то, умри, Самойло! — тебя будут помнить. Таким образом провожу я каждый день и по целому дню в Ватикане¹¹.

Искреннее преклонение Гальберга перед древней скульптурой, наверное, импонировало Торвальдсену. К сожалению, в письмах Гальберга нет упоминаний о том, как датский маэстро относился к его следующей крупной и гораздо более самостоятельной работе — статуе «Начало музыки», заказ на которую был получен весной 1824 г. при активном дружеском содействии Ореста Кипренского. В отличие о «Ахиллеса», в котором чувствовался явный диктат антиков, «Начало музыки» или «Фавн, прислушивающийся к шуму ветра в тростнике», как по своему оригинальному сюжету, так и по его пластическому воплощению, был шагом вперед, бесспорным достижением скульптора. Здесь неоклассицизм Гальберга, его желание следовать антикам, словно приглушались характерным для художников романтической эпохи стремлением к выражению эмоционального настроения, живого чувства, захватившего юного фавна. Об этом говорит и обширная переписка скульптора с Кипренским, петербургскими родственниками и друзьями.

Долгое время принято было считать, что именно эта статуя, моделированная в 1824–1826 и переведенная в мрамор в 1826–1829 гг., хранится в Русском музее. Однако проведенное нами исследование показало, что в петербургском музее экспонируется более поздний вариант «Начала музыки», исполненный по модели Гальберга итальянским мраморщиком Джироламо Сарторио в 1830–1835 гг., в то время как первая, сделанная для

¹¹ Гальберг, 1884. С. 56.

князя И.А. Гагарина фигура, судя по всему, находится ныне в Минске, в Национальном художественном музее Республики Беларусь¹².

В Риме Гальберг всерьез увлекся жанром скульптурного портрета, исполнив около 15 бюстов, о чем свидетельствуют упомянутые в его переписке имена изображенных лиц. Поначалу скульптору очень трудно было найти модель для позирования, и потому первой его работой стал бюст товарища по пенсионерству, архитектора Василия Алексеевича Глинки (1790–1831). Это был не заказной, а «дружеский» портрет, что предопределило творческую свободу и, в конечном итоге, успех произведения. В своем письме братьям от 7 ноября 1819 г. Гальберг писал братьям в Петербург:

...наконец я кончил бюст Глинки. Я не гнался показывать его и даже никому не говорил о нем; но Тенерани [ученик Торвальдсена и лучший из молодых скульпторов в Риме] увидел оный в самое то время, когда формовщик принимался за свою работу; он расхвалил меня, если не до небес, то по крайней мере до купола св. Петра, и через несколько минут нахлынула ко мне целая ватага молодых скульпторов. Слава о бюсте разнеслась, и многие хотят его видеть: итальянцы говорят *sono innamorato nel suo fare* [я влюбился в его работу. — В. Эвальд]; немцы находят и *Fleisch*, и *Leben*, и *wunderschön*¹³; французы *restent étonnés*¹⁴, и все вообще уверяют, что они не предполагали в Петербурге такого чистого вкуса, такого манера и проч., и проч., наконец, что они даже не видали подобных бюстов!!! Все сии похвалы, сколь они ни увеличены, меня радуют, потому более, что могу сообщить их вам и представить себе, сколько вы будете радоваться успеху вашего маленького Самошки. Но к чему так много о бюсте, о бюстишке? Что еще скажут в Питере? Может быть, назовут меня новизноводителем,

¹² Подробнее об этом с использованием посвященных этой работе писем из Италии см.: Карпова Е.В. На пути от классицизма к романтизму: статуя С.И. Гальберга «Начало музыки» // Звук и образ. Музыка в русском искусстве XI–XX века. [Каталог выставки / ГТГ]. М., 2002. С. 16–21.

¹³ Плоть, жизнь, красота (нем.).

¹⁴ Удивительно (фр.).

и притом неудачным. Портрет не только без зрачков, даже без бровей! Неужели оригинал таков!¹⁵

Несмотря на опасения скульптора, его работа заслужила в Петербурге всеобщее одобрение на академической выставке 1820 г. «Бюст, присланный из Рима г. Гальбергом, — отмечалось в журнале «Сын Отечества», — доказывает равно его вкус и дарование. Какая легкость видна в каждом давлении руки, как счастливо брошены эти волосы; глядите подоле — и вас покажется, что бюст дышит»¹⁶. Долгое время этот портрет хранился в Императорской Академии художеств, откуда в 1925 г. поступил в собрание Государственного Русского музея.

Тогда же пришел в коллекцию и другой римский бюст Гальберга — портрет русского посланника в Неаполе и Риме Андрея Яковлевича Италинского (1743–1827), созданный в 1823 г. по совету И.П. Мартоса. В художественной среде этот человек был хорошо известен своими познаниями в искусстве, увлечением археологией и коллекционированием произведений искусства. Его портрет Гальберг дважды исполнил в мраморе (1822–1823), кроме того, по его собственным словам, ему пришлось «сделать две формы и раздарить пять отливок»¹⁷.

Именно благодаря поддержке и ходатайствам Италинского, а также содействию президента Академии художеств А.Н. Оленина, пенсионеры в конце 1821 г. получили извещение о том, что «Государь Император всемилостивейше указал продолжить срок нашего пенсионера еще на два года»¹⁸. Кроме того им увеличили денежное содержание до 2500 рублей в год. В своих письмах Гальберг довольно часто описывал свои путешествия с товарищами — в Пизу, Неаполь, Тиволи... Рассказывал о русских заказчиках, в частности, о знакомстве с графом А.И. Остерманом–Толстым и дружбе со знаменитой Зинаидой Волконской.

¹⁵ Гальберг, 1884. С. 111.

¹⁶ А–р Б–ж–въ. Письмо к издателю // Сын отечества. 1820. Ч. 65. № XLIV. С. 160.

¹⁷ Гальберг, 1884. С. 139.

¹⁸ Там же. С. 134–135.

О последней Гальберг не раз упоминал в письмах, одно из них датировано 22 декабря 1822 г.:

...княгиня Волконская, женщина прелюбезная, преумная, предобрая, женщина—автор, музыкант, актер, женщина с глазами очаровательными, наконец, она та самая, которая в Петербурге известна под именем Зенаиды Волконской. Не помню, писал ли я вам о ней; она здесь живет уже около 8 месяцев. Она привезла с собой сюда живописца Бруни, что был в Академии, который и живет у нее в доме¹⁹.

В письме братьям от 30 мая следующего 1821 г., скульптор снова говорил о Волконской:

Когда мы, русские пенсионеры, стали с нею познакомее, она начала приглашать нас на свои музыкальные вечера, что здесь, в Риме, называется приглашать в академию. Мало—по—малу эти музыкальные вечера превратились в оперу, и мало—по—малу мы сами из зрителей превратились в актеров. Роли наши, правда, очень невелики и нетрудны: всё дело только в том, чтобы постоять на сцене и не шуметь; но мы и того не умеем, не смотря на несколько проб. <...> Князь, муж ее, и гр. Остерман—Толстой всегда хохочут, когда мы по свойски замаршируем по сцене. Сильвестр, приехав из Неаполя, вздумал—было тоже смеяться над нашим актерством; но в следующий раз его самого нарядили воином и заставили маршировать и сражаться. В этом сражении он так ловко хватил мечем по лбу Тона, что вышиб у него всю роль из головы. Теперь наша очередь над ним подтрунивать²⁰.

Появление дополнительных средств дало Гальбергу возможность остаться в Италии и после окончания академического пенсионера. Так советовали друзья, начиная с Ореста Кипренского, так хотел и сам скульптор, мечтая самостоятельно исполнять в мраморе новые статуи и бюсты. Многие из названных в его письмах портретов в настоящее время считаются утраченными. Однако их перечень чрезвычайно важен для дальнейших исследовательских поисков. В качестве примера можно привести донесение Гальберга в Академию художеств, где он, например, сообщал:

в Генваре 1823 г. начал с натуры бюст княжны Александры Петровны Волконской, который окончив, пять гипсовых слепков

¹⁹ Гальберг, 1884. С. 122.

²⁰ Там же. С. 124—125.

с одного отправил в С.–Петербург, и тотчас начал 1 марта бюст княгини Трубецкой; почти в то же время делал маленький бюст покойной дочери Марьи Яковлевны Нарышкиной, который должен был снимать с миниатюрных портретов, а немедленно затем сделал бюст Аграфены Федоровны Закревской, урожденной Графини Толстой. Все сии бюсты произведены из мрамора и частью уже сданы с рук. В нынешнем году [1824] сделал еще бюст с натуры князя Барклая де Толли²¹, который теперь готовится в мраморе и по окончании одного готовился оставить Рим и возвратиться в отечество²².

Сравнивая портретные работы Гальберга с произведениями Торвальдсена, можно обнаружить немало общего, прежде всего их роднит вдумчивая серьезность взгляда на модель, умение обобщить натурные впечатления, придать лицу возвышенную значительность и в то же время сохранить его индивидуальность. Последующие достижения Гальберга в этой области по приезде в Петербург были связаны с блистательными по мастерству портретами В.А. Перовского (1829), И.А. Крылова (1830), И. Каподистрии (1831), А.9

Н. Оленина (1831), А.С. Пушкина (1837), И.П. Мартоса (1838) и т.д. По мнению современников, они не уступали лучшим живописным работам Ореста Кипренского или Карла Брюллова, признанных мастеров портретного жанра. Автор посвященного Гальбергу некролога писал, что в созданных скульптором бюстах «видишь живого человека, с его умом, с его чувствами, с его взглядом, с его характером. Это и не могло быть иначе: Гальберг был очень умный человек; наблюдение его было быстрое меткое, глубокое; мысль, замечание, слово, всё в нем было пластическое»²³.

²¹ Письмо относилось уже к 1824 г. Речь шла о сыне фельдмаршала Эрнсте Магнусе (Максими Михайловиче) Барклае де Толли (1798–1871).

²² Сборник материалов для истории Императорской С.–Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / под ред. П.Н. Петрова. СПб., 1865. Т. II. С. 189.

²³ Выставка русских художественных произведений в Санктпетербурге и Риме // Библиотека для чтения. 1839. № 3. С. 131.

Возвращаясь к завершению итальянского периода творчества скульптора, отметим, что он покинул Рим 23 октября 1828 г. Поводом послужило распоряжение Николая I вернуть из Италии скульпторов С.И. Гальберга и Б.И. Орловского для участия в конкурсе на проекты памятников М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли. Победу в этом состязании одержал, как известно, Орловский. Его монументы, поставленные перед Казанским собором, были открыты 25 декабря 1837 г. К этому времени Гальберг уже давно преподавал в Академии художеств, с 1836 г. по совокупности монументальных и станковых произведений был избран профессором.

Последними его работами стали эскиз и начатая модель горельефа для надгробия С.Ф. Щедрина в Сорренто. Контурные рисунки гальберговского замысла воспроизводились в журналах 1841 года. Один из них приводится в «Памятнике искусств», сопровождаемый следующим текстом:

Эскиз барельефа, здесь прилагаемый, дает понятие о гениальной простоте и силе чувств Гальберга. Он представил трудолюбивого художника умирающим за работою <...>, кисть выпадает из руки его <...> душа переселилась в вечность. Профессор Гальберг предполагал вырубить барельеф из мрамора и начал было уже лепить модель, но успел только обложить фигуру; окончил же ее достойный ученик его П.А. Ставассер. Ныне вылит барельеф из бронзы бароном П.К. Клотом, для отправки в Сорренто²⁴.

²⁴ Памятник искусств. 1841. Тетрадь 10. Приложение к с. 24.

Паола Буонкристиано
Алессандро Романо

О.А. КИПРЕНСКИЙ И «ЕССЕ НОМО» ТИЦИАНА: о трех утраченных произведениях старых мастеров

Среди неясных и противоречивых эпизодов итальянской биографии О.А. Кипренского (1782–1836) одним из наиболее любопытных является тот, который относится к приобретению и реставрации им произведения старого мастера под названием «Ессе Номо» (Се человек), атрибутируемого Тициану. Венецианский живописец написал несколько полотен на этот сюжет, среди которых можно назвать картины, ныне находящиеся в мадридском Прадо, в Национальной галерее Ирландии в Дублине и в Национальном музее Брукенталь в Сибиу. Тициановская интерпретация сюжета пользовалась большим успехом и стала образцом для подражания и источником многих копий уже в эпоху Чинквеченто — возможно даже, в его мастерской — и далее, вплоть до XVIII в.

Прежде чем предложить вниманию читателей новые факты, перечислим вкратце общеизвестные сведения об истории этого события.

В начале 1831 г., будучи стесненным далеко не блестящими материальными условиями, Кипренский написал из Неаполя императору Николаю I, прося его о беспроцентной ссуде в 20 тыс. рублей и предлагая в качестве гарантии восемь своих работ. Среди них фигурировал и «Образ Спасителя *Ессе-омо*. Оригинальная картина Тициана, вещь действительно Царская, мною вычищенная и с величайшим тщанием реставрированная; и сею реставрацию все в Неаполе знатоки были

удивлены»¹. Несколько последующих писем свидетельствуют о том, что к этому делу были привлечены русские посланники в Риме и в Неаполе²: учитывая тот факт, что император был страстным поклонником Тициана³, было необходимо установить подлинность полотна и целесообразность его приобретения. Изначальные сомнения русского посланника в Неаполе Г.Э. фон Штакельберга быстро сменились чрезвычайной готовностью помочь — этому поспособствовало мнение князя Г.И. Гагарина, который писал из Рима, что картина, даже если она и не принадлежит кисти Тициана, тем не менее достойна школы венецианского художника и заслуживает быть приобретенной. Но в конце концов запрошенная Кипренским ссуда не была ему выделена.

В 1835 г., снова нуждаясь в деньгах, художник предложил приобрести полотно Тициана своему покровителю, графу Д.Н. Шереметеву за внушительную сумму в 12 тыс. рублей⁴. Но и в этом случае его предложение не было принято.

В своем письме от 31 октября/12 ноября 1836 г. первый секретарь русской миссии при Святом Престоле П.И. Кривцов информировал министра иностранных дел графа К.В. Несельроде, о выраженном вдовой Кипренского, Анной Марией Фалькуччи, желании принести в дар императору подаренную ей мужем картину, атрибутированную Тициану⁵. В это дело вновь был вовлечен русский посланник в Риме, сменивший на этом посту Г.И. Гагарина, граф Н.Д. Гурьев, которому было поручено установить принадлежность картины кисти Тициана и определить ее стоимость; и вновь это предложение не нашло никакой поддержки⁶.

¹ Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников / Составление, текстологическая подготовка, вступительные статьи, комментарии Я.В. Брука и Е.Н. Петровой. СПб., 1994. С. 178 (далее — КПДС).

² КПДС. С. 245–252.

³ См. об этом: *Rebecchini D. An Influential Collector. Tsar Nicholas I of Russia // Journal of the History of Collections. 2010. № 1. Май. С. 52–53.*

⁴ КПДС. С. 194–195.

⁵ КПДС. С. 294.

⁶ КПДС. С. 298–299.

Здесь уместно закончить первую часть этой истории — но прежде, чем мы двинемся дальше, представляется важным подчеркнуть три обстоятельства (о третьем из них будет сказано несколько ниже).

Во-первых, нельзя совершенно исключить возможность того, что картина, экспонировавшаяся Кипренским в 1833 г. во Флоренции под названием «Бичевание Христа»⁷, а после его смерти — в 1837 г. в Риме — под названием «Спаситель»⁸, была на самом деле именно «Ессе Номо», хотя в обоих случаях, может быть, по невнимательности или по незнанию рецензентов ее авторство было приписано Кипренскому.

Во-вторых, несомненный интерес вызывает и переписка, касающаяся полотна Рубенса, обладателем которого Кипренский стал в 1821 г.⁹: в данном случае мы имеем дело с опубликованными, но ускользнувшими от внимания исследователей творчества Кипренского документами.

22 сентября (н.ст.) 1821 г. сводный брат знаменитейшего скульптора Антонио Кановы, аббат Джованни Баттиста Сартори, писал из Рима барону Джованни дельи Алессандри, директору Королевской Галереи статуй (как тогда называлась галерея Уффици):

Eccellenza. Mio Fratello, che in questo momento si trova occupatissimo, mi commette di scrivere la presente a V.E. per farle il seguente progetto. Un giovane pittore russo, che abita qui a S. Isidoro, è noto certamente al sig. cav. Benvenuti¹⁰, subito ch'egli si

⁷ Gazzetta di Firenze. 1833. № 126. 19 окт. С. 3.

⁸ Русская выставка художественных произведений в Риме // Художественная газета. 1837. № 7–8. Апрель. С. 133. В художественном наследии Кипренского принадлежащая его кисти картина с таким названием нигде и никем не упоминается.

⁹ О роли Рубенса в творческой биографии Кипренского см.: *Линник И.В.* Кипренский и культура Запада // Орест Кипренский. Новые материалы и исследования. Сборник статей / Научный редактор Е.Н. Петрова. СПб., 1993. С. 73–75.

¹⁰ Живописец из Ареццо Пьетро Бенвенути, друг Винченцо Камуччини и директор Флорентийской Академии изящных искусств.

risovvenga che questo giovine è solito a dipingere le cose sue d'un tono assai alto. Egli è possessore d'un bellissimo ritratto di donna tutta in chiaro di Rubens; il qual ritratto fu copiato da molti, e fra gli altri dal cav. Camuccini ancora. Il chiarissimo cav. Benvenuti lo deve conoscere certamente, essendo opera rimarchevole di quel celebrato pittore. Questo russo ne ha proposto l'acquisto al nostro governo, il quale, per le circostanze attuali, non crede opportuna una simile spesa. Egli quindi ne vorrebbe fare, col mezzo di mio Fratello, la proposizione per codesta insigne Pinacoteca Reale, e bramerebbe che V.E. ne volesse consultare il più volte lodato cav. Benvenuti, per intendere il di lui savio parere, come di opera che egli conosce e ricorda indubitamente. Il prezzo che si domanda dal propositario è di luigi cento e cinquanta. Egli lo porterebbe a Firenze, nella sua imminente partenza da Roma, subito che si mostrasse una qualche disposizione di entrare in simile trattamento. Perciò il supplicherei la bontà dell'Eccellenza Vostra di volersi degnare di scrivere una lettera a mio Fratello in questo proposito e in parole assentibili, onde far frale al giovane pittore delle verità della cosa e giustificare il sincero uffizio, che vi sia per ricondurre il di lui intendimento. Vi pregherò di sollecitudine. Perdoni il fastidio che le arredo, e aggradisca gli ossequi di ambedue.

Перевод: Ваше превосходительство! Мой брат, который ныне чрезвычайно обременен заботами, поручил мне сообщить настоящее В.п., дабы сообщить Вам нижеследующее предложение. Молодой русский художник, имеющий жительство здесь на улице Сант-Исидоро, хорошо известен г-ну кавалеру Бенвенути с тех пор, как он понял, что поименованный юноша пишет свои вещи в отличной манере. Сей последний обладает прекраснейшим портретом дамы в светлом платье кисти Рубенса, каковой портрет был копирован множество раз, среди прочих и кавалером Камуччини. Светлейший кав. Бенвенути конечно должен знать это превосходнейшее творение прославленного живописца. Сей русский предложил нашему правительству приобрести его, но в настоящее время оно не располагает потребными средствами. Итак, он хотел бы сделать через моего брата свое предложение сей прославленной Королевской пинакотеке и очень желает, чтобы В.п.

о том справились у достославного кав. Бенвенути, дабы иметь его достоверное суждение о творении, каковое ему хорошо известно и кое он, несомненно, помнит. Цена, запрошенная обладателем, составляет сто пятьдесят луйдоров. Ввиду своего предстоящего отъезда из Рима он сам привезет картину во Флоренцию как только будет высказано намерение вступить в такого рода соглашение. Посему я нижайше прошу, чтобы Ваше превосходительство благоволили ясно выразиться относительно его предложения в письме к моему брату, кое дало бы знать молодому художнику истинное положение и уверило бы его в искреннем намерении споспешествовать выполнению его желания. Прошу Вас об этой услуге. Простите мне доставленное беспокойство и примите уверения в совершенном почтении от нас обоих.

Далее, мы располагаем посланием к Дельи Алессандри от 26 сентября (н.ст.) 1821 г., подписанным Орестом Кипренским, «советником Петербургской Императорской Академии художеств»:

Eccellenza. Prossimo ad abbandonare l'Italia per restituirmi alla patria, bramo di lasciare in questa deliziosa Regione una memoria, che mi faccia nascere il desiderio di ritornarci. Pittore, quale io sono, ho un'affezione particolare per le due classiche città Roma e Firenze, come quelle che raccolgono in sé i prodigi dell'ingegno umano in fatto di belle arti. Mi trovo possessore di uno di quei capi d'opera sublimi, unico nel suo genere. È questo un ritratto di madama Sneiders, già tre volte dipinto da Vandic, e quindi dall'immortale pennello di Rubens; anzi il miglior quadro, che dall'esperta mano di quell'ottimo sia stato formato senza discendere a fare elogio del medesimo, che sarebbe inutile, giacchè l'autore se lo forma da se stesso, ed il tableau si fa render giustizia da chiunque viene ammirato, dirò, che i più valenti artisti di tutte le scuole lo hanno presso di me studiato conformandosi tutti nel parere della perfezione, e cominciando dal sig. Camuccini, hanno voluto anche gli altri averne copia. Io esibii questo modello dell'arte alla Galleria del Vaticano, ma gli incombenzati per aumento della medesima

non vollero farne acquisto. Non amo di vedere presso particolare una pittura, che è degna delle migliori gallerie del mondo; perciò mi sono ricusato di darla anche dietro vistose offerte. Se non nel Vaticano, che resti almeno di riscontro al ritratto della Fornarina di Raffaello costì, e così si vedranno uniti i due primi ritratti, sebbene di genere diverso, delli due primi Pennelli. Il sig. marchese Canova disse di voler scrivere su questo proposito all'E.V. Ho creduto perciò anch'io di prevenirla, significandole, che fra dieci giorni io mi porrò in viaggio a codesta volta col quadro accennato. Se si degnerà di riscontrarmi, io l'avrò pel massimo dei piaceri.

Перевод: Ваше превосходительство! Будучи принужден вскоре покинуть Италию и вернуться в отечество, страстно желаю оставить на память в этой прекраснейшей стране нечто такое, что родило бы во мне желание вернуться. Художник, каковым я являюсь, питает особую любовь к двум совершеннейшим городам — Риму и Флоренции, кои заключили в себе чудесные творения человеческого гения в том, что относится до изящных искусств. Мне посчастливилось стать обладателем одного из подобных возвышенных шедевров, единственного в своем роде: портрета уже трижды написанной Вандиком г-жи Снейдерс, принадлежащего бессмертной кисти Рубенса; и более того — без ненужных похвал, поелику Вы можете сами ее оценить, скажу, что сие есть лучшая картина, начертанная опытной рукой сего совершенного мастера, и что картине воздали должное все те, кои ею восхищались; скажу еще, что самые достойные артисты всех школ рассматривали ее у меня, соглашаясь в признании ее совершенства, и многие, среди коих и синьор Камуччини, желали иметь с нее написанные копии. Я предложил сие образцовое произведение искусства Галерее Ватикана, но лица, ответственные за ее пополнение, не захотели ее приобрести. Не желаю согласиться с тем, чтобы творение, достойное лучших галерей мира, находилось в частном владении; посему я отказался принять некоторые солидные предложения. И если не Ватикан, что другого остается, как не встреча поименованного портрета здесь <т.е., во Флоренции> с Рафаелевым портретом Форнарины — итак, мы увидим рядом два портрета, хотя и разного рода, кисти двух

первейших мастеров. Синьор маркиз Канова обещался написать В.п. об этом предложении. Посему я решился предупредить Вас, сообщая о том, что через десять дней я отправляюсь в дорогу, имея при себе упомянутое творение. Ежели Вы удостоите ответить мне, сочту величайшей честью.

Неизвестно, получил ли Кипренский ответ от Дельи Алессандри, но 9 октября (н.ст.) этого же года барон поспешил ответить другу—скульптору Канове:

Preg. sig. marchese Canova. Da una pregiatissima del suo sig. Fratello, ho inteso quanto Ella desidera relativamente a favorire la vendita a questa corte d'un ritratto di Donna opera di Rubens posseduto dal sig. russo del quale egli mi parla per di lei cenno. Ella sa quanto io brami d'interessarmi delle commissioni che mi vengono da Lei, ma nel caso attuale dubito che poco efficaci siano per riuscire le mie premure, giacché il sovrano possiede molte e primarie opere di Rubens, ed ha manifestata la sua intenzione di non volere nei suoi acquisti estendere il numero delle opere di quegli autori dei quali già ne possiede, ma di voler prima completare la sua collezione degli autori che gli mancano. In conseguenza, tanto io quanto il sig. cav. Benvenuti col quale ne ho tenuto proposito, e che bene si rammenta dell'opera di cui si tratta, dubitiamo, che non sarà facile che venga acquistata per la Galleria Reale¹¹.

Перевод: Высококочтимый маркиз Канова! От Вашего почтенного брата узнал я, что Вы решили споспешествовать продаже сему двору женского портрета кисти Рубенса, находящегося во владении русского господина, о коем брат Ваш сообщил мне по Вашему указанию. Вам ведомо, как я стремлюсь быть Вам полезным в исполнении Ваших пожеланий, но в сем случае сомневаюсь, что мои попечения могут способствовать пользе дела, поелику государь владеет многими и

¹¹ Archivio della Soprintendenza per i beni artistici e storici di Firenze. Filza 1821. № 4 (цит. по: *Canova Antonio*. Alcune lettere a Firenze (1801–1821). Inediti dall'Accademia di Belle Arti, dagli Uffizi, dalla Biblioteca Nazionale Centrale e dall'Archivio di Stato / a cura di A.P. Torresi. Ferrara, 1999, p. 52–53).

первоклассными творениями Рубенса и ясно дал понять свою волю: не увеличивать новыми приобретениями собрание картин таковых мастеров, коих он уже является обладателем, но пополнять свою коллекцию творениями живописцев, в ней покуда не представленных. Следственно, как я, так и синьор кав. Бенвенути, с коим я имел честь советоваться и каковой хорошо помнит это произведение, сомневаемся, что его приобретение для Королевской Галереи станет делом легким.

Как видим, и это предложение Кипренского было отвергнуто, и к сожалению нам неизвестна дальнейшая судьба картины: в исследованиях о жизни и творчестве Рубенса нет ни одного следа «Портрета Маргариты Снейдерс». Но подчеркнем две важные детали этой переписки: во-первых, сведения о наличии снятой известным итальянским живописцем Винченцо Камуччини копии с этого портрета соответствуют истине (полвека спустя она была зарегистрирована в Пинакотеке Палаццо Камуччини в Канталупо-ин-Сабина, где и находилась вплоть до 1935 г.)¹²; а во-вторых, она свидетельствует, что Кипренский имел с Кановой более близкие отношения, чем это принято считать.

В корпусе произведений Кипренского есть одна заслуживающая специального внимания литография, и это третье из упомянутых выше обстоятельств.

Речь идет о литографии «Образ Спасителя, представившийся во сне Аннибалу Карачи и немедленно написанный им на тафте»¹³, несколько экземпляров которой были выставлены на распродаже имущества художника, состоявшейся при Академии изящных искусств в 1845 г.¹⁴ Эту литографию описал

¹² См.: *Falconieri C. Vita di Vincenzo Camuccini e pochi studi sulla pittura contemporanea. Roma, 1875. P. 294; см. также: Lupi Manciola B. Il pittore Vincenzo Camuccini // Latina Gens. 1935. № 6–7. С. 160. Впоследствии многие произведения Камуччини были похищены или утрачены.*

¹³ Орест Адамович Кипренский (1782–1836). К 200-летию со дня рождения. Графика. Л., 1990. С. 301.

¹⁴ КПДС. С. 350.

журналист Павел Петрович Свиньин, посетивший мастерскую художника в 1825 г.:

Рисунок, изображающий образ Спасителя <...> кисти Аннибала Караша <...> с единственного оригинала, хранящегося в кабинете Кардинала Альбани. Известно, что Караш написал сей бесподобный лик в минуту вдохновения, когда привиделся он ему во сне. Художник, как бы пораженный электричеством, вскакивает с ложа своего, и найдя кусок черной тафты — пишет вдохновенный сон свой, и что всего замечательнее — с тех самых пор посвящает кисть свою предметам, достойным высокого таланта¹⁵.

Следовательно, камень для литографии был вырезан и вытравлен еще в Риме, до возвращения художника в Россию; кажется весьма правдоподобным и то, что название литографии было предложено самим Кипренским, хотя год спустя на выставке Общества поощрения художников она была представлена под названием «Голова Спасителя (с Караччи)»¹⁶. Нам не удалось найти ни соответствия этой литографии в художественном наследии живописца болонской школы Аннибале Карраччи, ни сведений об истории создания этого произведения, ни о его местонахождении. Тем не менее, логично предположить, что подробное описание Свиньи́на на самом деле в определенной мере неточно (например, искаженное им крестильное имя итальянского художника) и содержит большую долю собственной фантазии в том, что касается обстоятельств создания этого произведения.

Согласно историческим источникам, в действительности в день погребения Агостино Карраччи, старшего брата Аннибале, в церкви Ospedale di Santa Maria della morte в Болонье было выставлено среди прочих полотно, изображающее

¹⁵ Записка издателя О.З. к Мих. Я. Толстому, в Москву, от 25 ноября 1825 г., о разных новостях и воспоминаниях Петербургских // Отечественные записки. 1825. № 68. Декабрь. С. 463.

¹⁶ КПДС. С. 240.

<...> лик Спасителя, последнее произведение усопшего Карраччи, которое должно было изображать человеческую природу Христа судии в последний день <...>. Лик был написан на лоскуте черного атласа, и хотя картина осталась незаконченной, лик сей исполнен такого величия и так грозен, что те, кои видели его, не могли без ужаса долго его созерцать¹⁷.

Далее, из документов эпохи следует, что эта «прекраснейшая голова Христа судии, написанная на черном атласе, <...> перешла к галерее Альбани в Риме»¹⁸. Здесь имеется в виду картинная галерея Палаццо Альбани дель Драго на Виа делле Куаттро Фонтане. Резиденция была очень хорошо известна Кипренскому¹⁹, и как мы полагаем, именно к этому изображению «Христа судии», утраченному во второй половине XIX в.²⁰, восходит его литография.

Нас не должно удивлять и то, что история создания произведения Агостино Карраччи обросла живописными подробностями, подобными явлению лика Христа художнику во сне: скорее всего, этот мотив, возникающий в описании 1825 г. и повторенный в названии литографии в 1845 г., инспирирован знаменитым эссе поэта В.А. Жуковского «Рафаэлева Мадонна» (опубликовано в 1824 г.), в котором он свободно изложил фрагмент «фантазии» немецкого писателя Вильгельма Генриха Ваккенродера «Raphaels Erscheinung» (Видение Рафаэля): «Однажды он [Рафаэль] заснул с мыслию о Мадонне, и верно какой-нибудь ангел разбудил его. Он вскочил: она здесь! —

¹⁷ [Morelli B.] Il funerale d'Agostin Caraccio fatto in Bologna sua patria da gl'Incaminati Academici del disegno. Bologna, 1603. P. 14–15 (курсив наш. — П.Б., А.Р.).

¹⁸ См. например: Pistolesi E. Real Museo Borbonico descritto ed illustrato. T. II. Roma, 1839. P. 439 (курсив наш. — П.Б., А.Р.).

¹⁹ КПДС. С. 145.

²⁰ О судьбе коллекции см.: Guerrieri Borsoi M.B. La quadreria Albani a Roma al tempo di Clemente XI. Roma, 2018. P. 25–26. Произведение Карраччи описано под № 4 («Спаситель Карраччи») в нотариальной описи от октября 1817 г., состав которой был подтвержден в 1866 г. (об этом см.: Mariotti F. La legislazione delle belle arti. Roma, 1892. P. 152).

закричал он, указав на полотно, и начертил первый рисунок»²¹. Да и один из биографов семейства художников Карраччи, современник Кипренского, тоже сообщал, что прежде чем закончить свое произведение, Агостино, «обессиленный благоговением и страхом, выронил кисть и, оросив грудь потоками слез, воззвал о милости»²².

В воспоминаниях графа С.Д. Шереметева мы, между прочим, читаем: «В маленькой комнате у входа в церковь изображение Спасителя, гравюра О.А. Кипренского»²³. Здесь имеется в виду церковь Варвары Великомученицы во дворце Шереметевых, так называемом «Фонтанном доме» в Петербурге, где в 1820–х гг. помещалась мастерская Кипренского, и откуда, насколько нам известно, эта гравюра в какой–то момент и пропала — быть может, была продана, быть может — потеряна²⁴. Соответственно, возникает вопрос, с чем же мы имеем дело — литография ли это с картины Карраччи, гравюра с картины Тициана «Ессе Номо» или же это другой и совершенно отличный от них «Спаситель»?

Напоследок остается заметить, что на выставке петербургской Академии художеств 1833 г. Матвей Посников, крепостной графа Д.Н. Шереметева, отправленный в Италию с Кипренским в 1828 г., представил копию «с карт. Тициана "Христос в темнице" (по пояс)»²⁵, которая, вполне вероятно, была прислана из

²¹ Жуковский [В.А.] Рафаэлева Мадонна. (Из письма о Дрезденской галерее.) // Полярная звезда. Карманная книжка на 1824–й год. СПб., [1824]. С. 243; [Wackenroder W.H.]. Herzensegießungen eines kunstliebenden Klosterbruders. Berlin, 1797. S. 19 (выражаем благодарность О.Б. Лебедевой за это указание).

²² *Bolognini Amorini A.* Le vite di Lodovico, Agostino, Annibale ed altri dei Carracci. Bologna, 1840. P. 51–52.

²³ [Шереметев С.Д.] Домашняя старина. М., 1900. С. 150 (курсив наш. — П.Б., А.Р.).

²⁴ О ней ни словом не сказано, например, в недавней работе: Краско А. Фонтанный дом его сиятельства графа Шереметева. Жизнь и быт обитателей и служителей. М., 2019.

²⁵ Словарь русских художников, ваятелей, живописцев, зодчих, рисовальщиков, гравюров, литографов, медальеров, мозаичистов, иконописцев, литейщиков, чеканщиков, сканщиков и проч. с древнейших времен до наших дней (XI–XIX вв.) / Сост. Н.П. Собко. Т. III. Вып. 1. СПб., 1899. Стб. 412.

Италии вместе с полотнами Кипренского, экспонировавшимися на той же выставке. Но поскольку в литературе, посвященной Тициану, нет ни одного упоминания о картине на типичный для русской религиозной иконографии и особенно для деревянной скульптуры между XVII и XIX вв. сюжет «Христос в темнице»²⁶, здесь, скорее всего, имеется в виду «Христос у позорного столба», изображенный со следами бичевания, или, может быть, «Ессе Ното», иначе говоря, по канону живописного сюжета — изображение Христа, подвергнутого бичеванию и коронованного терновым венцом. Налицо возможность предположить, что это могло быть то самое утраченное полотно, описанное в мемуарах Шереметева: «Одна из его [Посникова] картин сохранилась у нас в образной: Спаситель в терновом венце; живопись хорошая»²⁷. Отсюда следует еще один самоочевидный вопрос: не копия ли это, выполненная Посниковым с того самого полотна Тициана «Ессе Ното», которым владел Кипренский?

Все эти вопросы остаются открытыми, но совершенно очевидно, что связь всех трех произведений великих мастеров прошлого с именем Кипренского до некоторой степени является очень проблематичной.

Хотя речь и идет о художнике, изучавшим старых мастеров и, следовательно, обладавшим в этом вопросе известной компетентностью, нельзя исключить и возможности того, что Кипренский стал жертвой обмана. Среди знакомцев Кипренского в первый римский период были пейзажист Грегорио Фиданца и Пьетро Камуччини, старший брат Винченцо — оба не особенно добросовестные художники, реставраторы и коллекционеры²⁸ — они вполне могли

²⁶ См. об этом: История русского искусства / под общей ред. И.Э. Грабаря, В.С. Кеменова, В.Н. Лазарева. Т. V. М., 1960. С. 432–434.

²⁷ [Шереметев]. Домашняя старина... С. 35.

²⁸ О Г. Фиданца см.: *Ryszkiewicz A. Gregorio Fidanza (1759–1823)* // Muzeum i twórca. Studia z historii sztuki i kultury ku czci prof. dr. Stanisława Lorentza. Warszawa, 1969. S. 165–176; *The Travel Notebooks of Sir Charles Eastlake* / ed. by S. Avery–Quash. Wakefield, 2011. T. I. P. 561. О П. Камуччини см.: *Giacomini F. Pietro Camuccini restauratore, tra mercato antiquariale e cultura della tutela* //

воспользоваться страстным желанием Кипренского иметь полотно Тициана; то же самое могло произойти и ранее, в случае с Рубенсом. Впрочем, такой обман был весьма распространенным явлением, особенно в Италии и особенно если покупатель был иностранцем, пусть даже имеющим репутацию знатока (не случайно XIX в. был назван «эпохой великих подделок»²⁹).

Существует и не столь неприятная альтернатива: изначально неверная атрибуция. Следовательно, ошибка вполне могла быть добросовестной, и тот, кто уступил Кипренскому полотно якобы Рубенса и/или якобы Тициана, сам был искренне убежден в том, что он обладает подлинными произведениями этих мастеров.

Теперь обратимся к событиям, последовавшим за смертью Кипренского. Зимой 1838–1839 гг., когда В.А. Жуковский, будучи наставником наследника престола, великого князя Александра Николаевича, сопровождал своего воспитанника в Рим, поэт поинтересовался полотном Тициана «Ессе Номо»: об этом свидетельствует инструкция, датированная 9/21 января 1839 г., которую Жуковский дал П.И. Кривцову относительно закупок произведений искусства³⁰. Один из ее пунктов гласит: «Представить записку о Тициановой картине, принадлежавшей покойному Кипренскому».

Наконец, в 1844 г., в своем последнем письме, посланном в Россию, вдова художника, Мария Кипренская, снова упомянула картину Тициана, оценив ее в 40 тыс. римских скудо (около 20 тыс. рублей), и пожаловалась, что она не получила никакого ответа ни от Кривцова, ни от Академии относительно своего желания передать ее в дар императору. Два месяца спустя министр двора и уделов П.М. Волконский уполномочил нового

Gli uomini e le cose. T. I. Figure di restauratori e casi di restauro in Italia tra XVIII e XX secolo / a cura di P. D'Alconzo. Napoli, 2007. P. 171–185.

²⁹ См. например: Fake? The Art of Deception / ed. by M. Jones with P. Craddock and N. Barker. Berkeley–Los Angeles, 1990. P. 161–162; см. также список литературы на с. 308–309.

³⁰ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 190. Оп. 525. Д. 545. Л. 65–65 об. (выражаем благодарность О.Б. Лебедевой за проверку этого факта по автографу Жуковского).

российского посланника в Риме, А.П. Бутенева, сообщить вдове Кипренского о том, что Николай I не заинтересован в приобретении этого полотна³¹.

Здесь можно было бы и закончить обзор известных свидетельств о принадлежавшем Кипренскому полотне Тициана — если бы не необходимость вспомнить о версии, поддержанной журналистом В.В. Толбиным, который в своем биографическом очерке о художнике утверждал, что полотно Тициана было не чем иным, как мистификацией: по его версии Кипренский приобрел в лавке старьевщика ветхое полотно и реставрировал его, выдав потом за картину старого мастера; но в тот момент, когда он якобы хотел продать ее покупателю, предложившему самую большую цену, не смог удержаться от признания, что он сам — ее автор и объявить себя не иначе как «русским Тицианом, Орестом Кипренским»³². Будучи совершенно невероятной, эта история все-таки вошла в состав «достоверных» свидетельств о зачастую искажаемом в них кричащими красками характере Кипренского — художника, который в своих письмах никогда не притязал на сравнение самого себя с великими мастерами прошлого (хотя один из неаполитанских эпизодов 1830 г. свидетельствует, что художник с чувством понятного удовлетворения воспринимал то обстоятельство, что о нем судят на фоне таких великих мастеров как Рубенс, Ван Дейк и Рембрандт³³).

После 1844 г. картина Тициана — подлинная или мнимая — была на некоторое время забыта, так же, как и ее последняя обладательница.

Новые сведения о полотне Тициана всплывают в материалах фонда Министерства общественных работ, торговли, изящных искусств, промышленности и сельского хозяйства Папской области. 1 апреля (н.ст.) 1859 г. «*Maria vedova Kiprenskoy*»

³¹ КПДС. С. 336–344.

³² Толбин В. О.А. Кипренский // Сын отечества. 1856, № 35. С. 182. Об искусстве, с которым Кипренский копировал картины Ван Дейка и Рембрандта, см.: Сборник материалов для истории Академии художеств. Ч. I. С. 519; Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера // Русская старина. 1909. № 9. С. 459.

³³ КПДС. С. 173, 175.

(Мария, вдова Кипренская), адресовала в министерство письмо, в котором сообщала, что

<...> avere di sua proprietà un quadro ad olio del Tiziano, con siggillo dell'Accademia Reale di Napoli³⁴, qual quadro fu mandato dall'Oratrice alla Galleria del Sacro Monte di Pietà allorché fu aperta, ove tuttora esiste al n. 515. Ora l'Oratrice volendo realizzare il suo denaro, amerebbe disfarsene, per il che prega l'Eccellenza Vostra Reverendissima a volerne fare l'acquisto³⁵.

Перевод: <...> имеет в собственности картину маслом Тициана с печатью Королевской Неаполитанской Академии, каковая картина была передана нижеподписавшейся в Галерею Сакро Монте ди Пьета, когда она была открыта и где она до сих пор находится под № 515. Теперь, желая выручить за нее деньги, владелица желала бы продать ее, почему и просит Ваше высокопревосходительство благоволить купить картину.

Начиная с 1849 г. по инициативе директора, маркиза Джампьеро Кампана, коллекционера и археолога, ссудный банк Сакро Монте ди Пьета начал принимать в залог предметы искусства и картины, подлежащие отбору специальных экспертов, профессоров римской Академии Святого Луки. Эта практика увенчалась созданием Галереи дель Монте ди Пьета, которая

³⁴ В Неаполе разрешения на вывоз предметов искусства выдавались специальной экспертной комиссией, которая отмечала собственной печатью полотна, предназначены к вывозу за пределы Королевства обеих Сицилий (Collezione delle leggi e de' decreti reali del Regno delle Due Sicilie. Anno 1822. Semestre I. Da gennajo a tutto giugno. Napoli, 1822. P. 262).

³⁵ ASR. Ministero dei Lavori Pubblici, Commercio, Belle Arti, Industria e Agricoltura, b. 422, f. 17. Дело озаглавлено «Maria Vedova Kiprenskoy domanda di vendere un quadro al Governo» (Мария, вдова Кипренская, просьба о продаже картины правительству) и состоит из трех документов, первый из которых, зарегистрированный под номером 4023, является письмом Мариуччи (см. об этом: *Buoncrisiano P. L'Imperatore e la modella. Artisti russi, modelli romani. Nuovi materiali.* Roma, 2017. P. 32).

к середине 1850-х гг. приобрела славу одной из лучших картинных галерей Европы³⁶.

Предложение вдовы Кипренского продать Тициана было передано в Экспертную комиссию по предметам древности и изящных искусств, которая 14 мая (н.ст.) 1859 г. дала на запрос отрицательный ответ, никак его, впрочем, не мотивировав.

Разыскания в архивах банка Монте ди Пьета позволили установить, что интересующее нас полотно за № 515 появилось в печатном каталоге хранящихся в галерее произведений искусства в 1857 г. Но в нем оно описано как «Школа Феррары. Ессе Номо. В высоту 53 см, в ширину 41 см»; на полях того экземпляра, по которому мы ознакомились с каталогом, карандашом записана предварительная оценка: сто пятьдесят лир³⁷. Следовательно, здесь имеется в виду средних размеров картина маслом на холсте, эстетическая ценность которой должна была быть сравнительно невысока (что объясняет все отказы, которые получила вдова Кипренского): даже несмотря на то, что сведения о реальной стоимости лиры в ту эпоху не являются достаточно точными и учитывая, что распродажи с аукциона предполагали ничтожные стартовые цены, сто пятьдесят лир были очень скромной суммой.

В 1850-е гг. маркиз Кампана был обвинен в растрате общественных средств, вскоре после этого арестован и приговорен к 20 годам заключения в тюрьме — в 1859 папа Пий IX заменил этот приговор изгнанием из Папской области. Скандал имел серьезные последствия для учреждения, коллекции которого постепенно были рассеяны в многочисленных аукционных распродажах, призванных компенсировать убытки. Например, уже

³⁶ *Tosi M.* Il Sacro Monte di Pietà di Roma e le sue amministrazioni. Roma, 1937. P. 246–247, 265–266, 333; *Nicita P.* Musei e storia dell'arte a Roma. Palazzo Corsini, Palazzo Venezia, Castel Sant'Angelo e Palazzo Barberini tra XIX e XX secolo. Roma, 2009. P. 60–70.

³⁷ *Catalogo de' quadri, sculture in marmo, musaici, pietre colorate, bronzi ed altri oggetti di belle arti esistenti nella Galleria del Sagro Monte di Pietà di Roma.* Roma, 1857. P. 23. Среди членов экспертной комиссии значатся Ф. Овербек и Т. Минарди.

в 1853 г. живописец Ф.А. Бруни, в то время бывший хранителем Эрмитажа, занимался проблемой приобретений по предложениям Кампаны для пополнения эрмитажной картинной галереи³⁸. Многие коллекционеры и торговцы воспользовались этим, порой еще больше снижая и без того выгодные цены, поскольку банк Монте ди Пьета был обвинен в завышении цен на произведения искусства, оставляемые в залог (и это отчасти объясняет тот факт, что многие из произведений никогда не были выкуплены их владельцами).

Несмотря на все предшествующие отчуждения имущества, в ноябре 1875 г. анонс новой и еще более изобильной экспонатами распродажи специальное английское издание прокомментировало следующим образом:

В начале ноября будет объявлена распродажа произведений искусства в Риме: она любопытна не столько по причине невысокой ценности назначенных к торгам произведений, сколько — еще более — по причине обстоятельств, которым коллекция обязана своим происхождением. <...> обширная коллекция Монте ди Пьета предоставит собирателям произведений искусства возможность приобрести произведения лучших итальянских художников³⁹.

В печатном каталоге аукциона присутствует и наш Тициан (или не Тициан) под новым инвентарным номером 182, описанный без изменений по сравнению с предыдущим каталогом, но оцененный ниже — всего в сто лир⁴⁰. Необходимо заметить, что в этом случае экспертную оценку осуществил искусствовед

³⁸ Romana di preteso peculato pel Sig. Marchese Giampietro Campana contro il Fisco. Roma, 1858. P. 104–105. Произведения были реально приобретены только в 1861 г. (см. например: *Григорович Д.В.* Прогулка по Эрмитажу. СПб., 1865. С. 23–25, 45 и след.).

³⁹ Roman Pawnbroking // The Art Journal. 1875. № 1. P. 288.

⁴⁰ Catalogo per la vendita dei quadri, sculture in marmo, musaici, pietre colorate, bronzi ed altri oggetti di belle arti esistenti nella Galleria già del Monte di Pietà di Roma, ora della Cassa dei depositi e prestiti. Roma, 1875. С. 14. Картина была отнесена к третьему лоту, поступившему в продажу 3 декабря

Джованни Баттиста Кавалькаселле, ставший впоследствии соавтором авторитетной монографии о Тициане⁴¹.

Лишь малая часть коллекции была спасена от рассеивания: Академия Святого Луки гарантировала право преимущества римской Национальной галереи старинного искусства в приобретении произведений выдающейся эстетической ценности. Экспозиции Национальной галереи размещены в Палаццо Корсини и Палаццо Барберини, но в них нет нашего «Ессе Номо» — его последующая судьба продолжает оставаться неизвестной.

перевод О.Б. Лебедевой
(Томский государственный университет)

(н.ст.). В каталоге вместе с новыми инвентарными номерами везде указаны прежние.

⁴¹ *Cavalcaselle G.B., Crowe J.A. Tiziano, la sua vita e i suoi tempi con alcune notizie della sua famiglia: В 2 т. Firenze, 1877–1878.*

Анна Геннадиевна Вяземцева

**РУССКИЕ СТУДЕНТЫ АРХИТЕКТУРЫ
В РИМЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
На материалах римских архивов***

Тема русских архитекторов – пенсионеров Императорской Академии художеств в Риме довольно давно изучается¹. Однако о присутствии русских студентов в римской Академии художеств известно мало. Сведения эти разрозненны, они обычно рассматриваются в рамках биографии отдельных мастеров или в рамках изучения «русского присутствия в Италии»² и не анализируются системно, как единый феномен. Особенно эта лакуна очевидна для XX века. Контакты России и СССР и Италии в сфере архитектуры в этот период, несмотря на появившиеся в последние годы исследования³, требуют дальнейшего изучения. Настоящая статья ставит себе целью обозначить основные архивы русских архитекторов, учившихся в Риме

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и НЦНИ в рамках научного проекта №№ 21 – 512 – 15002

¹ *Евсина А.Н.* Архитектурная теория в России второй половины XVIII – начала XIX века. М.: Наука, 1985.

² Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия / ред.–сост. Антонелла д'Амелия, Даниела Рицци. М.: Политическая энциклопедия, 2019.

³ *Mille anni di architettura italiana in Russia / a cura di D. Švidkovskij, M. Belgiojoso, S. Zanardi Lanzi.* Torino, 2013; *Вяземцева А.Г., Печенкин И.Е., Санчес Л.К.* Итальянское архитектурное наследие и творчество архитекторов в России и СССР первой половины XX века // *Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры... в 2020 году.* М.: РААСН, 2021. С. 54–62.

в первой половине XX столетия, на их основе обозначить значение этого периода для их будущего профессионального пути.

В начале XX в. еще была сильна традиция профессионального путешествия в Италию, поэтому многие будущие герои советского архитектурного истеблишмента отправились на Апеннинский полуостров в начале своей карьеры: А.В. Щусев, И.В. Жолтовский, И.А. Фомин, В.А. Щуко. Итальянский «гран тур» представители творческих профессий совершали как в рамках пенсионерских поездок после окончания Академии, так и по собственной инициативе. Эта традиция была приостановлена революционными событиями в России, однако, она не окончательно прекратила свое существование и была возобновлена в советское время в новом формате творческих командировок. Так, в 1927 г. несколько месяцев в Италии провел Г.П. Гольц, получивший право на поездку по итогам защиты диплома во ВХУТЕМАСе в 1922 г.⁴ В 1934–1935 гг. авторы утвержденного проекта Дворца Советов Б.М. Иофан (1891–1976), В.А. Щуко и В.Г. Гельфрейх (1885–1867) совершили поездку в Италию и США с целью ознакомления с памятниками классической архитектуры и достижениями современной строительной техники. В 1935 г. делегация от Союза советских архитекторов побывала на XIII международном конгрессе архитекторов, представив затем о поездке подробные отчеты⁵. После Второй мировой войны политика т.н. «борьбы с космополитизмом» сводила на нет зарубежные контакты и поездки. Высокое значение, которое архитекторы придавали поездкам в Италию, демонстрирует

⁴ РГАЛИ, ф. 941, оп. 10, д. 151.

⁵ *Вяземцева А.Г.* Рим Первый — Рим Третий. Советская делегация на XIII Международном Конгрессе архитекторов, 1935 // *Россия — Италия: этико-культурные ценности в истории* / ред. М.Г. Талалай. М.: ИВИ РАН, 2011. С.163–179; *Vjazemtseva A.* I contemporanei di Giovanni: I delegati stranieri al Convegno Internazionale degli Architetti a Roma, 1935 // *Gustavo Giovanni e l'architetto integrale. Atti del convegno internazionale* / a cura di G. Bonaccorso e F. Moschini // *Quaderni degli Atti*, 2015–2016. Roma: Accademia Nazionale di San Luca, 2019. P. 455–460; *Коньшьева Е.В.* «Произвести впечатление на весь архитектурный мир Запада»: советские архитекторы на XIII международном архитектурном конгрессе в Риме (1935) // *Academia. Архитектура и строительство*. 2018. № 4. С. 144–149.

яркий факт: уже в 1957 г. в самом начале «оттепели» по личному ходатайству И.В. Жолтовского, на Аппенинский полуостров выехала делегация сотрудников его школы–мастерской. Творческие отчеты были представлены участниками поездки в Москве и Ленинграде, а фильм, снятый во время поездки, демонстрировался по телевидению⁶.

Эти поездки, однако, не имели ничего общего с современным академическим обменом, их программу и задачи определяла направляющая сторона, а принимающая сторона и вовсе не существовала: архитекторы–путешественники не были привязаны к местным учебным или научным заведениям и отчитывались уже по возвращению перед Императорской Академией художеств, а затем — Союзом Архитекторов, об отчетах Гольца и других выпускников ВХУТЕМАСа⁷, командированных в Италию в 1920–х гг., сведений до настоящего времени не обнаружено.

На рубеже XIX–XX вв. русские студенты выбирали в основном учебу в высших учебных заведениях на родине. Один из немногих мастеров с зарубежным образованием — В.К. Олтаржевский (1880–1966) — учился в Вене всего один год в 1906 г., когда Московский институт живописи, скульптуры и архитектуры (МУЖВЗ) был закрыт из–за политических выступлений студентов⁸.

Профессия архитектора была и, по сути, до сих пор остается связана с рядом формальностей, которые осложняли, если не делали вообще невозможным, наличие зарубежного диплома. Причем такое положение характерно не только для нашей страны, как демонстрируют примеры жизни и работы в эмиграции архитекторов–выходцев из России после 1917 г., когда им приходилось вновь учиться в местных учебных

⁶ Отчеты о поездке хранятся в различных государственных и частных архивах. Автор данной статьи работала с архивом Н.П. Сукояна, принадлежащий семье архитектора.

⁷ РГАЛИ, ф. 681, оп. 3, ед. хр. 351. Переписка о заграничных командировках. 1927–1930.

⁸ *Никологорская О.* Олтаржевский. М.: Молодая гвардия, 2013.

заведениях либо не заниматься самостоятельной архитектурной практикой⁹.

Однако, два крупнейших мастера отечественной архитектуры XX столетия — М.Я. Гинзбург — ключевая фигура конструктивизма — и Б.М. Иофан — автор победившего проекта на конкурсе Дворца Советов — прошли профессиональную подготовку в Италии, первый — в Милане в 1910–1914 гг., второй — в Риме с 1914 по 1916 г., где затем работал в разных городах Италии до своего отъезда в Москву в 1924 г.

Об учебе М.Я. Гинзбурга в Миланском политехническом институте уже шла речь в статье автора настоящего текста¹⁰, здесь же осуществляется попытка проанализировать «русское присутствие» в аудиториях и мастерских Архитектурного отделения Римской академии художеств, а затем, с 1920 г., — Архитектурного факультета Римского университета.

О пребывании русских студентов творческих специальностей в итальянских вузах известно крайне мало. Но причина этого — отнюдь не в отсутствии любопытства историков искусства и архитектуры. Архив Римской академии художеств¹¹ долгие десятилетия не был описан. Он открылся для «внешних» исследователей только в 2020 г. и до сих пор находится в процессе систематизации, на сегодняшний момент полная опись документов еще не доступна. Архив же Архитектурного факультета Римского университета¹², в прошлом году отметившего свое столетие, до

⁹ Vyazemtseva A. Architects of Russian Emigration in Rome Between Two Wars: Questions of Integration and Ways of Adaptation // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Vol. 324, International 2019; <https://www.atlantis–press.com/proceedings/ahti–19/125910045> (дата общ. 7.10.2021).

¹⁰ Vyazemtseva A. Moisei Ginzburg's Studies in Milan (1910–1914) and Italian Architecture of the Early XX c. // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Vol. 471. Proceedings of the 2nd International Conference on Architecture: Heritage, Traditions and Innovations (AHTI 2020). Paris: Atlantis Press, 2020. P. 69–75.

¹¹ Archivio storico dell'Accademia di Belle Arti di Roma; далее — Archivio ABAROMA.

¹² Archivio storico dell'Università di Roma La Sapienza; далее — Archivio La Sapienza.

сих пор доступен лишь частично для консультации, фонды личных дел, дипломных и курсовых работ до сих пор не описаны и не выдаются.

Римская Академия художеств была создана в 1874 г. на основе Академии Святого Луки, основанной еще в конце XVI в. При всем богатстве истории этого легендарного учебного заведения архитектурное отделение не было столь привлекательным для студентов. Причина этого состояла в том, что окончивший 4-летний курс получал диплом «профессора архитектурного рисунка» и не мог руководить строительством зданий. Для этого был необходим диплом строительного инженера, который выдавался после окончания инженерных факультетов. Проблема такого несоответствия программы подготовки и возможностей, которые давал диплом, стояла очень остро и даже стала одной из причин студенческих волнений в 1905 г.¹³ Действительно, в тот период количество студентов в «школе архитектуры» было не более 5–10 человек на курсе, что значительно меньше, чем на других отделениях Академии.

Из русских студентов архитектурного курса в журналах поступлений значится Пьетро Белозерский (Pietro Belozersky), зачисленный 17 октября 1906 г. Архивные записи¹⁴ содержат информацию о месте рождения — Флоренция, и об имени отца — Джованни, а личное дело студента — дату рождения — 1885 г. и письмо его матери с просьбой принять его на IV курс с переводом из Академии художеств в Венеции. Эти сведения можно связать с уже существующими исследованиями и установить, что Пьетро был сыном Ивана Ивановича Белозерского (1841–1920)¹⁵ и Марии Терезы Балларин. И.И. Белозерский был известным букинистом и антикваром, женился на венецианке, жил в Венеции и в других городах Италии и часто бывал в родном городе Борзне на Украине, где его затем и застала революция

¹³ *Vagnetti F.* La regia Accademia di Belle Arti di Roma. Firenze: Felice Le Monnier, 1943. P. 66.

¹⁴ Личное дело: Belozersky Pietro, fascicolo personale; Журнал поступлений: Registro delle iscrizioni alle Scuole dell'Istituto dall'anno scolastico, 1906–1907.

¹⁵ *Бертеле М.* Белозерский И.И. // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века... цит. С. 94.

1917 г. В Венеции Иван Иванович был компаньоном Фердинандо Онгания, известного антиквара и издателя. Совместно с ним он управлял фирмой «Münster», специализировавшейся на продаже антиквариата, гравюр и фотографий, и держал магазин на площади Сан Марко в здании Прокураций, который посещали известные европейские интеллектуалы, среди которых, например, был Джон Рёскин. Очевидно, что выбор архитектурного отделения для Пьетро был подготовлен профессией отца. Однако пока не найдено никаких следов его творчества ни во время, ни после учебы в Академии. По сведениям исследователя Маттео Бертеле, И.И. Белозерский «во время Гражданской войны умер от голода, за ним ухаживал сын Петр»¹⁶. По документам Архива, Пьетро закончил IV курс в 1907 г. и был переведен на следующий. На настоящий момент ничего не известно о последующих 10 годах его жизни, о его работе по специальности, как и о его дальнейшей судьбе в советской Украине.

В 1914 г. была учреждена в экспериментальном формате Высшая школа архитектуры под руководством известного зодчего Манфредо Манфреди, которая должна была выпускать полноценных архитекторов. Именно тогда, 14 октября 1914 г., Борис Иофан подал заявление о зачислении на III специальный курс архитектуры¹⁷, приводя в качестве основания наличие диплома Одесского художественного училища им. Великого князя Владимира Александровича.

Что могло послужить причиной для отъезда на учебу в Рим для архитектора, уже имеющего диплом о профессиональном образовании и начавшего карьеру в Петербурге, работая вместе с братом Дмитрием Михайловичем Иофаном (1885–1967) — архитектором, который в 1910 г. окончил Императорскую Академию художеств и уже успешно проектировал?¹⁸ Ведь учеба в Вечном городе, вопреки общепринятым представлениям, не сулила особенных карьерных перспектив. Сам Иофан уже в 1930–е гг.

¹⁶ Бертеле М. Белозерский И.И. С. 94.

¹⁷ Личное дело: Boris Iofan, fascicolo personale.

¹⁸ В 1911 г. Д.М. Иофан вместе с С.С. Серафимовым начал работу над зданием Главного казначейства в Петербурге.

объяснял в воспоминаниях свой выбор советом своего одесского учителя – итальянца Луиджи Иорини¹⁹, а также любовью к классическому искусству, что затем повторил уже в 1970–е гг. и первый биограф архитектора И.Ю. Эйгель²⁰.

Для М.Я. Гинзбурга, уехавшего сначала в Париж, а затем переехавшего в Тулузу и обосновавшегося в Милане в 1910 г., учеба в Миланском политехническом институте скорее всего была возможностью избежать ограничений «черты оседлости» и получить престижное высшее образование, не доступное гражданам иудейского исповедания в России до 1917 г.²¹ Поскольку брат Б.М. Иофана уже имел диплом об окончании Академии и несколько лет жил в Петербурге, можно предположить, что ограничения не действовали на семью Иофанов (возможно, они приняли православие), и причину, актуальную для переезда Гинзбурга, в этом случае рассматривать нельзя. Согласно биографии Иофана²², в 1914 г., покинув Петербург, он также, как и первоначально Гинзбург, прибыл в Париж, откуда практически сразу отправился в Рим. Точная дата отъезда Иофана в Париж не известна, но причину его переезда в Рим можно предположить с высокой точностью: 28 июля 1914 г. началась Первая мировая война, в которую Италия вступила только в мае 1915 г. Рим оставался далек от военных действий и был идеальным местом для тех, кто собирался переждать конфликт, не принимая в нем участия. Гинзбург, например, вернулся из Милана, близкого к границе с врагом, на родину, по разным сведениям, в конце 1914 г. или в 1915 г., так и не закончив обучения²³, и в 1917 г. защитил диплом уже в Рижском политехническом институте, эвакуированном в Москву.

¹⁹ *Иофан Б.М.* Творческие отчеты. // Архитектура СССР, 1935, № 6. С. 24.

²⁰ *Эйгель И.Ю.* Борис Иофан. М.: Стройиздат, 1978. С. 21–34.

²¹ *Vyazemtseva A.* Moisei Ginzburg's Studies in Milan... цит.

²² *Патти Ф.* Борис Иофан в Риме: учеба, проекты, контакты и реализованные постройки 1914–1924 / пер. с ит. А.Г. Вяземцевой // Борис Иофан. До и после Дворца советов / под ред. М. Костюк. М.: Dom–Publishers, 2019. С. 217–225.

²³ В списках выпускников в Историческом архиве Миланского Политехникума имя М.Я. Гинзбурга отсутствует.

Иофан вполне мог не разделять милитаристских настроений, как многие сочувствующие социалистическому движению (в Италии именно социалисты настаивали на сохранении нейтралитета), к которому он вскоре присоединится, и поэтому уехал в нейтральную страну, поскольку возвращение домой уже было невозможно.

В 1915 г. он был переведен на IV факультативный курс, по окончании которого в июне 1916 г. защитил диплом с высшей оценкой 50/50 с отличием (*con lode*). Об учебе Иофана в Риме не раз вспоминал сам архитектор, о нем писали и его биографы — И.Ю. Эйгель, М.А. Костюк, Ф. Патти. В диссертации Ф. Патти²⁴ был проведен подробный обзор наличествующих в архиве документов (хотя на тот момент архив еще не был инвентаризован и был закрыт для исследователей), учебного процесса экспериментальной школы, который отражался на учебе самого Иофана: экзаменационные записи свидетельствуют о первоначальном зачислении на II курс, однако в личном деле идет речь о поступлении сразу на III. Документы этого архива помогают выявить круг Иофана: его учителей и однокашников, посредством и вместе с которыми он вошел в итальянскую профессиональную среду и затем работал вплоть до своего отъезда в Москву в 1924 г. Важность и тесный характер связей, сформированных в студенческие годы, описывал И.Ю. Эйгель, основываясь на личных свидетельствах Иофана: «Иофан быстро сошелся с другими студентами своего курса. Профессор Челлини, преподаватель перспективы, высоко ценил сокурсника своего сына, который ввел его в семью, а родители другого его сокурсника, Амброджи, доверили ему проектировать фамильную капеллу на кладбище Верано, построенную в 1918 г.»²⁵. Среди учителей Иофана в Академии были Манфреды Манфреды — знаменитый архитектор-электик, Луиджи Баццани — другой известный зодчий своего времени, автор монументальных зданий Нового корпуса Парламента и Национальной галереи современного

²⁴ *Patti F.* Boris Iofan (1891–1976). Dagli anni romani all'ascesa professionale in Unione Sovietica. Politecnico di Torino, Politecnico di Milano, 2009.

²⁵ *Патти Ф.* Борис Иофан в Риме... цит. С. 218.

искусства, Джулио Маньи — историк архитектуры барокко, Луиджи Сарторио — живописец, автор монументального фриза в зале заседаний Парламента, Джулио Аристиде Камбеллотти — художник и мастер декоративно-прикладного искусства в стиле либерти.

Его сокурсниками, кроме упомянутых Эйгелем, были Инноченцо Саббатини — в будущем ключевая фигура строительства социального жилья в Риме и Аттилио Спаккарелли — участник масштабных градостроительных проектов и соавтор Марчелло Пьячентини по строительству виа делла Кончилиационе перед собором св. Петра. Пьячентини тоже читал лекции в Академии в годы учебы Иофана. Здесь же выступал и другой крупный деятель, ответственный за реконструкцию Рима 1910–1930-х гг., Густаво Джованнони. Кроме того, на протяжении всех лет учебы Иофан снимал квартиру на виа Маргутта 78 у семьи Баруччи; с одним из младших ее представителей — Джулио, будущим инженером, его свяжет дружба и профессиональное сотрудничество. Именно Баруччи представил затем Иофана архитектору Армандо Бразини, который оказал значительное влияние на творчество Иофана, что, очевидно, и стало причиной дальнейшего приглашения итальянца к участию в конкурсе на Дворец Советов²⁶. Мастерская на виа Маргутта стала затем, по воспоминаниям Иофана, «местом встреч русских революционеров <...>. Я с благодарностью вспоминаю своих друзей — итальянцев инженеров Дж. Баруччи, Дж. Мандолей, Т. Дзеноби и других простых людей Италии, которые не только с большим сочувствием относились к революции в России, но и стремились всячески помочь русским революционерам в Италии. Так, Баруччи, в доме которого была моя мастерская, предупредил меня о слежке за Визнером, который чаще других бывал у меня»²⁷. А.А. Визнер²⁸ «был организатором встречи представителя Коминтерна Дегтя с русскими большевиками-эмигрантами

²⁶ Итальянский Дворец Советов. Кат. выст. ГНИМА им. А.В. Щусева. Москва, 15 декабря 2006 — 20 февраля 2007 г. М., 2006.

²⁷ *Иофан Б.М.* Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М.: Наука, 1968. С. 369.

²⁸ *Аккатоли А.* Визнер А.А. // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века... цит. С. 149–150.

и итальянскими левыми социалистами (там присутствовали Дженнари, Марабини, Маффи, П. Фарини, Мизиано и др.). Встреча состоялась в начале 1920 г. в городе Нарни (в 100 км от Рима), где жила моя жена Ольга Руффо»²⁹.

Через работу в строительных кооперативах, проектирующих социальное жилье, Иофан сблизился с социалистами и в 1921 г. стал одним из первых членов Итальянской коммунистической партии. Вскоре, в 1924 г., Иофан с женой О.Ф. Сассо—Руффо³⁰, активной участницей социалистического движения и потом членом ИКП, переехал в Москву. В советской столице Иофан не раз использовал свой итальянский опыт, благодаря чему на московских улицах и сегодня можно увидеть здания, напоминающие римские постройки Саббаттини и Баруччи (квартал на Русаковской улице; 1925) в стилистике упрощенной классики и т.н. «барокетто», и почувствовать облаченный в формы конструктивизма масштаб парадных эклектических зданий Манфредо и Баццани (Дом на Набережной). Нереализованный же проект Дворец Советов стал вехой в истории отечественной архитектуры, обозначив начало архитектуры «освоения наследия».

История Иофана в Италии, однако, не заканчивается его отъездом в Москву. Известна его упомянутая выше поездка в 1934–1935 гг. во время работы над строительством Дворца Советов. Однако архив Академии хранит сведения о неизвестной поездке в Рим в 1927 г.: в личном деле архитектора присутствует написанный его рукой запрос о выдаче сертификата об окончании III курса в 1915 г. с указанием отметок, подписанный 27 ноября 1927 г. и внесенный в протокол 29 ноября, а также рукописная копия выданного сертификата об окончании Академии и защите диплома³¹, не упомянутый в исследовании Ф. Патти. Причины подачи такого запроса, как и этого пребывания архитектора в Риме, должны стать предметом дальнейшего исследования.

²⁹ Иофан Б.М. Россия и Италия... цит. С. 369.

³⁰ Пикколо Л. Сассо—Руффо О.Л. Русское присутствие в Италии в первой половине XX века... цит. С. 593

³¹ Archivio AVAROMA, Fascicolo personale di Boris Iofan.

«Экспериментальная» школа архитектуры при римской Академии художеств была закрыта в 1919 г., а в 1920 г. была открыта «Королевская высшая школа архитектуры» при Римском университете. Несмотря на то, что архив факультета недоступен для работы исследователей, о составе студентов можно узнать из «Ежегодников» факультета, которые регулярно выпускались с 1925 по 1935 гг.³² Помимо имен в списках ежегодника указывался город, страна происхождения студента, имя отца или матери, а также оценка за дипломную работу и сведения о сдаче государственного экзамена.

Среди студентов факультета — Александра Дмитриевна Бирюкова (1895–1967), малоизвестная как для итальянской, так и в российской историографии. Бирюкова поступила в 1922 г. на недавно учрежденный факультет и закончила его в 1925 г., став одной из двух первых женщин–архитекторов в Италии³³ и единственной на тот момент женщиной–иностранкой на архитектурном отделении³⁴. В 1920 г. Александра вместе со своими родителями и сестрой художницей Юлией Бирюковой (1897–1972) покинула Россию. Согласно биографам³⁵, они были дочерьми главного инженера Транссибирской магистрали Дмитрия Бирюкова. Также из биографий следует, что Александра уже имела высшее образование, полученное в Императорской Академии художеств, где она училась, с 1911 по 1914 гг. На настоящий момент,

³² *Annuario della Reggia Scuola di Architettura di Roma.*

³³ Ее сокурсницей была Елена Луццатти Валентини; см. *Belotti S., Prencipe M., Riciputo A. Sapienti Romane: Pioneers and Heirs at the Faculty of Architecture in Rome // Women's Creativity since the Modern Movement (1918–2018): Toward a New Perception and Reception / ed. by Helena Seražin, Caterina Franchini and Emilia Garda. Ljubljana, 2018. P. 128–139.*

³⁴ *Vjazemtseva A. Foreign women in Italian architecture and art during the fascism // Women's Creativity... цит. P. 1035–1045.*

³⁵ *Puchalski I. Biriukova Alexandra // Canadian Women Artists History Initiative; http://cwahi.concordia.ca/sources/artists/displayArtist.php?ID_artist=5704 (дата обрац. 7.10.2021); Лейкинц О. Бирюкова Александра // Искусство и архитектура русского зарубежья; <http://www.art.rz.ru/places/1804815656/1805323334.html> (дата обрац. 7.10.2021); Biuriukova Alexandra // Biographical dictionary of Architects in Canada. 1800–1950; <http://dictionaryofarchitectsincanada.org/node/1124> (дата обрац. 7.10.2021).*

однако, в архивном фонде Академии художеств не было найдено личного дела Бирюковой. Также нет подтвержденных сведений об учебе Александры на Высших женских политехнических курсах, основанных в 1905 г. в Петербурге. Информацию о наличии у Бирюковой профессионального образования до приезда в Рим могут подтвердить документы ее личного дела в Архиве архитектурного факультета Римского университета, который, как уже было указано, к сожалению, не доступен для исследователей.

В любом случае, ее решение поступить на факультет архитектуры было весьма смелым и необычным для Италии тех лет: Бирюкова была одной из двух студенток на своем курсе из 20 учащихся и одной из трех женщин³⁶, учившихся одновременно с ней на архитектурном отделении. Несмотря на недоступность личных дел студентов, следы пребывания Бирюковой в стенах университета найти можно. В фонде учебной части университетского архива хранится информация о студенческих поездках³⁷, где Бирюкова упоминается регулярно и даже возможно присутствует на одной из групповых фотографий. Ее рукой вписана фамилия в списки участников. Она ездила на экскурсии в Орвьето (16 июня 1924), Сиену (7–9 июня 1924) и Субиакко (8 июня 1925). Такие поездки могли служить поводом к знакомству со студентами других курсов, так, например, в поездке в Орвьето также участвовали в будущем знаменитые архитекторы Луиджи Пиччинато и Энрико Дель Деббьо, а в Сиену ездили Марио Де Ренци и Марио Ридольфи.

Возможное повторное обучение в Риме Бирюковой могло служить средством для вхождения в местное профессиональное сообщество. В 1925 г. она защитила диплом с высокой оценкой — 106/110 и сразу же успешно прошла госэкзамен. Она была нацелена на полную интеграцию в итальянскую архитектурную среду. Еще в годы учебы, в 1924 г., она начала работу в мастерской знаменитого

³⁶ Одновременно с А.Д. Бирюковой и Э. Луццатти училась Анна Габриелли.

³⁷ Archivio La Sapienza, R. Scuola di Architettura. Assistenza scolastica. Viaggi d'istruzione, esercitazioni, escursioni (U. A. 1–15), III Insegnamento. Visite, gite viaggi d'istruzione. VIII a) Visite a monumenti, gallerie, ecc. Esercitazioni, escursioni, viaggi di istruzione.

римского архитектора Арнальдо Фоскини (1884–1968) — своего профессора. К сожалению, работы, выполненные Бирюковой в бюро ее учителя, не сохранились. Архив Фоскини был уничтожен самим архитектором, среди немногих дошедших до нас документов, хранящихся сегодня на инженерном факультете римского университета «Тор Вергата» нет никаких упоминаний об Александре. Поэтому можно только предположить, в каких проектах могла участвовать Бирюкова. В 1920–х гг. Фоскини работал над рядом важных построек — кинотеатром Supercinema в стиле арт-деко, несколькими церквями, а также планом реконструкции площади фонтана Треви в Риме. В 1930–х г. Фоскини стал одной из ключевых фигур архитектуры фашистского режима и протагонистов монументального упрощенного неоклассицизма; он оказался одним из победителей конкурса Палаццо Литтории (1934), затем спроектировал несколько зданий нового Римского университета (1935) и участвовал в реконструкции исторического центра Рима. Но Александра покинула Рим до этого.

Бирюкова в 1929 г. вступила в Римский профсоюз архитекторов³⁸, однако к самостоятельной практике так и не приступила. Смерть родителей, очевидно, стала причиной переезда к сестре в Торонто, в Канаду, где она снова стала одной из первых женщин-архитекторов. Она вступила в местную профессиональную ассоциацию, очевидно, настроившись на активную работу. Однако карьера Бирюковой в Канаде оказалась чрезвычайно короткой, после ее первого заказа — виллы художника Лоуренса Харриса в Торонто (1931) она не спроектировала ни одного здания и даже вышла из Ассоциации архитекторов Онтарио в 1934 г.

Еще одной студенткой была «Авербух Евгения, дочь Зеева, из Смилы (Россия)»³⁹. Она была зачислена на I курс в 1926/1927 учебном году.

Е. Авербух родилась в городе Смилы на территории современной Украины и переехала с семьей в возрасте двух лет в Палестину. Во время Первой мировой войны она жила в Египте, затем вернулась

³⁸ Членский билет № 135, Ordine architetti di Roma — Archivio storico. Папка личного дела Бирюковой в архиве Римского профсоюза архитекторов пуста.

³⁹ Annuario della Reggia Scuola di Architettura. Roma, 1926–1927. P. 223.

в Тель-Авив, откуда отправилась учиться в Рим на архитектурный факультет. Однако в 1929 она уехала из Вечного города в Брюссель, а в 1930 г. вновь переехала в Израиль⁴⁰. В 1933 г. вместе с мужем архитектором Шломо Гинцбургом она открыла архитектурное бюро, с которым затем продолжала профессиональное сотрудничество даже после скорого развода. Евгения, ставшая известной как «Женя Авербух», стала затем крупным архитектором в Израиле, среди ее работ — здания на площади Дизенгоф в Тель-Авиве (1934), в районе «Белый город», спроектированном знаменитым английским градостроителем Патриком Геддесом.

О третьей студентке, присутствовавшей в ежегоднике, «Мейерович Антонине дочери Лева, из Криевии (Россия)»⁴¹, зачисленной на I курс в 1933–1934 учебном году, пока не было найдено иных документальных свидетельств. Она была сокурсницей Акилины Бо, в будущем известного архитектора Лины Бо Барди⁴², прославившейся проектом Музея современного искусства в Сан-Паоло в Бразилии (1968). Антонина проучилась только два года, а затем, возможно, оставила учебу. Также нет сведений о карьере значившихся в списках «Ежегодников» студентов Михаиле Борисовиче Гершковиче из Таганрога (Herskovitz Michael, di Boris, da Taganrog, Russia), поступившем в 1929 г. и Николае Михайловиче Казацком из Москвы (Kazackijs Nikolajs di Michele, da Mosca).

Еще одним русским студентом Королевской архитектурной школы в Риме был кн. Владимир Александрович Волконский (1908–1980)⁴³, который окончил архитектурный факультет в 1932 г. и сразу сдал государственный экзамен в Милане. Его имя значится в «Ежегоднике», но в доступных материалах университетского архива он не фигурирует. Сразу после защиты и госэкзамена, в 1932 г., Волконский спроектировал церковь св. Николая

⁴⁰ Mayer–Malin E. Architects in Palestine: 1920–1948 // Jewish women's archive; <https://jwa.org/encyclopedia/article/architects-in-palestine-1920-1948> (дата обрац. 7.10.2021).

⁴¹ Annuario della Reggia Scuola di Architettura. Roma, 1933–1934. P. 164.

⁴² Lina Bo Bardi. Un'architettura tra Italia e Brasile / a cura di A. Criconia. Milano: Francoangeli, 2017.

⁴³ См. Талалай М.Г. Российский некрополь в Италии. М.: Старая Басманная, 2014. С. 174.

в доме Чернышевых на Виа Палестро в Риме⁴⁴, завещанном русской православной общине. Проект он исполнил совместно с инженером Фердинандо Поджи, который затем принимал участие в строительстве Института здоровья Бенито Муссолини в Риме, одной из важных «режимных» построек итальянской столицы. Церковь была устроена в вилле, завещанной княгиней Марией Александровной Чернышевой Православной церкви. Княгиня умерла в 1919 г., но приход вступил в собственность только в 1931 г. из-за юридических сложностей. Церковь была освящена 10 апреля 1932 г. Художественное убранство, иконы и картины, созданные в XIX в. пенсионерами Императорской Академии художеств — Карлом Брюлловым, Константином Тоном и другими, были перенесены из Палаццо Менотти на Пьяцца Кавур, где ранее располагалось посольство Российской империи. Решение, предложенное Волконским, довольно нетипично для православных русских церковных пространств. Отсутствие росписи, белые стены, скупое декоративное оформление — полоса зеленого мрамора на триумфальной арке и апсида, украшенная золотой мозаикой, без каких-либо изображений, деликатное использование старинной мебели — несут отпечаток актуальных тенденций в итальянской архитектуре. Открытое и монументальное пространство указывает на эстетические симпатии автора к ар-деко. Это одно из немногих зданий, спроектированных русским архитектором-эмигрантом в Риме, чье авторство достоверно известно, однако о дальнейшей карьере архитектора данных нет.

Даже те немногочисленные сведения о русских студентах в римских архивах раскрывают перипетии карьеры и судьбы наших соотечественников в Италии. Они хранят документы о начале карьеры в дальнейшем известных архитекторов, либо единственно существующие упоминание о принадлежности их персоналий к архитектурной профессии. Присутствие русских студентов архитектуры в Риме не было массовым, но, безусловно, оно было ярким, а его представители затем становились протагонистами архитектуры своего времени.

⁴⁴ *Он же*. Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб.: Коло, 2011. С. 17–45.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Александр Геннадьевич Нестеров

МЛАДШИЕ ГАБСБУРГИ ТИРОЛЯ В XVII ВЕКЕ

Введение

Династическая история графства Тироль

Альпийское владение со смешанным населением — Тироль — как отдельное феодальное государство сложилось не позднее начала XI в., когда практически вся территория Тироля оказалась под властью двух церковных княжеств — епископств Бриксен (север) и Тридент (юг). В ходе сложных династических переплетений и переходов владений от одной династии к другой сформировалось графство Тироль, объединившее четыре исторические части — Северный Тироль с центром в Инсбруке, Южный Тироль (Альто–Адидже) с центром в Мерано (именно этот город стал первоначальной столицей графства), Восточный Тироль с центром в Линце и Трентино с центром в Тренто. Впервые титул «граф Тироля» употребил в 1142 г. граф Альбрехт II (ум. 1165). После смерти последнего графа из Тирольской династии Альбрехта III (1253) владения графов Тироля перешли к графам Гориции, которые владели регионом вплоть до 1363 г. Последняя правительница Тироля из Горицкой династии — Маргарита Маульташ — благодаря скандальному расторжению брака с маркграфом Моравии Иоганном Генрихом Люксембургским и браку с герцогом Баварии Людвигом V — способствовала возникновению нескольких конфликтов и, в конечном итоге, к переходу графства к роду Габсбургов. В 1363 г. графом Тироля стал Рудольф IV Габсбург, герцог Австрии, Штирии и Каринтии. Старшая Тирольская ветвь рода

Габсбургов правила графством вплоть до 1490 г., когда после смерти бездетного графа Сигизмунда (1439–1490) графство перешло к императору Максимилиану I Габсбургу. В 1564–1595 гг. графом Тироля был один из внуков императора Максимилиана — Фердинанд II, который умер, не имея официальных наследников, и Тироль вновь оказался под прямым управлением императоров. В 1612 г. император Маттиас Габсбург передал графство Тироль под управление своего брата Максимилиана III (граф в 1612–1618 гг.). С этого времени Тироль восстановил автономию в рамках империи Габсбургов.

Максимилиан III и Восточная Европа

Максимилиан III был третьим сыном императора Максимилиана II и имел лишь призрачные перспективы стать императором, поэтому его интересы во многом касались Восточной Европы. Уже в 29-летнем возрасте в 1587 г. Максимилиан выдвинул свои претензии на корону Речи Посполитой, где после смерти короля Стефана Батория возник вопрос о наследовании власти над Польшей и Литвой. Во время этих выборов соперниками Максимилиана выступали десять кандидатов, среди которых было и несколько других представителей династии Габсбургов, а также русский царь Федор Иоаннович и наследник шведского престола принц Сигизмунд Ваза. Русский царь Федор Иоаннович выбыл из выборов еще на самом раннем этапе, поскольку формальные требования, выдвинутые к кандидату на престол Польско-Литовского государства, были абсолютно неприемлемы для русского правителя, прежде всего главное из них — принять католическую веру.

С другой стороны, в Польше и Литве еще в 1584 г. распространился слух, что брат императора Рудольфа II эрцгерцог Максимилиан был бы оптимальным кандидатом на русский престол — вместо неспособного к власти Федора Иоанновича¹. Естественно, что идея прихода Габсбурга к власти в Москве была воспринята

¹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7–8 / Соловьев С.М. М.: Мысль, 1989. С. 201.

в Польско–Литовском государстве как реальная угроза полной утраты независимости — страна могла оказаться в окружении габсбургских владений и, естественно, тоже вошла бы в сферу влияния империи Габсбургов. В то же время, по сообщению польско–литовского посла в Москву Михаила Гарабурды, на прямой вопрос, направляли ли русские бояре приглашение эрцгерцогу Максимилиану занять русский престол, последовал ответ, что «какой–то злодей изменник затеял такие злодейские слова»².

История борьбы эрцгерцога Максимилиана за польско–литовский престол хорошо известна и подробно описана польскими исследователями, а его попытка отстоять свои права силой оружия иногда именуется Первой войной за Польское наследство. Результаты этой борьбы оказались неудовлетворительны для эрцгерцога Максимилиана: несмотря на то, что группа сторонников объявила его польским королем, большая часть депутатов выборного сейма поддержала кандидатуру шведского принца Сигизмунда Вазы, который и стал королем Сигизмундом III.

Военные действия, начатые Максимилианом, привели к разгрому его армии при Бычине; 25 января 1588 г. Максимилиан был взят в плен польским великим коронным гетманом Яном Замоиским³. Мирное соглашение было подписано 9 марта 1589 г.; эрцгерцог Максимилиан в соответствии с ним официально отказался от титула польского короля. В качестве компенсации по инициативе своего брата императора Рудольфа II эрцгерцогу Максимилиану был предложен пост гроссмейстера Тевтонского ордена, этот титул сохранялся за Максимилианом вплоть до его смерти в 1618 г. В 1602 г. эрцгерцог Максимилиан был назначен правителем Тироля и Передней Австрии.

Один небольшой сюжет в биографии эрцгерцога Максимилиана был связан с Россией. В 1599 г. царь Борис Федорович Годунов рассматривал Максимилиана в качестве возможного кандидата в женихи для своей дочери Ксении Борисовны. К императору

² Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IV. С. 203.

³ *Leśniewski S. Człowiek, który upokorzył Habsburgów / S. Leśniewski // Polityka. 2008. № 3 (2637). S. 74–77.*

Рудольфу II был направлен дьяк Афанасий Власьев, переговоры начались в чешском городе Пльзень 10 октября 1599 г. Царь Борис был готов в качестве приданого передать Максимилиану Тверское княжество в вечное владение, а также предлагал договориться о разделе Польско–Литовского государства между Габсбургами и Россией. Однако на пути к возможному соглашению возникли два непреодолимых препятствия: Борис Годунов в категорической форме настаивал, чтобы жених его дочери принял православную веру и переехал на жительство в Россию, так как «у светлейшего великого князя одна только дочь наша государыня, отпускать ее как–либо нельзя». Естественно, что для эрцгерцога Максимилиана такие требования были невыполнимы, и переговоры этим завершились⁴. В 1613 г. эрцгерцог Максимилиан рассматривался как один из возможных кандидатов на русский престол, но категорически отказался от такой перспективы. В 1618 г. он умер в Вене.

Младшая Тирольская линия. Леопольд V Фердинанд

Сменивший Максимилиана III в качестве графа Тироля эрцгерцог Леопольд Фердинанд в истории оказался связан как с Россией — правда, очень косвенно — так и с Италией.

Первоначально казалось, что никаких перспектив у родившегося в 1586 г. эрцгерцога Леопольда не было, точнее, у него была одна перспектива — занять какую–либо достаточно престижную церковную должность и прожить свой век в качестве князя–епископа. Леопольд Фердинанд был двенадцатым ребенком и пятым сыном в семье эрцгерцога Карла II Австрийского, одного из младших сыновей императора Фердинанда I (1556 – 1564). Отец Леопольда Фердинанда умер, когда его младшему сыну было 4 года, и мать сразу же стала готовить Леопольда к церковной карьере. В 1696 г. эрцгерцог Леопольд принял тонзуру; в ноябре 1597 г. он — по инициативе императора Рудольфа II и при поддержке папы Климента VIII стал

⁴ Ксения Борисовна Годунова // Хронос; http://www.hrono.info/biograf/bio_k/ksenia_godunova.php (дата обращ. 6 окт. 2021).

коадьютором епископа Пассау Урбана фон Тренбаха⁵; в 1605 г. Леопольд Фердинанд стал преемником епископа Урбана фон Тренбаха, хотя и не был посвящен в духовный сан епископа. Как отмечено в биографическом справочнике империи Габсбургов, придя к власти, Леопольд Фердинанд стал активно проводить реформы в духе Тридентского собора, особенно тщательно следя за соблюдением celibата служителями Церкви, и выступил против решения брата Рудольфа II эрцгерцога Маттиаса (как короля Венгрии — Матьяша II, 1608–1618), который в 1609 г. предоставил свободу вероисповедания протестантам. В 1607 г. Леопольд Фердинанд наследовал титул епископа Страсбурга (также без вступления в духовный сан)⁶. В Страсбурге Леопольд Фердинанд также активно стал проводить политику Контрреформации, пользуясь при этом полной поддержкой иезуитов, которым помог основать коллегию и позднее католический университет в Пассау.

Во время конфликта между императором Рудольфом II и его младшим братом Маттиасом, который закончился отречением императора от престола, Леопольд Фердинанд занял сторону императора. Поражение императора привело к кратковременной опале Леопольда Фердинанда, но довольно скоро он примирился с новым императором Маттиасом. Именно эрцгерцога Леопольда Фердинанда в качестве возможного кандидата император Маттиас рекомендовал русскому посольству, присланному в 1613 г. князем Дмитрием Пожарским к императору с целью предложить вакантный русский трон эрцгерцогу Максимилиану III. Леопольд Фердинанд выразил готовность занять русский престол, правда, вопрос о принятии им православия должен был серьезно обсуждаться. Император Маттиас направил посольство в Москву, но посольство прибыло в Россию уже после избрания русским царем Михаила Федоровича

⁵ Leopold V. Ferdinand // Allgemeine Deutsche Biographie. Muenchen; Leipzig: Duncker und Humblot, 1883. S. 398.

⁶ Habsburg, Leopold V // Neue Deutsche Biographie. Berlin: Dunckler und Humblot, 1985. S. 290.

Романова, и вопрос о призвании эрцгерцога Леопольда отпал естественным путем⁷.

Дальнейшая судьба эрцгерцога Леопольда Фердинанда оказалась связана с Италией.

Жизненный путь эрцгерцога Леопольда коренным образом изменился после пресечения старшей ветви Австрийских Габсбургов в 1618 г. Смерть императора Маттиаса привела к воцарению на троне Священной Римской империи старшего брата эрцгерцога Леопольда — императора Фердинанда II (1618–1637), хотя младший брат императора Маттиаса эрцгерцог Максимилиан III был еще жив (он пережил брата на два месяца). В марте 1619 г. император Фердинанд II назначил Леопольда Фердинанда штатгальтером Тироля и эрцгерцогом Верхней Австрии, вслед за этим Леопольд Фердинанд стал штатгальтером Вены; именно на долю Леопольда Фердинанда выпало защищать Вену от наступления протестантов. В 1622–1623 гг. Леопольд Фердинанд начал переговоры со старшим братом о выделении ему суверенного феода; эти переговоры завершились 15 ноября 1623 г.: император Фердинанд II передал эрцгерцогу Леопольду в суверенное и наследственное владение две трети Верхней и Передней Австрии, оставшаяся треть этих земель перешла под его пожизненное управление. Взамен эрцгерцог Леопольд отказался от причитающихся ему доходов от королевств Чехии и Венгрии и признал майорат императора над всеми австрийскими владениями. 14 сентября 1625 г. договор вступил в силу⁸.

19 апреля 1626 г. Леопольд V Фердинанд (как он стал официально именоваться после приобретения собственных фео-дов) официально снял с себя епископские звания и отказался от епископатов Пассау и Страсбурга в пользу своего племянника эрцгерцога Леопольда Вильгельма (впоследствии имперского фельдмаршала). В тот же день Леопольд Фердинанд женился на Клаудии Медичи, принцессе Тосканы, герцогине Урбино — вдове герцога Урбинского Федерико Убальдо делла Ровере, последнего герцога Урбино из рода делла Ровере (его отец,

⁷ Ibidem. S. 291.

⁸ Leopold V. Ferdinand. S. 400.

Франческо Мария II делла Ровере, передавший ему власть, после внезапной смерти 18-летнего герцога, передал своё Урбинское герцогство под власть папе Римскому — окончательно оно перешло к папам в 1631 г. после смерти 82-летнего Франческо Марии II). От брака Федерико Убальдо делла Ровере и Клаудии Медичи родилась дочь — Виктория (Виттория) делла Ровере (1622–1694); по завещанию деда к ней перешло имущество рода делла Ровере, включая коллекцию живописи — переходу к ней герцогства воспрепятствовал папа Урбан VIII.

Брак Леопольда V и Клаудии Медичи был счастливым — и в личном, и в династическом смысле. Как отмечают авторы «Биографического словаря Австрийской империи», свадьба Леопольда V, состоявшаяся в замке Амбрас в Инсбруке, стала одним из ярких событий времени царствования императора Феодинанда II⁹. История любви и брака Леопольда Фердинанда и Клаудии Медичи вошла в художественную литературу XVII в.

В семье графа и графини Тирольских родилось пятеро детей: Мария Элеонора (1627–1629), Фердинанд Карл (1628–1662), Изабелла Клара (1629–1685), Сигизмунд Франц (1630–1665) и Мария Леопольдина (1632–1649). Кроме рано умершей Марии Элеоноры, все дети сыграли заметную роль в истории династии Габсбургов.

Леопольд V Фердинанд проявил себя как талантливый политический деятель и полководец, активно участвуя в Тридцатилетней войне. В 1630 г. он окончательно утвердился в статусе графа Тироля и в июле 1632 г. сумел защитить Тироль от наступления протестантской армии герцога Франконского Бернхарда Саксен-Веймарского.

Эрцгерцог Леопольд V Фердинанд, граф Тирольский умер 13 сентября 1632 г. от лихорадки в возрасте 45 лет.

Преемники Леопольда V

Титул графа Тироля унаследовал старший сын Леопольда V Фердинанд Карл (1632–1662). Новому графу Тироля было

⁹ Habsburg, Leopold V. // Biographisches Lexikon der Kaiserthum Oesterreich. Bd. 6. Wien, 1860. S. 416.

четыре года, и реальная власть перешла к его матери — Клаудии Медичи. Клаудия Медичи была правительницей Тироля и Передней Австрии до 1646 г. — до 18-летия эрцгерцога Фердинанда Карла. В помощь новой правительнице был образован регентский совет во главе с канцлером Тироля Вильгельмом Биннером. Активная политика эрцгерцогини Клаудии была направлена на реализацию концепции контрреформации в Германии и на расширение владений дома Габсбургов, прежде всего собственных наследников, за счет Вюртемберга, Тренто и Больцано. Ей удалось существенно расширить владения Тирольского дома, в этом Клаудия Медичи пользовалась полной поддержкой императора Фердинанда II, а после его смерти в 1637 г. — его сына императора Фердинанда III. Тем не менее, подписание Вестфальского мира оказало существенное влияние на ее владения — несмотря на ее протесты, Вюртемберг был возвращен герцогу Эберхарду III.

Незадолго до смерти Клаудия Медичи выдала замуж свою младшую дочь Марию Леопольдину за овдовевшего императора Фердинанда III. К сожалению, новая императрица умерла сразу же после рождения сына эрцгерцога Карла Иосифа в 1649 г.

В 1646 г. формальная власть в Тироле перешла к эрцгерцогу Фердинанду Карлу, хотя Клаудия Медичи фактически оставалась у власти в Тироле вплоть до своей смерти в декабре 1648 г. Смерть этой энергичной правительницы способствовала упадку влияния Габсбургов Тироля в империи Габсбургов.

Фердинанд Карл оказался слабым правителем, расходовавшим огромные средства, скопленные его родителями, на развлечения. Он продал Франции свои права на владения Тирольских Габсбургов в Эльзасе, за большую сумму признал независимость швейцарского кантона Граубюнден, формальный суверенитет над которым сохраняли Тирольские Габсбурги. В 1651 г. по воле Фердинанда Карла был казнен канцлер Тироля Вильгельм Биннер, противившийся территориальным уступкам Фердинанда Карла (помилование, подписанное императором Фердинандом III, было задержано противниками Биннера и было доставлено уже после казни¹⁰).

¹⁰ Bienner, Wilhelm // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 2. Leipzig, 1875. S. 628.

Необходимо отметить, что Фердинанд Карл сумел существенно расширить театр в столице Тироля — Инсбруке. Оперные постановки в Инсбруке осуществлял приглашенный Фердинандом Карлом итальянский композитор Пьетро Антонио Чести. В Инсбруке Чести написал и поставил шесть (или восемь — данные расходятся) опер. Самая знаменитая его постановка, «L'Argia», была осуществлена в 1656 г. в честь визита отрекшейся от престола королевы Швеции Кристины. Естественно, содержание оперной труппы требовало от Фердинанда Карла больших расходов.

В 1646 г. Фердинанд Карл женился на Анне Медичи, дочери великого герцога Козимо II и Марии Магдалены Габсбург¹¹. Невеста была двоюродной сестрой Фердинанда Карла как по отцовской, так и по материнской линии, и была старше жениха на 12 лет. От этого брака родилось три дочери; старшая, Клаудия Фелицитас (1653–1676), в 1673 г. вышла замуж за императора Леопольда I (1658–1705) и умерла от туберкулеза, обе их дочери прожили меньше года¹²; вторая дочь Фердинанда Карла родилась мертвой в 1654 г., третья, Мария Магдалена (1656–1669) скончалась незамужней.

30 декабря 1662 г. эрцгерцог Фердинанд Карл умер, не оставив после себя мужского наследника. Владения Габсбургов Тироля унаследовал его брат Сигизмунд Франц.

Эрцгерцог Сигизмунд Франц — младший сын в семье — должен был пойти по первоначальному пути своего отца Леопольда V и занять несколько княжеских церковных должностей. В 1646 г. Сигизмунд Франц стал епископом Аугсбурга, в 1653 — епископом Гурка, в 1659 г. — епископом Триеста. Смерть Фердинанда Карла привела к тому, что Сигизмунд Франц выдвинул — против воли императора Леопольда I — свои претензии на власть в графстве Тироль и в Передней Австрии. Леопольд I считал, что власть над Тиролем и Передней Австрией должна

¹¹ Anna von Florenz // Biographisches Lexikon der Keiserthum Oesterreich. Bd. 6. Wien, 1860. S. 153.

¹² Claudia Felizitas von Tirol // Biographisches Lexikon der Keiserthum Oesterreich. Bd. 6. Wien, 1860. S. 159.

была перейти его жене Клаудии Фелицитас как прямой наследнице Фердинанда Карла. Тем не менее, Сигизмунд Франц сложил с себя обязанности духовного лица и выразил готовность отказаться от статуса князя–епископа Аугсбурга, Гурка и Триеста, после чего установил свою власть над Тиролем. Как отмечают современные исследователи, Сигизмунд Франц сумел несколько улучшить экономическое положение Тироля, ощути­мо подорванное его старшим братом¹³.

Желая продлить род, эрцгерцог Сигизмунд Франц принял решение заключить брак. Первая выбранная невеста, принцесса Гессен–Дармштадтская Мария Гедвига, являясь протестанткой, отказалась выходить замуж за католического принца. Новой невестой Сигизмунда Франца стала Мария Гедвига Августа, принцесса Пфальц–Зульцбахская. Брак был заключен по доверенности 3 июня 1665 г. 25 июня 1665 г. эрцгерцог Сигизмунд Франц скончался от инсульта, так и не встретившись с молодой женой¹⁴.

Со смертью Сигизмунда Франца пресеклась Тирольская ветвь Габсбургов. Тироль перешел к ближайшему родственнику — императору Леопольду I (как граф Тироля — Леопольд VI).

Последней представительницей Младших Габсбургов Тироля осталась дочь Леопольда V Фердинанда — эрцгерцогиня Изабелла Клара (1629–1685). В 1649 г. Изабелла Клара вышла замуж за Карла III Гонзага–Неверского, герцога Мантуи и Монферрата, суверенного князя Арша. Брак носил чисто династический характер и позволил Карлу Гонзага–Неверскому сохранить власть над Монферратом. От этого брака родился единственный сын, Карл Фердинанд Гонзага (1652–1708), который после смерти отца в 1665 г. унаследовал власть над Мантуей, Монферратом и Аршем. Поскольку Карл Фердинанд был несовершеннолетним, регентшей при нем стала Изабелла Клара. Своего

¹³ Mutschlechner M. Erzherzog Sigismund Franz von Tirol // Die Welt der Habsburger; <https://www.habsburger.net/de/kapitel/erzherzog-sigismund-franz-von-tirol?language=en> (дата обра­щ. 6 окт. 2021).

¹⁴ Habsburg, Sigismund Franz // Biographisches Lexikon der Kaiserthum Oesterreich. Bd. 6. Wien, 1860. S. 148.

фаворита графа Карла Булгарини Изабелла Клара назначила главой правительства.

Изабелле Кларе удалось укрепить внешнеполитическое положение княжества Мантуи, расширив его территорию. В частности, ей удалось получить от императора Леопольда I согласия на передачу Мантуанскому герцогству ряда феодалов, прежде всего владений Гуасталльской ветви дома Гонзага, кроме того, правительству Изабеллы Клары удалось упорядочить экономику и финансы княжества, разоренные Карлом III¹⁵.

В августе 1669 г. Изабелла Клара сложила полномочия регента, но ей по-прежнему приходилось заниматься государственными делами, так как герцог Карл Фердинанд стремился в основном устраивать развлечения, требовавшие огромных расходов. Изабелла Клара женила сына на Анне Изабелле Гонзага, наследнице Ферранте III Гонзага, герцога Гуасталлы, что и привело к присоединению Гуасталлы к Мантуанским владениям.

После женитьбы сына Изабелла Клара вместе с подавшим в отставку графом Карло Булгарини покинула двор и поселилась в замке Гонто, где Изабелла Клара и Карло Булгарини тайно обвенчались. Вероятно, именно этот шаг привел к решению императора Леопольда I заключить Изабеллу Клару в монастырь урсулинок, где в 1671 г. она была насильственно пострижена в монахини¹⁶. Там она и скончалась в 1685 г.

Последний из потомков Леопольда V, герцог Карл Фердинанд Гонзага в ходе войны за Испанское наследство в 1701 г. встал на сторону Франции. В результате Карл Фердинанд был обвинен императором Леопольдом I в государственной измене, а император Иосиф I в 1708 г. конфисковал итальянские владения дома Гонзага. Герцогство Монферратское было передано Савойскому дому, а Мантуя присоединена к Миланскому герцогству. Спустя 6 дней после этой конфискации герцог Карл Фердинанд

¹⁵ Isabella Clara d'Asburgo, duchessa di Mantova e del Monferrato // Dizionario biografico degli Italiani. Vol. 62. Roma, 2004; https://www.treccani.it/enciclopedia/isabella-clara-d-asburgo-duchessa-di-mantova-e-del-monferrato_ (Dizionario-Biografico) (дата обрац. 6 окт. 2021).

¹⁶ Ibidem.

в возрасте 56 лет скончался в Падуе. Так завершилась история потомков младших Габсбургов Тироля¹⁷.

Таким образом, можно отметить, что в истории младших Габсбургов Тироля своеобразным образом соединяются и интересы Австрийской династии в Восточной Европе, и политика дома Габсбургов в Италии. Исследуя династическую историю этой ветви Габсбургов, удалось проследить и единственную, хотя бы теоретическую возможность для представителя рода Габсбургов занять русский трон, и активное формирование владений Габсбургов в Северной Италии, завершившееся уже в первой половине XIX в.

¹⁷ Ferdinando Carlo Gonzaga Nevers, duca di Mantova e del Monferrato // Dizionario biografico degli Italiani. Vol. 46. Roma, 1996; [https://www.treccani.it/enciclopedia/ferdinando-carlo-gonzaga-nevers-duca-di-mantova-e-del-monferrato_\(Dizionario-Biografico\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/ferdinando-carlo-gonzaga-nevers-duca-di-mantova-e-del-monferrato_(Dizionario-Biografico)) (дата обращ. 6 окт. 2021).

Искра Шварц

ШВЕЙЦАРСКАЯ ЛЕГЕНДА О ЖЕНЕ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ*

В 1804 г. в Цюрихе была опубликована новелла швейцарского писателя–просветителя немецкого происхождения Иоганна–Генриха–Даниэля Цшокке (Johann Heinrich Daniel Zschokke, 1771–1848) «Вольфенбютельская принцесса» (Die Prinzessin vom Wolfenbüttel). Автор новеллы был в то время один из самых читаемых и популярных в немецкоязычном мире литераторов. Иоганн–Вольфганг Гёте считал его не менее талантливым, чем Фридрих Шиллер, и стал первым, кто поставил на сцене Веймарского театра раннюю драму Цшокке — «Абеллино, великий разбойник» (Abällino der große Bandit)¹. В 1796 г. либеральный Цшокке переехал жить из Пруссии в Швейцарию и был выбран депутатом Гельветической республики. Год спустя он был назначен начальником департамента по школьному образованию, с 1800 г. стал правительственным наместником сначала в кантоне Вальдштатте, потом в Тессине, а с сентября 1800 г. по ноябрь 1801 г. в кантоне Базеля. С 1804 г. переселился жить в кантон Аргау и до 1841 г. принимал деятельное участие в общественной и политической жизни республики, состоя

* Фрагмент доклада «Легенда о смерти царевича Алексея в Неаполе: происхождение и интерпретации», прочитанного на конференции в Неаполитанской Академии Понтаниана 17 мая 2018 г. Полностью текст см. в книге: *Шварц И.* «Исследования о Петровской эпохе» (в печати).

¹ В 2009 г. «Абеллино, большой разбойник» Генриха Цшокке был опубликован в одном сборнике с произведениями Фридриха Шиллера «Духовидец» и Карла Гросса «Гений» в издательстве «Ладомир».

членом Большого совета кантона Аргау и будучи издателем просветительских газет и журналов.

Как член Гельветического общества (Helvetische Gesellschaft) и впоследствии президент этой ассоциации, Цшокке требовал либеральных реформ швейцарского общества и создания современного государства. В годы правительственной и политической деятельности он не переставал активно заниматься и литературным творчеством. Поэтому неудивительно, что его философские взгляды и либеральные идеи находили отражение на страницах его литературных произведений.

Произведения Цшокке были известны в России, а некоторые, такие как роман «Железная маска», были переведены и опубликованы в 1830–е гг. Специалисты считают, что его фельетон «Похвала носу» повлиял на замысел гоголевской повести «Нос», а религиозно–рациональные очерки «Часы благоговения» (Stunden der Andacht) находились в библиотеках Герцена, Достоевского и Толстого. Последний часто возвращался к этим очеркам, используя рассуждения автора для своих книг «Мысли мудрых людей на каждый день» (1903), «Круг чтения» (1908) и «Путь жизни» (1910). Так в записках «Путь жизни» Толстой приводит в гл. XXVIII «Зло» цитату из Цшокке: «Никакое горе так не велико, как страх перед ним»².

К одному из самых популярных произведений автора можно отнести новеллу «Вольфенбютельская принцесса». К сожалению, из–за цензуры она не была переведена на русский и не получила распространение в России. Об этом свидетельствует и современная публикация по истории швейцарской литературы, где в очерке о литературной деятельности Цшокке новелла не упоминается³. Стержнем фабулы этого произведения является жизнь и загадочная смерть принцессы Шарлотты–Кристины, жены царевича Алексея. Она представлена как несчастная, страдающая от пренебрежения и унижения brutального супруга, которая во время родов сына Петра, будущего императора

² <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/philosophy/put-zhizni/put-zhizni-28.htm> (дата общ. 28.09.2021).

³ <http://md-eksperiment.org/post/20181011-zschokke> (дата общ. 28.09.2021).

Петра II, не умерла, а осталась в живых, а на ее месте в петербургском соборе была похоронена деревянная кукла. При помощи графини Кёнигсмарк⁴, матери графа Морица, маршала Саксонского (Graf Moriz, Marschall von Sachsen), Шарлотта успела тайком выехать из России и добраться до Парижа, а оттуда эмигрировала во французскую колонию Луизиану в Америке, где вышла замуж за французского офицера д'Обана (Chevaller d'Aubant). Несколько лет спустя Шарлотта вместе с мужем вернулась в Париж. Судьба иногда приподносит неожиданные сюрпризы, и она встретила случайно в Люксембургском саду Морица Саксонского, чья мать когда-то ей помогла. Маршал узнал ее, и, чтобы избежать раскрытия тайны, Шарлотта снова уехала, но на этот раз на остров Бурбон (совр. Реюньон) в Индийском океане. После смерти мужа и дочери она вернулась во Францию и вскоре умерла в Париже⁵.

Наряду с этим сюжетом Цшокке уделяет особое внимание в новелле личности царевича Алексея, его конфликту с отцом, отрицанию петровских реформ, бегству в Вену, где, вопреки ожиданиям, он не нашел понимания при дворе императора, и ему пришлось уехать дальше и искать убежище у губернатора Неаполя.

Цшокке характеризует Неаполь как прекрасное место (*ein herrliches Land*), итальянский рай на земле (*italienisches Paradies*), а поездку туда — как следствие желания Алексея познакомиться с этой чужой и незнакомой страной. Следуя фактам, почерпнутым из исторических источников, автор рассказывает о миссии Толстого и Румянцева в Неаполе: им удалось убедить царевича вернуться обратно в Россию. Рассказывает он также о судебном процессе по делу царевича и о его смерти, оставляя открытым вопрос о том, каким образом и при каких обстоятельствах Алексей умирает.

Для писателя Цшокке историческая правда повествования была не так уж важна. Судьба принцессы, которая спасается от смерти и ищет свое счастье по всему миру, являлась лишь

⁴ Графиня Мария-Аврора фон Кёнигсмарк (Königsmark; 1662–1728).

⁵ Zschokke H. Die Prinzessin vom Wolfenbüttel. Bremen, 2011. P. 122–123.

поводом для критики современного состояния Европы и возможностью выразить свои представления о свободе человеческой природы, о дружбе и о триумфе любви. В поведении его героя — царевича Алексея, в его личном конфликте с отцом и в его отношении к реформам царя он считает виновным неправильное воспитание. Образ утопичной Луизианы в концепции Цшокке — это экзотическая мечта путешественника — *reve exotique*, но в действительности идеалом для писателя была не Луизиана, находящаяся где-то на краю земли, а его новая родина — Швейцария и демократическая система Гельветической республики.

Для своего произведения автор выбрал популярные в конце XVIII в. жанры: эпистолярный — для первой и третьей книги новеллы, и дневник — для второй книги. В этом заключалась своеобразная манера повествования, и такой подход позволял ему выразить разные мнения, передать слухи и сплетни и трактовку событий с различных точек зрения. Приведу несколько цитат из письма французского офицера д'Обана своему другу Лорану Беллисю, которые четко иллюстрируют взгляды Цшокке:

«Европа не нравится мне, я ищу себе новое место на этой земле и мне будет всё равно, если я буду Робинзоном на каком-нибудь необитаемом острове... Вы наверно скажете: "Измени себя, а не свое место на этой планете". Эта старая максима потеряла для меня свое значение. Я свободен; почему мне надо жить при спящих, когда я проснулся? <...> Почему мне надо общаться с глупыми мальчиками, когда я хочу быть серьёзным? <...> Я испытываю отвращение к Европе с ее полу-культурой. Народы нашей части мира еще не повзрослели, они противоречивы и богаты незрелыми школьными мудростями как дети»⁶.

Современное общество, согласно автору, могло быть счастливым, если бы оно было просвещенным и имело гражданские и религиозные свободы: «Хочу стать основателем счастливого общества, процветающего — благодаря трудолюбию, мудрого — благодаря просвещению и благодаря

⁶ Ibidem. P. 41.

гражданской и религиозной свободе — таким сильным, чтоб ему завидовали»⁷.

В 1808 г. книга была переведена на французский язык, затем последовал английский перевод, потом голландский, датский, испанский, чешский и сербский. Некоторые американские историки XIX в. были уверены в достоверности этой истории и рассказывали читателям о жизни Шарлотты в Мобиле (Mobile)⁸. Под впечатлением судьбы принцессы Иоганн Венцель Калливода (Kalliwoda) сочинил оперу «Prinzessin Christine», поставленную в Праге в 1828 г., а в середине XIX в. последовала опера герцога Эрнста II Саксен-Кобург-Готского «Santa Chiara». Согласно либретто этой оперы при попытке Алексея отравить нелюбимую жену, Шарлотта благодаря помощи придворного врача осталась в живых и после отпевания, ей удалось никем незамеченной выбраться из склепа, тайно бежать из Петербурга и поселиться в окрестностях солнечного Неаполя, в Резине (сегодня Эрколано, по древнему Геркулануму), где она вела благочестивую и праведную жизнь. Местные люди преклонялись перед ней как святой, и называли ее святой Кларой (Santa Chiara)⁹.

Надо сказать, что Цшокке не был первым, который опубликовал легенду о Шарлотте. Еще в 1777 г. о ней поведал французский офицер Жан Бернар Боссу (Bossu), рассказывая о своем путешествии в Новый свет¹⁰. Интерес представляет в этой связи факт, что в первом издании его труда (1768) ни словом не упоминается о бегстве принцессы Шарлотты из Петербурга и о ее жизни в Париже и Луизиане. Видимо, ко времени подготовки книги к печати автору еще не была знакома эта легенда, и он услышал о ней лишь после 1768 г. Сравнительный текстологический анализ произведений Цшокке и Боссу обнаруживает прямые заимствования в повествовании и показывает, что Цшокке был знаком с трудом Боссу.

⁷ Ibidem. P. 42

⁸ Франсуа-Ксавье Мартен (Francoise-Xavier Martin) в «History of Louisiana» и Альберт Пикетт (Albert Pickett) в «History of Alabama».

⁹ Подробнее об опере «Святая Клара» см. в: *Шварц И.* «Исследования о Петровской эпохе» (в печати).

¹⁰ *Bossu J.B.* Nouveaux voyages dans l'Amérique septentrionale etc. Amsterdam, 1777.

Американский германист Роберт Кларк, который шел по следам создания легенды, выяснил, что еще Вольтер активно интересовался происхождением этой истории¹¹. Как почетный член Петербургской академии наук (с 1746 г.) он получил заказ от российского правительства написать биографию Петра Первого. По поручению императрицы Елизаветы Михаил Ломоносов и Иван Шувалов должны были снабдить его с материалами и источниками. Работая над вторым томом «*Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand*», Вольтер столкнулся со слухами о проживающей в Европе принцессе, придя к выводу, что за ними стоит самозванка. Вольтер собирался написать в Версаль и обо всем разузнать. Позднее в переписке с графом Шуваловым, а также со своей племянницей мадам де Фонтент и с писательницей графиней Бассевиц¹² он делится своими впечатлениями от этого анекдота и желанием сделать из сюжета больше, так как «история о русской принцессе весьма увлекательна» и «он был бы безутешен, если бы эта история осталась только сюжетом для романа»¹³. Впоследствии Вольтер отказался от этой идеи, опубликовав только короткое сообщение во втором томе «*Histoire*» о браке Шарлотты, но не упоминая ни словом легенду¹⁴. В более позднем письме (2 июня 1776 г.) к мадам де Сен-Жульен он сообщал, что ходят слухи о принцессе, будто бы она убежала в Швейцарию¹⁵.

Таким образом легенда о Шарлотте–Кристине Брауншвейг–Вольфенбюттельской приобрела еще одну — швейцарскую — версию. Видимо под влиянием актуальных политических событий сюжет фабулы часто менялся, некоторые элементы исчезали и заменялись другими, появлялись новые географические места и новые акценты, но сама легенда о принцессе продолжала жить, распространяться и поражать воображение людей.

¹¹ Clark R.T. The Fusion of Legends in Zschokke's "Prinzessin von Wolfenbüttel" // The Journal of English and Germanic Philology. 1943, 42/2. P. 187–188.

¹² Сабина Элизабет Ольгард фон Бассевиц (Sabine Elisabeth Oelgard von Bassewitz ; 1716–1790) — немецкая писательница.

¹³ [Voltaire]. Oeuvres completes de Voltaire. Paris, 1837. P. 122.

¹⁴ [Voltaire]. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand. Paris, 1765. P. 133.

¹⁵ Clark... cit. P. 188.

*Михаил Вадимович Бибииков
Александра Михайловна Бибиикова*

**ВЫПУСКНИКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ИТАЛИИ (1913 год):
из дневниковых записей Ф.М. Кригера**

В самом начале XX века образовательно–ознакомительные поездки в Италию стали в России довольно распространенным явлением не только среди высшей аристократии, какими такие вояжи были в начале — середине XIX в., но и среди представителей различных слоев среднего класса, став доступными для учителей, университетских преподавателей, врачей, магистрантов, выпускников и студентов университетов, причем не только столичных¹. В такой поездке в июне 1913 г. участвовал и наш дедушка (для А.М. Бибииковой — прадедушка) Федор Морицевич Кригер со своим братом Романом. Оба они только что закончили в Москве с отличием университетский курс — Ф. Кригер на юридическом факультете, Р. Кригер — в сельскохозяйственной академии.

Ф.М. Кригер в поездке вел краткие дневниковые записи, которые по возвращении в Москву обработал, а уже в зрелом возрасте в середине 1970–х годов отредактировал². Кроме того

¹ *Giustino A.* Il mal d'Italia. Un viaggio alla ricerca de se dei pensatori Russi tra '800 e primi del'900 // *Russia — Italia: Incontri culturali e religiosi tra '700 e '900 / A cura di Andrea Milano e Michail Talalay.* Mosca, 2013. P. 59–71 (рус. пер. — с. 74–84); *Sgambati E.* Annotazioni sul viaggio in Italia di A. Belyj (1880–1934) // *Ibidem*, p. 81–93 (рус. пер. — с. 95–106).

² *Кригер Ф.М.* Воспоминания. 1900–1978. М., 1978 (машинопись). С. 54–121 («Месяц в Италии»), 122–126 («Встреча с Горьким на о. Капри»).

он делал зарисовки, по которым вскоре написал портреты и жанровые картины³ (в дальнейшем, в советское время он отошел от юриспруденции, сосредоточившись в своей деятельности на изобразительном искусстве). В ходе поездки на о. Капри состоялась встреча русской молодежи с жившим тогда там Максимом Горьким.

Отрывки из этих воспоминаний и предложены для публикации. К статье прилагается биографическая справка о жизни и творчестве Ф.М. Кригера (1891–1981). В память об описываемой поездке в нашей семье хранится «Путеводитель по Европе»⁴, с которым братья–выпускники путешествовали в последний предвоенный год. Больше побывать за границей никому из них не пришлось.

Публикация

Федор Морицевич Кригер
ВСТРЕЧА С ГОРЬКИМ НА о. КАПРИ

*Тут на меня наставник поглядел
И произнес приветливо и ясно: —
«Кто понял всё, тот слушал не напрасно».*
(Данте. Божественная комедия. Ад. Песнь XV)

Июнь 1913 года.

Первая в это лето группа русских образовательных экскурсий итальянского маршрута жизнерадостно совершала свой путь по стране Данте и Петрарки.

Уже миновали безбрежные лагуны Венеции с ее каналами и дворцами, овеванными воздухом, воспитавшим лучших колористов мира; в ушах еще не отзвучали напевы ночных серенад на лагуне.

³ Об эпизодах этой поездки см.: *Богат Евг.* «Неинтересный человек» // Литературная газета. 1978, 11 января. № 2. С. 12.

⁴ *Филиппов С.Н.* Западная Европа. Спутник туриста. М., 1912. С. 49–144 («Италия»).

Флоренцию, дивную Флоренцию, всю насыщенную крепким, бодрящим гением Возрождения, мы с сожалением оставили позади.

И Рим, грандиозный «Вечный город», щедро одаривший нас восторгами любования его сокровищами, уже с благодарностью покинут нами. Мы в Неаполе.

После осмотра музеев, Помпеи и поездки в Поццуоли, наша группа переплывала Неаполитанский залив, мимо Везувия и Сорренто, туда — на о. Капри.

Для русского человека, совершавшего культурное паломничество по Италии, это был не только красивый остров, интересный своими живописными гротами, крепостью Барбароссы или руинами Тиберия. С представлением о Капри неразрывно связывалась мысль об изгнаннике Горьком, заброшенным «независящими обстоятельствами» и болезнью на этот островок Средиземного моря, далеко-далеко-далеко от своей родины.

Мы вступали на каменистый берег Капри с чувством благоговения перед землею, приютившей русский талант, рожденный недрами народного творческого гения и обреченный на разлуку со своей страной.

В дни краткого пребывания на Капри наша мысль непрестанно обращалась к незримому Горькому, присутствующему где-то здесь, в одном из белых домиков, притулившихся в седловине острова, среди зелени виноградников и лимонных деревьев.

Мы не осмеливались пойти к Горькому без зова, так как были уверены, что и без того его утомляют незадачливые россияне, слоняющиеся по Италии и считающие своим туристическим долгом навестить писателя. Но как бы хотелось встретить его, увидеть хотя бы издали...

Неожиданно наше общее затаенное желание осуществилось, и в большей степени, чем мы могли надеяться.

В один из южных теплых вечеров, когда на темном небе Италии так необычно ярко звезды, наша группа была приглашена, по инициативе «Русского общества на Капри», для встречи с М. Горьким.

Приближаясь к вилле по каменным ступеням темных улиц — аллеек, мы услышали чье-то нездоровое покашливание. Все переглянулись, так как знали, что последнее время Горький недомогал.

На пороге ярко освещенной просторной комнаты нас сразу охватила атмосфера чего-то родного. Прежде всего мы были обласканы

немногочисленными русскими каприйцами, собравшимися к приходу «Русского каравана», как итальянцы приветливо называли бродившие по их городам экскурсии русских учителей и студентов. Но было еще что-то в самой обстановке комнаты, сообщавшее ей подлинный московский уют. И вдруг всё объяснилось: на столе весело шумел гостеприимный самовар. Вся наша компания, отвыкшая за недели скитаний по отелям и трактирам от чая, была приятно обрадована: Капри, лазоревый грот, тарантелла и... фыркающий тульский самовар, предвещающий настоящий русский чай.

Во время нашего суматошного знакомства с каприйцами из глубины балкона вошел в комнату кто-то высокий, чуть сутулящийся, скромный, и начал молча здороваться. Мы сразу узнали Алексея Максимовича, хотя внешний облик его уже отличался от популярных в 1905–1907 годах изображений Максима Горького в русской блузе и с непокорной шевелюрой.

Первые минуты разговор не вязался. Мы с затаенным волнением отвечали на вопросы Алексея Максимовича. А вопросов он задавал много, и один серьезнее другого. По ним было видно, как человек стосковался по родному воздуху России, и общением с ее молодежью хочет прикоснуться к родной почве.

В наладившейся понемногу беседе обнаружилось взволнованное отношение Горького к известиям, доходившим с Родины, доживавшей в то время настроения, рожденные политической реакцией, последовавшей за 1905 годом.

В разговоре об общественной жизни в России было упомянуто и об эпидемии самоубийств, незадолго перед тем отмеченной в городах страны.

По поводу этого показателя снижения в русской интеллигенции воли к жизни Горький заметил, что он отказывается понять столь длительную деморализацию русского общества, хотя не только не закрывает глаза на российскую действительность, но, наоборот, из чужой земли отчетливее видит и острее представляет себе те исключительные условия, в которые поставлена страна.

Горький не мог спокойно говорить о многообразных признаках общественно-политической и моральной дезориентации интеллигенции, в частности учащейся молодежи; о самоубийствах, о некультурности народа и о растущем пьянстве.

– «Вы только подумайте: русский народ темен и нищ, а ежегодно выпивают водки на 800 миллионов рублей. Ведь этот алкоголь переливается и в будущие поколения. На этой пропитанной водкой почве вырастут хулиганы и хулиганство, как общественное бедствие, если русская интеллигенция не очнется, не будет бороться с бескультурьем...»

Сколько трепетной любви к России и страха за ее народ было в этих словах Горького, и каким убийственным осуждением политического режима они звучали, строившего свое призрачное благополучие на зыбкой почве «пьяного» бюджета...

И всё же Горький не хотел согласиться, что так уж безнадежна действительность и так безысходна тоска честного русского человека.

– «Нет, это мы сами, русские обыватели, распустили себя: ноем и любуемся своей скорбью». По-видимому, подчеркнуто-пессимистические высказывания некоторых экскурсантов произвели отрицательное впечатление на Горького, и он вдруг преобразился. Алексей Максимович начал говорить, — говорить убеждающе, проникновенно, с такими мягкими интонациями и озарявшими лицо улыбками, сквозившими из-под суровых нависших усов.

Горький говорил о необходимости русской интеллигенции сбросить наконец эту апатию, понять свою ответственность перед историей и обратиться лицом к жизни, к нуждам страны.

– «Да, было тяжело, иногда невыносимо тяжело, но всё же впереди должна быть жизнь деятельная, целеустремленная. А главное, — есть еще яркое, горячее солнце. И хорошая же это штука — солнце! Право: проснувшись как-нибудь утром, взгляните в раскрытое окно на залитую светом вечно живую природу, сбросьте с себя лень и бодро примитесь за создание новой жизни...»

В Горьком как будто проснулся творец «Буревестника». Он звал нас к жизни активной, к работе творческой, которой непочатый край в нашей большой и такой безалаберной России.

Все с вниманием слушали Алексея Максимовича. Его вдохновенные призывы писателя-жизнелюбца вызывали ответное радостное чувство красоты жизненной борьбы и сознание ее непреходящего гражданственно-целеустремленного смысла и значения.

Не хотелось уходить, хотя было уже за полночь.

Мы расставались с Алексеем Максимовичем... Возвращаясь из ярко освещенной комнаты в ночной мрак, еле рассеиваемый мерцанием

далеких звезд, мы уносили с собой чувство сыновней любви к страждущей России, уныло раскинувшейся где-то там, на севере, к ее многомиллионному народу, ждущему часа своего Возрождения.

И русская действительность стала теперь казаться не такой беспроблемной, и снова затеплилась вера в грядущее обновление родной страны...

А ранним утром, когда из-за Везувия блеснули первые лучи солнца, и озарив море и горы, залили их трепетным теплом, мы с грустью покидали Капри*.

Приложение

ФЕДОР МОРИЦЕВИЧ КРИГЕР

Родился 6 апреля 1891 г. в семье военного юриста Морица-Эдуарда Кригера, происходившего из потомственных дворян — немецких колонистов рубежа XVIII–XIX в., обосновавшихся в Москве в районе Маросейки, где селились многие из переселенцев. Мать — Фаина Васильевна Булатова — происходила из мелкопоместных дворян. В семье вслед за Федором родились младшие сыновья Роман и Виктор и дочь Маргарита. В начале XX в. семья обосновалась в Замоскворечье (угол Большой Ордынки и Климентовского пер.). Выпускник Омского кадетского корпуса, Ф.М. Кригер поступил в Московский университет (совр. МГУ им. М.В. Ломоносова) на юридический факультет, который окончил с дипломом 1–й степени в 1914 г. Параллельно в студенческие годы (1910–1914) посещал частную художественную школу известного живописца Василия Никитича Мешкова, будущего народного художника РСФСР. К раннему периоду творчества относятся рисунки родственников и пейзаж «Пристань на Иртыше и кладбище». Первый студийный этюд Ф.М. Кригера — «Вид на Пашков дом и храм Христа Спасителя» (масло, два варианта)

* Укажем новейшие публикации о Максиме Горьком и его окружении на Капри: Чони П. Горький – политик. СПб.: Алетейя, 2018; Летопись жизни и творчества М. Горького в Италии: Капри (по материалам Архива А.М. Горького) / под ред. М.А. Ариас-Вихиль. М.: Лексрус, 2020; Maksim Gor'kij. Ideologie russe e realtà italiana / a cura di M. Böhmig e L. Tonini. Roma: Universitalia, 2020. — *Прим. ред.*

написан в студии В.Н. Мешкова. Учеба в школе В.Н. Мешкова и образ его руководителя запечатлелись в Воспоминаниях Ф.М. Кригера (1900–1978) (машинопись, 191 стр., хр. в ОПИ ГИМ). К студийному периоду (1910–1914, 1917–1918) относятся два Портрета отца (пастель и масло), Портрет брата Романа, Автопортрет в форме прапорщика, студийные портреты — «Старуха», «Натурщица», «Солдат («Погоны сняли...»)», этюд «Извозчик» (всё — масло), композиция «У М. Горького на Капри» (карандаш, белила) и др.

Со второй половины 1914 г. Ф.М. Кригер находился на военной службе, где его и застало начало Первой мировой войны. С небольшими перерывами он оставался на фронте в армии, — сначала российской, а с 1918 г. — в Красной армии. Здесь оказалась востребованной его квалификация художника: с 1918 г. он служил в Высшей школе военной маскировки РККА (далее — ВШВМ), где вел преподавательскую работу, печатал статьи по проблемам военной маскировки в журналах «Военный вестник» (М., 1922, № 9–10. С. 19–22; № 14. С. 13–15, 50; № 15–16. С. 40–42; 1923, № 19. С. 23–24), «Красный маскировщик» (М., 1923, № 13. С. 4–6, 9–10; № 14. С. 15–22; 1924, № 16. С. 4–6; № 17. С. 15–17), входил в состав редколлегии журнала «Красный маскировщик», подготовил и издал «Военно-маскировочный сборник» (М., 1923), написал и опубликовал несколько пособий («Памятка по методике маскировки», М., 1924; «Маскировка», М., 1925 и др.). В этот период руководил также занятиями Студии кружка художников ВШВМ и др. После выхода в отставку с военной службы в 1925 г. Ф.М. Кригер некоторое время работал в качестве юриста в различных организациях г. Москвы, а с начала 1930–х гг. полностью сосредоточился на художественном творчестве.

В работах 20–х — начала 30–х гг. он достигает высшего портретного мастерства, его пейзажи проникнуты лиризмом и экспрессией, художник создает сюжетные композиции, натюрморты, карикатуры, зарисовки: это — прежде всего, два портрета жены, детские портреты дочери Татьяны (сидящей в кресле и стоящей в рост), портрет приемного сына; пейзажи: «Окрестности Тарусы», «Мост и кузнеца в Угличе», «Особнячок в Угличе», «Кони на выпасе»; натюрморт «Сирень» (всё — масло). Также художник занимается книжной иллюстрацией, в частности создаёт 105 графических работ к изданию стихов Д. Бедного (М., 1923) и мн. др. С начала 1930–х гг. Ф.М. Кригер

работает по договорам художником в художественных организациях Москвы, пишет для Художественного фонда, по заказам музеев страны. Особой страницей его творческой жизни стало сотрудничество с Центральным антирелигиозным музеем Москвы, который со временем влился со своими фондами в Музей религии и атеизма в Ленинграде (ныне — Музей истории религии в С.–Петербурге). По заказам Музея Ф.М. Кригер создал несколько сюжетных полотен, которые заняли затем место в экспозиции, размещавшейся в здании Казанского собора. Сохранилась Справка Музея от 26 февраля 1964 г. со списком всех работ Ф.М. Кригера, хранившихся в то время в экспозиции и фондах Музея (перечислены 22 картины и подготовительных этюда). В 1970–х гг. в экспозиции можно было увидеть такие работы, как «Охота на мамонта», «Человеческие жертвоприношения на Таити», «Стойбище австралийцев», «Осада Далматовского Успенского монастыря пугачевцами».

Ф.М. Кригер работал над сюжетными картинами серьезно и тщательно, досконально изучая материал и натуру, когда это было возможно. Для этого он ездил в творческие командировки–экспедиции — в Зауралье в Западной Сибири на место Далматовского монастыря (1937) для работы над «Осадой Далматовского монастыря», в Удмуртию (1941) для работы над картиной «Мултанское дело» и др. Помимо хранящихся поныне в Музее истории религии в С.–Петербурге работ — картин и этюдов Ф.М. Кригера, сохранились такие его живописные произведения этого периода (1932–1941), как первый вариант (в дальнейшем измененный) «Охоты на мамонта», серия этюдов персонажей к «Осаде Далматовского монастыря», включая первый вариант (гуашь) композиции картины, затем значительно переработанной и проч. Авторское повторение «Осады Далматовского монастыря» выполнено позже по заказу Челябинского областного музея. Помимо живописных работ, Ф.М. Кригер подготовил исследовательский реферат об истории монастыря, особенно в период Пугачевского восстания (Кригер Ф.М. Воспоминания. 1900–1978. С. 146–177. Машинопись // ОПИ ГИМ). В ноябре 2019 — феврале 2020 гг. работы Ф.М. Кригера были представлены на выставке «Удмуртия: материалы экспедиций» в Музее истории религии.

В 1941–1942 гг. Ф.М. Кригер находился в действующих войсках, участвовал в Великой Отечественной войне. В самом конце 30–х —

начале 40–х гг. Ф.М. Кригер активно занялся преподавательской работой в студиях рисунка и живописи художественной самодеятельности. После демобилизации и возвращения в Москву он вновь приступил к этой деятельности. Сначала его учитель В.Н. Мешков предложил ему оставляемое им самим место руководителя изостудии Дома ученых Академии наук, а затем по его рекомендации Ф.М. Кригер был приглашен Московским университетом им. М.В. Ломоносова руководить изостудией Дома культуры МГУ. Работе изостудии МГУ (1945–1976) посвящены как том воспоминаний самого Ф.М. Кригера («Изостудия Московского университета. 1945–1976». 141 стр. Машинопись с прил. фотоматериалов и каталогов выставок // ОПИ ГИМ), так и воспоминания студийцев (например, Е.А. Загорской в кн.: «Новоселье биологов МГУ на Ленинских горах» / Сост. Л.И. Лебедева. М., 2011. С. 504–507, илл.). Помимо регулярных занятий в студии, летом Ф.М. Кригер со студийцами выезжали на практику — в Подмоскowie (Архангельское, Абрамцево, Мураново, Теряевскую слободу под Новым Иерусалимом и др. — ежегодно), в Холмогоры (1953 г.), в усадьбно–парковое хозяйство Тростянец (1960), в Ульяновск и Казань (1966) и др. Особенно памятной для всех была поездка в Архангельск и Холмогоры — на родину М.В. Ломоносова в канун юбилея Московского университета. Сохранился Каталог выставки работ студийцев — по материалам этой практики. Вообще организация ежегодных выставок была правилом работы изостудии. Сам Ф.М. Кригер не прекращал активно работать: в 50–х — 60–х гг. им созданы такие работы, как «Автопортрет», «Портрет внука», «Дом в г. Рыльске», натюрморт «Весенний букет» и др. Параллельно Ф.М. Кригер сотрудничал с Всесоюзным заочным университетом искусств, где вел консультации по отделению рисунка и живописи. Там им, кроме того, были написаны и изданы пособия «Тематическая картина и порядок работы над ней» (М., 1954), «Рождение картины» (1958), а также главы коллективного учебника «Рисунок и живопись» для художественных училищ.

Ф.М. Кригер продолжал работу в изостудии МГУ вплоть до 1980 г., когда он в возрасте 89 лет решил уйти на пенсию. В связи с этим был снят фильм о нем, показанный по Центральному телевидению. Скончался 18 октября 1981 г., похоронен на Даниловском кладбище Москвы.

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

*Анатолий Александрович Чернобаев
Наталья Геннадиевна Терехова*

АНТАНТА, КОМИНТЕРН И ПОЛЯРИЗАЦИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

Гражданская война в России — сложное, безусловно трагическое явление, оказавшее огромное влияние на XX век, которое, несмотря на значительное количество работ, ему посвященных, рано еще считать полностью изученным. Одним из белых пятен остается проблема участия итальянцев в столь важных исторических событиях. Как показало исследование, проведенное авторами, речь идет об итальянцах, проживавших и работавших в России, о тех, кто прибыл в составе воинских подразделений, тех, кто занимался пропагандой в защиту большевиков в итальянской печати, активно действуя в итальянской секции Коминтерна, а также об их оппонентах, входивших в высшие политические и деловые круги Италии, о парламентариях, дипломатах и членах правительства. Не претендуя на исчерпывающее изложение данной темы, авторы представляют на суд читателей малоизвестные, порой забытые, но весьма примечательные и содержательные страницы нашей общей истории.

14 июля 1919 г. накануне подписания Версальского договора¹ в Палате депутатов Королевства Италии выступил только что

¹ Версальский договор был подписан в ходе Парижской мирной конференции, о позиции Италии см.: *Зонова Т.В.* История внешней политики Италии. М., 2016. С. 73–76. В целом по проблеме см.: *Хормач И.А.* Россия и

назначенный главой правительства Франческо Нитти². Его премьерство было кратким, с конца июня 1919 г. по июнь 1920 г., но весьма значимым в том, что касалось объема и сроков участия одной из ключевых держав Антанты в военных действиях против Советской России.

В своей речи Ф. Нитти, вопреки общему настроению, царившему в стране, привлек внимание к тяжелому послевоенному экономическому и финансовому положению Италии и, обратившись к парламентариям — социалистам, участвовавшим в подготовке всеобщей забастовки солидарности с коммунистической Венгрией³ и социалистической Россией, призвал: «Нет — забастовкам, сокращению работ, беспорядкам. Я не хочу говорить неприятные вещи, но пускай услышит рабочий класс, что новые жертвы должны принести без исключения все». Далее он продолжил: «Недавно было объявлено о проведении в Италии всеобщей забастовки в поддержку одного политического движения. Я думаю, и позвольте мне сказать это, мои досточтимые коллеги, что Италия должна стать единственной страной, где эта забастовка не должна произойти. Какой основной мотив этой

Парижская мирная конференция. Новая и новейшая история. № 2. 2018. С. 84–112; Версальско–Вашингтонская международно–правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939. М., 2011.

² Нитти Франческо Саверио (1868–1953) — член т.н. «радикальной» партии (левые либералы), по образованию юрист, работал журналистом, преподавал политическую экономию и финансы в Неаполитанском университете. В 1891 г. опубликовал работу «Католический социализм». Депутат парламента, затем министр сельского хозяйства, торговли и промышленности, был также министром финансов, колоний, а также внутренних дел. Будучи в оппозиции к фашизму, в знак протеста против прихода к власти Б. Муссолини отказался от депутатского мандата, после усиления деятельности фашиствующих группировок эмигрировал. В Париже стал одним из лидеров антифашистского сопротивления. Несколько его работ были напечатаны в России до и после 1917 г. Так, одна из них — «Европа над бездной» (в другом переводе «Вырождение Европы»), — в 1923 г. переиздавалась на русском языке трижды.

³ Венгерская демократическая (народная) республика возникла 13 ноября 1918 г. после отречения от престола Карла I, кайзера Австрии и короля Венгрии. Вскоре, 21 марта 1919 г., была провозглашена Венгерская советская республика, просуществовавшая 133 дня и разгромленная румынскими войсками.

забастовки? Рабочий класс испытывает глубокое беспокойство (будем говорить здесь языком правды); он считает, что коммунизм в России и Венгрии, который мы ненавидим, а некоторые слои рабочих любят (и их чувство справедливо, поскольку каждый думает, как ему хочется), мы хотим задуть, и что мы готовы вмешаться для уничтожения коммунистических форм правительств. Я лично (и разрешите мне так думать) считаю, что большевизм — азиатская болезнь, которая никогда не приживется в Италии; я не беспокоюсь также и потому, что считаю большевизм нежизнестойким даже в странах, где он родился. В любом случае, русские и венгры имеют право делать то, что хотят, и итальянское правительство считает невозможным вмешиваться для подавления движений, которые возникли в России и в Венгрии»⁴. Речь премьера была прервана выкриками с мест и обвинениями правительства в аморальности.

На эти выпады последовал ответ Нитти: «Не будем говорить о морали; ведь и царский режим был аморальным, основанным на насилии и крови. Ужасные ссылки в Сибирь не были, конечно, моральными поступками. Однако же мы никогда не думали выступить против царя. Таким образом, думаю, как глава правительства, что в этот момент мы должны воздержаться от любого действия против Венгрии или России, даже если эти страны имеют правительства, которые настроены по отношению к нам неблагоприятно»⁵.

Затем премьер объявил о важной инициативе: «Так как цели, которые мы ставили при оккупации зарубежных территорий, отпали, мы решили вывести все наши войска, находящиеся за границей. Это заявление представляется достаточным для того, чтобы отказаться от любой попытки провести всеобщую забастовку»⁶.

Забастовка, тем не менее, была проведена⁷ и, по мнению итальянского историка Джорджо Петракки, «представляла собой

⁴ СССР–Италия. Страницы истории 1917–1984. Документы и материалы / Под ред. Громько А.А., Адамишина А.Л., Андреотти Дж. и др. М., 1985. С. 11.

⁵ Там же.

⁶ Указ. соч. С. 12.

⁷ Любин В.П. Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники, 1892–2006 гг. М., 2007. С. 205.

аномалию», т.к. рабочие и профсоюзы других стран Антанты, правительства которых не отзывали свои контингенты, не стали ее проводить⁸. Но всё, что требовалось для выполнения обещания по возврату итальянских военных, Нитти последовательно, преодолевая сопротивление, исполнил. Принятое им решение не разделялось кругами генералитета, дипломатами, и, вероятно, королевским двором. Вопреки распоряжениям Ф. Нитти ставку генерала Деникина посетил Его высочество принц Удине, принятый с высокими почестями, а итальянская военная миссия оставалась при ставке Деникина до апреля 1920 г. Ее глава называл русского генерала выдающимся человеком, призванным «освободить народ от тирании, как это сделал Гарибальди». Итальянскому правительству пришлось задействовать органы цензуры, чтобы подобные заявления не просочились в прессу.

В 1975 г. появилась специальная работа, автор которой отдавал должное Франческо Нитти, совершившему поворот в итальянской политике по отношению к Гражданской войне в России, пересмотрел подходы к ней предыдущего итальянского правительства⁹. Отечественными исследователями также было признано, что Ф. Нитти «отказался от посылки военного экспедиционного корпуса на Кавказ, сделав ставку на установление отношений с Советской Россией»¹⁰.

* * *

Иной была политика итальянского правительства ранее. После того, как в 1918 г. союзники пришли к согласию относительно высадки войск в Мурманске и Архангельске, Италия, будучи одной из четырех держав-победительниц, приняла в этой операции участие, которое не было значительным численно, но всё же сыграло свою роль с военной точки зрения.

⁸ *Petracchi G.* La Russia rivoluzionaria nella politica italiana 1917–1925. Roma–Bari, 1982.

⁹ *Serra E.* Nitti e la Russia. Bari: Dedalo, 1975.

¹⁰ *Зонова Т.В.* Указ. соч. С. 76.

В.И. Ленин придавал большое значение агитационным мероприятиям среди иностранных военных: широко известна деятельность большевиков, развернутая в Одессе среди французских экипажей военных кораблей¹¹. Для работы с итальянским контингентом было сочтено необходимым вызвать из Италии знакомого большевикам по швейцарской эмиграции социалиста Франческо Мизиано¹². Харизматичный уроженец Калабрии обладал всеми необходимыми данными для этой деятельности — живым общительным характером, даром убеждения, красноречием. Внук революционера так описывает этот период в биографии деда: «Осенью 1918 г. он принимает предложение Советского правительства организовать пропагандистскую работу среди итальянского воинского контингента, высадившегося в Мурманске. Тогда же в протоколе заседания Президиума ВЦИК от 11 октября 1918 г., подписанного Я.М. Свердловым, появилась запись: "Слушали: 2. Заявление итальянского гражд. Мизиано Франческо о желании

¹¹ Одной из самых ярких фигур этой деятельности была член Иностранной коллегии при Одесском обкоме КП(б)У француженка Жанна Лябурб (1877–1919), служившая до революции гувернанткой в провинциальной русской семье, а также ставший позднее одним из крупных деятелей Коминтерна Андре Марти (1886–1956). Благодаря проведенной ими агитации «в духе интернационала и мировой революции» военнослужащие французского корпуса отказывались воевать против большевиков, таким образом, удалось подготовить восстание на французских судах, стоявших в черноморских портах. Оба они были выявлены французской контрразведкой и арестованы, Лябурб расстреляна и захоронена на одном из одесских кладбищ. См.: Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М., 1967.

¹² Мизиано Франческо (1884–1936) — уроженец Калабрии, профсоюзный деятель, по некоторым данным состоял в масонской ложе, публицист, пропагандист, один из основателей компартии Италии. По образованию бухгалтер. Из-за преследований фашистов был вынужден эмигрировать в СССР, где стал успешным кинопродюсером. В середине 1930-х гг. был обвинен в троцкизме, снят с работы, хлопотал об отправке в Абиссинию для проведения контрпропаганды среди итальянских военных, но получил отказ. Скончался в Москве в возрасте 52 лет. Подробную биографию см.: *Пьерони Бортолотти Ф.* Франческо Мизиано. Жизнь интернационалиста. М., 1981.

перейти в Русское Гражданство. Постановлено: Заявление удовлетворить"»¹³.

В течение нескольких месяцев 1918 г. союзниками предпринимались значительные усилия с тем, чтобы убедить США дать согласие на интервенцию в Сибири, за которую выступали Франция, Италия и Великобритания. «Формула, разблокировавшая решение об интервенции, была предложена министром иностранных дел Италии Сиднеем Соннино¹⁴. Она заключалась в трех пунктах: 1. Сохранение территориальной целостности России; 2. Невмешательство в ее внутренние дела; 3. Смещение боевых действий как можно дальше на Запад. Нота с этими предложениями была направлена в Японию. Там ответили, что считают для себя возможным продвижение только до Иркутска и при условии согласия со стороны США. С этого момента усилия союзных дипломатов были направлены на убеждение американской стороны. Из всех аргументов один оказал решающее влияние на Вильсона¹⁵ и заставил его изменить свое отношение: восстание Чехословацкого корпуса, двигавшегося по Транссибирской магистрали в сторону Владивостока. Американское общественное мнение открыто симпатизировало чехам,

¹³ *Мизиано А.В.* Дом Мизиано (сугубо семейные заметки) / Россия и Италия. Вып. 6. Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней / Отв. ред. Е.С. Токарева, М.Г. Талалай. М., 2015. С. 385—386.

¹⁴ Соннино Сидней (1847—1922) — правый либерал, дважды был премьер-министром Италии, с октября 1917 по июнь 1919 гг. занимал пост министра иностранных дел. Его роль в определении степени участия и целей интервенции в Россию велика. Принял в Риме Б. Савинкова, который вручил ему меморандум о ситуации в России и перспективах участия союзников в Гражданской войне. О деятельности Б. Савинкова в Италии см.: *Леонтьев В.Я.* Группа «русских большевиков» в Италии и эмиссары Коминтерна / Русские в Италии: культурное наследие эмиграции / Талалай М.Г., научн. ред и сост. М., 2006. С. 83—84.

¹⁵ Вильсон Вудро (1856—1924) — американский политический деятель, член Демократической партии, дважды избирался президентом США. Преподавал историю, политические науки, был ректором Принстонского университета, губернатором штата Нью-Джерси. Автор известных «Четырнадцати пунктов», направленных на мирное урегулирование послевоенной ситуации, один из инициаторов создания Лиги Наций. Лауреат Нобелевской премии мира 1919 г.

благодаря деятельности Масарика¹⁶ и пропагандистских комитетов, которыми он руководил»¹⁷. В июле 1918 г. госдепартамент США опубликовал меморандум, в котором выражалось отрицательное отношение США к интервенции, однако при этом оговаривалось, что американские войска будут посланы для помощи в проведении эвакуации Чехословацкого корпуса¹⁸, войскового соединения, сформированного в годы Первой мировой войны из военнопленных чехов и словаков — бывших военнослужащих австро–венгерской армии для борьбы за независимость Чехословацкого государства.

По мнению отечественных историков «согласие на создание ядра будущей национальной армии нового суверенного государства на российской территории дало царское, а затем Временное правительство как противник Австро–Венгрии. <...> Активное участие Чехословацкого корпуса в боевых действиях против большевистской власти начиная с 1918 г., позволило вырасти и окрепнуть силам Белого движения от Поволжья до Дальнего Востока, что придало Гражданской войне невиданные до того размах и ожесточенность»¹⁹. Сохранилась переписка, в которой один из белых генералов сетовал на то, что «союзники на

¹⁶ Масарик Томаш (1850–1937) — чешский политический деятель, педагог, социолог, философ, первый президент Чехословацкой республики (1918–1935). В ряде своих работ развенчивал миф о спасительной миссии России в отношении славянских народов, а также миф о большевистской революции, пресекал попытки вовлечь чехословацкий легион в активное участие в Гражданской войне в России. Организовал программу помощи русским эмигрантам, назвав ее «Русская акция». См.: *Коваль М.Л.* Русско–итальянские общественные связи. М., 1981. С. 20; *Фирсов Е.Ф.* Опыт демократии в ЧСР при Т. Масарике: коалиционный плюрализм (1928–1934). М., 1997; *Егорова К.Б.* От «русского вопроса» к «Русской акции» // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 339–357.

¹⁷ *Petracchi G.* Указ.соч. С. 86.

¹⁸ *Салдугеев Д.В.* К вопросу о роли чехословацкого корпуса в развертывании гражданской войны в России // Наука в ЮУрГУ: материалы 63–й научной конференции (апрель 2011). Т. 3. Челябинск, 2011. С. 185–189.

¹⁹ *Салдугеев Д.В.* Чехословацкий корпус и небольшевистские правительства Поволжья, Урала и Сибири: проблемы взаимоотношений 1918–1920 гг. Челябинск, 2006. Диссертация.

востоке ориентируются исключительно на чехов и от них получают всю информацию»²⁰. В депеше от 20 ноября 1918 г. речь идет о той горечи, которую испытывал генерал М.В. Алексеев²¹ по поводу отказа «проф. Масарика» присоединиться к Добровольческой армии, считая это «изменой России и Славянству»²².

Таким образом, несколько причин, — опасения союзников в том, что немцы отрежут Архангельск и Мурманск и завладеют материальными запасами, скопившимися в этих портах за годы поставок царскому правительству со стороны союзников, неожиданное выступление «чешского легиона», а также давление, которое оказывал итальянский дипломатический представитель в России Делла Торретта²³, настаивая на том, что «русская политика» Королевства должна, наконец, стать приличествующей «великой державе», привели к тому, что министр Соннино и премьер Орландо выступили за участие Италии по всем фронтам в надежде на преимущества, которые в свое время «получил Кавур²⁴, когда направил небольшой контингент пьемонтцев в Крым»²⁵.

В июле 1918 г. Италия учредила Экспедиционный корпус на Дальнем Востоке (CSEO, *Corpo di Spedizione in Estremo Oriente*). Это были 1300 человек, входившие в батальон 85-го пехотного

²⁰ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 163. Л. 4. Доклад генерала Гришина 30 ноября 1918 г.

²¹ Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) — генерал от инфантерии, во время Февральской революции выступил за отречение императора, своими действиями способствовал принятию Николаем II этого решения. В годы Гражданской войны — активный участник Белого движения, один из создателей и Верховный руководитель Добровольческой армии.

²² РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 163. Л. 58.

²³ Делла Торретта Пьетро (1873–1962) — дипломат, маркиз. Прибыл в качестве коммерческого представителя Королевства Италии в Петроград 18 ноября 1917 г. Член итальянской делегации на Парижской мирной конференции, затем назначен послом в Лондон, министром иностранных дел, сенатором. Был в оппозиции фашизму. В июле 1944 г. стал последним председателем Сената Королевства Италии.

²⁴ В мае 1855 г. Камилло Кавур, будучи тогда председателем Совета министров Савойского королевства, направил в Крым 18 тыс. солдат, объясняя это решение «злосчастной политической конъюнктурой».

²⁵ *Petracchi G.* Там же.

полка, две секции пулеметчиков, один расчет горной артиллерии. Задачи корпуса состояли в охране Транссибирской магистрали от большевиков в пользу белых. Часть корпуса отправилась из Неаполя 9 июля на корабле «Рома», который прибыл в Китай 30 августа 1918 г. Оттуда они добрались до итальянской концессии в Тяньцзине²⁶, где 6 сентября соединились с батальоном ирредентистов²⁷. Так назывались пожелавшие воссоединения с Италией военные австро–венгерских вооруженных сил итальянского происхождения, уроженцы Тироля, Тренто, Далмации, а также области Джулия, взятые в плен русскими. С 1916 по 1917 гг. специально учрежденная итальянская военная миссия выявила 7 тыс. таких бывших пленных. После революционных событий 1917 г. их возврат в Италию по суше был затруднен, и принимается решение собрать всех в Тяньцзине. В апреле 1918 г. они были официально признаны кадровыми военными и вошли в состав вооруженных сил Королевства Италии (*Legione Redenta*)²⁸. С мая по июнь 1919 г. итальянский Экспедиционный корпус совместно с ирредентистами²⁹ и присоединившимся к ним батальоном итальянских добровольцев «Савойя», которым командовал уроженец южноитальянского города Беневенто

²⁶ Тяньцзинь — китайский порт в Бохайском заливе. С середины XIX в. на его территории были учреждены восемь концессий: с 1860 г. — английская, годом позднее — французская, в конце 1890–х гг. — японская и германская, в 1900 г. — российская, затем итальянская, австро–венгерская и бельгийская. Итальянская концессия просуществовала дольше остальных, вплоть до 1947 г., благодаря Анतिकоминтерновскому пакту, к которому Италия присоединилась в 1935 г. До 1919 г. в Тяньцзине существовало отделение почты Российской империи.

²⁷ *Берти Ф.* За кулисами Антанты: дневник британского посла в Париже (1914–1919). М., 2014. С. 321.

²⁸ *Guarasci R.* Cosma Manera e la Legione Redenta. La storia e l'archivio. Roma, 2018.

²⁹ *Caminiti A.* Gli irridenti in Siberia 1918–1920. Storia e documenti inediti degli italiani che fecero il giro del mondo per tornare in patria. Genova, 2012; *De Micheli A.* Tra due divise: La Grande Guerra degli italiani d'Austria. Bari, 2018; русс. пер.: *Де Микели А.* Меж двух мундиров: италоязычные подданные Австро–Венгерской империи на Первой мировой войне и в русском плену / под ред. М.Г. Талалая. СПб.: Алетейя, 2022.

Андреа Компатанджело, до революции имевший в Самаре свою торговую фирму. С началом Гражданской войны он встал на сторону белых и принял участие в боях против большевиков³⁰.

В ходе начавшейся в январе 1919 г. Парижской мирной конференции позиция итальянского правительства была несколько обособленной. В то время как Франция, США и Великобритания рассматривали в качестве основного врага Германию, внимание Италии было сосредоточено на Австро–Венгрии в силу актуализации проблемы «Восточной границы»³¹, которую предстояло определить в связи с возникновением новых балканских государств на территориях, входивших ранее в империю Габсбургов³². Интересам Великобритании, однако, не отвечала передача итальянцам всей Адриатики, поэтому на переговорах прорабатывалась возможность обмена таких предпочтительных для Италии сфер влияния, как Фьюме (Риека)³³ и Далмация, на Закавказье. «На основе Лондонского пакта 1915 г. Италия получила добро Ллойд Джорджа³⁴ на отправку 85–тысячного

³⁰ *Petracchi*. Там же. С. 90; *Mendoza R.* Andrea Compatangelo. Un capitano dimenticato. Roma, 2014.

³¹ В результате распада Австро–Венгрии на восточных границах Италии появилось Королевство сербов, хорватов и словенцев, представители которого в ходе Парижской конференции претендовали на Триест, Горицию, Северную Далмацию, а также на некоторые территории области Венето, населенные славянами. См.: *Зонова Т.В.* Указ. соч. С. 76.

³² На переговорах Италия рассчитывала на получение территорий Фьюме (Риека) и Далмации, но помимо противодействия со стороны Великобритании, возникли разногласия между главой итальянского правительства Орландо и министром иностранных дел Соннино. В результате Италия не получила ничего, что стало травмой для общественного мнения, было названо «искалеченной победой», привело к захвату порта Фьюме итальянскими националистами во главе с Г. д'Аннунцио и выходу на политическую сцену Б. Муссолини во главе движения фашистов.

³³ О проблеме Фьюме см. подробнее: *Зонова Т.В.* Указ. соч. С. 77–79.

См. также статью в нашем сборнике: *Нестерова Т.П.* Габриэле Д'Аннунцио, Альчесте де Амбрис и создание конституции Карнаро (1919–1920). — *Прим. ред.*

³⁴ Ллойд Джордж Дэвид (1863–1945) — английский политический деятель, один из лидеров Либеральной партии, член нескольких кабинетов министров, с целью смягчения социального напряжения инициировал законы

экспедиционного корпуса в отделившуюся от Российской империи Грузию. Его задачей была защита независимости Грузии и поддержка новообразованной Федерации Закавказских республик (Армения, Грузия и Азербайджан)»³⁵. Правительством Королевства в связи с этим были даны два распоряжения: не придавать огласке вопрос о передаче Италии мандата на Закавказье, но при этом послать на Кавказ военную миссию для сбора информации и изучения ситуации. Тем временем крупные промышленники, в том числе представители известной семьи Пирелли³⁶, развивали активную деятельность по внедрению в экономику Грузии, Армении и Азербайджана, провозгласивших независимость. Однако эти интересы итальянских предпринимателей натолкнулись на протест со стороны генерала Деникина, которой обратился с нотой к итальянскому правительству. Он жаловался на неоказание обещанной помощи по экипировке 100 тыс. солдат в обмен на поставки сырья, а также угрожал закрыть побережье Черного моря для итальянских судов³⁷.

В апреле 1919 г. из Таранто в Батум отправилась военная миссия. По результатам ее работы в Италию было сообщено о целесообразности введения итальянских войск в регион,

о повышение налога на роскошь и пустующие земли лэндлордов, о государственном страховании по болезни и нетрудоспособности, а также по безработице. Премьер-министр Великобритании с 1916 по 1922 г. Поддержал военную интервенцию против Советской России.

³⁵ Цит. по: *Зонова Т.В.* Указ. соч. С. 76.

³⁶ Пирелли (Pirelli) — влиятельная семья промышленников в Италии. Начало семейному бизнесу было положено в 1872 г., когда сын скромного пекаря, окончив с отличием факультет физики и математики университета г. Павия, основал в Милане успешное производство автомобильных шин и электрических проводов, став в 1909 г. сенатором, а в 1919 г. президентом Всеобщей конфедерации итальянской промышленности. Советские исследователи подчеркивали, что «в годы Первой мировой войны итальянские монополии значительно обогатились и окрепли. Военные ассигнования, направляемые в первую очередь в тяжелую промышленность, привели к росту мощи ряда частных компаний, захвативших доминирующие позиции в экономике (ФИАТ, «Пирелли», «Монтекатини» и др.)». Цит. по: *Покровский А.Н.* Италия: современные тенденции в экономике. М., 1970. С. 7.

³⁷ *Petracchi.* Указ. соч. С. 131, 132.

подчеркивалось наличие значительных природных ресурсов, прежде всего нефтяных запасов в районе Баку. Итальянские военные эксперты отмечали, что народы Закавказья желают независимости, а не превращения своих стран в составные части новой России, указывали на серьезные противоречия между государствами, возникшими в ходе распада Российской империи, и правительством генерала Деникина³⁸. Глава азербайджанской делегации на Парижской конференции 9 июля 1919 г. сообщал правительству Азербайджана относительно возможного сотрудничества своей страны с Италией: «Сношениям с итальянцами помешало падение Кабинета и нового состава Итальянской мирной делегации. Главным мотивом прихода [итальянцев], если [он] состоится, остается исключительно область экономических выгод, кои, быть может, предоставляются Италии, как компенсация за Фьюме»³⁹.

* * *

Военный корреспондент Арнальдо Чиполла⁴⁰ побывал с итальянской миссией на Кавказе в ставке генерала Деникина, а затем в Одессе с французской экспедицией, действовавшей на Украине. Его репортажи публиковали многие итальянские газеты, один из них, появившийся в туринской «Gazzetta del Popolo»⁴¹, был перепечатан английской «The Daily Telegraph».

³⁸ *Нестеров А.Г.* Мелькиаде Габба, итальянская миссия в Закавказье и независимый Азербайджан в 1919–1920 годах // *Россия и Италия. Вып. 6: Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней* / Отв. ред. Е.С. Токарева, М.Г. Талалай. М., 2015. С. 311.

³⁹ Там же. С. 313.

⁴⁰ Чиполла Арнальдо (1877–1937) — военный корреспондент, названный «итальянским Кипплингом». Писал репортажи из Конго, Сомали, Эфиопии, Ливии, Сербии, Румынии. Автор многочисленных книг о совершенных им путешествиях, а также колониальных романов.

⁴¹ «Гадзетта дель Пополо» (Газета Народа) — ежедневное периодическое издание, основанное в 1848 г. в Турине. В конце 1870–х гг. газета была второй по величине тиража в стране. Накануне Первой мировой войны — одна из пяти крупнейших ежедневных газет, выходивших в Королевстве Италия. Прекратила свое существование спустя 135 лет (1983 г.).

Ее миланский корреспондент Бомон счел, что этот материал «проливает яркий свет на положение дел в России» (док. № 1). Оценки, которые А. Чиполла дал настроениям и атмосфере в рядах белого офицерства, вероятно, также оказали некоторое влияние на принятие решений политиками союзных держав.

В свою очередь предшественник Нитти на посту премьер-министра Витторио Орландо⁴² в марте 1919 г. выразил суть двойственной политики, которой придерживалась Антанта: «В отношении большевиков нами не было предпринято ничего, чтобы могло указывать на ясную и четкую линию: можно было считать их врагами и тогда вести против них боевые действия; можно было допустить существование этого правительства, не признавая его и не борясь с ним. Мы же послали войска в Одессу и в Архангельск, при этом не посмели сделать это в масштабе, необходимом для того, чтобы уничтожить большевизм»⁴³. Эти размышления итальянского политика находят свое подтверждение у В.И. Ленина: «В продолжение трех лет на территории России были армии английская, французская, японская. Нет сомнения, что самого ничтожного напряжения сил этих трех держав было бы вполне достаточно, чтобы в несколько месяцев, если не несколько недель, одержать победу над нами»⁴⁴. Будучи прекрасно информированным относительно ситуации на фронтах, Ленин, однако, не упомянул среди участников интервенции США и Италию (до 12 тыс. и до 3 тыс. военных соответственно), а также свел к среднему значению сроки пребывания британцев и французов (вооруженный контингент которых составлял 30 тыс. и 10 тыс. человек соответственно). Последние оставались на территории бывшей Российской империи в общей сложности около полутора лет, а японская интервенция, осуществлявшаяся

⁴² Орландо Витторио Эммануэле (1860–1952) — итальянский политик, по образованию юрист. Занимал посты министра образования, внутренних дел, министра юстиции. Сторонник вступления Италии в Первую мировую войну в расчете на расширение территории страны. После провала переговоров о присоединении Фьюме к Италии ушел в отставку накануне подписания договора на Парижской мирной конференции.

⁴³ *Petracchi*. Там же. С. 106.

⁴⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. М., 1970. С. 22.

силами 73 тыс. военных, продлилась около четырех лет. Тем не менее, вождь мирового пролетариата дал точную характеристику иностранной интервенции против Советской России, — о «напряжении сил» с тем, чтобы помочь «белым» на фронтах этой «странной»⁴⁵ войны речь не шла.

* * *

Итак, 8 августа 1919 г. итальянский Экспедиционный корпус был отправлен на родину⁴⁶. Местная пресса откликнулась на отъезд итальянских военных весьма теплой редакционной статьей в газете «Свободная Сибирь» (док. № 3), там же было опубликовано открытое прощальное письмо командующего корпусом полковника, барона Фоссини–Камосси⁴⁷ (док. № 2). В газете помещены несколько небольших, но примечательных заметок о повседневной жизни иностранных военных в Сибири. Одна из них называлась «Матч–реванш»: «После первого футбольного матча между командами итальянских экспедиционных войск и 10–го Чехо–словацкого стрелкового полка, в котором чехи победили итальянцев 9:0 (3:0), сыгран в воскресенье 3 августа с.г. матч–реванш, в котором чехи вторично победили 4:0 (2:0). Последний матч, который привлек значительное количество зрителей, как из русской публики, так и из всех союзных частей, пребывающих в Красноярск, был самым лучшим

⁴⁵ *Petracchi*. Там же. С. 108.

⁴⁶ *Paoletti C.* *La Marina Italiana in Estremo Oriente 1866–2000.* Roma, 2000.

⁴⁷ Фоссини–Камосси Альберто (1875–1942) — выпускник Академии военно–морского флота, выйдя в отставку, занялся банковскими и финансовыми операциями. В 1906 г. привлек французский капитал и учредил несколько предприятий по производству синтетического волокна, ставших вскоре весьма высокодоходными. Во время Первой мировой войны командовал военными судами, был назначен начальником отдела береговой охраны, а затем — отдела пропаганды. По возвращении из России вступил в фашистскую партию. Был председателем советов директоров и совладельцем нескольких крупных заводов, признанным лидером промышленной политики, входил в Комитет по корпорациям. В 1925 г. Италия по производству синтетического волокна вышла на первое место в Европе, а в мире — на второе место после США.

из всех сыгранных здесь и оставит, наверное, хорошую память у всех зрителей. Форма итальянской команды, которая подверглась основательной подготовке, была на этот раз значительной высоты. Чешская команда, состав которой несколько переменялся, представила первоклассную игру и взяла заслуженную победу. Особенно интересной была игра во второй половине матча, в которой обе стороны вполне показали превосходные знания этого [вида] спорта. Обе стороны играли остро, но постоянно в дозволенных пределах. Сбор при матче, состоявшийся в пользу Красноярского общества "Сокол", имел хорошие результаты».

Спустя несколько дней в заметке «Доброе дело итальянцев» сообщалось: «Ремонтные работы в Синельниковском приюте, благодаря вниманию командира итальянских войск полк[овника] бар[она] Фоссини–Камосси к нуждам детских приютов и благородного порыва итальянских солдат, быстро приближаются к концу. Итальянцы в свободное от военных занятий время производили штукатурку, починку стен и полов приюта, работая бесплатно. Перед своим отъездом они собирались заново покрыть также и крышу. За это им дети приюта и местные благотворительные организации выражают свою благодарность. О пребывании итальянцев в Красноярске у общества останутся самые лучшие воспоминания». После отъезда итальянцев из города в рубрике «Наши друзья» появилось сообщение: «Итальянский отряд, квартировавший в Красноярске и уехавший на Восток, подарил военному госпиталю 25 кроватей с сетками и, кроме того, продал со значительной уступкой часть оставшихся перевязочных материалов».

* * *

За неделю до отставки глава итальянского правительства Ф. Нитти писал министру иностранных дел о невмешательстве Италии во внутренние дела Советской России и восстановлении русско–итальянских торговых отношений: «Мы не были и не находимся в состоянии войны с Россией. Для нас она — союзник, который не выдержал усилия, превысившего его возможности, и

по причине истощения страдает теперь от ужасов революции... Королевское правительство твердо считает, что союзники не имеют никакого права вмешиваться во внутренние дела русского народа»⁴⁸. Единственное условие, которое он при этом выдвигал в отношении «русских торговых агентов и представителей», — «полностью воздерживаться от любой формы пропаганды большевистских идей»⁴⁹.

Однако В.И. Ленин и руководители учрежденного в марте 1919 г. Коммунистического Интернационала⁵⁰ придавали большое значение проведению пропагандистских мероприятий. В.И. Ленин писал: «Путем агитации и пропаганды мы отняли у Антанты ее собственные войска. Мы победили империалистов не только при помощи наших солдат, но и опираясь на сочувствие к нам их собственных солдат»⁵¹. Коммунистическая пропаганда велась не только за границей, среди военнослужащих в составе интервентов, но и в российских регионах, отдаленных от столицы, особенно проблемных, ставших очагами сопротивления советской власти. В рамках агитационно-пропагандистской работы с населением и региональным активом иностранные коммунисты, делегаты конгрессов выезжали для участия в митингах солидарности на предприятия и в учебно-трудовые учреждения, где рассказывали о поддержке Красной Армии, о борьбе за создание «Федерации Советских республик всего мира». Так, по окончании III конгресса Коммунистического Интернационала⁵² в Омск, считавшийся третьей столицей России и игравший одну из ключевых ролей во время

⁴⁸ Телеграмма от 12 июня 1920 г. / Цит. по: СССР — Италия. Страницы истории ... Указ. соч. С. 18.

⁴⁹ Там же. С. 19.

⁵⁰ Литература по истории возникновения и деятельности Коминтерна обширна, авторы рекомендуют работы российского историка В.А. Ватлина (его последняя монография в настоящее время переводится на итал. язык).

⁵¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 125.

⁵² III конгресс Коммунистического Интернационала проходил в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 г. В его Исполнительный Комитет от итальян-

Гражданской войны, была направлена делегация итальянских коммунистов.

Ее возглавил талантливый пропагандист Франческо Мизиано, о котором шла речь в начале статьи. В 1916 г. ему довелось работать вместе с Анжеликой Балабановой⁵³ в социалистической газете, издававшейся в Швейцарии на итальянском языке, он был участником революционных событий в Германии 1919 г., членом группы «Спартак». В 1919 г. был выдвинут кандидатом в Палату депутатов сразу по двум округам, в Турине и Неаполе, победил, получив самое большое количество голосов. Его выступления на митингах пользовались неизменным успехом. Д'Аннунцио⁵⁴, захвативший в сентябре 1919 г. город Фьюме, объявил награду за его поимку, обвиняя Мизиано в дезертирстве и предательстве, об этом извещали афиши, развешанные по городу⁵⁵. В январе 1921 г. Мизиано был среди «непримири-

ской секции были выбраны Умберто Террачини и Эджидио Дженнари. Подробнее см.: *Терехова Н.Г.* «Помешать отравлению сознания рабочих Италии». Письма руководителей итальянской секции Коминтерна в Москву. 1923–1924 гг. // Исторический архив. № 3. 2019. С. 115–131.

⁵³ Балабанова Анжелика Исааковна (1878–1965) — социалистка, лидер Циммервальдского движения. Сыграла важную роль в основании в марте 1919 г. Коммунистического Интернационала, но вскоре была оттеснена Г.Е. Зиновьевым. Другим итальянским коллегой Балабановой по совместной работе в редакциях различных итальянских газет был Б. Муссолини, через несколько лет ставший главным редактором органа ИСП «Аванти!». См.: *Любин В.П.* Анжелика Балабанова и итальянские социалисты // Россия и современный мир. 2016. № 4 (93). С. 201–207.

⁵⁴ Д'Аннунцио Габриэле (1863–1938) — поэт–декадент, драматург, военачальник, депутат парламента, масон. Считался одним из самых выдающихся литераторов и влиятельных политических деятелей страны, в 1922 г. принимал на своей знаменитой вилле народного комиссара по иностранным делам Г.В. Чичерина. В октябре того же года Б. Муссолини направил д'Аннунцио ставшее широко известным письмо с просьбой «благословить» организованный им «марш на Рим». В 1924 г. король Италии присвоил ему княжеский титул. В 1960 г. его именем был назван университет в г. Пескара, где он родился. Об особенностях идейного и политического наследия д'Аннунцио, его влиянии на Б. Муссолини см.: *Большаков А.* Государство д'Аннунцио: опыт аристократического анархизма на республиканской почве // <http://gefter.ru/archive/12425> (дата обрац. 24.04.2021).

⁵⁵ *Пьерони Берлотти Ф.* Указ. соч. С. 132–133.

мых максималистов», совершивших раскол на съезде ИСП в Ливорно, положившем начало Коммунистической партии Италии⁵⁶. Из-за преследований со стороны чернорубашечников был вынужден эмигрировать в Советскую Россию, где включился в работу организации Международной рабочей помощи «Межрабпром», которая вскоре приобрела киностудию «Русь». Мизиано было поручено совместно с Вилли Мюнценбергом⁵⁷ наладить выпуск советских фильмов и их продвижение за рубежом. Именно калабрийскому коммунисту советский кинематограф обязан появлением лент, составивших его славу, — «Мать», «Потомок Чингиз-хана», «Путевка в жизнь», «Бесприданница». В 1926 г. он привез в Берлин, организовал показ, рекламу и прессу легендарному фильму «Броненосец Потемкин», что сыграло немаловажную роль в мировом успехе ленты.

Вместе со старшим товарищем в поездку в Сибирь был послан и уроженец Сардинии Луиджи Полано⁵⁸, имевший большой

⁵⁶ Подробнее об образовании Компартии и ходе съезда в Ливорно см.: *Терехова Н.Г.* «Результатом будет образование настоящей коммунистической партии, какой в Италии в сущности никогда не было». Письма уполномоченного Исполкома Коминтерна А.М. Геллера. 1920–1921 гг. // Исторический архив. 2021. № 3; *Она же.* Болгарский «тесняк» Кабакчиев и раскол в Ливорно (в печати).

⁵⁷ Мюнценберг Вилли (1889–1940) — член СДПГ, с 1915 г. был знаком с В.И. Лениным по швейцарской эмиграции. Деятель Коминтерна, создатель нескольких успешных международных организаций, самая известная из которых — МОПР. В 1924 г. был избран в рейхстаг от Германской коммунистической партии. После прихода Гитлера к власти жил во Франции, где написал знаменитую книгу о поджоге рейхстага. В 1936 г. — организатор интернациональных бригад, отправлявшихся на Гражданскую войну в Испанию. Открыто высказывался против заключения пакта Молотова–Риббентропа, за что был исключен из партии. Подробнее о его деятельности см.: *Koch S.* Double Lives: Stalin, Willi Munzenberg and the Seduction of the Intellectuals. New York, 1994.

⁵⁸ Полано Луиджи (1897–1984) — по образованию бухгалтер, в 1914 г. вступил в Молодежную социалистическую федерацию Италии, через три года стал ее секретарем. Вместе с Ф. Мизиано вошел во Временный комитет по подготовке к учреждению Итальянской коммунистической партии, стал одним из ее основателей в январе 1921 г. Его позиция сыграла ключевую роль в том, что в новую партию Федерация молодых социалистов перешла

опыт работы в молодежных организациях, что отразилось на акцентировании внимания к молодежной тематике в тексте письма, подписанного итальянскими делегатами конгресса Коминтерна, приехавшими в агитационную поездку в Омск (док. № 4).

Третий член делегации итальянских коммунистов — туринец Марио Монтаньяна⁵⁹, один из сотрудников журнала «Ордине Нуово», родной брат Риты Монтаньяна, генерального секретаря Женской коммунистической федерации Италии, супруги Пальмиро Тольятти⁶⁰.

Пребывание итальянских войск на территории бывшей Российской империи в годы Гражданской войны, политика часто сменявшихся правительств Италии, поддержавших Белое движение, а затем отказавшихся от этого шага и в то же время — солидарность итальянских трудящихся с Советской Россией, нашли отражение в немногочисленных пока научных тру-

полностью. Участник II конгресса Коминтерна, на III конгрессе вступил в полемику с В.И. Лениным, по возвращении в Италию не был переизбран в руководство федерации и выведен из состава ЦК Компартии. Эмигрировал в СССР, где работал в Профсоюзе морских перевозок, проводил агитационные мероприятия в отношении экипажей итальянских судов в портах Черноморского побережья, а также под другим именем выезжал в командировки за границу. После июня 1941 г. — во Всесоюзном комитете радиовещания, вел антифашистские передачи на итальянском языке. Подробнее о нем см.: *Terekhova N.* Luigi Polano: pagine della sua vita ricostruite negli archivi di Mosca // *Diritto e Storia. Rivista internazionale di scienze giuridiche e tradizione romana.* Sassari, 2018; <http://www.dirittoestoria.it/16/innovazione/Terekhova-Luigi-Polano-archivi-di-Mosca.htm> (дата обрац. 10.04.2021).

⁵⁹ Монтаньяна Марио (1897–1960) — младший из семерых детей управляющего складом, работал подмастерьем в автомастерских «Лянча», затем стал профсоюзным деятелем, журналистом. В 1926 г. эмигрировал во Францию, позднее переехал в Мексику, где написал автобиографическую повесть «Воспоминания туринского рабочего», переведенную на русский язык и изданную в 1951 г. в СССР. После того, как Италия стала Республикой, избирался от ИКП в Палату депутатов и в Сенат.

⁶⁰ Тольятти Пальмиро (1893–1964) — генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии с 1926 по 1964 г. О его месте в отечественной историографии см.: *Terekhova N.* Togliatti, l'amico dimenticato. Il leader comunista nella storiografia sovietica e quella russa // *Nuova Storia Contemporanea.* 2014. № 2.

дах и документальных публикациях. Исследования этой темы несомненно будут продолжены. В приложении к статье приведены четыре материала, свидетельствующих о различных, порой противоположных взглядах на события в России в итальянском обществе тех лет.

Приложение

№ 1

РЕПОРТАЖ ИТАЛЬЯНСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА АРНАЛЬДО ЧИПОЛЛА

[б/д]

Огромное большинство высших классов и старой аристократии не ударят палец о палец, чтобы спасти свою родину. Достаточно видеть, как они живут где-нибудь в Одессе, в Киеве или Москве, чтобы убедиться в этом факте. Единственная мысль, которая проникла в их мозг, заключается в том, чтобы убежать от большевиков, но они ни на минутку не задумываются о том, чтобы вернуться назад и сражаться против них. Убегая, они привыкли обращаться с призывом к союзникам или к кому бы то ни было придти и сражаться за них, но они отказываются принести малейшую жертву или сделать малейшее усилие, чтобы самим взяться за это дело. Какой-то фатальный рок тяготеет над ними подобно кошмару, парализующему все их силы. Просто руки падают, когда видишь этих людей, отдающихся всякого рода удовольствиям и тратящих, может быть, свой последний рубль, чтобы иметь возможность веселиться...

Я видел русских офицеров, которые всё еще носят форму старого режима. Уже это одно говорит много об их психическом состоянии. Успехи генерала Деникина на Кавказе совершенно вскружили им голову, и они стали надменны по отношению к солдатам. Они готовы снова третировать их как рабов, что, в действительности, было главной причиной революции. Они думают, что снова вернулись те времена, когда они могли хлестать по щекам своих солдат, безнаказанно

угощать их подзатыльниками и пинками, и заставлять их отдавать им честь и благодарить их за то, что они были наказаны. Вопрос, который больше всего поглощает их внимание, это — не вопрос об освобождении России, — больше всего они интересуются тем, будут ли они носить эполеты или нет, как это было в прежние времена. По этому поводу образовались даже целые партии. Одна за эполеты, а другие против них. Одни просят генерала Деникина издать приказ об их отмене, а другие — умоляют его оставить их, как символ русского величия. Бедные офицеры. Таким образом, старый простой вопрос военного регламента превращается у них в целую государственную и национальную программу. Они никак не могут понять, что эти внешние знаки отличия являются теми самыми предметами, из-за которых их так глубоко ненавидит и презирает большинство русского народа. Екатеринодар, местопребывание главной квартиры генерала Деникина, является настоящим Вавилоном. Все эти девяносто генералов и тысяча сто полковников и тридцать тысяч офицеров других чинов и рангов, все они толкуют о погонах. Многие из них требуют отличий и чинов, на которые у них, очевидно, нет никакого права, но требования их немедленно удовлетворяются. Самое большое зло, это то, что никто в этой армии не хочет быть просто рядовым, все желают быть офицерами. Естественно, что 50 тысяч солдат этой армии начинают обнаруживать свое недовольство.

Так, всякий представитель бежавшей аристократии обращается ко всякому европейцу с вопросом, собирается ли Антанта послать войска в Россию или нет, думают ли союзники о восстановлении порядка в России или нет, и т.д. Если вы пытаетесь объяснить им, что послать целые армии в Россию для восстановления ее обширной империи не так-то легко, как они себе представляют, они с невинным видом спрашивают, не вина ли в этом, может быть, большевиков, которые восторжествовали в странах Антанты.

Высшее русское общество не имеет ни малейшего понятия о значении оккупации Антантой приморских городов России, о том огромном усилии, которое потребовалось бы, чтобы перенести войну вглубь страны и о невозможности поступить так без согласия Парижской мирной конференции.

По моему мнению, возможны только три решения вопроса о восстановлении порядка в России: во-первых, интервенция со стороны

Антанты, но с импозантной [значительной. — Авторы] военной силой, состоящей из армий всех союзных стран; во-вторых, в случае отказа от вышеупомянутой интервенции, представлялось бы возможным разрубить этот Гордиев узел путем официального признания большевистского правительства; третьим решением вопроса было бы, или, лучше сказать, могло бы быть четыре месяца назад, заставить немцев восстановить порядок в России. Как я себе это представляю, как первое, так и третье решение уже невозможны, а поэтому остается только вторая альтернатива. Мнение мое основано на том соображении, что невозможно рассчитывать ныне на создание новой русской армии, а без такой русской армии даже самые крупные экспедиционные силы со стороны Антанты были бы обречены на неудачу. Армия адмирала Колчака слишком далека. Армия генерала Деникина имеет серьезный дефект в самом своем происхождении; это царская армия, составленная из весьма пестрого кадра [кадрового состава. — Авторы] офицеров и солдат, которые могли бы достигнуть местных успехов на Кавказе, но которые неспособны браться за разрешение более обширной задачи.

*Ф. 40307. Оп. 1. Д. 245. Л. 1–2. Машинопись
(Российский государственный военный архив [РГВА])*

№ 2

ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА ИТАЛЬЯНСКИХ ВОЙСК В СИБИРИ

и.д. уполномоченного Верховного Правителя,
Генерального штаба полковнику Сыромятникову

август 1919 г.

Господин полковник.

Уезжая из Сибири, выражаю Вам, как представителю Русской Армии, мою сердечную симпатию и желаю, чтобы русское оружие

одержало окончательную и блестящую победу над общим врагом. Я вполне уверен, что наша дружба, укрепленная кровью, пролитой на поле сражений, будет навсегда связывать русский и итальянский народы. Прошу передать всем доблестным офицерам и солдатам вверенных Вам войск от моего имени и от имени итальянских офицеров и солдат наш прощальный привет и нашу твердую уверенность, что в скором времени старая мощь России возродится вновь. Я очень рад, что, благодаря полученному мною разрешению, я мог подарить нашу горную батарею нашим русским собратьям, как доказательство нашей дружбы и пожелания успеха. Всем начальникам частей, с которыми мне не было возможности лично попрощаться, — мой братский привет.

Да здравствует Великая Россия!

Командующий итальянскими войсками, полковник барон
Фассини–Камосси

*«Свободная Сибирь». 7 августа (25 июля) 1919 г. № 172 (568)
(Отдел Русского зарубежья РГБ)*

№ 3

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ «СВОБОДНАЯ СИБИРЬ»

август 1919 г.

Сегодня Красноярск покидают итальянские войска.

Они были у нас в тяжелое время. Они видели нашу Родину в дни ее мучительной болезни, разложившей нравственный облик русского общества. Они наблюдали страну в период величайших потрясений, разрушивших основы государства. Шла революция, сметая всё на своем пути — плохое и хорошее. И трудно было

разобраться в том хаосе, который представляла из себя жизнь России.

Грустные впечатления должны вынести о русских наши верные союзники.

Но печальная картина Гражданской войны и связанная с ней дезорганизация во всем строе русской жизни не остановила итальянцев от деятельной помощи тем русским, которые поставили своей целью восстановить былую мощь государства.

Помощь итальянцев выразилась не в одной только моральной поддержке, которая особенно нам была необходима. Наши союзники с оружием в руках вступились за порядок в губернии: боевые действия их отрядов на внутреннем фронте имели громадное значение в деле обеспечения нашего тыла, как было отмечено в приказах высшей военной власти.

Храбрость итальянских офицеров и солдат, проявленная ими при ликвидации большевистских шаяк, до сих пор вызывает восхищение русских.

Дисциплина, введенная в итальянских войсках, отношение офицеров и солдат долго будет служить примером для военных. Россия никогда не забудет братскую кровь, пролитую итальянцами в глухой тайге Каннского уезда. Эта кровь навеки соединила две великие нации.

Теперь итальянцы уезжают с чувством исполненного долга. Но и уезжая, они не забывают то тяжелое положение, в котором остается Россия; всем, чем могут, они стараются помочь нам: они передают нашей армии всю свою горную артиллерию.

Скажем же нашим верным союзникам от чистого сердца — «доброе пути».

Попросим итальянских офицеров и солдат, с которыми мы так подружились за время их пребывания в Красноярске, передать горячий привет солнечной Италии от холодной Сибири. Пусть расскажут они там, в Европе, то, что видали у нас. И пусть опыт нашей несчастной Родины, раздираемой на части Гражданской войной, послужит предостережением для наших верных союзников, пусть они не переживут то, что пережили мы.

«Свободная Сибирь». 7 августа (25 июля) 1919 г. № 172 (568)
(Отдел Русского зарубежья РГБ)

№ 4

**ПИСЬМО ИТАЛЬЯНСКИХ ДЕЛЕГАТОВ
III конгресса Коммунистического Интернационала,
посетивших г. Омск**

август 1921 г.

*Рабочим Сибири
Письмо делегатов Коминтерна*

Дорогие товарищи!

Уезжая из Омска после 6 дней проведенных здесь, мы хотим сказать вам несколько слов.

Прежде всего, товарищи члены Совета, рабочие заводов и мастерских, которые мы посетили, железнодорожники и водники, Союз коммунистической молодежи, воины славной Красной советской армии и работницы женщины, мы считаем свои долгом выразить вам горячую благодарность за сердечный братский прием, который вы оказали нам в Омске.

Дух международной коммунистической солидарности лежит в основе нашего сердечного отношения к вам, и только он укрепляет ту тесную связь, которая издавна существует между итальянским пролетариатом и славным русским рабочим классом.

В небольшом письме мы можем только в общих выражениях изложить сущность впечатлений и наблюдений, вынесенных и сделанных нами в Омске. Эти впечатления настолько велики, что вызвали у нас приток свежих сил, дающих нам возможность возобновить в Италии нашу революционную работу и рассеять всю ту ложь и клевету, которую распространяют в Италии и в других странах Европы по адресу Советской России. Достаточно сказать вам, дорогие товарищи, что мы в достаточной степени познакомились с суровыми экономи-

ческими условиями Сибирской жизни. Мы видели также нужду и бедность трудящихся всей России, являющиеся результатом сначала империалистической войны, а затем жестокой гражданской борьбы, которую вызвала и вела против первой в мире Республики Советов международная буржуазия. И мы рады констатировать, что и скажем всем в Италии, что воодушевление рабочих масс в России и в Сибири велико. В наших ушах всё еще звучат выразительные и многотоварищеские слова, сказанные нам одним красноармейцем сегодня и железнодорожником вчера. Эти слова показывают, как велик размах воли, воодушевляющий всё трудящееся население Сибири. Вот эти слова: «Мы не уйдем со сторожевого поста, на котором стоим, и мы всегда готовы с винтовкой в руке выступить на борьбу для защиты русской революции и для оказания помощи рабочим массам всех стран в их стремлении осуществить всемирную коммунистическую революцию».

Мы видели ваши фабрики, мы видели, что они не работают в полном объеме. Но мы знаем, что малая производительность ваших фабрик происходит исключительно из-за недостатка сырья, которое не может быть подвезено вследствие разрухи, вызванной войной. Мы знаем, что всемирная буржуазия мешает Советской Республике вступить в товарообмен с окружающими ее странами, вследствие чего вы лишены возможности приобрести в должном размере недостающие вам для восстановления своего хозяйства материалы. Мы знаем, что ваш транспорт работает с затруднениями. Мы знаем также, что рабочие массы лишены необходимого количества продовольствия и самых насущных предметов для жизни. Отсюда и понятное естественное понижение работоспособности. Но то обстоятельство, что, несмотря на все испытания, вы бодры и мощны духом, вызовет у сознательных революционеров всего мира, с одной стороны, еще большую ненависть к наглому капитализму, который один ответственен за все бедствия рабочих, а с другой, еще большее стремление к скорейшему вооруженному низвержению капиталистического гнета во всех странах мира.

Особенную радость в наших сердцах вызвало то, что Советская власть прилагает исключительную заботу к детям и к молодежи, — словом, к тем, которые займут место нынешних борцов,

которые соберут плоды самоотвержения их отцов, отдавших всё для кровавой революционной борьбы за освобождение рабочего класса. Мы посетили несколько ваших детских школ. Нас поражает в них порядок, дисциплина, свобода, здоровая атмосфера, самый тщательный уход за молодыми умами, стремление пробудить в них самостоятельность и в то же время чувство ответственности. Мы навсегда сохраним в нашей памяти картину «коммунистической рабочей школы». Она послужит нам лишним поводом, чтобы крикнуть в лицо итальянской буржуазии, оставляющей детей рабочих на произвол судьбы: «Посмотрите, как в Сибири — этой далекой окраине "страны варваров", — как называете вы Россию, — заботятся и ухаживают за детьми рабочего класса!». Мы обрадовались, когда увидели, что, несмотря на тяжелое продовольственное положение, вам удалось сохранить полную здоровья молодежь, с которой мы знакомились в спортивных кружках, в Красной армии, на фабриках и на улицах. Сильная, здоровая и бодрая молодежь служит ярким доказательством той силы, которую таит ваша молодая, здоровая раса.

Особый задушевный привет шлем мы красноармейцам, красным командирам Красной армии и вооруженным отрядам рабочих, которые не только вооружены по-военному, но которые снабжены несравненно более смертоносным для врагов оружием, чем ружья и пулеметы, а именно: сознанием, что, защищая интересы рабочего класса, они сражаются за счастье всего трудового человечества под знаменем светлого коммунизма. У нас выступали слезы на глазах, когда мы видели мужчин и женщин, рабочих и работниц в одном строю, создавших собою одну крепкую, незыблемую и непобедимую стальную стену революционной рабочей воли. Не по приказу правительства и не под давлением буржуазии, но по собственному порыву они стали сознательными воинами, оставаясь в то же время творцами рабочей республики. Красное оружие, которое они держат в руках, покрыто славой побед. К нему с любовью и удивлением обращаются взоры всего рабочего класса всех стран. Перед этим красным оружием, быть может, станут еще новые трудные задачи, ибо мировая буржуазия не спит, а бодрствует и, быть может, даже опять готовится к нападению на Советскую Россию. Но в этой жестокой борьбе

русский рабочий класс будет иметь союзников: рабочих всего мира и — на первом месте — рабочих Италии. Мы сделаем всё, мы не остановимся ни перед чем, чтобы защитить пролетарскую русскую республику.

Мы жаждем революционной борьбы, пребывая в уверенности, что близок час, когда во всех странах грянет «последний и решительный бой», после которого мы увидим торжественное провозглашение Федерации Советских республик всего мира. Мы шлем вам, дорогие товарищи-сибиряки, горячий привет.

К вашему кличу, к кличу вашей молодежи, красноармейцев, рабочих, работниц и всего вашего молодого поколения, присоединяем и свой голос:

Да здравствует Советская Россия!

Да здравствует пролетарская Красная армия!

Да здравствует Третий Интернационал!

Да здравствует Всемирная революция!

Итальянская делегация III конгресса III Коммунистического Интернационала:

Франческо Мизиано,
Луиджи Полано,
Марио Монтаньяна

*«Советская Сибирь». № 173 (533). Вторник 16–20 августа 1921 г. № 173 (533)
(Отдел печати РГБ)*

Татьяна Петровна Нестерова

**ГАБРИЭЛЕ Д'АННУНЦИО, АЛЬЧЕСТЕ ДЕ АМБРИС
И СОЗДАНИЕ КОНСТИТУЦИИ КАРНАРО
(1919–1920)**

Существенную роль в формировании культурной доктрины Италии 1920–х — 1930–х гг. сыграли идеи одного из наиболее ярких деятелей итальянской культуры начала XX в. Габриэле д'Аннунцио (1863–1938). Писатель, поэт, автор киносценариев, участник Первой мировой войны, он оказывал значительное влияние на интеллектуальную жизнь Италии начала XX в. Эстетические концепции д'Аннунцио становились образцом для широкого круга итальянских деятелей культуры, хотя его завышенное самомнение и самолюбование у многих вызывали отторжение. Уже в 1897 г. д'Аннунцио сформулировал идею «политики красоты», с которой он выдвинул свою кандидатуру на выборах в парламент Италии от провинции Ортона (д'Аннунцио был депутатом итальянского парламента с 1897 по 1906 год, первоначально примкнув к крайне правым депутатам, затем перейдя к крайне левым и заявив о поддержке Итальянской социалистической партии)¹.

Наиболее значимым деянием д'Аннунцио, оказавшим влияние на формирование итальянского фашизма и его эстетической

¹ Gabriele d'Annunzio fu anche socialista // Ansa.it. 2014; https://www.ansa.it/sito/notizie/cultura/unlibroalgiorno/2014/12/12/gabriele-dannunzio-fu-anc-he-socialista_ecf758c3-459c-4d60-b3e8-fc6b40a5b9fa.html (дата обращ. 8.10.2021).

концепции, стал поход на Фиуме² и подготовка Конституции Карнaro — первого политического документа, где идея эстетизации политики была непосредственно проведена в жизнь.

До 1918 г. Фиуме входил в состав Австро–Венгерской монархии и был главным портом Венгерского королевства. В Риеке постоянно, начиная с XVII в., шла борьба за преобладание между венграми и хорватами. В конце XVIII в. императрица Мария Терезия даровала городу особый юридический статус — *Corpus separatum*, что способствовало экономическому процветанию города. В городе не прекращалось соперничество венгров, стремившихся использовать экономические ресурсы порта, и хорватов, пытавшихся интегрировать его в славянские традиции и в итоге присоединить к Хорватии³. В настоящее время Риека (Фиуме), город, расположенный на побережье Адриатического моря, в северной части Риекского залива, входит в состав Хорватии.

На протяжении года после завершения Первой мировой войны между Италией и Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС) шла ожесточенная борьба вокруг вопроса о принадлежности Фиуме, в которой также участвовали различные политические и этнические группы внутри города Фиуме. 12 сентября 1919 г. Фиуме был занят отрядом легионеров (в основном состоявших из «ардити» — «смельчаков», особой группы штурмовой пехоты, существовавшей в итальянской армии в 1917 — 1920 годах), возглавленным д'Аннунцио⁴. Многими исследователями захват Фиуме и попытка организации там государства рассматривается как пробный камень итальянского фашизма. Разумеется, нельзя проводить прямой связи

² Итал. топоним *Fiume* транслитерируется на кириллицу также как и Фьюме: именно такое написание используют ниже в своей статье А.А. Чернобаев и Н.Г. Терехова. — *Прим. ред.*

³ *Deotto P. L'impresa di Fiume: così D'Annunzio giocò alla guerra // Cronologia.it; <http://www.cronologia.it/storia/biografie/dannunzio3.html> (дата обрац. 8.10.2021).*

⁴ Подробнее о международном контексте тех событий, о Версальской конференции и об «урезанной победе» Италии см.: *Нестерова Т.П. Культура в окружении политики. Габриэле д'Аннунцио в Фиуме (1919–1920) // Annali d'Italia. 2021. № 16, vol. 1. P. 19–24.*

между захватом Фиуме и маршем на Рим, но кое-что из того, что впервые было опробовано в Фиуме, нашло свое применение в рамках фашистской идеологии

Вопрос о Фиуме затрагивает болезненную тему для современной политической ситуации в Европе — тему этнического сепаратизма, воссоединения этносов и государств (яркими примерами таких проблем являются современные ситуации в Испании — вопрос о Каталонии, в Великобритании — вопрос о Шотландии, в Ирландии — вопрос о воссоединении Ирландии с Северной Ирландией). Он дает возможность проследить один из вариантов развития событий при урегулировании вопроса о разграничении полиэтнических территорий. Кроме того, случай Фиуме представляет собой один из вариантов создания и существования микрогосударства (после Второй мировой войны подобным политическим проектом стала Свободная территория Триест). Создание «свободного государства» Фиуме стало в 1920 г. компромиссным, хотя и временным, решением проблемы для Италии и КСХС (Рапалльский договор 1920 года, подписанный Италией и КСХС, разграничил территории этих двух государств, но оставил открытым вопрос об Истрии и, в частности, о Фиуме).

Практически немедленно после завершения Первой мировой войны в Фиуме встал вопрос о международно-правовых основах существования города. Ситуация сложилась не вполне ясная — с одной стороны, дуалистическая монархия Австро-Венгрии перестала существовать и было бы логично отменить действие венгерских законов. Но введение в действие в Фиуме итальянских законов также не имело под собой правовых оснований. В итоге в каждом конкретном случае властям города пришлось выбирать между итальянским и венгерским правом. Д'Аннунцио часто вершил правосудие собственноручно, причем при этом руководствовался собственным «ощущением справедливости». Его приговоры, как правило, отличались мягкостью, он часто прощал осужденных, даже обвиненных в государственной измене.

Довольно скоро стала очевидной необходимость создания верховного закона для непризнанного государства. Конституция

была в основном завершена к марту 1920 г., опубликована в конце августа и промульгирована в сентябре того же года.

Конституция Карнаро была написана в соавторстве Габриэле д'Аннунцио и анархо-синдикалистом Альчесте де Амбрисом, одним из предводителей итальянского национал-синдикализма и одним из основателей Итальянского Синдикалистского союза, вставшего в 1915 г. на позиции интервентистов. Проект предоставления Фиуме демократической конституции обсуждался начиная с марта 1919 г. Первый проект конституции был подготовлен д'Аннунцио годом ранее и был написан в стихотворной форме. Однако за окончательный вариант был взят набросок де Амбриса, лишь частично переработанный д'Аннунцио. Конституция носила выражено республиканский характер и включала передовые для своего времени статьи относительно социального устройства государства. Изначально республиканский характер конституции натолкнулся на оппозицию со стороны легионеров, д'Аннунцио сам сомневался в целесообразности ее принятия и окончательно решился на введение в действие конституции для Фиуме лишь после продолжительных убеждений со стороны де Амбриса.

В Конституции Карнаро декларируется историческая преемственность и связь Италии в целом и Фиуме в частности с эпохой Римской империи, периодом Рисорджименто, победой Италии в Мировой войне и средневековыми свободными коммунами. Де Амбрис во время написания Конституции находился под сильным влиянием большевистской революции в России, что отразилось на концепции документа, он же привнес в нее и явные синдикалистские черты. Конституция в своей основе является демократической, дополненной в определенной мере реформистскими идеями крайне правого рабочего движения и социалистов. Эклектичность документа частично объясняется задачей выбора наилучшей модели организации общества и государства, стоявшей перед авторами, желанием не упустить возможность создать новый эстетический и политический микрокосмос. Де Амбрис предполагал, что Конституция Карнаро впоследствии может стать основой для формирования национал-синдикалистской конституции Италии.

Принципы классической демократии декларируются, прежде всего, в четвертой статье, где говорится, что политический строй Карнаро основывается на «независимости всех граждан, без различия пола, рода, языка, класса, религии». Эти принципы подтверждаются статьями V, VI, VII (свобода совести, печати, собраний, культов). Может показаться, что исключение из этих норм представляют собой статья XXXXIII и последующие, утверждающие порядок избрания диктатора (Il Comandante), но «нет нечего удивительного, что любая демократия, в процессе осуществления божественных принципов, называемых Свобода, Равенство, Братство, спадает в периоды проконсульства. Декларирование этого в конституции можно расценивать как проявление искренности»⁵.

Демократические требования левых также содержатся в конституции. К ним относятся: право голоса для женщин (статья XVI), вооружение нации (статья XXXXVII и последующие), всеобщее голосование и пропорциональная система выборов (статья XXIX), народное образование как обязательный элемент государственной системы и светский характер школы (статья LIV), решение важных для государства вопросов через референдум, право голоса для военнослужащих, возможность отзыва избранных должностных лиц и их ответственность должностных лиц за добросовестное исполнение своих обязанностей, право подачи петиций властям от имени народа.

Особенно существенные требования социалистического и реформистского характера — введение минимума заработной платы, государственных гарантий для безработных, поддержки инвалидов, пенсии по старости (статья VIII), огосударствление железных дорог и порта, введение института судьи по трудовым спорам, коллегии арбитров из среды рабочих и работодателей для урегулирования трудовых споров (статья XXXIX).

Некоторые нормы Конституции были заимствованы из программ другой направленности, даже противоречащих упомянутым концепциям — например, принцип открытого порта,

⁵ Il movimento dannunziano; http://www.ica-net.it/quintern/1921_26partmond/movimento_dannunziano.htm (дата общрщ. 8.10.2021).

который может показаться плохо совместимым с экономической политикой синдикализма и принципом огосударствления управления портом.

Конституция содержит пункты, посвященные социальному вопросу и вопросу о частной собственности, которые заслуживают внимания.

В статье IV после провозглашения равенства граждан всех классов в правах, что является прямым противоречием марксистской идее классовой борьбы, говорится: «...права производителей поддерживаются шире и выше прав любого другого вида»⁶. Хотя формулировка довольно расплывчатая, но в ней очевидна тенденция отказа от концепции «всеобщего равенства» в сторону «особого» равенства для производителей.

В статье IX дается определение собственности:

«Государство не признает собственность безусловным владением человека, но считает ее одной из наиболее полезных общественных функций. Никакая собственность не может быть зарезервирована за человеком, не может быть позволено, чтобы какой-то нерадивый собственник ее оставил без использования или неразумно ею распорядился <...>. Единственное законное основание владения каким-либо средством производства и обмена это — труд»⁷.

Эти статьи содержат в себе критику буржуазной собственности, но носит ли она социалистический или какой-то иной характер? Скорее всего, это — критика капитализма с моральной точки зрения, которую сложно вписать в ту или иную политическую концепцию. В Конституции Карнаро сильные социальные основы не противоречат духу индивидуализма и свободной конкуренции, а целью является достижение «гармонии разнообразия» и укрепление коммунальной жизни.

Одними из важнейших государственных органов Конституцией признаются Корпорации (статья XIX):

⁶ Carta del Carnaro; <http://www.cronologia.it/storia/a1920g.htm> (дата обращения: 8.10.2021).

⁷ Здесь и далее текст переведен на русский язык автором статьи.

«В первую корпорацию включаются работники промышленности, сельского хозяйства, транспорта, торговцы, ремесленники, мелкие собственники <...>. Вторая корпорация включает всех, относящихся к техническим профессиям, управленцев любого частного промышленного или сельскохозяйственного предприятия. Третья объединяет всех, работающих в предприятиях торговли и не являющихся по сути (промышленными. — *Т.Н.*) рабочими, в нее не входят совладельцы предприятий. Четвертая объединяет работодателей в промышленных, сельскохозяйственных, торговых, транспортных компаниях, если они не просто владельцы, но, согласно духу новых законов, прозорливые наставники в своих предприятиях и заботятся о их постоянном развитии. В пятую корпорацию входят государственные и муниципальные чиновники любой категории. Шестая содержит интеллектуальный цвет нации: студенческую молодежь и преподавателей, учителей средних школ и студентов высших учебных заведений, скульпторов, художников, декораторов, архитекторов, музыкантов, всех, занимающихся изящными и сценическими искусствами. Седьмую корпорацию составляют представители свободных профессий, не упомянутых в предыдущих списках. Восьмая состоит из аграрных и промышленных кооперативных обществ; может быть представлена только администраторами, назначенными самими этими обществами. Девятая объединяет всех, чей труд связан с морем. У десятой нет ни имени, ни искусства, ни числа. Она наполнена ожиданием, подобным ожиданию десятой Музы»⁸.

Конституцией Карнаро предусматривалось четкое разделение властей — один из основных признаков демократического государства — на законодательную (представленную Советом Лучших и Советом Провизоров), исполнительную (Семь Ректоров) и судебную: Уголовный, Трудовой суды, Суд разума (*Corte della ragione*, по сути — Верховный суд), Мировые суды. По конституции Фиуме представлял собой децентрализованную парламентскую республику. Исполнительная власть была коллегиальной,

⁸ Carta del Carnaro; <http://www.cronologia.it/storia/a1920g.htm>.

хотя для чрезвычайных ситуаций предусматривается процедура избрания диктатора.

Очень четко прослеживается социальная направленность Конституции: предусматриваются пенсии по старости, по инвалидности, пособия по безработице. Большое внимание уделяется системе начального, среднего и высшего образования (статьи L–LIV), причем особо подчеркивается необходимость эстетического воспитания и образования. Стремление Габриэле д'Аннунцио к всеобщей и высшей гармонии находит выражение во введении всеобщего обязательного музыкального образования.

Неоднократно подчеркивается необходимость приобщения граждан к красоте, приближающей жизнь каждого человека и государства в целом к искусству: для этого предполагается создание коллегии Эдилов «из людей, обладающих прекрасным вкусом, мудростью, воспитанных и обладающих хорошими манерами. Коллегия заботится не столько о возрождении римского зодчества, сколько о красоте города <...>. Она занимается украшением жизни гражданина, заботится о безопасности, надежности и пристойности общественных зданий и частных домов, не даёт безобразным или плохо расположенным фабрикам изуродовать улицы; устраивает праздники на море и на суше, помня, что нашим отцам для сотворения чудес радости хватало лишь мягкого света, легких гирлянд и искусства движения и единения народа <...>, старается возратить народу любовь к красивым линиям»⁹.

Большое значение придавалось музыке как гармонизирующей основе общества и музыкальному воспитанию. Возможно, для Габриэле д'Аннунцио это стало попыткой воплотить в жизнь программу «политики красоты», с которой, как упоминалось выше, он избирался в парламент от провинции Ортоны еще в 1897 году и которая тогда не была тщательно проработана.

Конституция Карнаро стала одним из источников вдохновения для Альфредо Рокко, основного разработчика идеи создания фашистского корпоративного государства в Италии.

⁹ Carta del Carnaro; <http://www.cronologia.it/storia/a1920g.htm>.

О преимуществах корпоративного устройства общества он говорил в своей речи в Падуанском университете осенью 1920 года, лишь несколько месяцев спустя принятия Конституции Карнаро¹⁰.

Несмотря на изначальный энтузиазм, с которым население Фиуме встретило захват города, с течением времени стало ясно, что в политическом смысле события в Фиуме стали провалом для д'Аннунцио и его соратников. Экономические сложности и непростая политическая ситуация оказались слишком тяжелым испытанием для фиуманского правительства. Подтвердились опасения, возникавшие среди итальянских сторонников захвата Фиуме в начале предприятия, относительно назначения д'Аннунцио на ведущую роль и его возможной неспособности справиться с повседневной работой по управлению городом. По мнению выдающегося итальянского историка Ренцо Де Феличе, д'Аннунцио, не имевший практического опыта в политике, оказался сам заложником своих «чарующих» фраз. Его таланту убеждать, околдовывать публику своими речами, не соответствовали его способности как политика, он колебался между противоположными точками зрения, был нерешителен, а его политические воззрения находились где-то «между аристократическим консерватизмом и невнятным анархическим социализмом»¹¹.

С точки зрения Ренцо Де Феличе, фиуманское предприятие имело какое-либо политическое значение для Италии лишь в самый начальный период. Потом быстро обнаружилась неспособность лидеров движения перевести его на общенациональный уровень, спровоцировав падение правительства Нитти, и эмоциональный подъем населения, вызванный симпатиями к д'Аннунцио и его идеям, быстро пошел на убыль. Попытки Джуриати и де Амбриса придать событиям политическое значение не увенчались успехом. Д'Аннунцио же был слишком увлечен собственной ролью «дуче», чтобы обращать внимание

¹⁰ *Adams J.C.* Some antecedents of the theory of corporative system // *Journal of the history of ideas.* 1942. Vol. 3. № 2. P. 182–189; *Elementi di ordinamento corporativo.* Roma: Diritto del Lavoro, 1929. P. 22–23.

¹¹ *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario. 1883–1920. Torino: Einaudi, 1995. P. 549.

на события, разворачивавшиеся вокруг него и его святого города — жертвы¹². На подписание упомянутого Рапалльского договора между Италией и КСХС д'Аннунцио отреагировал крайне отрицательно, поскольку в договоре не предусматривались переход к Италии всей области Карнаро или сохранение самостоятельности этого региона. «Кровавое рождество» 1920 года (события 24–30 декабря 1920 года, в ходе которых регулярные войска Италии разгромили и изгнали из Фиуме остаточные силы легионеров д'Аннунцио) привело к завершению «Фиуманского предприятия». Габриэле Д'Аннунцио покинул Фиуме 18 января 1921 года. Свободное государство Фиуме оказалось оккупировано Италией. Стало ясно, что триумфального марша из Фиуме и создания национал-синдикалистского государства в Италии не ожидается, и Альчесте де Амбрис также покинул Фиуме, сложив с себя обязанности главы правительства непризнанного государства Карнаро, и перебрался в Италию. В феврале 1923 г. де Амбрис выехал во Францию, где и умер в 1934 г. Его неоднократные призывы к Габриэле д'Аннунцио, звучавшие в 1922 г. — чтобы д'Аннунцио вышел из «золотого заключения» и возглавил движение, направленное на построение в Италии общества и государства на принципах Конституции Карнаро — услышаны не были.

¹² *De Felice R. Mussolini il rivoluzionario. 1883–1920. Torino: Einaudi, 1995. P. 557.*

Мария Тереза Джусти

ВЛИЯНИЕ АВИАЦИИ НА СОЦИО–ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СССР И ИТАЛИИ В КОНЦЕ 1920–х гг.

1. Попытки диалога между Италией и Россией

С момента признания Италией советского правительства в феврале 1924 г. до середины 1930–х гг. между Италией и СССР существовало множество точек соприкосновения – в области торговли, культуры, политики. Одной из общих черт двух режимов было пропагандистское использование такой темы, как авиация: успехи и герои ее популяризировались до такой степени, что стали составной частью имиджа внутри страны и на международном уровне. Один из главных героев этой «медийной» операции, Итало Бальбо (1896–1940), своим перелетом через восточное Средиземноморье в Одессу в 1929 г. положил начало беспрецедентному улучшению отношений между двумя странами как в экономическом, так и в политическом плане. Российские источники, отложившиеся в Российском государственном военном архиве (РГВА) и Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), дают представление о торговых аспектах итало–советских отношений, в то время как отчеты советских представителей в Риме, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), и официальная пресса того времени создают образ Бальбо, каким его воспринимала советская дипломатия, а также картину его сложных отношений с одним из столпов режима Галеаццо Чиано¹.

¹ Эта документация подтверждает ряд неточностей в дневнике Г. Чиано, выявленных в недавних публикациях. См., например, *Di Rienzo E. Ciano*,

И фашизм, и большевизм прославляли современность, динамическим выражением которой они считали авиаполеты. Организация трансатлантических перелетов и церемоний авиационного сообщества, демонстрировавших результаты работы авиационной промышленности, сблизила Италию и СССР в том политическом климате, который отличали взлеты и падения, характерные для десятилетия с 1924 г. до середины 1930-х гг., когда их отношения радикально ухудшились. Италия в поисках рынков сбыта стремилась продать продукцию своей авиационной промышленности, в то время как СССР испытывал потребность в приобретении современных технологий; Муссолини также надеялся получить из России сырье в обмен на валюту и крупные промышленные заказы².

На более общем уровне, с самого начала внешняя политика Муссолини уделяла внимание советскому государству³, с которым дуче стремился установить развитые отношения с тем, чтобы предложить альтернативу англо-французскому союзу в Европе путем внедрения русского колосса в качестве клина с востока⁴. Более того, и СССР, и Италия пытались выйти из изоляции, в которой они оказались в результате соответствующих политических переворотов: обе страны стремились начать в Европе процесс пересмотра своих позиций, против чего выступала англо-французская дипломатия⁵.

Vita pubblica e privata del «genero del regime» nell'Italia del Ventennio nero. Roma: Salerno, 2019.

² Во время НЭПа и сам Ленин высказывался за сотрудничество: «С Италией начинается: она предлагает заем. Надо это дело ускорить и продвинуть изо всех сил». Тов. Воровскому, № 11, 16 окт. 1921. Совершенно секретно. АВП РФ, Секретный архив, ф. 098, оп. 4, п. 101, д. 12, л. 23.

³ *Gentile E. Mussolini contro Lenin.* Roma-Bari: Laterza, 2018.

⁴ *De Felice R. Mussolini il fascista. La conquista del potere. 1921–1925, I vol.* Torino: Einaudi, 2005. P. 564n; Доклад Воровского Литвинову, Рим, 10 февр. 1923 г. Секретно // АВП РФ, Секретный архив НКВД [Народного комиссариата иностранных дел], ф. 098. Италия, оп. 6, п. 103, д. 46, л. 9.

⁵ О советской ревизионистской политике, проводимой на Лозаннской конференции (21 ноября 1922 — 4 февр. 1923 г.) см. Из письма представителя РСФСР в Италии заместителю народного комиссара иностранных дел РСФСР М.М. Литвинову, 19 ноября 1922. Док. 32 // Документы внешней по-

Еще до прихода фашизма к власти между двумя государствами были установлены де-факто торговые отношения, но не без трудностей⁶ — не в последнюю очередь из-за вмешательства Италии на стороне Антанты в Гражданскую войну в России. В марте 1920 г. (во время первого правительства Ф. Нитти) начались торговые переговоры, которые привели к подписанию договора, 27 апреля, между М.М. Литвиновым — главой советской делегации в Копенгагене — и итальянским военно-морским атташе в Стокгольме Манфреди Гравина. Однако советский поверенный в делах В.В. Воровский прибыл в Италию лишь через год (14 марта 1921 г.)⁷. Переговоры между Италией и Советским Союзом привели к подписанию торгового договора и таможенной конвенции 7 февраля 1924 г., когда в ответ Италия, вторая страна после Великобритании, признала де-юре советское правительство.

2. Авиация в Италии

В период между двадцатыми и тридцатыми годами в Италии воздухоплавание играло значительную роль в гражданской

литики в 24 тт. (далее ДВП). Т. 5. М.: Гос. изд.—во полит. Литературы, 1961. С. 688; *Pizzigallo M. Mediterraneo e Russia nella politica italiana. 1922–1924*, Milano: Giuffrè, 1983. P. 76–77; *Quartararo R. Italia–Urss 1917–1941. I rapporti politici*. Napoli: Esi, 1977. P. 37s.

⁶ О попытках Г.В. Чичерина, народного комиссара иностранных дел (Чичерин занимал свой пост с июля 1923 г. по июль 1930 г., когда его сменил М.М. Литвинов), блокировать военную интервенцию Италии (и других стран) против революционной России и восстановить дипломатические и торговые отношения между двумя странами см. Радиограммы от 17 января, 15 февраля и 31 декабря 1919 г. // АВП РФ, ф. 04, оп. 20, д. 161, л. 142, 8 янв. — 15 окт. 1929 г.

⁷ *Pizzigallo M. Mediterraneo e Russia nella politica italiana*, cit. P. 66–67. Об итало-советских отношениях до 1941 г. см. *Quartararo R. Italia–Urss 1917–1941*, cit.; о миссии Воровского см. Представителю правительства Италии в Эстонии М. Депретису [док. на франц. яз.], янв. 1920 г. // АВП РФ ф. 98, оп. 4, д. 2, д. 4, 1920, л. 1; *Dubrovina O. Politica estera e/o rivoluzione? I primi passi della Russia bolscevica in Italia: protagonisti, strumenti, sovrapposizioni // Storia e Politica. Annali della Fondazione Ugo La Malfa*, XXI, 2016. P. 292.

жизни и в военной сфере, став идеальной парадигмой модернизации⁸. В фашистской пропаганде авиация стала одним из символов фашизма, в том числе благодаря патетической риторике «крылатого поэта» Габриэле д'Аннунцио, а также воинственному пафосу футуристов, превозносивших героизм итальянских пилотов: всё это порождало патриотический культ полета, служивший укреплению режима⁹. Прославление воздухоплавания совпало с обрядово-театральной природой фашизма, приняв форму воздушных демонстраций, предназначенных для масс: в них участвовали такие знаменитые летчики, как Франческо Баракка и Франческо де Пинедо. Сам Муссолини брал уроки пилотирования в 1920–1921 гг., хвастаясь своими многочисленными полетами на аэропланах¹⁰. Под влиянием доктрины Дж. Дуэ¹¹ он стремился создать современную итальянскую авиацию, способную конкурировать с европейскими державами.

⁸ Как самостоятельные вооруженные силы Королевская авиация возникла в 1923 г. В Германии до середины 1930-х гг. они были частью собственно армии; официальный статус Люфтваффе был придан в 1935 г. Британские Королевские военно-воздушные силы (Royal Air Force = RAF) были учреждены в 1918 г.

⁹ *Lehman E.* Le ali del potere. La propaganda aeronautica nell'Italia fascista. Torino: UTET, 2010. P. 6. Об использовании авиации в пропагандистских целях см. *Rochat G.* Italo Balbo. Torino: UTET, 1986. «В этом смысле, — как писал М. Исненги, говорить об авиации — означало говорить о фашизме в целом»; см. *Isnenghi M.* Italo Balbo ovvero il volo fascista // Italia moderna. Dall'espansione alla Seconda guerra mondiale, vol. II. Milano: Electa, 1983. P. 111. См. также *Alegi G.* La storia dell'Aeronautica militare. La nascita. Roma: Edizioni Rivista Aeronautica, 2015; *Id.* La storia dell'Aeronautica militare. I velivoli. Roma: Aviator, 2013; *Id.* «L'arma fascistissima»: il falso mito dell'Aeronautica come preferita del regime // Le ali del Ventennio. L'aviazione italiana dal 1923 al 1945. Bilanci storiografici / a cura di M. Ferrari. Milano: Franco Angeli, 2005. P. 111–154; *Apostolo G.* Guida agli aeroplani d'Italia dalle origini ad oggi. Milano: Mondadori, 1981.

¹⁰ В 1937 г. Муссолини получил лицензию военного летчика. Его сын Бруно принимал участие в войне в Эфиопии и в Гражданской войне в Испании на стороне франкистов; он погиб в 1941 г. при посадке бомбардировщика Piaggio P.108B после испытательного полета.

¹¹ Теоретик господства в воздухе, полковник Джулио Дуэ критиковал Верховное командование за методы проведения воздушных операций и разрабатывал теорию использования бомбардировок с воздуха — практики,

К середине 1920-х гг. итальянская авиационная промышленность быстро развивалась (несмотря на отставание от других европейских стран), стремясь при этом найти рынки сбыта своей продукции. С 1925 по 1934 г. главным героем авиации был летчик де Пинедо, совершивший многократные успешные перелеты через Средиземноморье, Европу и Атлантический океан в Северную и Латинскую Америку¹². Итальянские пилоты принимали участие в соревнованиях на установление рекордов скорости, высоты и продолжительности полета, а также на первенство по дальности полета по прямой и по замкнутому кругу. Savoia-Marchetti S.64 — одномоторный моноплан-рекордсмен — был построен специально для достижения трех мировых рекордов, под управлением летчиков Артуро Феррарина и Карло Дель Прете.

3. Авиация в СССР

В начале 1920-х гг., по сравнению с Европой и США, где авиация развивалась очень быстро, советская авиационная промышленность отставала. Причинами этого были кустарный тип производства, зависимость от иностранных поставок оборудования, нехватка опытных авиационных инженеров и конструкторов, а также квалифицированных рабочих. Для создания современных и технологически конкурентоспособных военно-воздушных сил, в мае 1918 г. было учреждено Главное управление Рабоче-Крестьянского Красного Военно-воздушного Флота (Главвоздухофлот), тогда как ранее встречались

впервые примененной Италией в Ливии в 1911 г. против турецких позиций. См. *Douhet G.* Il dominio dell'aria. Probabili aspetti della guerra futura. Milano: Mondadori, 1932. О нем см. *Lehman E.* La guerra dell'aria. Giulio Douhet, stratega impolitico. Bologna: Il Mulino, 2013; *Id.* Le ali del potere, cit. P. 34; *Curami A.* L'industria aeronautica a Varese. Dalle origini al 1939 // *Rivista di Storia Contemporanea*, 1988, 4. P. 578–601 (особенно, p. 596).

¹² *De Pinedo F.* Un volo di 55.000 chilometri. Milano: Mondadori, 1926; *Id.* Il mio volo attraverso l'Atlantico e le due Americhe (con un proemio di G. d'Annunzio). Milano: Hoepli, 1934; *Ferrante O.* Francesco de Pinedo. In volo su tre oceani. Milano: Mursia, 2005.

лишь единичные случаи использования невоенных самолетов для гражданских и транспортных перевозок¹³. В декабре того же года в Москве по инициативе наркома по военным и морским делам Л.Д. Троцкого одним из самых выдающихся русских ученых Николаем Жуковским вместе со своим учеником Андреем Туполевым был основан ЦАГИ, Центральный аэродинамический институт (он и сегодня является научным центром по развитию российской авиации). В ЦАГИ был организован ряд отделов, испытательных стендов и лабораторий, занимавшихся экспериментальным проектированием аэропланов¹⁴. В 1919 г. в Москве был создан Авиатехникум, выросший через несколько лет в Военно-воздушную академию, готовившую не только летчиков, но и авиационных инженеров.

16 апреля 1922 г., во время Генуэзской конференции по экономическим и финансовым вопросам, подписание договора в Рапалло, между Германией и РСФСР (о восстановлении дипломатических отношений и урегулировании всех спорных вопросов) сблизило эти две страны, исключенные с европейской сцены, одна — из-за поражения в войне, другая — из-за социалистической революции, и ознаменовало возобновление торговых отношений между двумя государствами, отказавшимися от репараций и компенсаций за нанесенный военный ущерб, при этом, однако, без признания де-юре Германией советского правительства. Таким образом Москва добилась прекращения политической изоляции со стороны Западной Европы, а Германия начала тайно перевооружаться не без поддержки советского государства — в обмен на передовые немецкие технологии¹⁵. Результатом соглашения стало открытие в мае 1923 г.

¹³ Котов Н.А. История гражданской авиации России. СПб.: Гос. Унив. гражданской авиации, 2007; Волков М.М. Управление в области гражданской авиации СССР. Л.: Лен. Академия гражданской авиации, 1971. С. 56–58.

¹⁴ Palmer S.D. Dictatorship of the Air. Aviation Culture and the fate of Modern Russia. Cambirdge: Cambridge University Press, 2006. P. 93.

¹⁵ Договор между РСФСР и Германией, 16 апр. 1922 г., подписанный Г.В. Чичериним и министром иностранных дел Веймарской республики В. Ра-тенау (1 февр. — 24 июня 1922 г.). Док. 121 // ДВП, цит. Т. 5. С. 223–224; Соглашение о распространении на советские республики договора от

первого коммерческого воздушного маршрута между СССР и иностранным государством, Москва–Кёнигсберг (нынешний Калининград). Маршрут курировало совместное предприятие «Дерулюфт» (Deutsch–Russische Luftverkehrs A.G.), советским партнером которого являлся «Добролет» (Акционерное общество Добровольного воздушного флота)¹⁶. Основанный 17 марта 1923 г. как самофинансирующееся коммерческое предприятие, «Добролет» выполнял различные задачи, включая содействие советской промышленности в создании воздушного флота, развитие сети авиасообщений, регулирование маршрутов авиакомпаний и поддержку торговых связей¹⁷. Несколько дней ранее, 9 марта, в одном из военных училищ Москвы было проведено первое собрание «Общества друзей воздушного флота» (ОДВФ).

Значительное отставание в развитии авиации — по ряду причин, связанных с общими проблемами всей промышленности бывшей Российской империи, — не помешало советским летчикам совершать дальние перелеты¹⁸. В 1925 г. был совершен первый перелет Москва–Пекин–Токио на самолете АК–1, пилотируемом Аполлинарием Томашевским, и на самолетах Поликарпова Р–1 и Р–2¹⁹; в 1927 г. последовал перелет Москва–Токио–Москва на самолете Р–3, а в 1929 г. Москва–Нью–Йорк на самолете Туполева АНТ–4. В августе того же года пилот Семен Шестаков на борту туполевского АНТ–4 (ТБ–1) «Страна Советов» совершил перелет Москва–Нью–Йорк через Сибирь и Аляску²⁰. Оказанный ему прием в Соединенных

16 апреля 1922 г. в Рапалло между РСФСР и Германией. Док. 305 // Там же. С. 653–662. Подробнее см.: *Erickson J. The Soviet High Command. A Military-Political History.* London: St. Martin's, 1962. P. 144–163.

¹⁶ Известия, № 53, 9 марта 1923.

¹⁷ *Palmer S.D. Dictatorship of the Air*, cit. P. 91s.

¹⁸ *Соболев Д.А. История самолетов. 1919–1945.* М., РОССПЕН, 1997.

¹⁹ ЦАГИ поручил создание АК–1 двум инженерам, Александрову и Калининину (отсюда и аббревиатура АК–1). Николай Поликарпов, авиационный инженер, один из основателей советской авиационной промышленности.

²⁰ АНТ–4 стал первым в мире цельнометаллическим двухмоторным серийным бомбардировщиком. См. *Шавров В.Б. История конструкции самолетов в СССР, 1938–1950.* М.: Машиностроение, 1988. С. 345. Расстояние

Штатах 30 октября был триумфальным. АНТ-9 также стал знаменит благодаря полету над европейскими столицами в 1929 г. на расстояние 9.037 км, совершенному Михаилом Громовым, который ранее участвовал в перелете Москва–Пекин–Токио, за что был награжден орденом Красного Знамени²¹.

В 1930–е гг. интерес к полетам в СССР возрос: они стали крайне популярны благодаря ряду мировых рекордов, укрепивших внутреннюю поддержку советского строя и позволивших представить привлекательный образ СССР внешнему миру. Например, в 1934 г. сенсацию вызвало спасение экипажа ледокола «Челюскин», затертого льдами и затонувшего у острова Колючин в Чукотском море²². Производство самолетов для военных нужд росло в геометрической прогрессии — с задачей, не всегда успешно выполняемой, привести советскую авиацию в соответствие с авиацией наиболее промышленно развитых стран Европы: количество произведенных истребителей и бомбардировщиков выросло с чуть более тысячи в 1917 г. до 22 тысяч²³. Для этого авиаконструктор Туполев по просьбе И.В. Сталина разработал самолет, способный летать на большие расстояния, — АНТ-25, первый одномоторный моноплан, который мог нести до семи тонн топлива²⁴. Однако первая попытка в августе 1935 г. установить новый рекорд по расстоянию, от Москвы до Сан-Франциско, закончилась неудачей: утечка масла из двигателя над Баренцевым морем заставила летчика

около 22 тыс. км было пройдено за 137 час. при крайне неблагоприятных погодных условиях, когда туман на маршруте чередовался с бурями и метелями.

²¹ *Соболев Д.А.* Указ. соч. С. 86.

²² См. *Polledro A., Galetto L.* L'Odisea del Celiuskin. Sulla scorta dei documenti ufficiali e delle narrazioni dei reduci. Milano: A. Mondadori, 1935.

²³ *Шавров В.Б.* История конструкции самолетов до 1938 года. М.: Машиностроение, 1978 (2–е изд.); *Авиация // Советская военная энциклопедия / под ред. Н.В. Огаркова, в 8 тт. Т. I.* М.: Воениздат, 1976. С. 45272–55. О популярности авиации в те годы см. *Каминский Я.А.* Кремлевские перелеты. М.: Гласность, 1998

²⁴ АНТ-25 имел оригинальную конструкцию и размах крыльев 33 м, который также мог быть увеличен; был спроектирован так, чтобы выдерживать очень низкие температуры.

Сигизмунда Леваневского повернуть назад. Затем экипаж был допрошен сотрудниками НКВД для выявления виновных, и между Туполевым и Леваневским последовала серия тяжелых взаимных обвинений и оскорблений: первый обвинил экипаж в том, что тот прервал полет, а второй обвинил Туполева, названного «врагом народа», в ущербной конструкции самолета²⁵.

В мае 1935 г. самолет АНТ-20 «Максим Горький» разбился в пригороде Москвы после столкновения с одним из двух самолетов Поликарпова, летевших рядом с ним. В катастрофе погибли 38 пассажиров — сотрудники ЦАГИ, конструировавшие самолет, их семьи (в том числе семь детей) и одиннадцать членов экипажа. АНТ-20 впечатлял своими размерами: помимо перевозки грузов и пассажиров, он был мощным пропагандистским оружием, но трагедия, произошедшая в московском небе, могла как бумеранг ударить по образу режима. Этот эпизод стал показательным, поскольку выявил риск, угрожавший авионавтике в те годы, когда интенсивно проводились эксперименты с новыми возможностями авиатехники; в Италии тоже было немало жертв, включая сына самого Муссолини — Бруно, 23-летнего летчика, погибшего при посадке во время тренировочного полета в 1941 г.

Возвращаясь к советской авиации, следует отметить, что неудачные полеты АНТ-20 и АНТ-25 заставили власти сократить пропаганду до тех пор, пока они не будут завершены.

В июне 1936 г. Сталин поручил Валерию Чкалову, «русскому Линдбергу», совершить полет из Москвы в Хабаровск на переоборудованном АНТ-25 под названием «Путь Сталина». Он вылетел 20 июля и вернулся в столицу 10 августа. Чкалов был символом для советских людей 1930-х гг., которые шли путем «обычной» жизни в «необычное» время, иногда приводящим к пьедесталу героев²⁶. В 1937 г. Чкалов (с ним были второй пилот

²⁵ Помимо Сигизмунда Леваневского, в состав экипажа входили второй пилот Георгий Байдуков и штурман Виктор Левченко. См. *Palmer S.D. Dictatorship of the Air*, cit. P. 221–223. См. также *Каминский Я.А.* Указ. соч. С. 52.

²⁶ *Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. Ordinary life in extraordinary times. Soviet Russia in the 1930s.* Oxford-New York: Oxford Univ. Press, 1999. P. 74.

Георгий Байдуков и штурман Александр Беляков) совершил перелет на АНТ–25 из Москвы в Ванкувер, штат Вашингтон (прибыл 20 июня), ставшим первым прямым полетом из СССР в США²⁷. Советские летчики были приняты в Белом доме президентом США Франклином Д. Рузвельтом. Полеты становились серьезным инструментом для дипломатических взаимодействий между странами. За этим беспрецедентным подвигом через месяц (12–14 июля 1937 г.) последовал еще один прямой перелет в США на АНТ–25, через Северный полюс, по маршруту Москва — Северный полюс — Сан–Джасинто (Калифорния), под командованием Громова, установившего два мировых рекорда²⁸.

4. Женщины в советской авиации: «ночные ведьмы»

За впечатляющими трансатлантическими перелетами Чкалова и Громова последовали несколько авиакатастроф в конце 1930–х гг., в том числе пилотируемого женским экипажем двухмоторного бомбардировщика АНТ–37 «Родина», который совершал перелет из Москвы на восток России, но был вынужден приземлиться в Сибири в сентябре 1938 г. из-за пожара в кабине. Экипаж, состоявший из летчицы Валентины Гризодубовой — обладательницы нескольких рекордов, ее напарницы Полины Осипенко и штурмана Марины Расковой, был спасен через две недели²⁹.

Женщины–авиаторы внесли важный вклад в развитие советских военно–воздушных сил во время Второй мировой войны. В отличие от фашистского и нацистского режимов, которые не

²⁷ *Водопьянов М.В.* Валерий Чкалов. М.: Молодая Гвардия, 1954. С. 95 и далее. См. также *Беляков А.В.* Валерий Чкалов. М.: ДОСААФ, 1987. В ходе полета было пройдено 9.130 км, в т.ч. 5.900 км над Северным Ледовитым океаном и Северным полюсом.

²⁸ Рекорд по продолжительности полета и рекорд полета по прямой — 10.148 км, из которых 5.500 над океаном. См. *Громов М.М.* На земле и в небе. Заметки о летной профессии. М.: Гласность, 2011.

²⁹ Два самолета, участвовавшие в спасательных операциях, столкнулись, что привело к гибели 16–ти человек. См. *Palmer S.D.* Dictatorship of the Air, cit. P. 251.

предусматривали использование женщин в ВВС, Сталин решил привлечь летчиц к военным операциям, хотя это решение могло вызвать социальную нестабильность³⁰: легенды о полетах побуждали пойти на фронт многих девушек, вдохновленных патристическими чувствами после нападения Германии на СССР в 1941 г. Прием женщин в ВВС, помимо главной цели, защиты от агрессора, также представлял собой элемент правительственной пропаганды. По предложению летчицы Расковой в октябре 1941 г. Верховное командование издало Указ о формировании трех женских авиаполков: из них 588-й, переименованный в 46-й гвардейский ночной бомбардировочный авиационный полк, был полностью сформирован из женщин-пилотов, штурманов и техников. Всего советские летчицы за время войны совершили более 30 тысяч вылетов, поднимаясь в небо от 5 до 15 раз днем и ночью³¹. Девушки из 588-го полка прославились среди немцев, которые за смелость называли их «ночными ведьмами»³².

Как показало начало Великой Отечественной войны, образ советской авиации, представленный ранее внешнему миру, не соответствовал действительности: лишь несколько качественных самолетов было произведено в пропагандистских целях, но для ведения боевых действий советским летчикам и летчицам сначала пришлось довольствоваться легко возгоравшимися

³⁰ Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism*, cit. P. 156.

³¹ В 586-м, 587-м и 588-м авиаполках работали женщины-пилоты и специалисты. Приказ НКО СССР 0099 от 08.10.41 О формировании женских полков ВВС Красной Армии // Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22.6.1941. Т. 13. М.: Терра, 1997.

³² О решении Сталина привлечь женщин в ВВС см. *Giusti M.T.* La campagna di Russia. 1941-1943. Bologna: Il Mulino, 2016. P. 176s. В целом об этом см. *Milanetti G.* Le streghe della notte. La storia non detta delle eroiche ragazze-pilota dell'Unione Sovietica nella grande guerra patriottica. Roma: Isbn, 2011; *Rossi M.* Le streghe della notte. Storia e testimonianze dell'aviazione femminile in Urss. 1941-1945. Milano: Unicopli, 2003; *Noggle A.* A Dance with Death. Soviet Airwomen in WWII. College Station: Texas A&M Univ. Press, 2001; см. также воспоминания: *Ракобольская И., Кравцова Н.* Нас называли ночными ведьмами. М.: МГУ, 2005.

старыми бипланами, без необходимого оборудования, инструментов для ночных полетов и целеуказания³³.

5. Советско-итальянское сотрудничество в авиации

Итало-советские торговые связи в области авиации возникли в начале 1920-х гг. и развивались до середины 1930-х гг. Кульминацией их стал «Договор о дружбе и ненападении», подписанный между Италией и СССР 2 сентября 1933 г. Советский Союз был в основном заинтересован в покупке гидросамолетов производства SIAI (Società Idrovolanti Alta Italia): фактически уже в 1922 г. Россия стала вторым после собственно Италии покупателем гидросамолетов SIAI S.16 фирмы Savoia-Marchetti, приобретя 30 единиц: они использовались Балтийскими и Черноморскими ВВС до 1931 г.³⁴ Самолет оказался настолько прочным, что ему удавалось при необходимости продержаться в дрейфе девять дней, три из которых были штормовыми. В том же году СССР приобрел 30 бипланов Ansaldo A-1 (истребитель и самолет-разведчик, известный как «Balilla»). По экономическим соображениям они были приобретены без вооружения, поэтому советская сторона впоследствии запрашивала у итальянской стороны пулеметы и синхронизаторы³⁵.

³³ Позднее, благодаря Закону США о ленд-лизе, к мощным советским Пе-2 Петлякова добавились американские «Бостон» и «Дуглас», легкие современные бомбардировщики.

³⁴ Доклады пред. РВС РККА о развитии морской авиации, переписка по орг. штатным вопросам, 5.01.1931-30.12.1931 // РГВА, ф. 29, оп. 76, д. 1459, л. 95; *Burigana D. Armi e diplomazia. L'Unione Sovietica e le origini della Seconda guerra mondiale. 1919-1939. Firenze: Polistampa, 2006. P. 141-142.* (SIAI S.16 был трехместным разведывательным гидросамолетом-бипланом с двигателем Fiat A-12 bis мощностью 300 л.с.).

³⁵ А-1 был разработан инженерами Умберто Савоя и Родольфо Вердучио. Более пятидесяти самолетов были произведены по лицензии польской фирмой «Plage i Laśkiewicz» в Люблине. О соглашении и использовании см. Доклады пред. РВС РККА о развитии морской авиации, переписка по орг. штатным вопросам, 5.01.1931-30.12.1931. цит., л. 93-94.

В 1927 г. после т.н. «полета рек» летчика Умберто Маддалены³⁶ возник план по строительству завода SIAI в Бердянске, который должен был производить гидросамолеты для военного использования непосредственно в СССР³⁷. В 1928 г. FIAT и Isotta Fraschini выпустили на рынок лишь несколько самолетов, так как советские заказчики были нацелены в первую очередь на приобретение технологий, однако при этом итальянцы не хотели, чтобы СССР приобретал самолеты в других странах, например, во Франции.

Полет Бальбо в 1929 г. имел ощутимый эффект с коммерческой точки зрения: в 1931 г. Турция купила 28 гидросамолетов SIAI–Marchetti; в 1933 году СССР приобрел 147, плюс 140 двигателей Asso 750HP. ФИАТ участвовал в строительстве крупнейшего в мире завода по производству шарикоподшипников, а в 1933 г. он открыл в Москве завод по производству запчастей из легких сплавов для авиационных двигателей³⁸.

6. Бальбо и массовый полет

Среди главных героев итальянской авиации до эпохи Бальбо следует назвать уже упомянутого Умберто Маддалену, который в 1925 г. совершил перелет через Балтийское море и достиг

³⁶ У. Маддалена совершил перелет над четырьмя крупными реками (Сава, Дунай, Дон, Волга, Москва – река).

³⁷ *Burigana D. Armi e diplomazia*, cit. P. 144. Однако соглашение было подписано только 2 августа 1930 г. министром корпораций Джузеппе Боттаи, министром финансов Антонио Москони и заместителем комиссара внешней торговли И.Е. Любимовым о строительстве завода и покупке за 14 млн. лир советской стороной S.65 в количестве 50 шт. и других гидроразведчиков, которые должны были быть сконструированы непосредственно в Бердянске.

³⁸ См. Соглашение между Правительством Советских Социалистических Республик и Правительством Италии о гарантии экспортных кредитов // РГАЭ, ф. 413 оп. 13, д. 756, л. 172 – 173; *Promemoria su domanda RIV* // Материалы по торгово-экономическим отношениям с Италией, т. 2, июнь 1933 – дек. 1934 г. // РГАЭ, ф. 413 оп. 13, д. 528, л. 46 (на итал.); *Castronovo V. Giovanni Agnelli. La Fiat dal 1899 al 1945*. Torino: Einaudi, 1977. P. 353; *Bassignana P.L. Fascisti nel paese dei Soviet*. Torino: Bollati Boringhieri, 2000. P. 64.

Ленинграда, управляя двумя гидросамолетами Macchi M.24. «Таким образом, мы стали первыми итальянскими авиаторами, достигшими "Красной России"», — писал он, предвосхищая «перелет через великие европейские реки» в 1927 г. на биплане SIAI–Marchetti S.62³⁹. Мероприятие 1925 г., названное «Балтийской трассой» («Circuito del Baltico»), преследовало конкретные рекламные цели для Италии: «Россия проявляла особый интерес, поскольку авиатехники хотели узнать характеристики одного из наших новейших типов гидросамолетов, Savoia, оснащенного двигателем Isotta–Fraschini Asso 500», поэтому Маддалена остался с другими пилотами на четыре дня в Москве, чтобы выполнить задачу «комивояжеров летающих аппаратов»⁴⁰. 10 апреля предыдущего года дирижабль Умберто Нобиле «Норвегия» с международным экипажем из 21 человека вылетел из Рима на Аляску с заходом в Ленинград, прибыв туда 15 апреля⁴¹.

Схожесть пропагандистских установок в воздухоплавании являл Итало Бальбо, который трансформировал индивидуализм героя–одиночки, укрощающего воздух на «стальном коне», в некий «полет масс», представляющих целую нацию⁴².

³⁹ Maddalena U. Lotte e vittorie sul mare e nel cielo. Milano: A. Mondadori, 1930. P. 106, 123. Кроме экипажа на гидросамолете находился известный журналист из «Corriere della Sera» Гвидо Маттиоли, который позже расскажет о пережитом опыте в: Mattioli G. In volo con Maddalena. Roma: L'Aviazione, 1939. Об Умберто Маддалене см. также I sorci verdi. Roma: L'Aviazione, 1938; L'Aviazione fascista e la conquista dell'Impero. Roma: L'Aviazione, 1938; Ferrante O. Tra cielo e mare // Rivista Aeronautica, 2011, 1 P. 104–111.

⁴⁰ Maddalena U. Lotte e vittorie sul mare e nel cielo, cit. P. 130. Итальянских летчиков приветствовали посол Винченцо Черрути и представители компаний SIAI и Isotta-Fraschini.

⁴¹ Вынужденный задержаться на двадцать дней из-за неблагоприятных погодных условий, Нобиле рассказывал о «тысяче милых заботливых жестах», оказанных советскими гражданами. Шесть лет спустя он покинет Италию ради работы в СССР в области дирижаблестроения. Nobile U. La tenda rossa. Milano: A. Mondadori, 1969. P. 81s; Талалай М.Г. Зачем человеку Север? Эпопея генерала Нобиле и его Красной палатки // Север и история. Четвертые Феодоритовские чтения. СПб.; Мурманск.; Ладан, 2012. С. 330–338.

⁴² Rochat G. Italo Balbo, cit. P. 130.

Впервые избранный в Палату депутатов в мае 1924 г., он почти сразу же основал «летную парламентскую группу»; после серии полетов, с целью определения аварийных посадочных площадок в стране, он писал: «Я убежден, что будущее Италии лежит в небе»⁴³. 23 мая 1927 г. Бальбо получил лицензию пилота, а в 1934 г. был допущен к управлению «всеми самолетами, состоящими на вооружении Королевской авионавтики», набрав в общей сложности 2.750 летных часов. Как и сам Муссолини, а также все фашистские иерархи, выдававшие себя за опытных пилотов, Бальбо на самом деле долгое время находился под искусным руководством опытного «помощника», летчика Стефано Канья⁴⁴. Заместитель министра (командующего) ВВС с ноября 1926 г. по 12 сентября 1929 г., Бальбо унаследовал от своего предшественника Альберто Бонцани хорошо структурированные и динамично развивающиеся ВВС; он стал их министром вместо Муссолини, когда ему было всего 33 года, и занимал эту должность до 7 ноября 1933 г.; он являлся единственным маршалом авиации с августа 1933 г. до своей смерти. Именно авиация определила его судьбу.

После назначения Бальбо министром итальянская авионавтика стала еще более популярной у населения: увеличилось количество государственных заказов для авиационной промышленности; были организованы филиалы Аэроклуба Италии и летные школы⁴⁵, проводились зрелищные авиашоу и строились новые аэропорты. Цели «промышленной» политики Бальбо гордо заявил сам: по сути, речь шла о реализации рекламной кампании, направленной на увеличение экспорта и поддержание итальянской авиапромышленности⁴⁶. В том,

⁴³ *Guerra G.B. Italo Balbo. Milano: Bompiani, 2013. P. 202.*

⁴⁴ Канья, вместе с Маддаленой, был членом команды, которой удалось доставить продовольствие экипажу потерпевшего крушение дирижабля «Италия»; он помог организовать перелет над западным Средиземноморьем, а в 1938 г. создал первое итальянское подразделение парашютистов; назначенный бригадным генералом авиации в 1939 г. в возрасте 38 лет, Канья погиб в 1940 г. во время боевых действий в небе над Средиземным морем.

⁴⁵ Официальной датой рождения Аэроклуба Италии считается 22 ноября 1911 г.

⁴⁶ См. *Balbo I. Sette anni di politica aeronautica. 1927–1933. Milano: Mondadori, 1936.*

что касалось экспорта цель была достигнута: по данным Лиги Наций, в период с 1926 по 1932 гг. Италия стала одним из самых важных экспортеров оружия, имея 12,7% мирового экспорта авиационной техники и уступая лишь США, Франции и Великобритании⁴⁷.

Полеты были созвучны героической натуре Бальбо: они дали ему возможность совместить зрелищность, авантюризм, героизм и смелость, воплощая все эти качества. «В сердце каждого пилота, — писал он, — спит маленький Одиссей: достаточно взмаха крыльев, чтобы его разбудить его»⁴⁸. Муссолини назначил его в авиацию с целью проведения ее фашистизации и идеологической пропаганды, полагая, что Бальбо, с его жизненной силой и страстностью, смог бы сделать ВВС дополнительной базой фашизма и увязать режим с технологией и современностью, которые олицетворяла авиация. С самого начала, заявляя о своем желании модернизировать военно-воздушные силы, Бальбо старался обеспечить им бюджет, способный увеличить производство самолетов и улучшить их эксплуатационные характеристики наравне с другими европейскими странами⁴⁹. Хотя цифры в миллионах лир, выделенных на три рода вооруженных сил в период с 1925 по 1934 г., показывают, что авиация среди сухопутных и морских сил была «золушкой». Еще будучи в должности замминистра, Бальбо сумел добиться значительного увеличения бюджета, до 754 миллионов на 1926–1927 гг. — из 5.186, выделенных на военный сектор; несмотря на все его усилия, в 1933–1934 гг. он получит 770 миллионов, чуть больше половины бюджета военно-морских сил и четверть бюджета

⁴⁷ *Segreto L.* Marte e Mercurio. Industria bellica e sviluppo economico in Italia 1861–1940. Milano: Franco Angeli, 1997. P. 50–51.

⁴⁸ *Balbo I.* Da Roma a Odessa. Sui cieli dell' Egeo e del Mar Nero. Note di viaggio. Milano: Treves, 1929. P. 1. Итало Бальбо, вне сомнения, отличался силой и мужеством, однако из-за своих амбиций и злопамятности имел весьма противоречивую репутацию.

⁴⁹ После серии испытаний Бальбо сообщил Муссолини, что итальянские ВВС могут рассчитывать только на 300 исправных и боеспособных самолетов. *Segrè C.G.* Italo Balbo. Una vita fascista, Bologna: Il Mulino, 1988. P. 183, 184.

сухопутных⁵⁰. Политическое использование ВВС, технологических успехов авиапромышленности, интереса населения к подвигам летчиков, от Бальбо до Феррарина, заставляет задуматься об интерпретации этого сектора: по сути, употребление летучего «фашистского оружия» и пропагандистских мифов о полетах не соответствовало адекватной финансовой поддержке⁵¹.

Выступая 22 марта 1928 г. в Палате депутатов Бальбо обозначил границы и указал цели итальянских ВВС: они должны были стать «мощной маневренной массой» и, по словам престижного английского журнала, «должны считаться тем передовым стражем западной цивилизации, который, при вероятном большевистском вторжении с востока в центральную Европу, будет призван к высшему испытанию между Альпами и Адриатикой»⁵². Таким образом, итальянские ВВС мыслились как оплот против возможного коммунистического наступления, что не мешало фашистской Италии рассматривать их как средство упрочения дипломатических связей с СССР.

Авиационные мероприятия являлись движущей силой экономики, инструментом, способным осуществлять рекламные операции; в то же время они должны были возвысить итальянскую авиацию в глазах национального общественного мнения. 28 марта Бальбо выдвинул в Палате депутатов идею о том, что авиация — это уже не индивидуальное явление, не рейды и личные рекорды, пригодные для возвеличивания «нескольких счастливыхчиков», а скорее массовый опыт. 29 мая 1929 г. — накануне полета над Восточным Средиземноморьем — будучи еще заместителем министра, он объявил об окончании эры авиационных «чемпионов» и «звезд»: его целью теперь стало «проведение гораздо более интересных экспериментов для жизни

⁵⁰ В 1927–1928 гг., когда на вооружение были потрачены 4.578 миллионов лир (из общих государственных расходов в 29.650 миллионов), ВВС получили только 663 миллиона, что вдвое меньше, чем ВМС, и чуть меньше четверти, чем сухопутная армия. См. таблицу в: *Guerra G.B. Italo Balbo*, cit. P. 289.

⁵¹ См. об этом *Alegi G.* «L'arma fascistissima», cit.

⁵² *Atti parlamentari, Camera dei Deputati, Legislatura XXVIII, 1a sessione, tornata del 22 marzo 1928.*

нации». Новая концепция полета более не вдохновлялась «спортивными критериями», на смену им пришли ценности нации, учитывая — вся страна должна была познать себя в своей «авиационной массе»⁵³. Это стало объявлением борьбы с «асами» и «примадоннами», к которым Бальбо относился весьма жестко, причем по ряду причин: во-первых, потому, что он сам был «лишь до определенного момента великим пилотом»; во-вторых, потому, что асы воздухоплавания воспринимались им как соперники в построении пропагандистской модели «летающего министра», имевшей успех в Италии как «мужественный» пример молодости и смелости⁵⁴. Бальбо сумел всё это сделать политикой: воплощая свои идеи в жизнь, он и летчик де Пинедо организовали два дальних перелета в западном и восточном Средиземноморье, а также два через Атлантику, эффект от которых был весьма значителен для пропаганды и для имиджа режима.

В период с 25 мая по 2 июня 1928 г., в продвижении современного метода обучения, основанного на коллективности, состоялся первый групповой полет в западном Средиземноморье с участием авиабригады и двух авиаотрядов, имевший большой успех у публики и прессы⁵⁵. Пока Бальбо отправлялся в свой полет, Феррарин и Дель Прете на S.64 завоевали мировой рекорд по продолжительности и дальности полета по замкнутому кругу (25 мая произошло трагическое крушение на Северном полюсе дирижабля Нобиле «Италия»). В знак благодарности за триумф Бальбо 10 августа 1928 г. дуче назначил

⁵³ *Balbo I. Da Roma a Odessa, cit. P. 31.* Следует помнить, однако, что массовые полеты не являлись чем-то новым для Италии, поскольку они уже были опробованы в битве при Витторио-Венето, а идею больших воздушных флотилий уже разработал Дуэ.

⁵⁴ *Segrè C.G. Italo Balbo, cit. P. 182.* Бальбо был особенно искусен в разрушении карьеры Нобиле и де Пинедо, в 1927 г. назначенного генералом воздушной бригады.

⁵⁵ Отправившись из Орбетелло, эскадрилья сделала остановки в Эльмасе на Сардинии, Польенсе (Балеарские острова), Лос-Алькасаресе и Пуэрто-Альфакесе в Испании, Бер-л'Этане во Франции, пройдя в общей сложности 2.804 км. На маршруте находился 51 гидросамолет, а также журналисты, представители гражданских и военных властей.

его генералом воздушной эскадрильи, что позволило ему мгновенно пройти путь от армейского капитана (он служил в альпийском корпусе) до генерала в ВВС⁵⁶. Еще в конце своего первого дальнего полета над западным Средиземноморьем, Бальбо задавался вопросом: «Почему же на рассвете, когда мы возобновили полет, мы не могли продолжить его сверх запланированного маршрута к берегам таинственного Востока?»⁵⁷ — так он запускает идею полета над Средиземноморьем восточным.

7. Бальбо в Одессе

27 февраля 1929 г. Бальбо вместе с другими представителями Королевских воздушных сил присутствовал на приеме, организованном в советском посольстве в Риме в честь полярного исследователя Рудольфа Самойловича, который возглавлял команду по спасению экипажа дирижабля «Италия» на ледоколе «Красин», и летчика Бориса Чухновского⁵⁸. Страстно желая встретиться со ставшими популярными в Италии советскими пилотами, Бальбо также хотел воспользоваться возможностью и запустить идею перелета над восточным Средиземноморьем с остановкой в Одессе. Это предложение поддержал Георгий Силин, советский военный атташе в Риме, посол Дмитрий Курский также гарантировал полную поддержку, пообещав написать в Москву. На следующий день Бальбо получил одобрение

⁵⁶ Это решение вызвало сильное недовольство де Пинедо, истинного организатора предприятия, который в компенсацию получил титул маркиза, пост заместителя начальника штаба ВВС (в ноябре 1928 г.), уступая только тогдашнему министру Муссолини, и чин генерала авиадивизии (в марте 1929 г.). В августе 1929 г. после разногласий с Бальбо он ушел в отставку с этого поста, с назначением на должность атташе по авиации в Аргентине до 1932 г., когда уже он сам добровольно оставил службу. До того как стать летчиком, Бальбо принимал участие в военных действиях в качестве офицера альпийских войск. См. *Alegi G. Italo Balbo // Dizionario del fascismo / a cura di V. De Grazia, S. Luzzatto. Vol. I. Torino: Einaudi, 2003. P. 132.*

⁵⁷ *Balbo I. Da Roma a Odessa, cit. P. 1.*

⁵⁸ Они оба были вызваны в качестве свидетелей комиссией, назначенной итальянским правительством для установления ответственности за катастрофу дирижабля «Италия».

Муссолини: «Дуче считает это нормальным <...>. Я хорошо лажу со всеми революционерами, но Муссолини гораздо больший революционер, чем я. Для него не существует никаких препятствий. Есть стимулы идти как можно дальше»⁵⁹.

Владимир Курносов — руководитель отдела печати и информации посольства в Италии — сообщил о встрече с Бальбо в секретном докладе комиссару иностранных дел Георгию Чичерину и его заместителю Максиму Литвинову⁶⁰. Среди прочего, Бальбо, излагая этапы возможного полета и подчеркивая свое восхищение большевиками, сказал ему: «Мы хотя и враги, но такие, которые лучше, чем кто-нибудь сумеют договориться, и которые находятся почти в равных условиях к остальному капиталистическому миру. Нас одинаково ненавидит вся демократия»⁶¹. Это были не просто слова «по случаю», а оценка итало-советских отношений до середины 1930-х гг., в действительности, весьма нестабильных. При этом во время трансатлантического перелета 1933 г. Бальбо публично заявлял о своем восхищении прогрессом, олицетворением которого являлись США, при этом «в отношениях с другим берегом Атлантики дух сотрудничества — желанный, но, возможно, даже более того, должный — сопровождался весьма интенсивным идеологическим шквалом "антиамериканизма"». Антиамериканизм в Италии в тот период, вероятно, был крепче, чем те баррикады, которые можно было бы предполагать в отношении СССР⁶². 26-го марта 1929 г. посол Курский писал наркому иностранных дел СССР, что «сообщил лично Гранди о нашей согласии

⁵⁹ Ivi. P. 4, 6.

⁶⁰ Отдел печати и информации Посольства СССР в Италии, Отчет № 2, прот. № 63/с. Чичерину и Литвинову, Рим, 27 февр. 1929, стр. 28-32 // АВП РФ, ф. 04, оп. 20, п. 161, д. 51372, л. 28. Секретно.

⁶¹ Там же. Л. 32. Бальбо указывал «точки соприкосновения» «между фашизмом и большевизмом: антипатия, даже идиосинкразия по отношению к Западным демократиям, пропитанным до мозга костей ложью и фальшью, при славословии собственных высших цивилизаций»; см. *Balbo I. Da Roma a Odessa*, cit. P. 151.

⁶² *Zunino P.G. L'ideologia del fascismo. Miti, credenze, valori*. Bologna: Il Mulino, 1985. P. 334.

на посещение воздушной эскадрильей Одессы. Это сообщение было встречено с большим удовлетворением»⁶³.

По сравнению с предыдущим маршрутом, перелет через восточное Средиземноморье был немного длиннее (около 5300 км), но менее затратным, — было использовано вдвое меньшее количество персонала и оборудования⁶⁴. Эскадрилья вылетела из Орбетелло 5 июня 1929 г., достигла Афин, а затем продолжила полет на Стамбул, Варну и Одессу, конечным пунктом следования был румынский город Констанца. Франческо де Пинедо, после возникших споров с Бальбо на этапе подготовки, лишь де-факто руководил операцией. Командование было поручено полковнику Альдо Пеллегрини, главе аппарата министра авиации, роль Бальбо заключалась в представительских функциях и политическом руководстве⁶⁵. Этот эпизод свидетельствовал не только о сложных личных отношениях между Бальбо и де Пинедо, но и о их разных взглядах на развитие авиации. В связи с этим в августе следующего года де Пинедо, имевший за плечами лучшую техническую подготовку, чем Бальбо, и занимавший должность заместителя начальника Главштаба, направил Муссолини докладную записку с резкой критикой действий заместителя министра по авиации⁶⁶.

Помимо успеха самого полета, одним из наиболее впечатляющих моментов прибытия в Одессу 8 июня стала торжественная

⁶³ Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, Рим, 26 марта 1929 г., док. 85, ДВП, цит. Т. 5. С. 127.

⁶⁴ При поддержке ВМС в перелете участвовало 32 гидросамолета SIAI S.55, новые бомбардировщики и торпедоносцы, два S.59 bis и один Cant.22, всего 35 самолетов и 136 человек.

⁶⁵ На самом деле, когда Международная лига авиаторов (International League of Aviators) предложила ему престижный приз Хармона, Бальбо отказался, заявив, что его вклад был больше как организатора, чем как пилота, и предложил присудить эту честь Пеллегрини (но не де Пинедо)

⁶⁶ Де Пинедо в отчете (резкий тон которого усиливало его соперничеством с Бальбо) утверждал, что, вопреки заявлениям Бальбо, за исключением двух самолетов, разведывательные и бомбардировочные самолеты являлись устаревшими и медленными. Текст отчета см. *Rochat G. Italo Balbo aviatore e ministro dell'Aeronautica. 1926-1933. Ferrara: I. Bovolenta, 1979. P. 188–207.*

встреча, устроенная советскими властями, подготовившими по этому случаю большую триумфальную арку с надписью «Привет итальянским летчикам»; несколько городских улиц к этому событию привели в порядок. Помимо советских подразделений, Бальбо приветствовали два итальянских офицера, присланных в СССР месяцем ранее для организации временной базы⁶⁷. Надзор за итальянцами был усиленным, но «никаких признаков ненависти», — многозначительно подчеркивал Бальбо, только заметное любопытство. На подиуме к квадрумвирату⁶⁸ присоединился посол Черрути в сопровождении военного атташе и других сотрудников итальянского посольства, при этом один из советских офицеров сообщил ему, что на церемонию встречи итальянского экипажа будут допущены несколько сотен советских граждан, но только по специальным разрешениям⁶⁹. Это означало, что, учитывая особый статус гостей, публика была тщательно отобрана.

8. Перелет Бальбо в печати

Прибытие в Одессу, согласованный с советскими властями, одного из самых видных представителей фашистского режима вызвал в мире одновременно интерес и удивление. В действительности, предприятие не было лишено противоречий — об этом свидетельствует советская пресса того времени, не придавшая большого значения событию. «Правда», центральный орган ВКП(б), не упоминула о нем, вероятно, чтобы избежать нежелательных последствий «пропаганды фашистов». Однако такое событие не могло остаться незамеченным, поэтому задачу его освещения возложили на газету Верховного Совета СССР «Известия». В статье «Итальянская эскадрилья в Одессе» она

⁶⁷ Капитан Джованни Патернити и лейтенант Данило Барбичинти.

⁶⁸ В эпоху фашизма термин квадрумвират обозначал секретаря Фашистской национальной партии (PNF), в то время — Микеле Бьянки, и трех командиров боевых отрядов: Итало Бальбо, Чезаре Мария Де Векки и Эмилио Де Боно. 16 октября 1922 года Муссолини поручил им подготовку марша на Рим (28 октября 1922 г.).

⁶⁹ *Balbo I. Da Roma a Odessa, cit. P. 101 – 102.*

сообщала, что летчики были приняты советским военно–морским командованием на крейсере «Червона Украина»⁷⁰. Итальянские пилоты пробыли в Одессе полтора дня и перед вылетом «выразили глубочайшую благодарность советскому военно–морскому командованию за образцовый прием, оказанный итальянской эскадрилье», которой, после первоначального запрета, было все–таки разрешено пролететь над городом перед отбытием в Констанцу⁷¹.

Как уже упоминалось выше, это предприятие во многом представлялось неудобным, из–за очевидной политической противоположности между двумя режимами: советская сторона опасалась реакции антифашистской прессы и более непримиримых элементов в Коминтерне. Что особенно раздражало как ортодоксальных коммунистов и антифашистов с одной стороны, так и жестких фашистов с другой, так это образ Бальбо, вместе с офицерами Красной Армии салютующего флагу Советского Союза под звуки «Интернационала», при этом во время обмена приветствиями советский оркестр играл итальянский Королевский марш⁷². Сам Бальбо отметил, что Советы «совершенно не смущались тем фактом, что мы демонстрировали наши фашистские значки и превозносили Дуче»⁷³. Эта атмосфера, характерная для дипломатической практики, основанной на взаимной вежливости или для авиационного товарищества, выходящего за рамки национальной и идеологической принадлежности, вместе с тем, свидетельствовала об общей заинтересованности в преодолении политических разногласий во имя взаимовыгодного сотрудничества.

⁷⁰ Итальянская эскадрилья в Одессе // Известия, 11 июня 1929, № 131. С. 1. Российскую сторону представляли командующий ВВС Красной Армии П. Баранов (со своим заместителем) и командующий ВВС Черноморского флота В. Лавров. Единственным членом партии, присутствовавшим на встрече, был представитель НКВД в Одессе М. Добраницкий. Последний и Лавров стали жертвами репрессий в 1937 и 1938 гг. соответственно.

⁷¹ *Balbo I. Da Roma a Odessa, cit. P. 104.*

⁷² *Vergani O. Le accoglienze dei Russi allo stormo italiano a Odessa // Corriere della Sera, 10.06.1929. P. 1.*

⁷³ *Balbo I. Da Roma a Odessa, cit. P. 149.*

Итальянская пресса приняла ту же стратегию, что и советская, сообщая о восточном перелете без идеологических акцентов. Газета «Corriere della Sera» опубликовала несколько статей на первой полосе, подчеркивая успехи «молодых и уже прославленных Военно-воздушных сил»⁷⁴. Корреспондент Орио Вергани писал о приеме в Одессе: «Русские отнеслись к этому перелету с симпатией, понимая его значение <...> и оказали всевозможные почести»⁷⁵. Напротив, рупор фашизма газета «Il Popolo d'Italia» поместила эту новость на третьей странице 5 июня, подчеркивая скорее рост ВВС — они были способны принимать участие в средиземноморских маршрутах, которые до того времени выполнялись военно-морским флотом — и умалчивая о фактически сделанных остановках, как будто их посадка в Советском Союзе была в порядке вещей⁷⁶. В последующих номерах тема ратификации Латеранских соглашений доминировала на первой полосе газеты: всячески прославлялся успех дуче, затмевая предприятие Бальбо⁷⁷, о котором сообщалось на 4-й странице номера от 8 июня, где специальный корреспондент описывал «великолепное зрелище фашистской мощи»: турецкие власти «сочувственно» устроили «теплый прием»⁷⁸, как это произошло позднее также и в Афинах. Прибытие в Одессу перенесли на 7-ю страницу «Il Popolo d'Italia» от 9 июня, где сообщалось, что «полет над русской землей»

⁷⁴ Vergani O. L'elogio del Duce agli aviatori della Crociera. «Il popolo italiano è fiero di voi e ama gelosamente la sua giovane e già gloriosa Arma Aeronautica» // Corriere della Sera, 21.06.1929. P. 1; *Id.* Il Re passa in rivista a Orbetello lo stormo della Crociera d'Oriente // Corriere della Sera, 22.06.1929. P. 1; *Id.* Lo stormo della Crociera d'Oriente sta per spiccare il volo da Taranto // // Corriere della Sera, 5.06.1929. P. 1.

⁷⁵ Vergani O. Le accoglienze dei Russi allo stormo italiano a Odessa, cit.

⁷⁶ Polverelli G. La Crociera orientale. La nuova grande esperienza dell'ala italiana // Il popolo d'Italia, 5.06.1929. P. 3.

⁷⁷ См., в частности, выпуски «Il Popolo d'Italia» от 8 и 9 июня 1929 г., р. 1. Годом ранее газета Бальбо «Corriere Padano» сама вмешалась в оживленную полемику в прессе вокруг ватиканского вопроса; см. De Felice R. Mussolini il fascista, cit. P. 415.

⁷⁸ Polverelli G. Lo stormo degli idrovolanti italiani prosegue la sua superba crociera // Il Popolo d'Italia, 8.06.1929. P. 4.

был «очень кратким», при этом подчеркивалось восхищение, выраженное многочисленными зрителями, а также представителями советской власти, которые специально прибыли из Москвы ради того, чтобы ознакомиться с развитием итальянской авиации.

9. Крылья Советов над Римом

Советы вскоре сделали ответный визит, и на этот раз новость была сообщена газетой «Правда»: 23 июля 1929 г. самолет «Крылья Советов» приземлился в римском аэропорту Литторно. Членов экспедиции, целью которой было «расширение и укрепление» итало–советских политических отношений, приветствовали советский посол, «товарищ министра» по авиации Бальбо, многие должностные лица и «многочисленная публика»⁷⁹. 27 июля газета «Corriere della Sera» опубликовала интервью с Бальбо, подчеркнувшим симпатию итальянского авиационного сообщества к русским пилотам, что являлось и признаком обычного товарищества среди летчиков, и сердечность, с которой сам Муссолини принял советских авиаторов на вилле Торлония⁸⁰.

В своем докладе заместителю комиссара по иностранным делам посол Курский говорил о «дружеском приеме» и «непринужденном характере встречи», о чем также свидетельствовал фильм, снятый по этому случаю «Совкино», и о заинтересованности Италии в использовании предоставляемых такими событиями возможности переговоров о советских поставках нефти и древесины в Италию⁸¹. Однако самое главное касалось внешней политики, в отношении которой, докладывая о единодушных заявлениях представителей итальянского правительства, посол подтвердил, что к тому моменту не возникло никаких поводов для конфликтов или расхождений с Италией по поводу

⁷⁹ «Крылья Советов» прибыли в Рим // Правда. 24 июля 1929, № 167. С. 1.

⁸⁰ Mussolini visto dai piloti russi // Corriere della Sera, 27.07.1929. P. 1.

⁸¹ Заместителю народного комиссара тов. Л.М. Карахану, протокол № 232/с, 31.07.1929 // АВП РФ, ф. 04, оп. 20, п. 161, д. 51371, л. 23. Секретно.

ее устремлений или сфер влияния. По существу, на данный момент советские цели не противоречили целям «итальянского империализма»; более того, «начальник кабинета печати» Министерства иностранных дел Ландо Ферретти, близкий к Муссолини, заявлял, что в «будущей империалистической войне», в случае участия русских, «он мыслит себе в одном лагере Италию, Германию и СССР»⁸².

Удовлетворенный результатом и подъемом итальянской авиации, Муссолини назначил Бальбо министром 12 сентября в ходе общей перестановки в правительстве⁸³. Успех его предприятия и дивиденды, принесенные режиму, подтвердили правильность и оригинальность формулы, в которой Бальбо черпал вдохновение для своих океанских «массовых» перелетов, которые прежде осуществлялись в одиночку. В первом, окончательно закрепившим за ним роль пионера воздухоплавания, Бальбо пересек Южную Атлантику от Орбетелло до Рио-де-Жанейро между декабрем 1930 и январем 1931 г.; во втором, последним и самым сложным из его воздушных подвигов, он достиг Чикаго в июле 1933 г. Однако несмотря на свой вклад в развитие авиации, Бальбо был смещен Муссолини с поста министра 5 ноября 1933 г., когда находился на пике своей популярности.

10. Образ Бальбо в СССР

Увольнение Бальбо не было ни странным, ни неожиданным, учитывая, что Муссолини постоянно заменял своих сотрудников каждые три–четыре года, как для того, чтобы создать у общественного мнения ложное впечатление динамизма, так и, прежде всего, чтобы не дать некоторым из них приобрести чрезмерный престиж и власть в ущерб дуче. Бальбо попадал в эту категорию: именно его подвиги и харизма рисковали затмить и ослабить образ Муссолини, что ощутимо почувствовалось в день триумфа Бальбо и его «атлантическим» коллегам.

⁸² Ibid.

⁸³ *De Felice R. Mussolini il fascista, cit. P. 478.*

В Советском Союзе продолжали следить за его предприятиями, в том числе и в связи с возможной преемственностью от Муссолини. В статье в «Правде», в рассказе о его карьере маршала авиации и губернатора Ливии, Бальбо приписывался мощный импульс, приданный им развитию итальянской авиации, хотя при этом подчеркивалось, что он — «не имеющий специального военного образования»⁸⁴. За поездкой Бальбо в Берлин 9 августа 1938 г. в СССР также следили с определенным вниманием, настолько, что эту новость опубликовали в «Правде». По словам корреспондента ТАСС, целью визита было «усилить военный блок между Германией и Италией», особенно в области авиации, и укрепление «связей, установленных во время пребывания Гитлера в Риме»⁸⁵.

Оценку личных качеств, характера и устремлений Бальбо со стороны советской дипломатии дает неопубликованный документ, где сообщается о беседе между Галеаццо Чиано, тогдашним министром иностранных дел, и Львом Гельфандом⁸⁶, советским поверенным в делах, на морском курорте в Кастель-Фузано, под Римом, 19 августа 1938 г. Представив ему Бальбо двумя днями ранее, Чиано спросил его о впечатлениях о маршале авиации, и Гельфанд отозвался о нем скорее как о человеке, который создал миф великого организатора, основателя итальянской авиации, хорошего солдата, но который в действительности совсем не производит впечатления великого политика. Его рассуждения в различных областях показали

⁸⁴ Руководители иностранных армий. III. Италия // Правда. 10 сент. 1935, 259. С. 5.

⁸⁵ Поездка Бальбо в Берлин // Правда. 9 авг. 1938, 218. С. 5.

⁸⁶ Лев Борисович Гельфанд (1900 – ?), после участия в гражданской войне в 1925 г. поступил служащим в Наркомат иностранных дел, став одновременно сотрудником ОГПУ. Участвовал во Франции в похищении полковника Кутепова. В 1933 г. командирован в Италию на должность 1-го секретаря Полномочного представительства СССР. С декабря 1933 г. советник Полпредства. В 1938–1940 гг. исполнял обязанности поверенного в делах. В июне 1940 г. (в начале Второй мировой войны), получив распоряжение вернуться в СССР, бежал из посольства в Риме с помощью американских коллег-дипломатов и перебрался в США, где стал успешным бизнесменом с именем Леон Мур (сотрудничал с ЦРУ).

Гельфанду наивными: очевидно, что он находится вне политической жизни⁸⁷. Гельфанд также предположил, что, несмотря на внешние проявления дружбы, между Бальбо и Чиано нет никакой привязанности⁸⁸. В этот момент, согласно дневнику Чиано, Гельфанд добавил: «Бальбо приятный и к тому же умный. Но я убежден, что все слухи об антимуссолиниевских устремлениях — чушь: Бальбо не доходит до лодыжки дуче»⁸⁹; слова, которых нет в меморандуме самого Гельфанда. В ответ на замечания советского дипломата Чиано разразился тирадой в адрес Бальбо (тогда губернатора Ливии), заявив, что он не только не политик, но даже не солдат, и что роль маршала как основателя итальянских ВВС была искусственно раздута, а его организаторские способности существуют только в его воображении. Конечно, соперничество Чиано и Бальбо не является новостью, но оно актуально, когда об этом говорится представителю иностранного государства.

Согласно Чиано Бальбо посвящал всю свою энергию в основном устройству различных личных дел: он любит хорошую жизнь, много пьет, устраивает оргии, его видят в обществе с известной актрисой⁹⁰.

⁸⁷ Полпредство СССР в Италии, 17 ноября 1938 г., № 187/с. Дневник Л.Б. Гельфанда. Беседа с Чиано от 19 августа 1938 // АВП РФ, ф. 05, Секр. Литвинова, оп. 18, п. 144, д. 88, л. 1. Секретно. Далее — Дневник Гельфанда. Галеаццо Чиано, возглавлявший Министерство иностранных дел с 9 июня 1936 г. по 6 февраля 1943 г., также рассказал об этой встрече; см. *Ciano G. Diario. 1937–1943 / a cura di R. De Felice. Milano: Rizzoli, 2000* [русс. пер.: *Чиано Г. Дневник фашиста. 1939–1943. М.: Плацъ, 2010*]. P. 165 (запись от 17.08.1938). О Чиано см. *Di Rienzo E. Ciano, cit.; Gueri G.B. Galeazzo Ciano. Una vita. 1903–1944. Milano: La nave di Teseo, 2019* (2–е изд.).

⁸⁸ Дневник Гельфанда... цит., л. 1. Чиано называет Гельфанда иногда «умным еврейчиком» (*Ciano G. Diario, cit. P. 35*), иногда «профессиональной Кассандрой» (*Ivi. P. 289*).

⁸⁹ *Ivi. P. 166* (запись от 17.08.1938). Это заявление, ложно приписанное Чиано советскому дипломату, а также ошибка в датировке встречи с Гельфандом (Чиано называет 17–е число, тогда как она состоялась 19–го), подтверждают замечание Ди Риенцо о «адюльтерной стратегии повествования», часто используемой автором дневника. См. *Di Rienzo E. Ciano, cit. P. 13–14*.

⁹⁰ Дневник Гельфанда... цит., л. 1. «Бальбо — не повзрослевший мальчик, избалованный и беспокойный, живой и невежественный, который

Однако тот же «зять режима»⁹¹ не отказывался следовать примеру дуче в этой области, предаваясь многочисленным внебрачным интрижкам, как и другие фашистские иерархи⁹². Дабы еще более разрушить имидж Бальбо, Чиано сообщил советскому дипломату, что «маршал купил себе новый большой дом в Ферраре и имение в Тоскане», ясно давая «понять, что эта нажива производится нечестными путями»; на вопрос Гельфанда «дает ли жалование генерал–губернатора Ливии»⁹³ возможность покупать себе дома и имения, Чиано, усмехаясь, ответил, что имения покупаются из отчислений от больших, проводимых в Ливии строительных работ»⁹⁴.

Резкая критика Бальбо являлась частью стратегии Чиано, уже весной 1938 г. задумавшего план по замене дуче на посту секретаря фашистской партии⁹⁵. Его враждебность по отношению к министру авиации проистекала как из личности Бальбо, которого сам Муссолини определил как одного важнейших «сотрудников»⁹⁶, так и из того факта, что Чиано являлся «самым ненавистным для итальянцев» человеком⁹⁷. Не менее важна была динамика внутри фашистской партии, членов которой, по словам Чиано, «нужно разделить на две весьма неравные части.

временами может быть скучным». *Ciano G. Diario*, cit. P. 165 (запись от 16.08.1938).

⁹¹ Чиано был женат на дочери Муссолини, Эдде. — *Прим. пер.*

⁹² *Di Rienzo E. Ciano*, cit. P. 103.

⁹³ У Гельфанда везде вместо Ливии стоит Либия (возм., итальянизм: *Libia*).

⁹⁴ Дневник Гельфанда... cit., л. 2. О причастности Чиано к коррупции см. *Di Rienzo E. Ciano*, cit. P. 30–44; *Canali M., Volpini C. Mussolini e i ladri di regime*. Milano: Mondadori, 2019; *Giovannini P., Palla M. Il fascismo dalle mani sporche*. Roma-Bari: Laterza, 2019; *Cereghino M.J., Fasanella G. Tangentopoli nera*. Milano: Sperling & Kupfer, 2016. Требуя «абсолютной честности» от тех, кто занимает политические и административные должности, Муссолини, тем не менее, казался более жестким преимущественно по отношению к «мелким рыбешкам». см. *Di Nucci L. Lo Stato–partito del fascismo. Genesi, evoluzione e crisi. 1919–1943*. Bologna: Il Mulino, 2009. P. 417.

⁹⁵ С этой целью Чиано также усилил свои атаки на Боттаи и Гранди; см. *Di Rienzo E. Ciano*, cit. P. 152.

⁹⁶ Согласно заявлению Муссолини Эмилю Людвигу. См. *Ivi*. P. 47 (дуче любил настраивать своих вероятных преемников друг против друга).

⁹⁷ *Ivi*. P. 95.

В первую, несравненно меньшую, входят те фашисты, которые вошли и состоят ныне в партии по мотивам идеологического порядка. Вторую, громадную, часть партии составляют люди, ищущие от режима обеспеченного положения и материальных выгод».

«Совершенно естественно — говорил Чиано — что в партии есть "полунедовольные элементы". Свои настроения они скрывают и в открытой форме, естественно, не проявляют и проявлять не могут. Мы знаем, что многие из этих лиц ориентируются на Бальбо. Однако, никакого серьезного значения М<уссолини> этим настроениям не придает. Они неизбежны в стране диктатуры, а сама система современной диктатуры совершенно исключает возможность какого-нибудь осязательного движения или действия со стороны недовольных элементов как в партии, так и вне ее. <...> Могу Вам со своей откровенностью сказать, что никакие перевороты или серьезные движения ни у нас, ни в Германии невозможны»⁹⁸.

Действительно, ни Бальбо, ни его группа «полунедовольных элементов» не представляли для Муссолини большой проблемы: Бальбо был слишком близок к дуче, чтобы думать о заговоре против него. В 1920-х гг., в самом деле, ходили слухи, что он или Роберто Фариначчи могут заменить Муссолини у руля фашистской партии, но они так и не подтвердились⁹⁹, однако непримиримые партийцы наверняка думали так о Бальбо до того, как в 1929 г. он решил полностью посвятить себя ВВС, оставив политику другим¹⁰⁰.

Панорама итальянской политики, которую Чиано описал советскому представителю, отражала напряженный климат,

⁹⁸ Дневник Гельфанда... цит., л. 3. О необоснованной гипотезе смены режима см. *De Felice R. Mussolini il fascista*, cit. P. 69.

⁹⁹ См. *ibid.* В конце 1925 г. из-за язвы двенадцатиперстной кишки, мучившей Муссолини, появились слухи о его уходе, однако, из числа его возможных преемников антифашистская пресса исключила Бальбо, Боттаи и Гранди. См. *Di Rienzo E. Ciano*, cit. P. 46. О роли Фариначчи см. *Di Nucci L. Lo Stato-partito del fascismo*, cit. P. 246s; о споре о зачатке фашизма и вопросе о лидере движения см. *Ivi*. P. 85s

¹⁰⁰ Cfr. *Ojetti U. I taccuini. 1914-1943*. Firenze: Sansoni, 1954. P. 326.

происходивший от завистливых иерархов, боровшихся за пре-емственность, но, тем не менее, ситуация хорошо контролиро-вались самим Муссолини. Говоря о «современной диктатуре», которая «совершенно исключает возможность какого-нибудь осязательного движения или действия со стороны недовольных элементов» Чиано заверил Гельфанда в ее прочности.

В СССР смерть Бальбо не осталась незамеченной, хотя новость была напечатана только на третьей странице «Известий»: «Во время бомбардировки со стороны неприятельской авиации летал самолет, пилотируемый итальянским маршалом Итало Бальбо. Внезапно самолет упал, объятый пламенем. Итало Бальбо и остальные члены экипажа погибли»¹⁰¹.

Несколько друзей и сотрудников Бальбо, включая журналиста и писателя Нелло Квиличи, также тогда погибли. Генерал Феличе Порро, пилотировавший другой трехмоторный самолет, спасся с помощью удачного маневра.

Вылетев из Дерны 28 июня 1940 г. на борту S.M.79¹⁰², направившегося в Тобрук, Бальбо решил приземлиться, увидев дым, идущий с базы, но попал под «дружественный огонь» зенитных орудий крейсера «Сан Джорджо», где его и другие итальянские самолеты приняли за вторую волну британских бомбардировщиков, устроивших незадолго до этого сильную бомбежку.

Услышав это известие, Чиано эффектно набросал профиль своего коллеги-соперника: «Бальбо не заслужил такого конца: он был буйным, неутомимым, любил жизнь во всех ее проявлениях. В нем было больше стремительности, чем остроумия,

¹⁰¹ Гибель маршала Бальбо // Известия, 30.06.1940, № 149. С. 3. Об этом эпизоде см. *Rochat G. Italo Balbo, cit. P. 220-221; Bottai G. Vent'anni e un giorno. Milano: BUR, 2008. P. 190-191.* В состав экипажа, погибшего вместе с Бальбо, входили второй пилот Оттавио Фрейлих, моторист Джино Капаннини и радист Джузеппе Берти.

¹⁰² S.M.79 изначально проектировались как гражданские транспортные трехмоторные самолеты, но позже были переоборудованы в бомбардировщики. На всех самолетах эскадрильи на фюзеляже над белой линией, проходящей по всей длине самолета, были нарисованы три зеленые мыши, стоящие на задних лапах. Будучи бомбардировщиками, самолеты наводили страх; отсюда итал. выражение «послать зеленых мышей», т.е. вызвать панику.

больше живости, чем сообразительности. Но он был порядочным человеком, даже в политической борьбе. <...> Память о Бальбо надолго останется у итальянцев, потому что он был, прежде всего, итальянцем с великими недостатками и великими достоинствами нашей расы»¹⁰³.

Своим пылом Бальбо внес большой вклад в построение и укрепление итало–советских отношений; его роль в авиации позволила создать за рубежом образ современной и перспективной Италии, способной занять ведущее место на международной арене. То, насколько этот образ был искусственно раздут, а Италия на самом деле была, как говорится, «глиняным горшком среди железных ваз», стремительно и трагично показала катастрофа Второй мировой войны*.

Перевод с итальянского М.Г. Талалая

¹⁰³ *Ciano G. Diario, cit. P. 447* (запись от 29.06.1940).

* За рамками статьи остался политический облик Итало Бальбо, хорошо известный в Италии, но мало описанный в отечественной историографии: следует помнить, что авиатор был одним из основателей Национальной фашистской партии, лидером чернорубашечников, организатором «марша на Рим» в октябре 1922 г. — *Прим. ред.*

Михаил Григорьевич Талалай

СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ В ИТАЛИИ: историография*

Первое крупной исследовательской работой по участию советских партизан в итальянском движении Сопротивления стала монография Мауро Галлени «Partigiani sovietici nella Resistenza italiana», вышедшая в 1967 г.

Кажется несколько странным, что эта первая обстоятельная книга вышла более двадцати лет спустя после описываемых событий. Но тому были особые причины. Как известно, почти сразу после окончания Второй мировой войны разгорелась т.н. Холодная война, в которой правительство Италии, вслед за своими союзниками по НАТО, заняло антисоветскую позицию. В таких условиях положительный образ советского воина казался теперь на Западе, а значит и в Италии, неуместным. Одновременно происходило сближение Италии с ФРГ, вошедшей в блок НАТО в 1955 г.: ворошить прошлое, напоминать о тяжелой немецкой оккупации, о казнях партизан и расправах

* Расширенная версия главы «La storia delle storie» («История историй») из нашей книги «I partigiani sovietici nel Veneto: uno sguardo dal nuovo secolo» («Советские партизаны в Венето: взгляд из нового века»), выпущенной как билингва в Вероне (перевод на итал. Марины Моретти) в 2020 г. местной Ассоциацией «Conoscere Eurasia» («Познаём Евразию»). Мы решили предложить этот текст отечественному читателю, так как книга практически не имеет распространения.

Библиографические описания рассмотренных публикаций размещены прямо в тексте, поэтому избыточные в данном случае библиографические ссылки опущены.

с гражданским населением было в то время неуместно. Неслучайно начатые были расследования о преступлениях нацистов в Италии были в те годы остановлены: эти трагические сведения стали достоянием общественности лишь в 1990-е гг.

В стране, недавно освободившейся от режима Муссолини, вне сомнения, чествовали героев Сопротивления, но с идеологическим разбором: руководящая в те годы политическая сила — Христианско-демократическая партия — не могла приветствовать соотечественников-коммунистов, которые в союзе с советскими соратниками полагали, что борьба против нацифашизма¹ должна была перерасти в борьбу классовую с целью установления в стране диктатуры пролетариата. Одновременно американские правящие круги, серьезно влиявшие на положение в Италии, также стремились выпятить либеральное и католическое крыло Сопротивления, в противовес коммунистам и социалистам. Особенно сложная ситуация с памятью об иностранных участниках Сопротивлении сложилась на севере Адриатики, то есть в районе Триеста, тогда еще с неопределенной судьбой: многие советские партизаны, сражаясь там против немцев вместе с партизанами Тито, полагали, что эти земли после освобождения станут югославскими. Подобная тенденция не могла никоим образом приветствоваться в регионе, стремившемся объединиться с Италией, что и произошло — но только в 1954 году, после долгих перипетий.

Однако и в «левой» итальянской среде существовала некоторая настороженность по отношению к советским участникам Сопротивления: итальянцам, очевидцам событий, было хорошо известно, что многие бывшие красноармейцы влились в ряды партизан, первоначально попав на Апеннинский полуостров вместе с Вермахтом. Все они прошли через плен: немцы отправляли их в Италию в качестве разного рода рабочих, но иногда как и завербованных в восточные легионы и в прочие военные контингенты коллаборационистов.

¹ Автор употребляет уже укоренившийся в итальянской историографии термин «нацифашизм», учитывая, что германский нацизм и итальянский фашизм — два разных исторических явления, претерпевших некоторое слияние во время Второй мировой войны.

В самом Советском Союзе отношение к соотечественникам, оказавшимся во время войны по другую сторону фронта, пусть и в вооруженном Сопротивлении, было поначалу, по меньшей мере, подозрительным: на них падала тень «измены родине» и «сотрудничества с врагом». Советские участники европейского Сопротивления проходили многократные проверки и фильтрационные лагеря. Некоторых из них по возвращению на родину, вместо заслуженных наград, ждала тюрьма, каторга, ссылка. Будучи амнистированными после смерти Сталина, они с трудом возвращались в советский социум, часто оставаясь на обочине, а многим официально не позволялось жить в важных городах.

Ситуация стала меняться с конца 1950-х годов. В тот момент, несмотря на ряд крупных международных инцидентов, Восток и Запад стали, если не сближаться, то больше общаться и сотрудничать. Особенно интенсивными стали политико-экономические отношения СССР и именно Италии: с советской стороны стали устраивать сделки такие заправилы итальянского бизнеса, как Энрико Маттеи (ENI) и Джанни Аньелли (FIAT).

Опять—таки и внутри СССР политический климат изменился. Большую роль здесь сыграл объявленный с середины 1950-х гг. курс на десталинизацию. Пусть она стала частичной и не была доведена до конца, но благодаря ей советская общественность узнала новые исторические сюжеты и имена.

Первая официальная делегация итальянских партизан состоялась в июле 1956 г.: в московской гостинице «Ленинград» прошли их встречи с советскими соратниками. Об этом в апреле 1958 г. сообщил журнал «Realtà Sovietica», начавший публиковать отклики итальянцев. В декабре 1959 г. журнал сообщил, что готовится собранный на основе писем том, но этого пришлось ждать еще семь лет.

В Италию тогда же потянулись первые общественные делегации из СССР, в том числе делегации советских ветеранов. Следует отметить, что в то время советских людей принимала и чувствовала отнюдь не вся страна, а ее «левая» — тогда очень значительная — составляющая. Таким образом на годы вперед тема советских партизан оставалась в поле зрения исключительно итальянских историков—коммунистов.

Первой крупной брешью в стене забвения следует считать научно-практическую конференцию, прошедшую 23–24 октября 1965 г. в Генуе, под названием «Вклад советских граждан в итальянское Соппротивление» — большой рассказ о конференции дал журнал «Realtà Sovietica». С советской стороны в ней участвовал аккредитованные в Италии дипломаты, несколько ветеранов и писатель Сергей Смирнов (1915–1976), поставивший свой талант поиску и реабилитации незаслуженно забытых героев войны; с итальянской — видные деятели компартии, бывшие партизаны. Конференция была посвящена памяти героя Федора Полетаева. К сожалению, прозвучавшие в Генуе выступления никогда не были опубликованы, но конференция все-таки имела резонанс в итальянском обществе. Она же стала стимулом к дальнейшим поискам одного из ее участников — М. Галлени, с монографии которого мы начали наш обзор.

О Мауро Галлени (Galleni; 1923–2001) следует сказать особо. Тосканец, сын работника мраморных разработок в Карраре, он сам имел партизанский опыт, а после войны, вступив в итальянскую компартию, посвятил много сил общественной деятельности, также и в рамках ANPI, национальным секретарем которой стал с 1981 года.

Уже с начала 1960-х гг. Галлени предпринял свои упорные исследования о советских партизанах, которые вскоре приобрели общенациональный масштаб. Связавшись с филиалами ANPI и с исследовательскими учреждениями, собиравшими материалы по Соппротивлению, он свел воедино и обработал множество сведений. По всей видимости, его не следует считать автором всех опубликованных в книге текстов — представляется, что часто Галлени делал только редакционную работу над присланной ему информацией. Характерно, что первая публикация по советским партизанам, вышедшая в 1966 г. — «Partigiani sovietici nella Resistenza italiana», вообще не имела имени автора, а представлялась как работа Центральной рабочей группы по вопросам антифашизма при руководстве ИКП (Gruppo di lavoro centrale per le questioni dell'antifascismo della Direzione del PCI); в нее также вошли материалы, которые публиковал журнал «Realtà Sovietica». В следующем, 1967-м,

году, она уже вышла в издательстве ИКП «Editori Riuniti» в переработанном виде как авторская книга Галлени.

Книга «Partigiani sovietici...» была для всей группы и ее главы не только историографическим трудом, но и политическим и моральным действием. Неслучайно вступление к ней Галлени озаглавил так: «Abbiamo fatto il nostro dovere» («Мы выполнили наш долг»). Общее предисловие написал секретарь компартии Луиджи Лонго (1900–1980), который еще более подчеркнул ее нравственно–идейное и политическое значение.

В итоге Галлени первым опубликовал точную статистику по Италии: по его подсчетам в Соппротивлении сражалось 4981 советских партизан; из них 425 погибло в бою. Эти цифры обычно повторяют и поныне, хотя, конечно, им выявлены были далеко не все, и мы теперь можем говорить о приблизительно шести тысячах советских участников.

На долгие годы книга Галлени осталась основой для всех последующих исследований. По сути дела и сейчас она — единственная публикация, которая дает комплексную картину по всей территории страны. В 2001 г., уже после смерти автора, ее переиздали — с другим названием «Ciao, Russi. Partigiani sovietici in Italia 1943–1945», под редакцией Карло Изоппи (Isoppi). В ней, странным образом, опущен ряд важных эпизодов, описанных в первом издании — в частности, убраны две главы о Пьемонте, где рассказывалось о массовых казнях партизан. Вместе с тем, в текст были добавлены и новые сюжеты (взятые из публикаций других авторов, часто без ссылок на источники), в т.ч. про дерзкую «операцию Бальденич» в г. Беллуно, когда из тюрьмы, без единого выстрела, были освобождены около 70 антифашистов.

Книга Галлени стала широко известна в СССР: в 1970 г. вышел ее русский перевод, переизданный в 1988 г. В этом ценном труде современный исследователь может найти и некоторые огрехи, естественные при том обильном материале, который в нем представлен и, зачастую, вызванные отсутствием документов о том или ином партизане (изложение ряда событий опиралось лишь на устные источники). Существовали проблемы с транслитерацией имен.

Есть и некоторые «систематические» характерные ошибки: так, Галлени приписывает карательные и, в целом боевые действия против партизан преимущественно немцам, в то время как реконструкция событий обнаруживает присутствие среди карателей и итальянских фашистов, молодчиков т.н. Итальянской Социальной республики, прозванной Республикой Салó. В этом можно усмотреть общую тенденцию «левой» итальянской историографии, которая всячески минимизировала характер Гражданской войны, присущий военному конфликту на итальянской территории в 1943–1945 гг. — последовательно создавался образ освободительной войны против внешнего врага-агрессора. Исследователь плохо знал табуизированную тогда зону коллаборационизма и поэтому допускал неточности — к примеру, казаков атамана П.Н. Краснова, посланных германским командованием в Северную Италию в конце лета 1944 г., он называл казаками-власовцами, в то время как между контингентами Краснова и Власова не было ни административного, ни идейного союза (казаки-красновцы желали независимой от России казачьей республики). Следует иметь в виду, что при переводе монографии Галлени на русский язык советские редакторы изъяли некоторые, «скользкие», по их мнению, моменты. Укажем, к примеру, отсутствующее в советском издании упоминание легенды о сыне Сталина Якове Джугашвили, который будто бы под прозвищем капитана Монти сражался в Венето. Хотя Галлени скептически высказался в отношении этой легенды, в Москве при переводе решили вообще убрать этот пассаж, «от греха подальше».

Исследования в Италии продолжались и после выхода в 1967 г. книги Галлени, приобретая в основном региональный характер. Особенно много материала было собрано в местах широкого партизанского движения — в таких, как Лигурия, Реджо-Эмилия, Тоскана, Пьемонт, Ломбардия; здесь, соответственно, выходило и больше публикаций.

Обильный материал был собран и опубликован в Лигурии, в горах которой действовало много советских партизан. Итоговая книга вышла в 1975 г. в лигурийской столице, Генуе, под грифом Ассоциации дружбы Италия-СССР: «I partigiani sovietici della VI zona ligure».

В разных уголках Италии, в первую очередь, в рамках «Национальной Ассоциации итальянских партизан» (ANPI) проводились конференции и семинары, публиковались ценные тексты. Результаты этих исследований имеют огромное значение, но тем не менее их политическая ангажированность накладывала определенный отпечаток.

Важным этапом исследований стала прошедшая во Флоренции 14–15 декабря 1973 г. конференция «1943–1973. Вклад Сопrotивления в дело единства и мира в Европе», освещенная в журнале «*Realtà Sovietica*».

И в Советском Союзе ряд исследователей в 1960–е – 1980–е гг. серьезно занялись этой темой. Еще в 1963 г. вышла емкая статья Ивана Куликова «Об участии советских граждан в итальянском Сопrotивлении (1943–1945 гг.)» в академическом сборнике «Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию». В 1968 г. в Киеве появилось важное исследование трех украинских историков — В. Клокова, А. Кудрицкого и И. Бречачака «Далеко від Батьківщини : українці в антифашистській боротьбі народів Європи: (1941–1945)», где много рассказывалось о других советских партизанах, не только об украинцах. В 1970 г. была опубликована книга Михаила Семиряги «Советские люди в европейском сопротивлении». Итальянист Нелли Комолова дала широкую панораму Сопrotивления в Италии в целом в академическом сборнике «Движение Сопrotивления в Западной Европе. 1939–1945. Национальные особенности» (М., 1991). В этой же статье она дала новую статистику по советским партизанам — 5600 человек.

Вышли также мемуары видных ветеранов итальянского Сопrotивления — в первую очередь, гарибальдийцев Анатолия Тарасова «В горах Италии» (Л., 1960) и Владимира Переладова «Записки русского гарибальдийца» (Новосибирск, 1988). Менее заметной оказалась периферийная публикация Сергея Сорокина «Звезда Гарибальди» (Воронеж, 1969), которая была переиздана билингвой в Италии, с интересными комментариями (Milano: Fondazione Comandante Libero, 2013).

Политические перемены в СССР в середине 1980-х гг., возможность прямого общения советских и итальянских организаций и частных граждан вызвали во второй половине 80-х гг. новые интересные сюжеты: в Италию стали самостоятельно ездить советские ветераны Сопротивления; родственники погибших партизан посещали их могилы. Тогда же стало возможным отдать почести героям, подвиги которых оставались в тени: Золотой медалью за воинскую доблесть были награждены Николай Буянов и Даниил Авдеев. Оба эти героя позднее нашли свое место в историографии, в книгах Д. Торелли «*Nicolaj Vujanov, il partigiano sovietico che dette la vita per Cavriglia*» (Arezzo, 2019) и А. Буволи «*Comandante Daniel. Un ufficiale russo nella Resistenza friulana*» (Pordenone, 2005). На рубеже 1980–1990-х гг. с ветеранами из Тосканы связался туркмен Ороз Курбан–Ниязов, приехавший затем с визитом во Флоренцию; о нем появилась и особая статья В.Е. Язьковой «Ораз Курбан–Ниязов — участник движения Сопротивления в Италии» в 3-м выпуске академического сборника «Россия–Италия» (М.: ИВИ РАН, 1998)².

Развал советского блока, распад компартий в СССР и в Италии на какое-то время снизил интерес к теме, которая теперь как будто теряла актуальность. На 1990-е гг. пришлось и несколько печальных событий — уничтожение двух школьных музеев, при школе № 550 в Ленинграде, устроенном Анатолием Тарасовым, и при школе № 6 в Баку, созданного Мамедом Багировым. Бывшие советские школы стали частными гимназиями и в тот момент их музеи оказались никому не нужны... Увы, пропали экспонаты, собранные бывшими партизанами, в том числе рисунки Анатолия Тарасова, который был профессиональным иллюстратором.

В Италии уход со сцены ИКП привел к пересмотру многих положений. Это выразилось, на пример, в книге Марко Минарди (Minardi) «*Disertori alla macchia. Militari dell'esercito*

² Автор этих строк сопровождал О. Курбан–Ниязова во Флоренции в 1994 г. по просьбе Н.П. Комоловой: визит в Италию закончился неожиданным образом, когда ветеран попросил политического убежища, однако его петиция, где (уже не существовавший) Советский Союз объявлялся им «империей зла», не была принята во внимание.

Tedesco nella Resistenza parmense» («Дезертиры в бегах. Солдаты немецкой армии в Пармском сопротивлении») (Bologna: CLUEB, 2006). Наряду с ценным местным материалом и скрупулезным восстановлением биографией партизан–иностранцев, автор книги, поставив в целом важную задачу показать их сложный путь в итальянское Сопротивление, увлекся опровержением «идеологических прославлений советских партизан» и ошибочно охарактеризовал всех их как бывших коллаборационистов, дезертиров из Вермахта, в то время это можно отнести лишь к «национальным меньшинствам», восточным легионерам и прочим: собственно русские в Италию направлялись преимущественно на подневольные работы, а не как «солдаты немецкой армии» (на севере Италии были власовцы и казаки–красновцы, однако среди них переходов в Сопротивление не наблюдалось).

История борьбы с нацифашизмом оказалась шире политических рамок. Прошло еще некоторое время, и не только в Российской Федерации, но и ряде постсоветских республик возродился к ней интерес: назовем имена современных плодотворных исследователей — Гульнара Мендикулова (Казахстан), Ильхам Аббасов (Азербайджан), Юрий Климчук (Украина).

Вне сомнения, значительный импульс к новым публикациям был придан юбилеем — 70–летием победы над нацифашизмом, который праздновали во всем мире в 2015 году. К этой дате также в Италии вышли важные исследования, основанные на новых документах.

Анна Роберти, многолетний директор туринской ассоциации «Русский мир», кропотливо собрала данные о советских партизанах в Пьемонте. Поиску останков павших героев посвятил свою жизнь ее земляк — Никола Грбза. В результате его деятельности в Турине появился особый мемориальный участок Городского кладбища — Поле Славы. Отдав должное самоотверженному труду Николы Грозы, Анна Роберти восстановила и обстоятельства местного партизанского движения в своей монографии «Dal recupero dei corpi al recupero della Memoria: Nicola Grosa e i partigiani sovietici nel Sacrario della Resistenza di Torino» (Torino, 2014).

Марина Росси, историк–русист из Триеста, взялась за сюжеты, долгое время остававшиеся на обочине историографии — Соппротивление на севере Адриатики, где к главной теме — борьбе против Третьего Рейха — примешивались идеологические и национальные компоненты, долгое время мешавшие созданию объективной картины. Итогом ее работы стала книга «Soldati dell'armata rossa al confine orientale, 1941–1945» (Gorizia, 2014).

Автор этих строк представил итальянскому читателю особый сектор Соппротивления — его азербайджанских участников — в монографии «Dal Caucaso agli Appennini. Gli azerbaigiani nella Resistenza italiana» (Roma, 2013). Азербайджанцы попали в Италию преимущественно как восточные легионеры, которых в Италии (и во Франции) прозывали «монголами». Позднее в Азербайджане особенно стал знаменит герой Советского Союза Мехти Гусейнзаде, воевавший в зоне Триеста под прозвищем Михайло. То обстоятельство, что он сражался (и погиб) в рядах югославских партизанских формирований, на долгие годы набросило в Италии на его имя «вуаль молчания». В сборе данных автору помог тосканский историк–русист Ренато Ризалити (скончался в 2020 г.): еще в 1976 г. Ризалити опубликовал исследование по Соппротивлению в районе Пистойи «Antifascismo e Resistenza nel Pistoiese», после чего получил задание от местных ветеранов установить связь с выше упомянутым партизанским командиром Мамедом Багировым, особо отличившимся в тех краях. Связь была установлена и Р. Ризалити помогал принимать ветеранов из Азербайджана в Италии и сопровождал ответные делегации в Баку.

Кропотливый сбор данных предприняли члены филиалов ассоциации ANPI в провинции Брешии, под руководством Изайи Менси (Mensi), опубликовав в итоге в 2017 г. обширный очерк «Partigiani sovietici nella Resistenza bresciana»³.

³ Очерк вышел только в электронном виде; см. <https://www.anpibrescia.it/wp-content/uploads/Partigiani-sovietici-nella-resistenza-bresciana.pdf> (дата обрац. 10.10.2021).

Из последних итальянских публикаций следует упомянуть книгу Марты Тонджани (Tongiani) из Каррары «Per volere del cuore. Resistenza apuana e contributo dei partigiani sovietici» (Carrara, 2019). Ее исследование началось с частного случая — участия узбека Ахмеда Мамаджанова в местном партизанском движении; затем автор книги собрала сведения о 73 советских партизанах, сражавшихся в Апуанских Альпах.

В России к 70-летию победы вышел обширный сборник «Российская эмиграция в борьбе с фашизмом», подготовленный в 2015 г. московским Домом Русского Зарубежья, куда вошла статья русистки Чинции Кадамьяни «Российские эмигранты — участники антифашистской борьбы в Италии в итальянской историографии» со сведениями об антифашистах, выходцах из России — Анне Кулишёвой, Льве (Леоне) Гинзбурге и других⁴.

Автор этих строк в 2015 г. опубликовал в Москве книгу «Русские участники итальянской войны. 1943–1945: партизаны, казаки, легионеры» со вновь выявленными именами и событиями, обратив особое внимание на прежде мало исследованный коллаборационизм, давший однако целый ряд участников Сопротивления. Здесь же опубликован уникальный дневник партизана Алексея Коляскина, сохраненный его потомками.

Среди книг, вышедших в последнее время в России, следует назвать сборник, под редакцией Л.А. Королевой «Движение Сопротивления в Италии и советские партизаны» (М., 2017). Редактору–составителю удалось сформировать целую группу итальянских и русских исследователей, которые вместе сложили впечатляющую историографическую мозаику. Продолжением этой работы стали монографические сборники «Улица Федора Полетаева» (М., 2019) и «Улица Анатолия Тарасова» (М., 2021), с обстоятельно воссозданными биографиями этих двух

⁴ Интерес у исследователей вызывало якобы активное участие в итальянском Сопротивлении известного поэта и литературоведа Николая Оцупа, однако в результате изучения архивных документов, обнаруженных в Апулии, выяснилась совсем иная картина; см. «В Апулии стораю»: Николай Оцуп в Альберобелло / публ. М.Г. Талалая // Барградский сборник. № 2. М.: Индрик, 2020. С. 273–282.

героев. В последней книге в историографическом аспекте следует выделить статью выше упомянутой Анны Роберти «Подвиги А. Тарасова и его товарищей по страницам журнала "Реалта Советика" и по материалам архива Туринского филиала Общества дружбы "Италия — СССР"».

Массимо Эккли, обосновавшийся в Москве, долгие годы собирал сведения о советских партизанах, в первую очередь — о тех, кто погиб в Италии. Его итоговая книга «Советские партизаны в Италии» (М., 2018) — это подробный словарь, куда автор включил сведения из разных источников, в том числе из его переписки с различными итальянскими инстанциями и исследователями.

Представленная историография выявила общие характеристики советского участия в итальянском Сопротивлении — такие, как массовость: половина партизан–иностранцев (называется общая цифра в 12 тыч. человек) была советской; военный опыт и закалка: советские партизаны уже прошли войну и часто становились своего рода инструкторами менее подготовленных итальянцев; идейная убежденность: благодаря воспитанию в СССР они уже имели четкие представления об антигуманной природе нацифашизма; особый боевой настрой: в отличие от многих бежавших из плена англо–американцев они отказывались прятаться в укрытиях или же уходить в нейтральную Швейцарию, предпочитая сражаться с общим врагом.

ЭМИГРАНТИКА

Дмитрий Михайлович Нечипорук

ВОЙТИНСКИЕ И КАФФИ: история недосказанной дружбы*

Среди обширной корреспонденции российского социал-демократа и эксперта по статистике и экономике в эмиграции Владимира Савельевича Войтинского (1885–1960), находящейся в его семейном архиве Войтинских в Международном институте социальной истории, сохранилась его переписка с Андреа Каффи (1887–1955), русско-франко-итальянским мыслителем, журналистом, вольным исследователем Византии и христианской цивилизации¹.

Как вспоминала жена Войтинского, Эмма Савельевна Войтинская (Шадхан), Каффи был одним из немногих близких друзей мужа: «Ни в гимназии, ни на подготовительных курсах его отца Волик [В.С. Войтинский — Д.Н.] не завязал прочную дружбу с кем-либо. Скорей всего [так получилось] из-за его робости, возвращенной домашним воспитанием и недостатком контактов со сверстниками, которые он легко бы нашел в школе. Позже он найдет еще одного друга, к которому был сильно привязан — Андреа Каффи — но их различные устремления разлучили их на многие годы и, таким образом, эта дружба так и не переросла в тесную связь»². Под «еще одним другом» Э.С. Войтинская имела в виду Бориса Владимировича Рейтца, который

* При участии А.Г. Жмыхова, лаборанта-исследователя Лаборатории междисциплинарных исследований пространства ТюмГУ.

¹ IISH. Vladimir Vojtinskij papers. Folder 4; <https://hdl.handle.net/10622/ARCH01574> (дата обрац. 7.10.2021).

² *Woytinsky E.S. Two lives in one.* N.Y., 1965. P. 23.

участвовал в обсуждении рукописи Войтинского «Рынок и цены. Теория потребления рынка и рыночных цен», но в 1906 г. трагически погиб в швейцарских Альпах. В итоге Войтинский решил посвятить свою первую монографию памяти покойного друга³.

Судьбоносная встреча Войтинского с Каффи произойдет несколько позднее, в 1908 г., когда оба молодых социал-демократа попадут в 12-ю камеру Екатеринбургской губернской тюрьмы. Там содержали «политических», арестованных за участие в революции. Войтинский вспоминал, что меньшевик Каффи, участвовавший в петербургском Союзе рабочих печатного дела, выделялся на общем фоне однопартийцев:

Богато одаренный от природы, широко и разносторонне образованный, полный внутреннего горения, он производил, при первой же встрече, чарующее впечатление. И это впечатление усиливалось от редкостного сочетания в нем бесстрашия с чисто женственной деликатностью. Но в партии он был чужой — с метущейся мыслью, с невысказанными сомнениями, со смутной тягой к какому-то своему социализму, в котором Маркс дополнялся бы Ницше, и исторический материализм сплетался бы с утонченным эстетизмом. У меня установилась с ним тесная дружба⁴.

Такая характеристика самому Каффи, когда он познакомился с мемуарами Войтинского, не понравилась. В письме к другу он отвергал свое увлечение Ницше:

почти обижен был приписанием мне какого-то «сочетания Маркса с Ницше». Ницше я никогда особенно не «воспринимал», разве что чисто литературно, в модных (в то далекое время) *Stichwörter*⁵. На мысль сильно влияли Зиммель (четыре семестра 1903–1905) и Сорель (причем не знал я тогда источника Сореля — Бергсона, который был великим для меня откровением после тюрьмы). Но главным образом мешало «марксизму» некоторое воспитание по традиции Вольтер —

³ *Дмитриев А.Л.* В.С. Войтинский и математическая школа в политической экономии: первые шаги (к 110-летию издания книги «Рынок и цены») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2016. Вып. 3. С. 95–108.

⁴ *Войтинский В.С.* Годы побед и поражений. Кн. 2. Ч. 2. Тюрьма и ссылка. Берлин, 1924. С. 278.

⁵ Заглавиях (*нем.*).

Ренан — Анатоль Франс и витающего вокруг них «общего гуманизма», затем Прудон (глубоко застряло первое чтение его в 14–15 лет) и, наконец, — в сумбурном противоречии, если хочешь — мотивы символизма (Rimbaud, Malarme⁶, скандинавцы) — да, пожалуй, еще смутно, от детских лет — «гарибальдийство» (оттого так полюбил и Герцена)⁷.

Близость Войтинского и Каффи, тесное общение можно объяснить не только общими политическими интересами, но и схожим социальным происхождением. Не вдаваясь подробно в историю их биографий⁸, необходимо отметить, что оба были родом из обеспеченных семей. Войтинский родился в благополучной профессорской семье, с детства показав способности к исследовательской работе. Отец дал ему прекрасное домашнее образование, Войтинский самостоятельно много читал, став по собственному признанию «одаренным книжным червем». В 1904 г. Войтинский поступил в Санкт–Петербургский университет, где приобщился к философии права профессора Л.И. Петражицкого. Главным интересом Войтинского стала экономика. Политически Войтинский в годы революции 1905–1907 гг. был близок к большевикам, но сам он позже объяснял свой выбор исключительно желанием активно участвовать в революционной пропаганде среди рабочих и крестьян; собственно марксизм большевиков и меньшевиков его мало интересовал⁹.

Андреа Каффи так же происходил из семьи с хорошим достатком, благодаря успешной карьере отца. Он был сыном итальянского иммигранта Деметрио Джузеппе Каффи, служившего с 1883 г. костюмером Санкт–Петербургских Императорских театров¹⁰. Еще лицеистом он прочитал произведения Прудона, Герцена («С того берега»), а также приобщился к ведению

⁶ Каффи перечисляет французских поэтов XIX века А. Рембо, С. Малларме.

⁷ А. Каффи — В.С. Войтинскому, 18 апреля 1933 // ИИИ. Vladimir Vojtinskij papers.

⁸ См.: *Талалай М.Г.* Андрей Иванович Каффи: сопротивление большевизму и нацифашизму // *Нансеновские чтения*, 2009. СПб., 2010. С. 197–203; *Брешиани М.* Русские тени: Портрет Андреа Каффи // *Персонажи в поисках автора. Жизнь русских в Италии XX века*. М., 2011. С. 261–285.

⁹ *Woytinsky W.S.* A Stormy Passage. N.Y., 1961. P. 8, 20.

¹⁰ РГИА. Ф. 496. Оп. 5. Д. 1389. Л. 53–54 об.

кружков среди рабочих. Для Каффи это была просветительская миссия, целью которой было познакомить пролетариат с западной философией. В 1903–1905 гг. Каффи обучался в Берлинском университете. Вернувшись в Россию, он участвовал в революционном движении на стороне меньшевиков¹¹. Идеологически Каффи и Войтинского объединяло то, что они были «попутчиками» в среде социал-демократов. Разделяя левые идеи социальной справедливости и участвуя в борьбе за освобождение рабочего класса, они не были последователями догматического марксизма.

Едва познакомившись в Екатеринославской тюрьме, Каффи и Войтинский стали свидетелями попытки взрыва стены, организованной группой заключенных, приговоренных к смертной казни по уголовным статьям. Войтинский сам был не прочь бежать из тюрьмы, но в момент подрыва стены лежал вместе с Каффи в тюремной больнице. Причем, если Войтинский сам «организовал» себе отравление организма, чтобы попасть в барак, откуда планировал убежать на волю, то Каффи заболел серьезно и нуждался в уходе:

По-видимому, это была нервная горячка с какими-то осложнениями. Определить его болезнь врач не мог. Опасались за его жизнь. Он очень мучился, часто впадал в беспамятство. Я принялся ухаживать за ним и постепенно превратился в «брата милосердия» при горячечных больных: подавал им воду и лекарство, менял лед на голове и т.д.¹²

После неудачной попытки смертников прорваться на волю 29 апреля 1908 г., надзиратели в тот же день начали в отместку убивать всех, кого они подозревали во взрыве. Погибло много заключенных из 12-й камеры, пока Войтинский и Каффи находились в палате. В начале мая Каффи получил освобождение: его не только выписывали из больницы и отпускали из тюрьмы, но и выслали в Италию, как иностранца. На следующий день покинул палату и сам Войтинский, вернувшись в 12-ю камеру¹³. Для него испытания не закончились: Войтинский был

¹¹ *Брешиани М.* Русские тени. С. 264–265.

¹² *Войтинский В.С.* Годы побед и поражений. С. 293–294.

¹³ Там же. С. 303.

отправлен в карцер. Кроме того, ожидание суда заняло один год и четыре месяца. Связь с Каффи не прервалась — Войтинский сумел организовать опрос очевидцев расправы и тех, кто страдал от притеснений тюремной администрации. Как вспоминал Войтинский, «получился обильно документированный "доклад", объемом около печатного листа». Записку о злоупотреблениях администрации удалось отправить в двух экземплярах: один — на имя социал-демократической фракции в Государственной Думе, а второй в Италию — Каффи. Через полгода в Екатеринослав прибыла проверка, которая признала факты и случаи незаконного насилия над арестантами. Войтинский полагал, что ревизия случилась, прежде всего, благодаря огласке фактов за рубежом в итальянской, французской, немецкой прессе, что было заслугой Каффи¹⁴.

После мая 1908 г. пути двух друзей надолго разошлись. Войтинский до Февральской революции сидел в тюрьмах и отбывал ссылку в Сибири, где встретил будущую жену Эмму, которая стала его единомышленницей, как в политике, так и в научных изысканиях. Революционные события 1917 г. позволили Войтинскому вернуться в столицу, где он активно включился в политическую борьбу, став комиссаром Северного фронта. Войтинский был не просто противником большевиков, он являлся активным участником и организатором выступления Керенского—Краснова против захвата власти в Петрограде Лениным и Троцким. После провала наступления на столицу Войтинский был арестован и посажен в Петропавловскую крепость¹⁵.

После освобождения в начале 1918 г. Войтинские покидают Россию, уехав в Грузию. Войтинский становится видным деятелем Грузинской Демократической республики. Являясь соратником грузинских меньшевиков, Войтинский занял должность главного редактора газеты «Борьба», которая являлась партийным органом грузинских социал-демократов на русском языке. В 1919 г. Войтинские выехали в Италию в составе делегации грузинских социал-демократов. Войтинский был привлечен

¹⁴ *Войтинский В.С.* Годы побед и поражений. С. 307.

¹⁵ *Woytinsky E.S.* Two lives in one... P. 77–85.

как экономический консультант, работавший над инвестиционными предложениями для итальянских предпринимателей. Социал-демократическое правительство во главе с Н. Жорданией рассчитывало в то время на дипломатическое признание со стороны Италии, пытаясь для начала заинтересовать местные деловые круги проектами по разработке сырьевых месторождений в Грузии¹⁶.

Находясь в Риме, Войтинский выяснил местонахождение Каффи, узнав, что тот работает специальным корреспондентом газеты «Коррьере делла сера» в Стамбуле. На телеграмму Войтинского, Каффи ответил эмоциональным и трогательным письмом, где поведал о своем драматичном опыте участия в Первой мировой войне и своей текущей работе.

Pera, ci 11 Novembre [1919]

Дорогой друг!

Излишне выражать волнение и радость, которые испытал при получении твоей телеграммы. Ни годы, ни события не изменили образ твой в моем чувстве и то небольшое, что я узнавал о тебе (до декабря 1917), только усилило искреннее преклонение мое перед мужеством, отвагой и всеми чертами души, которые я в тебе любил. Не знаю, получил ли ты письма, которые я посылал тебе через Lucien и Bourgues. Бесконечно много нам бы нужно узнать друг о друге и обо многом «до конца» высказаться. Моя парабола была совсем скромной по сравнению с твоей. С 2-го авг[уста] 1914 г. я был нижним чином — в самом, как ты знаешь, бездушном механизме. Ничего не оставалось, как слушать и исполнять. Почему я пошел добровольцем, ты поймешь; почему, освоившись со средой, куда попал, и убедившись в отсутствии во мне «специфических качеств», отказался от офицерск[ого] чина и т.д., обрек сам себя на совсем молчаливую и безличную роль, вероятно, ты тоже можешь угадать. Когда я оказался «на свободе» после попытки вернуться к настоящей самостоятельности и грустном «констатировании», что я остался совсем одиноким (в смысле дружб и в смысле солидарности идейных), нужно было решить вопрос о хлебе насущном и я «нанялся» в газету, от которой мне самому тошнит. Настоящей подлости не приходится совершать, так как мое

¹⁶ *Woytinsky W.S. A Stormy Passage... P. 435.*

сотрудничество ограничивается «сообщениями» строго–историческими, но, конечно, моральное положение не из высоких.

Мое мнение о русских событиях и о политическом положении вообще ты мог бы узнать из последней книжки «Voce dei Popoli»¹⁷ — там моя статья о большевизме и половина последней части (издана отдельно: «La pace di Versailles»¹⁸) моя и не слишком смягчена моим милым сотрудником (Zanotti Bianco¹⁹ — один из самых чистых, гуманных, геройских сподвижников свободы и истинного человечества, какие мне пришлось встречать).

Жду от тебя с нетерпением известий. Если бы ты мог попасть сюда, сколько радости (глубокой). Я, как говорю, на цепи и из–за «деловой корректности» должен ждать, пока сами меня отблагодарят мои работодатели.

Кого ты знаешь в Риме? Познакомился ли с Прецоллини²⁰ ("La Voce", Trinite dei Monti 18) или с М–ме Alfieri (via Francesco Crispi 73)? Они хорошо меня знают и очень милые люди и от них много узнаешь. Знаешь ли ты чего–нибудь о Бургесе и о моей маме? Очевидно я пишу тебе в большом волнении, но надеюсь скоро сможем длительно и основательно восстановить наше братство. Кто тебе сообщил мой адрес?

Обнимаю тебя крепко. Сколько пережито и сколько навалено на нас, чтобы согнуть?

Твой Андрей²¹.

Постоянный контакт через переписку, тем не менее, установить не удалось. Каффи в конце 1919 г. отправился в советскую Россию, как симпатизирующий новой власти. В это же время Войтинские находились в Риме. В 1920 г. они переехали

¹⁷ Голос народов (*итал.*).

¹⁸ Версальский мир (*итал.*).

¹⁹ Умберто Занотти–Бьянко [также Дзанотти–Бьянко] (1889–1963) — итальянский историк; см. о нем: Каццола П., Талалай М.Г. Умберто Дзанотти–Бьянко — итальянский соратник Нансена // Берега. Инф.–аналитич. сборник о русском зарубежье. Вып. 15. СПб., 2012. С. 67–70.

²⁰ Джузеппе Прецоллини (1882–1982) — итальянский литературный критик, журналист, издатель.

²¹ А. Каффи — В.С. Войтинскому, 11 ноября [1919] // IISH. Vladimir Vojtinskij papers.

в Париж, где Войтинский присоединился к дипломатической миссии Грузинской демократической республики. В 1922 г. Войтинские перебрались в Берлин. В столице Германии Войтинский смог себя реализовать, и как мемуарист, и как эксперт по статистике и экономике. В свою очередь, Каффи, разочаровавшись в советском эксперименте, вынужден был вернуться в Италию летом 1922 г. В Италии он много публикуется, находясь в оппозиции к фашистской власти Муссолини. В 1927 г. Каффи покидает Италию, обосновавшись во Франции, где в начале 1930-х гг. сотрудничал с движением итальянских антифашистов «Справедливость и свобода»²².

Переписка старых друзей возобновилась осенью 1931 г., когда на фоне острого экономического кризиса в Европе, благополучное положение Войтинских в Берлине омрачала радикализация политических настроений в Германии. В своем первом письме почти за двенадцать лет Каффи признавал, что не смог найти в себе силы поддерживать регулярную переписку с Войтинским, несмотря на то, что узнать адрес товарища не составляло труда.

Дорогой Сережа (или Володя)²³!

Roggo unum²⁴: мне кажется мы были на «Ты», во всяком случае мне как-то неловко говорить «Вы» тому, кто ни на мгновение не переставал «числить» среди очень немногих, самых дорогих людей, так что прости экспансивность. Правда, было похоже на то, что у масонов называется «уснувшим братством». И, по совести, сам я не знаю, почему я не «подал вести» за эти годы. Собственно два-три раза совсем близко к тому: раз еще, когда я был в Константинополе (но пришлось спешно выехать в Россию), потом, когда болел Чупров²⁵, и я его каждый день навещал, много о тебе говорили и он мне давал «приблизительный» адрес; как-то дни прошли у нас тогда, шли события «крутые», всё откладывалось (без серьезного основания, конечно, но Ты

²² Брешиани М. Русские тени. С. 275.

²³ Каффи знает, что Войтинский был известен в партийных кругах как Сергей Петров.

²⁴ Еще одно (лат.).

²⁵ Александр Александрович Чупров (1874–1926) — русский статистик.

знаешь, что при своей врожденной несолидности я легко подчиняюсь беспорядку часа) — всё же еще в 1927 — как-то пришлось выписывать грузинскую литературу из какого-то центра эмиграции в Швейцарии; ответ получился какой-то «отводной», во всяком случае, без точных указаний, что послужило как бы «непотверждению» импульса (к тому времени я уже был несколько «травленным», скрывался от обысков и вероятного ареста, каждый день менял «домисиль»²⁶, а часто оставался без оного). Всё это ничего по существу не объясняет²⁷.

Узнав, что Каффи находится в Париже, Войтинский в мае 1932 г. отправился повидать своего друга. Он очень надеялся восстановить с ним отношения и отвлечься от напряженной политической ситуации в Германии, которая не сулила ничего хорошего. Войтинский постоянно рассказывал жене о своем друге, но первая встреча спустя 24 года состоялась без нее:

Я настаивала на том, что Волик должен поехать в Париж, чтобы увидеть Каффи. Я не хотела ехать с ним, как он предлагал, потому что думала, что эффект будет намного сильнее, если они окажутся вместе без меня. Волик не хотел, чтобы я оставалась в Берлине одна, и я согласилась провести эти несколько дней в Зюльте, курорте на Северном море²⁸.

16 мая 1932 г. состоялась первая встреча друзей после долгой разлуки. Войтинский нашел Каффи не в лучшем состоянии, о чем написал жене в первый день своего приезда в Париж.

Любимая Эммочка!

В Париж я приехал вчера в 5 ч., так как в Льеже переменял поезд. Андрея застал в его Hotel Nord-Sud. Он еще не оправился, не может одевать обуви на большую ногу. Встретились очень сердечно, но первое впечатление оказалось у меня невеселое. 24 года, видно, не проходят зря. Андрей очень изменился за это время, лицо нездоровое, одутловатое. В одежде и обстановке отпечаток не только небрежности, но и

²⁶ Место проживания (*фр.*).

²⁷ А. Каффи — В.С. Войтинскому, 1 октября [1931] // IISH. Vladimir Vojtinskij papers.

²⁸ *Woytinsky E.S. Two lives in one...* P. 132–133.

большой нужды. Заплаты на платье. Вместо туфли на больной ноге подошва, привязанная к ступне какой-то тесемкой или тряпочкой. Спустились ужинать в ресторан — оказалось, что Андрей уже 2 месяца как питается в сухомятку у себя в номере. А духовная жизнь, как прежде — полная блеска, богатая, разносторонняя. Все замечания тонкие, умные, глубокие.

На личных наших отношениях прошедшие годы как будто не оставили следа. Говорили обо всем, будто расстались всего несколько недель дому назад.

Он мно[го] расспрашивал о Тебе. Кое-что писала и рассказывала ему Signorelli²⁹ (особенно о легендарном годе Твоей болезни в Риме). Но ему хотелось знать подробнее, какой Ты есть замечательный человек, и я должен был удовлетворять его любопытство³⁰.

После отъезда Войтинского обратно в Германию переписка, хоть и не интенсивная, продолжилась. Каффи не хотел ехать в гости к Войтинским в Германию, зазывая их посетить Париж:

Приехать к тебе в Германию не решаюсь; во-первых, очень уж я недолюбливаю Неметчину (прошу прощения, что высказываю это прямо лояльному Гражданину Рейха), во-вторых, у Вас как будто живут в некоем неблагоприятном ожидании, а с меня, малодушно признаюсь, достаточно московских и римских опытов; уж на гитлеровские легионы я как-нибудь полюбуюсь издали; в-третьих, всю возню с визой, путешествием и т.д. не кажется разумным начинать без «солидных намерений», а слишком уж неясно в каком качестве, за каким заданием я бы «эвентуально» осел в бездушном Берлине. Всё это — чёрство — противится тому влечению, которое я, конечно, испытываю увидеть тебя, высказаться, подышать в дружеской атмосфере. Скорее тебе с супругой следовало бы заехать в Париж. Может быть собрать заодно полезные сведения для твоей налаженной работы.

²⁹ Ольга Ивановна Синьорелли (1883–1973) — писательница, переводчица на итальянскую русскую литературы. О болезни и лечении в Риме см. в мемуарах Э.С. Войтинской: *Woytinsky W.S. Two Lives in One...* P. 95–98.

³⁰ В.С. Войтинский — Э.С. Войтинской, 16 мая 1932 // IISH. Vladimir Vojtinskij papers.

Это раз. А продолжая по линии черствой расчетливости, может быть ты бы мог издали, пока, связать меня какой-либо работой: например, доставить немецкие книги, о которых ты бы считал полезным появление здесь рецензий или, наоборот, поручить мне рецензии, компиляции, собирание материалов отсюда для изданий, в которых ты работаешь. Всё это высоко предположительно. Плохо предвижу ближайшее будущее. Но мне кажется, что если некоторое соприкосновение установилось между работою каждого из нас двух, легче и скорее может представиться случай и для путешествия — встречи³¹.

Незадолго до прихода к власти нацистов, Войтинские спешно перебрались в Швейцарию, где они первоначально хотели обосноваться. Но из-за проблем с получением швейцарской визы, Войтинские переехали в Париж. Здесь Войтинский получил работу во Всеобщей конфедерации труда по приглашению его лидера Леона Жуо, будущего лауреата Нобелевской премии.

В Париже у Войтинских был свой круг близких друзей, в который входил и Каффи. Эмма Войтинская смогла лично познакомиться с Каффи. Ее впечатления о характере и взглядах Каффи были не столь восторженными, как у мужа:

Перед тем, как мы с ним встретились мы много слышали друг о друге от Волика и наши ожидания были завышены с обеих сторон. Может быть слишком завышены. Я сразу признала блестящий интеллект Каффи, его большие познания в области гуманитарных наук и большую искренность. Также в нем была искорка артистизма. Но было много того, что я не принимала в нем. Его оценки людей и политической ситуации, его идеи о том, как можно изменить мир казались мне высокомерными и неубедительными, они не приводили ни к чему. Он был скептически настроен ко всему в типичной французской манере, никакой общественный порядок не устраивал его. Он видел ложь, алчность и цинизм везде и во всем. Он мечтал о братстве лучших умов, о том, что идеальные личности будут править миром. Это был его идеал, благородный и с долей ребячества, но в нем ничего не было от

³¹ А. Каффи — В.С. Войтинскому, 1 декабря [1932] // IISH. Vladimir Vojtinskij papers.

ребячества, что могло бы прояснить его позицию. На деле, его мировоззрение не было результатом твердой веры в лучшее в человеке, но было результатом горького разочарования и интеллектуальных поражений, которые он трепел в жизни, полной всевозможных невзгод. Его наружность также разочаровала меня; в молодости Волика он мог бы быть привлекательным, но я встретила сутулого человека, который был неопрятен в одежде и полностью изнурен. Каффи часто проводывал нас и это был единственный случай в нашей жизни, когда Волик и гость после обеда уходили в кабинет, но я к ним не присоединялась. Я чувствовала себя виноватой за то, что не могла подойти к нему, показать гостеприимство, завязать настоящую дружбу с ним. Я даже не пыталась, потому что это всё равно не сработало бы. Мы оба были искренними и любое притворство дало бы о себе знать. Волик никогда не упрекал меня за это, но сейчас я горько упрекаю себя. Я перечитала письма Каффи, они такие искрометные, и в тоже время веют растерянностью. Но что гложет меня сейчас — в некоторых из этих писем есть душераздирающая грусть и смирение. Почему, почему я не чувствовала его нужду в теплоте и дружбе?³²

Войтинские не были довольны атмосферой во Франции, им не нравилась зацикленность французов на личной жизни и отсутствие интереса к тому, что происходило в мире. Когда Войтинский занялся написанием отчета по безработице по заказу Международной организации труда (МОТ), супруги решили перебраться в Женеву, где можно было свободно пользоваться библиотекой учреждения. Однако постоянную должность в МОТ получить не удалось. Когда это стало ясно окончательно, Войтинские решили перебраться в США. Осенью 1935 г., несмотря на напряженность в европейских международных отношениях, это не было очевидным шагом, но оказавшись в США Войтинский быстро сумел найти работу по своему профилю, став в 1936 г. сотрудником федеральной Администрации социального обеспечения. После отъезда переписка с Каффи, по утверждению Э.С. Войтинской, продолжалась. Однако в архиве сохранилось только одно письмо, относящееся к американскому

³² *Woytinsky W.S. Two Lives in One... P. 145.*

периоду жизни Войтинских. Узнав, что Каффи был арестован во время нацистской оккупации в Тулузе, старые друзья немедленно собрали ему посылку и отправили деньги. Каффи ответил письмом благодарности, в котором подтвердил, что был в заключении.

Дорогой Володя!

Получил сегодня — 26 марта — твою открытку, а на той неделе глубоко был взбудоражен двумя пакетами, почти одновременно доставленными (один два дня после другого). Очень ободряет чувство такой дружбы, как твоя — тем более, когда я в этом отношении так несуществен.

Уверен, что за эти годы Вы оба прожили чрезвычайно деятельную жизнь и много хорошего и полезного совершили. Живо вспоминал я о близости наших коек — год тому назад, в застенке «милиции», где, между прочим, и коек не было, а лежали мы вповалку на полу.

Но в остальном впечатления этих лет были менее суровы для меня, чем для многих других. Покинуть Европу (в сороковом году) я не хотел, а теперь жду возможности перебраться в так называемые отечество. Авось на что-нибудь пригожусь. Посылки твои вызвали истинное умиление — особенно «упаковкой», от которой мы совсем отвыкли.

А наибольшие восхищение внушило мыло — мыло пенящееся, а не сплошь из песка — Европа почти такой же инвалид, как я.

Но так легко прожжённые грешники не сдаются; т.е. за себя лично не ручаюсь, но Европа еще накуролесит и вдоволь возмутит добродетельных спасителей.

Пока, сердечно обнимаю тебя.

Andrea³³

После второй мировой войны пути Войтинского и Каффи окончательно разошлись. Американские друзья не знали точно, где жил Каффи, полагая, что он провел последние дни в Италии³⁴.

³³ А. Каффи — В.С. Войтинскому, 26 марта 1945 // IISH. Vladimir Vojtinskij papers.

³⁴ *Woytinsky W.S. Two Lives in One...* P. 146.

Войтинский в послевоенное время стал авторитетным экспертом в американских экономических кругах, ему удалось предсказать подъем национальной экономики США в 1940-е — 1950-е гг.

Он умер незадолго до судьбоносных для истории США выборов 1960 г.

В свою очередь, Каффи оставался всё тем же бескомпромиссным интеллектуалом, пессимистично смотревшим на послевоенное возрождение Европы³⁵.

Его ближайшим другом в послевоенный период продолжать быть итальянский публицист Никола Кьяромонте. Друзья вели активную переписку, несмотря на нахождение в разных странах. Кьяромонте в итоге вернулся из политической эмиграции в Италию в 1951 г., в то время как Каффи остался после войны во Франции³⁶. Тяжело больной в последние годы жизни, Каффи скончался в парижской больнице Ла Сальпетриер 22 июля 1955 г.

³⁵ European. The Automatization of European People // *Politics*. 1945. Nov. P. 335–337.

³⁶ *Bresciani M.* «Cosa sperare?» Il carteggio tra Andrea Caffi e Nicola Chiaromonte: un dialogo sulla rivoluzione (1932–1955). Napoli, 2012. P. 74.

Михаил Витальевич Шкаровский

**Ю.Н. ДАНЗАС:
Долгий путь из «северного Рима»
в итальянский Рим**

Заметной фигурой среди русских католиков России и Европы, в том числе Италии, была Юлия Николаевна Данзас (монахиня Иустина) (1879–1942).

Эта была удивительная женщина, почти во всех сферах своей кипучей деятельности она добивалась значительного успеха. В настоящее время ее жизни посвящено уже несколько работ, однако не все ее стороны до сих пор освящены. В Центральном государственном архиве Санкт–Петербурга хранится целый ряд документов Ю.Н. Данзас (в том числе ее личное дело в фонде Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена и служебные материалы в фонде Комиссии по улучшению быта ученых), которые до сих пор лишь частично введены в научный оборот. Автором также было изучено следственное дело Ю.Н. Данзас 1923–1924 гг. в Архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт–Петербургу и Ленинградской области. Данная статья написана, прежде всего, на основе этих документов.

Юлия родилась 9 мая 1879 г. в Афинах (хотя в некоторых анкетах указывала Петербург), где ее отец, Николай Карлович Данзас, занимал должность первого секретаря Российской миссии и затем поверенного в делах. Она происходила из переселившегося в Россию старинного французского дворянского рода. Детские годы Юлии Николаевны протекали за границей, в зависимости от служебных перемещений ее отца, известного

дипломата, посвящавшего свои досуги исследованиям по истории религий (автора книги на французском языке «Histoire naturelle de la croyance»). У отца были имения в Изюмском уезде Харьковской губернии, площадью 1400 десятин, и Волчанском уезде, площадью 1200 десятин. Вернувшись окончательно в Россию в 1888 г., и, проживая в Петербурге («северном Риме»), Юлия Николаевна получила домашнее образование под руководством профессора В.Ф. Боцяновского, а затем академика профессора В.Н. Перетца, с обширной программой занятий по истории, литературе и классической филологии¹.

В 1895 г. Ю.Н. Данзас успешно сдала экзамен в 6-й мужской петербургской классической гимназии, после чего получила высшее образование за границей, слушая лекции в Парижском университете (Сорбонне), а также частные курсы по французской истории графа де Сегюра и П. Де Нольяка. Одновременно она занималась сравнительной историей религий под руководством Гоблет-д'Алвилла, познакомилась с крупнейшими историками первоначального христианства того времени: А. Гарнаком и аббатом Л. Дюшеном. Вернувшись в Россию, Ю.Н. Данзас стала членом редакционной комиссии журнала «Окраины России», для которого писала исторические статьи, в основном об отношении России к скандинавским государствам. При этом она с 1907 г. вплоть до Февральской революции 1917 г. являлась статс-фрейлиной при российских императрицах Марии Федоровне и Александре Федоровне, заведовала благотворительными делами последней. В 1906 г. Юлия Николаевна выпустила в столице под псевдонимом «Юрий Николаев» свой первый значительный печатный труд — книгу «Запросы мысли» (2-е издание вышло в Петербурге в 1908 г.) и приступила к исследованию истории средневековых западноевропейских христианских сект².

Этот труд предполагался к изданию на французском языке для соискания ученой степени во Франции, однако остался неоконченным, так как Ю.Н. Данзас увлеклась другой темой —

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 4331. Оп. 2. Д. 737. Л. 3.

² Там же.

исследованием более раннего христианского сектантства и гностицизма (I–III вв.). Результатом этой работы стала книга «В поисках за божеством. Очерки по истории гностицизма», вышедшая на русском языке в Петербурге в 1913 г. (под псевдонимом «Юрий Николаев», как и первая книга). Этот труд вызвал большой интерес у знаменитого писателя Максима Горького, который познакомился с Ю.Н. Данзас и в дальнейшем вплоть до конца жизни относился к ней с большой симпатией, неоднократно помогал и даже несколько раз спасал ее из заключения. Помимо книг, Юлия Николаевна также писала отдельные статьи, в основном литературного и публицистического характера. В частности, четыре ее статьи по финляндскому вопросу, направленные против финского сепаратизма, были опубликованы в 1909–1911 гг. в газете «Окраины России» под псевдонимом «Наш»³.

В 1909 г., во время одной из поездок в Италию, у Юлии Николаевны появилось желание увидеть прием паломников у Папы Римского Пия X. Через русского посланника она попала на общий прием, который произвел на нее сильнейшее впечатление. Ю.Н. Данзас «почувствовала первый раз в жизни, что получает благословение от того, кто действительно имеет особую власть благословлять». Встретив при выходе из Ватикана одного знакомого католика, Юлия Николаевна, сказала ему: «Не подумайте, что я была здесь простой зрительницей, я тоже чувствовала себя у отца»⁴. К этому сильному впечатлению в ту же осень 1909 г. добавились еще другие, полученные у гробницы св. Франциска в Ассизи.

В 1914 г. Ю.Н. Данзас планировала продолжать намеченную работу в Риме и Париже, воспользовавшись приглашением, полученным от известного историка Церкви кардинала Л. Дюшена⁵;

³ ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 2. Д. 737. Л. 3–4.

⁴ Бурман, фон В., диакон. Духовный путь Ю.Н. Данзас. От рационализма к Вселенской Церкви // Символ. 1997. № 37. С. 23–24.

⁵ Кардинала Луи–Мари–Оливье Дюшена (Duchesne; 1843–1922) вывела под вымышленной фамилией Лефрен в своем романе «Эмигрантка» Л.Ф. Достоевская; см. *Достоевская Л.Ф. Мои современники*. СПб.: Алетейя, 2021. С. 200–204. Аббат, литургист, археолог, автор фундаментального

кроме того, ей было предложено постоянное сотрудничество во французском журнале «Revue de l'Histoire des Religions». Однако эти планы были нарушены Первой мировой войной. С августа 1914 г. Юлия Николаевна около трех лет добровольно находилась на фронте, где сначала служила заведующей полевым подвижным складом Красного Креста, № 1, а затем сотником казачьего полка. На допросе 2 января 1924 г. она рассказывала: «Во время войны 1914 г. я как последовательная патриотка уехала на фронт, где работала в Кр[асном] Кресте Западного фронта, сперва как Пом[ощник] Управляющего складом Зап[адного] фронта, а потом Зав[едующим] Полевым подвижным складом при 10 армии. В 1916 г. поступила добровольцем в 18 Оренбургский Казачий полк, вначале в качестве рядового казака, а потом была назначена урядником III сотни того же полка. Во время моего пребывания в полку участвовала в боевых действиях, имела георгиевское отличие. В декабре 1916 г. полк был уведен в Галицию, куда я не пошла. В марте 1917 г. я вернулась в Петроград и уже по семейным и экономическим обстоятельствам не могла вернуться обратно»⁶.

За проявленную в боях личную храбрость Ю.Н. Данзас была награждена Георгиевским крестом. После ее возвращения в Петроград Временное правительство предложило Юлии Николаевне командовать женским ударным «батальоном смерти», но она отказалась. Ее отношение к происходившим в России после Февральской революции событиям ярко выражено в статье «Национальное самоубийство», опубликованной

трактата «История древней Церкви» (русс. пер.: М., 1912–1914), он оказался в 1910–е гг. в центре скандала: несмотря на то что с разрешения Римской курии вышло издание на франц. яз. и переводы на англ. и исп., перевод на итал. яз. подвергся резкому обличению (основные претензии — использование критического метода, умолчание о сверхъестественном факторе в истории, обеление императоров — гонителей христиан, неверное изображение состояния Римской Церкви и папских полномочий). В январе 1912 г. монография была внесена в «Индекс запрещенных книг». В 1973 г. Папа Павел VI реабилитировал Л. Дюшена. — *Прим. ред.*

⁶ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО). Ф. арх.-след. дел. Д. П–85381. Т. 1. Л. 174.

в газете «Русская свобода» под псевдонимом «Ю. Николаев», где она обвиняла интеллигенцию в распространении «яда антинационализма» среди народа, что якобы и привело к национальной катастрофе⁷.

В 1917 г., Юлия Николаевна возбудила ходатайство о допущении к защите магистерской диссертации по всеобщей истории при Петроградском университете, и получила принципиальное согласие в виду наличия достаточного количества научных трудов, но отмена ученых званий заставила отказаться от этого намерения. В 1918 г. она была одним из организаторов «Союза соборной премудрости» и членом Философского общества при Петроградском университете. 23 октября 1918 г. Ю.Н. Данзас, как выдающийся знаток античной философии и гностических сект, поступила на работу в Российскую Публичную библиотеку помощником библиотекаря, в отделение богословия, переименованное вскоре в отделение культов для работы по каталогизации⁸.

В январе 1919 г. она была определена начинающим научным сотрудником. Успешной службе в библиотеке способствовало ее хорошее знание многих иностранных языков: французского, немецкого, английского, шведского, итальянского, польского, древнегреческого и латыни. Несколько месяцев Ю.Н. Данзас была заведующей отделения культов, в марте 1919 г. ее перевели в отделение классической филологии, а затем, в конце 1919 г., в отделение инкунабулов, в июне 1920 г. на нее возложили обязанности заведующей этими отделениями. Юлия Николаевна участвовала в работах по приемке библиотеки Б.В. Никольского⁹, выделении в фондах коллекции «Cicero-pica», составлении каталога коллекции инкунабулов, вела занятия на курсах Публичной библиотеки, где преподавала описание старопечатных книг и историю библиотек в Западной Европе и в России¹⁰.

⁷ Николаев Ю. Национальное самоубийство // Русская свобода. 1917. № 18, 19.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 2. Д. 737. Л. 3–4.

⁹ Борис Владимирович Никольский (1870–1919) — юрист, поэт, литературный критик.

¹⁰ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 97. Оп. 1. Д. 7, 101; Стратановский С.Г. «Куда

Кроме того, Юлия Николаевна с 12 сентября 1919 по 1923 гг. преподавала историю Франции, французскую историческую литературу (на французском языке) и историю Великобритании (на английском языке) в 3-м Петроградском педагогическом институте имени А.И. Герцена. 25 декабря 1919 г. она писала в Совет института: «Вследствие запроса от 23 сего декабря № 4881 о возможности выезда из Петрограда вслед за Институтом, в случае эвакуирования последнего, имею честь уведомить, что такой выезд лично для меня не представляется возможным, так как я лишена возможности покинуть Петроград по служебному положению (основная служба в Российской Публичной Библиотеке) и по семейным обстоятельствам, имея на руках семью из нетрудоспособных и больных стариков, нуждающихся не только в моем заработке, но и в личном моем попечении и заботах, увезти же их с собою не могу по состоянию их здоровья»¹¹. К счастью для Юлии Николаевны эвакуация института не состоялась. В это время она проживала с престарелой матерью, двумя тетями и дядей по адресу: Захарьевская ул., д. 15, кв. 5¹².

Вскоре Ю.Н. Данзас по личным обстоятельствам пришлось примерно на месяц прервать преподавание. 28 января 1920 г. она писала в канцелярию 3-го Петроградского педагогического института о постигшем ее на улице несчастье: «...переехали меня сани, причинив серьезный ушиб спины». Далее в письме Юлия Николаевна отмечала: «Теперь я поправилась, но нахожусь неотлучно при моей умирающей матери, и принуждена отложить всякие иные занятия до ее кончины, ожидаемой с часу на час. Полагаю, что хлопоты по похоронам и сопряженные с ними формальности займут не менее недели, вследствие чего вряд ли мне удастся возобновить свои лекции даже в будущую пятницу (6 февраля), и, дабы не вводить своих слушателей в заблуждение, я считала бы наиболее правильным

мы идем? Всегда домой»: Судьба Ю.Н. Данзас // Вечерний Петербург. 1995, 23 мая.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 2. Д. 737. Л. 9.

¹² Там же. Л. 8.

назначить сроком ближайшей своей лекции следующую пятницу, 13-го февраля»¹³. Мать Ю.Н. Данзас — урожденная Ефросиния Эммануиловна Аргиропуло (происходившая по прямой линии от византийского императора Романа Аргира) скончалась 8 февраля 1920 г. и была похоронена в Петрограде, на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря, вблизи умершего в 1888 г. мужа.

Помимо работы в Публичной библиотеке и преподавания в педагогическом институте Ю.Н. Данзас также сотрудничала с издательством «Всемирная литература», подготовив большую монографию «Платон» (1922) и очерк «Монтескье», занималась переводами, читала отдельные лекции по французской и английской истории во 2-м Государственном университете (Психоневрологическом институте) и с марта 1920 г. до осени 1921 гг. по протекции Максима Горького была заведующей отделением Петроградского Дома ученых на Потемкинской ул., 7, а также заведующей отдела ученых Комиссии по улучшению быта ученых («КУБУ»). При этом Юлия Николаевна в тот период проживала вместе с тетей на Потемкинской ул., 7 в двух комнатах кв. № 3 и состояла в профсоюзе работников просвещения и социальной культуры¹⁴.

5 марта 1920 г. Ю.Н. Данзас была впервые арестована Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией. 6 марта председатель Комиссии по улучшению быта ученых Максим Горький, уже несколько лет близко знавший Юлию Николаевну, отправил руководству Петроградской ЧК ходатайство об ее освобождении, в котором говорилось: «Комиссия по улучшению быта ученых получила известие об аресте ученого библиотекаря Публичной библиотеки и заведующей Домом ученых по Потемкинской ул., д. № 7 Юлии Николаевны Данзас. Принимая во внимание как научную работу Ю.Н. Данзас, так и выполняемые ею обязанности по Дому ученых, Комиссия просит ЧК о внеочередном допросе арестованной и, в случае обнаружения ее невиновности, о немедленном ее освобождении»¹⁵.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 2. Д. 737. Л. 10–100б.

¹⁴ Там же. Л. 3–4; Ф. 2995. Оп. 1. Д. 40.

¹⁵ Там же. Ф. 2995. Оп. 3. Д. 1. Л. 41.

Учтя ходатайство М. Горького, арестованную в тот же день — 6 марта освободили под подписку о невыезде, а 18 октября 1920 г. дело было прекращено за отсутствием состава преступления. В действительности Юлия Николаевна в тот момент еще не была сотрудницей Комиссии по улучшению быта ученых, она лишь через девять дней после освобождения — 15 марта официально приступила к работе заведующей отделением Петроградского Дома ученых на Потемкинской ул.¹⁶.

Летом 1920 г. Ю.Н. Данзас, которая после многих лет религиозно-философских исканий решила присоединиться к Католической Церкви, познакомилась с экзархом русских католиков протопресвитером Леонидом Федоровым, который выступил с докладом в Доме ученых и произвел на нее огромное впечатление. Вняв предложению о. Леонида, Юлия Николаевна согласилась стать католичкой восточного, а не латинского обряда, приняв католичество 17 ноября 1920 г. в русской греко-католической церкви Сошествия Святого Духа на Бармалеевой ул. На допросе 2 января 1924 г. она говорила: «Познакомившись с обоснованием вопроса о восточном обряде, как наиболее подходящей формой католицизма для России, я решила работать именно в этой области. Критерием этому служило следующее: Русская церковь, еще тогда развалившаяся, могла принять идею соединения церквей на почве Флорентийской унии. Этого соединения добивался давно Рим. К этому времени православная церковь начала проявлять признаки разложения, лишившись государственной опоры. Поэтому такое положение давало надежды на успех в деле соединения церквей. Несмотря на то, что я, лично, была более склонна к латинскому обряду, но учитывая, что для широких масс русского народа католицизм в его латинской форме будет всегда неприемлем, и, желая посвятить себя делу пропаганды католицизма в России, я решила, что наиболее полезной для дела формой служения будет моя работа в восточном обряде. На этом основании я и приняла католичество по восточному обряду и с этого дня служила по мере сил католической церкви восточного обряда»¹⁷.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 1. Д. 40.

¹⁷ АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-85381. Т. 1. Л. 174-175.

В дальнейшем Ю.Н. Данзас стала одной из ближайших помощниц экзарха. Через некоторое время Юлия Николаевна решила осуществить свое давнее желание — уйти в монахини. В доме, где жил о. Леонид Федоров (Малый проспект Петроградской стороны, д. 76/78, кв. 9. на углу Подрезовой ул.), она сняла квартиру № 19, где должна была разместиться монашеская община. Вместе с ней поселилась Екатерина Башкова. Так 14 сентября 1921 г. было положено начало монашеской общине Святого Духа. Юлия Николаевна приняла имя Иустина, а Екатерина Башкова — Евпраксия. Были и еще желавшие поступить в общину, но в небольших комнатах уже не было места. У общины было две задачи — развитие восточного обряда и воспитание детей. Сестры убирали в церкви, топили в ней, прислуживали на литургии. Кроме того, они официально работали в государственных учреждениях. В частности, сестра Иустина по-прежнему работала в Публичной библиотеке и преподавала в 3-м Петроградском педагогическом институте имени А.И. Герцена. Монашеский постриг она приняла 25 марта 1922 г.¹⁸

В том же году в Париже была опубликована переданная за границу статья Ю.Н. Данзас «Католическое будущее России»¹⁹.

Вскоре советские власти начали кампанию изъятия церковных ценностей «для нужд голодающих Поволжья». 9 мая 1922 г. Ю.Н. Данзас была вынуждена присутствовать при определении специальной комиссией подлежащих изъятию ценностей в русской греко-католической церкви Сошествия Святого Духа²⁰. В тот же день Петроградский райисполком выдал мандат на изъятие из храма вещей из драгоценных металлов. Но прихожане сумели договориться о выкупе этих предметов за равное по весу количество серебра, и 16 мая отец Леонид Федоров внес собранный выкуп. 5 декабря храм Сошествия Святого Духа был опечатан²¹.

¹⁸ Бурман, фон В., диакон. Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. Рим. 1966. С. 424–429.

¹⁹ L'avenir catholique de la Russie // Echos d'Orient. Paris, 1922. № 127–128. P. 396–409. См. русский перевод: Символ (Париж). 1997. № 37. С. 159–174.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 137. Л. 22–22об.

²¹ Там же. Л. 32, 35, 48.

10 марта 1923 г. оказался арестован протопресвитер Леонид Федоров, заключенный в Бутырской тюрьме Москвы. Ю.Н. Данзас четыре раза приезжала на свидание с ним в Москву. Она рассказала экзарху о печальных событиях в Петрограде, связанных с окончательным официальным закрытием церкви Сошествия Святого Духа в июне 1923 г. Делегацию от прихода русских католиков городские власти отказались принять, но Ю.Н. Данзас удалось встретиться с секретарем Петроградского совета Ларионовым. На вопрос о причине закрытия он откровенно заявил ей: «Ополячится тысяча, ну десять тысяч человек. Это нам не страшно. А в подлюю федоровскую церковь пойдут миллионы, пойдут в католическую интернациональную организацию! Не просите, вопрос решен: церковь будет ликвидирована». Юлии Николаевне удалось добиться только обещания предупредить об окончательной ликвидации заранее. Благодаря этому была получена возможность вынести алтарные святыни²².

21 июня уполномоченный Петроградского райисполкома в присутствии Ю.Н. Данзас изъясил мебель и церковный инвентарь — всего 73 предмета, после чего храм был вновь опечатан. И только 20 октября 1923 г. поступило официальное уведомление: «Предлагается оповестить приходской Совет Греко-Католической церкви, что просьба о пересмотре постановления Президиума Петрогубисполкома о закрытии вышеупомянутой церкви отклонена ВЦИК от 5/VI–23 г. № 5644/к»²³. Вскоре церковное помещение было передано жилищному товариществу под жилье.

Тяжелейший удар движению русских католиков был нанесен в конце 1923 — начале 1924 г. В течение пяти месяцев ГПУ арестовало 62 человека — 26 в Петрограде, 35 в Москве и одного в Киеве. Возникло пять–шесть следственных дел, объединенных затем в одно. Разработкой и осуществлением всех операций руководил секретный отдел ОГПУ в Москве²⁴.

Именно от него 16 ноября была отправлена в Петроград шифротелеграмма о необходимости проведения и там арестов

²² Бурман, фон В., диакон. Леонид Федоров. С. 574.

²³ ЦГА СПб, ф. 151, оп. 2, д. 137, л. 61, 63.

²⁴ АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П–85381. Т. 1. Л. 320–330.

русских католиков: «...считаю необходимым в самом срочном порядке (ранее, чем до них дойдут слухи о ликвидации в Москве) произвести самые тщательные обыски... Необходимо обнаружить и арестовать гр. Данзас Юлию Николаевну (сестра Иустина), так как она является одним из серьезных руководителей, а также держала связь с экзархом Федоровым»²⁵.

И в ночь с 17 на 18 ноября 1923 г. были арестованы Ю.Н. Данзас и еще несколько русских католиков. 23 ноября из Москвы пришла еще одна шифротелеграмма: «Главарей необходимо арестовать. В отношении остальных, в зависимости от активности поступать по Вашему усмотрению... При обысках искать необходимо: разного рода письменные связи с другими городами, границей, экзархом Федоровым, разного рода вырезки из газет о фашистском движении, церковном движении, гонениях на католическую церковь»²⁶.

Переведенную 19 декабря 1923 г. в московскую Новинскую, а затем Лубянскую тюрьму Ю.Н. Данзас 2 января 1924 г. допрашивали и относительно двух, исходящих от нее документов, обнаруженных при обыске у руководительницы московской общины русских католиков игумении Екатерины Абрикосовой — «Моя беседа с секретарем Петросовета» (по поводу закрытия церкви Сошествия Святого Духа) и письма Леониду Федорову о «бабском бунте» (демонстрации протеста двух тысяч прихожанок католических храмов в мае 1923 г. против заключения договоров о передаче этих церквей в пользование верующих)²⁷.

Называть на допросе членов русско-католической общины Юлия Николаевна, охарактеризованная как «теоретически убежденная монархистка», отказалась, заявив: «Не желаю своими указаниями подводить совершенно ни в чем неповинных людей». По словам Ю.Н. Данзас после революции 1917 г. ее «очень задели вопросы распада величия России и страшно огорчало ее кромсание на части», в результате чего появилась статья

²⁵ *Осипова И.И.* «В язвах своих сокрой меня...». М., 2001. С. 14.

²⁶ Там же.

²⁷ АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.—след. дел. Д. П–85381. Т. 1. Л. 315.

«Национальное самоубийство», найденная при обыске. К советской власти отношение сначала было безразличное. Затем, убедившись в ее прочности, Юлия Николаевна, по ее словам, «также убедилась в том, что эта власть может во многих случаях защищать интересы России». Внутренняя же политика советских властей вызывала «несочувствие, но чисто теоретическое», за исключением вопроса религиозного. «Здесь, — подчеркнула на допросе Ю.Н. Данзас, — я оказывала активное сопротивление с того момента, как стала католичкой»²⁸.

До закрытия церкви Сошествия Святого Духа Юлия Николаевна исполняла обязанности псаломщика и была членом приходского комитета («двадцатки»), кроме того, читала доклады и лекции при храмах, например, в католическом соборе св. Екатерины следующие: «Рим как центр христианства», «Флорентийская уния», «Варфоломеевская ночь», «Канонизация святых в XIX веке» и др. Посещала она также заседания богословского кружка русских католиков, но членом его назвать отказалась. Ю.Н. Данзас подтвердила, что приезжала летом 1923 г. в Москву для свидания в тюрьме с отцом Леонидом Федоровым. Встречалась она также с возглавлявшим миссию Ватикана по оказанию помощи голодающим России священником Эдмундом Уолшем. При его содействии было получено более 20 посылок с продуктами для петроградцев. Тогда же Е. Абрикосова передала Ю.Н. Данзас выдержки из речи Папы Римского на консистории, в которой шла речь о гонениях на Католическую Церковь в России. Юлия Николаевна перевела ее с итальянского, напечатала в трех экземплярах и распространила среди прихожан²⁹.

Общее обвинительное заключение было составлено 24 апреля 1924 г. на 56 человек. Их обвинения звучали стандартно. «Вина» Ю.Н. Данзас якобы заключалась в активном участии в работе контрреволюционной организации, распространении контрреволюционных листовок и организации контрреволюционных кружков. Постановление Коллегии ОГПУ от 19 мая 1924 г.

²⁸ Там же. Л. 175–177.

²⁹ Там же. Л. 165–176.

было жестоким. В частности, Юлию Николаевну приговорили к 10 годам тюремного заключения³⁰.

После вынесения приговора Ю.Н. Данзас сначала отбывала срок в Иркутском политизоляторе, а с 11 сентября 1928 г. — в Соловецком лагере особого назначения³¹. Здесь она работала счетоводом и библиотекарем Соловецкого музея, в сентябре 1931 г. ее перевели на ст. Медвежья Гора, в управление строительством Беломорско–Балтийского канала, где Юлия Николаевна работала в отделе статистики. В январе 1932 г. она была досрочно освобождена по ходатайству Максима Горького, который, по некоторым сведениям, увидел ее во время посещения лагеря. В декабре 1933 г. Ю.Н. Данзас, опять же при содействии Горького, выехала в Германию, выкупленная за 20 тыс. франков эмигрировавшим из России еще в 1918 г. и проживавшим в Берлине братом Яковом Николаевичем Данзасом, также русским католиком (умер в 1942 г.). В том же году, пробыв некоторое время в Берлине у брата, она поселилась во Франции, где в монастыре г. Пруль вступила в Доминиканский орден сестрой–терцианкой с именем Екатерина.

С осени 1935 г. Ю.Н. Данзас работала в Доминиканском центре изучения России «Истина» в г. Лилле. Там она издавала журнал «Russie et Chrétienté», писала много статей и книг на французском языке. Используя отчет, составленный ею в Берлине по указанию о. Менна, Ю.Н. Данзас написала свои воспоминания узницы в СССР в виде очерка под заглавием «Красная каторга». «Истина» издала его как 1–й выпуск своих сборников — «Vagne rouge. Souvenirs d'une prisonnière au pays des Soviets» (1935)³². Одновременно с этим очерком Юлия Николаевна написала на ту же тему произведение более личного характера — «Письма из тюрьмы». Следующим крупным произведением Ю.Н. Данзас было исследование «Религиозный путь русского сознания», составившее 2–ю книгу сборника «Истины» — «L'itinéraire

³⁰ Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР / Авт.–сост. о. Б. Чаплицкий, И. Осипова. М., 2000. С. 438–439.

³¹ АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.–след. дел. Д. П–85381.

³² См. русский перевод: Символ (Париж), 1997. № 37. С. 105–148.

religieux de la conscience russe» (1935). В ней Юлия Николаевна подвела в сжатой форме итоги своего многолетнего и всестороннего изучения России и ее духовного прошлого. Этой же теме была посвящена статья 1936 г. «Les réminiscences gnostiques dans la philosophie religieuse russe moderne»³³.

В декабре 1936 г. состоялся переезд Ю.Н. Данзас вместе с Доминиканским центром изучения России из Лилля в Париж. Лично для нее этот переезд имел большое значение, в связи с возможностью работать совместно с князем П.М. Волконским. Он же мог воспользоваться присутствием Юлии Николаевны в Париже, чтобы пополнить собранный им архив свидетельскими показаниями Данзас. Сотрудничество с ней позволило князю завершить его многолетний труд. В августе–сентябре 1937 г. он записал с ее слов воспоминания об экзархе Леониде Федорове, об «Абрикосовской общине» и ряд других. Копии сделанных записей П.М. Волконский посылал во Львов греко-католическому митрополиту Андрею Шептицкому. Работа была закончена к началу 1938 г. личными воспоминаниями — «Духовный путь Ю.Н. Данзас». Оставленный ею материал в архиве Волконского дополняет статья, написанная двумя годами раньше — «Католики в России» и напечатанная в 1936 г. В ней Юлия Николаевна говорит о том, что представлял собой «католический элемент» в православной России, какими были его начинания и дальнейшая судьба. В Париже Ю.Н. Данзас являлась прихожанкой русской католической церкви св. Троицы.

Перед самым началом Второй мировой войны Ю.Н. Данзас отправилась в Великобританию, чтобы принять участие в устраивавшейся в Кембридже «русской неделе». Это была так называемая «летняя школа» — курсы, посвященные русским делам, на которых читались доклады (на английском языке). Устраивал их иезуит отец Джон Райдер. В 1939 г. на них, в числе других, присутствовал русский священник о. Димитрий Кузьмин–Караваев. Юлия Николаевна выступала докладчицей и после общего разъезда задержалась еще на некоторое время в Великобритании, где была избрана членом–корреспондентом Лондонского

33 См. русский перевод: Символ. 1998. № 39. С. 121–149.

«Общества психических исследований» (The Society for Psychical Research), занимавшегося оккультными явлениями. Ее встреча с о. Димитрием была первой после того, как они расстались 29 сентября 1922 г. в Петрограде, перед посадкой на пароход в день его высылки за границу. Вскоре Юлия Николаевна смогла осуществить свою давнюю мечту — поселиться в Риме, который был конечной целью ее стремлений после выезда из СССР. Она не раз заявляла: «Я родилась в Афинах, мечтой моей было всегда — кончить жить в Риме!»³⁴

Осенью 1939 г. Ю.Н. Данзас переехала в Рим к своему старому другу по Петербургу Владимиру Владимировичу Юрьеву (бывшему российскому дипломату). Здесь она читала лекции в папской коллегии «Руссикум» и в других местах, в числе ее знакомых были епископ Александр (Евреинов), священник Александр Сипягин, княжна Мария Михайловна Волконская, художница Римма Николаевна Браиловская (вдова умершего в 1937 г. в Риме художника Леонида Браиловского) и другие русские католики, а также известный поэт и писатель Вячеслав Иванов. После квартиры В.В. Юрьева Юлия Николаевна проживала в монастыре на *via della Pineta Sacchetti*, а с мая 1940 г. в съемной комнате на *via Napoleone III*. Здесь она написала на русском языке свой главный апологетический труд «Католическое Богопознание и марксистское безбожие» (фактически по заказу кардинала Тиссерена), а на французском языке — роман об императрице Александре Федоровне, которую лично хорошо знала.

В начале 1941 г. Ю.Н. Данзас, благодаря финансовой помощи кардинала Тиссерена, переехала в пансион к испанским монахиням на *via Palestro*, где прожила последние полтора года. Юлия Николаевна смогла получить личную аудиенцию у Папы Пия XII и передала ему то, что ей поручили сказать заключенные католики, томившиеся в советских лагерях. Папа указал Ю.Н. Данзас изложить ему письменно всё, что она сделала в своей жизни для Церкви, что Юлия Николаевна и сделала. В 1941 г. в Риме была издана на русском языке последняя книга

³⁴ Бурман, фон, В., диакон. Духовный путь Ю.Н. Данзас... С. 96.

Ю.Н. Данзас «Католическое Богопознание и марксистское безбожие», другая ее книга — на итальянском языке об императрице Александре Федоровне — «L'Imperatrice tragica e il suo tempo» (Verona: Mondadori, 1942) вышла уже после кончины этой необыкновенной женщины. Скончалась Юлия Николаевна Данзас (через пять дней после внезапного сердечного приступа) 13 апреля 1942 г. в своей комнате на via Palestro и была похоронена в Вечном городе³⁵.

³⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8409. Оп. 1. Д. 26. Л. 156–158; Д. 75. Л. 107–108; Д. 113. Л. 11, 281, 296; Д. 256. Л. 19–21; Д. 728. Л. 75–81.

О Ю.Н. Данзас см. *Бурман, фон В., диакон*. Духовный путь Ю.Н. Данзас... С. 96–102; *Мосин А.* «Искушение» католицизмом, или в поисках за Божеством // Символ. 1997. № 37. С. 149–158; *Parravicini G., Stratanovskij S.* Julija Danzas. Milano, 2001; *Hagemeister M.* Danzas, Julija Nikolaevna // Biographisch–Bibliographisches Kirchenlexikon. Vol. 24, Nordhausen: Bautz, 2005. S. 253–258. *Талалай М.Г.* Российский некрополь в Италии. М., 2014. С. 233; *Niqueux M.* Julia Danzas. De la cour impériale au bain rouge. Genève: Éditions des Syrtes, 2020.

Алексей Валерьевич Антошин

**«ВЕНЕЦИЯ — ЭТО ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ДЫРА...»:
русский социал–демократ Евгений Ананьин
в Италии в 1940–е — 1950–е гг.**

Термин «меньшевистская семья» был введен крупнейшим исследователем эмигрантского меньшевизма Андре Либихом¹ для обозначения того удивительного феномена, который сформировался вокруг Заграничной делегации (ЗД) РСДРП и редакции «Социалистического вестника» через некоторое время после выезда группы социал–демократов из Советской России. На наш взгляд, термин очень удачный, весьма емко характеризующий это явление. Однако, следует учитывать одно важное обстоятельство: и «семья», и ее официальная организационная форма — ЗД РСДРП — включали в себя далеко не всех российских социал–демократов, оказавшихся в эмиграции. Некоторые старые меньшевики продолжали сохранять личные контакты с деятелями ЗД, но, тем не менее, оставались как бы вне «семьи». К их числу, например, относился Евгений Аркадьевич Ананьин (псевдоним Чарский; 1884–1965)².

В начале XX в. это была довольно заметная фигура в российском социал–демократическом движении: организатор революционной пропаганды в воинских частях, один из издателей

¹ См. его известную книгу: *Liebich A. From the Other Shore. Russian Social Democracy after 1921.* Cambridge; London, 1997.

² См. о нем подробнее: *Горинев М.М.* «Гулял с палкой по Невскому проспекту...». К биографии Евгения Ананьина (1884–1965) // Берега: Информационно–аналитический сборник о русском зарубежье. Вып. 19. Наука русского зарубежья. СПб., 2015. С. 15–21.

(вместе с В.А. Антоновым—Овсеенко) нелегальной газеты «Казарма», сотрудник ряда меньшевистских изданий (в том числе известного «ликвидаторского» журнала «Наша заря»)... Прежде всего, Е.А. Ананьин был известен как секретарь одного из первых русских марксистов П.Б. Аксельрода. С 1913 г. (с небольшим перерывом) он жил в Италии, стал видным исследователем итальянской средневековой культуры. В эмиграции Е.А. Ананьин опубликовал ряд трудов, посвященных творческому наследию Пико дела Мирандолы и других итальянских мыслителей, внес серьезный вклад в знакомство итальянцев с историей и культурой России. Его личный архив находится в составе коллекций Исследовательского центра Вячеслава Иванова в Риме. Однако данная небольшая статья основана на переписке семьи Е.А. Ананьина, хранящейся в архивах США и Нидерландов. В ряде коллекций этих архивохранилищ находятся разрозненные письма Е.А. Ананьина и его жены, которые позволяют уточнить некоторые обстоятельства биографии старого социал—демократа, охарактеризовать его взгляды после Второй мировой войны.

Участовавший в меньшевистской прессе 1900—х — начала 1910—х гг. Е.А. Ананьин постепенно отошел от активной политической деятельности. Он фактически не участвовал в революционных событиях 1917 г. в России, предпочтя остаться в Италии, работать в Русском университете Милана. К началу 1920—х гг. он сблизился с Ст. Ивановичем (литературный псевдоним Семена Осиповича Португейса, 1860—1944) — старым социал—демократом, который в годы Гражданской войны участвовал в наборе добровольцев в Белую армию на юге России и оказался в результате вне меньшевистского эмигрантского центра, созданного в Берлине Ю.О. Мартовым. В 1922 г. Ст. Иванович начал издавать в столице Германии «орган социал—демократической мысли» «Заря» и предложил Е.А. Ананьину прислать статью для этого журнала. Евгений Аркадьевич решил посоветоваться по этому поводу с Ю.О. Мартовым, на что получил резкий ответ: «Вы меня простите, но надо все—таки выбирать. Или с социалистами какого угодно оттенка, или с людьми, для которых красный флаг стал тряпкой, слово

"товарищ" презрительным термином...»³. Для официального меньшевизма сам факт того, что Е.А. Ананьин допускал возможность сотрудничества с Ст. Ивановичем означал одно: старый социал-демократ слишком «отстал от жизни», не разбирается в эмигрантской политике.

В чем-то это было правдой: Е.А. Ананьин в 1920–1930-е гг. действительно, прежде всего, занимался исследованиями истории культуры Италии. Именно то обстоятельство, что он многие годы жил в Италии, усилило дистанцирование Е.А. Ананьина от эмигрантской политики. Он оказался далек от меньшевистского эмигрантского центра, который последовательно находился в Берлине (1921–1933), Париже (1933–1940) и Нью-Йорке (с 1940 г.). Меньшевистскую «семью» сотрясали кризисы и расколы, она бурно реагировала на изменения ситуации в СССР и мире, на сталинскую «модернизацию» и формирование очагов новой войны в Европе, однако Е.А. Ананьин не участвовал в этих процессах.

События Второй мировой войны еще более усилили эту оторванность Е.А. Ананьина от меньшевистской «семьи»: он остался в Европе — в Италии, в то время как «семья» переместилась за океан. В результате его жизнь принципиально отличалась от быта осевших в Нью-Йорке Р.А. Абрамовича, Б.И. Николаевского и других старых меньшевиков.

Конечно, жизнь в разрушенной войной Европе была значительно тяжелее, чем в благополучной Америке. В постфашистской Италии царил хаос, положение многих людей было неопределенным. В этих условиях семья Ананьина вынуждена была обратиться за помощью к известному меньшевику Б.И. Николаевскому (1887–1966), тесно связанному с руководством эмигрантского благотворительного Литературного фонда. В знаменитой коллекции Б.И. Николаевского в Гуверовском институте войны, революции и мира (Стэнфорд, США) хранится отчаянное письмо супруги Е.А. Ананьина, написанное через два месяца после разгрома нацистской Германии: «Мы бежали из

³ Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1921–1922 гг. / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М., 2002. С. 460.

Рима. Там остались наши вещи. Множество, сотни книг, много ценных. Вернуться некуда. Ничего не осталось...». В послевоенной Италии таким интеллигентам, как Е.А. Ананьин, выжить было чрезвычайно тяжело. Они ни психологически, ни физически оказывались к этому не готовы: «Нужно иметь крепкие локти. Все живут черным рынком, на котором всего в изобилии. Но нужно уметь покупать и продавать»⁴. Е.А. Ананьин был приват-доцентом в университете, но, по словам жены, «даром, без жалования», поскольку иностранцев на работу не принимали.

И жизнь не менялась. Через год, летом 1946 г., тон письма И.П. Ананьиной к Б.И. Николаевскому практически не изменился: «Наша квартира со всеми нашими вещами захвачена теми, которых я там оставила, и они, конечно, и не думают уйти. Да и некуда... В Риме три миллиона жителей, было полтора три года назад. Интеллигенты пропадают. Все разочарованы и уже всё видят в черном свете. Процвечают коммерсанты, продавцы... Кроме литературного труда, Е.А. ни для чего не годен»⁵.

И что же Б.И. Николаевский? К сожалению, он не смог обнадежить супругу своего старого товарища по партии: «Я познакомил с Вашим письмом Президиум Литфонда. К сожалению, у нас в последнее время были настолько значительные расходы, что мы оказались вынужденными войти в большие долги и решили до осени прекратить всякие новые ассигновки. Мне очень тяжело сообщать Вам об этом, тем более, что я и с других сторон знаю о положении Е.А., но ничего действительно сделать нельзя. Деньги у нас будут только после очередного бала — а он состоится в ноябре»⁶.

Искренен ли был Б.И. Николаевский в данном случае? Деятельность Литературного фонда по оказанию помощи «ди-пи» и русским эмигрантам представляет собой отдельную тему. Но следует учесть то обстоятельство, что финансовое положение

⁴ И.П. Ананьиной — Б.И. Николаевскому. 24.07.1945 // Hoover Institution on War, Revolution and Peace (HIA). Boris I. Nicolaevsky collection. Ser. 248. Box 471. Folder 28.

⁵ И.П. Ананьиной — Б.И. Николаевскому. 13.06.1946 // Там же.

⁶ Б.И. Николаевский — И.П. Ананьиной. 14.07.1946 // Там же.

этой структуры, на которую так рассчитывали многие находившиеся в Европе эмигранты, было нестабильным. Литературный фонд зависел от денег спонсоров, сборов, устраиваемых на благотворительных мероприятиях, однако в переписке связанных с ним эмигрантов нередко звучали тревожные сообщения. Так, например, в 1947 г. А.М. Бургина писала Б.И. Николаевскому об огромных проблемах в Литературном фонде, о том, что, скорее всего, его «бал провалится и придется тогда закрывать лавочку»⁷.

Одной из тех, кто помогал Литературному фонду искать американских спонсоров, была О.В. Хагенслевер. В фонде старого эсера В.М. Зензинова в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) хранится ее отчаянное письмо 1951 г., где старая эмигрантка сообщала о беседе с одной из богатых американок, на которую Фонд очень рассчитывал: «Она охладела и ее больше Л.Ф. [Литературный фонд. — А.А.] не интересует, при чем она была очень резка и груба»⁸. О том, какими путями доставались деньги Литературному фонду, как было трудно получить благотворительную помощь, конечно, не знали подобные семье Ананьина русские эмигранты, надеявшиеся на помощь из-за океана.

В 1945–1946 гг. Е.А. Ананьин находился в состоянии физического истощения вследствие болезней и отсутствия необходимого лечения: «Так он ослабел за июнь и июль месяцы, — в отчаянии писала его жена в июле 1946 г. Б.И. Николаевскому, — что голова не работает, читать даже не может. Чтобы сохранить ему жизнь, буквально я должна искать для него средств. Тяжело мне это очень... Ждать до осени без нужного лечения, покоя и питания для моего мужа — смерть... Я Вас не обманываю, он истощен во всех смыслах»⁹.

⁷ А.М. Бургина — Б.И. Николаевскому. 12.06.1947 // НИА. Boris I. Nicolaevsky collection. Ser. 248. Box 475. Folder 1.

⁸ О.В. Хагенслевер — В.М. Зензинову. 29.04.1951 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder "Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. D–H".

⁹ И.П. Ананьина — Б.И. Николаевскому. 24.07.1946 // НИА. Boris I. Nicolaevsky collection. Ser. 248. Box 471. Folder 28.

Это — последнее письмо И.П. Ананьиной, которое хранится в коллекции Б.И. Николаевского. Трудно сказать, получил ли Е.А. Ананьин в итоге помощь из-за океана. Но ему все-таки удалось справиться со своими проблемами: он прожил еще около 20 лет, выступая как публицист в русской эмигрантской прессе 1940-х — 1960-х гг. Вместе с тем, следует обратить внимание на существенные отличия в положении русских, проживавших в эмигрантских центрах (Париж, Нью-Йорк, Сан-Франциско и др.) и в городах, где почти не имелось россиян. Последним, безусловно, психологически было значительно труднее, т.к. они были практически лишены возможности ежедневно общаться на родном языке, входить в структуры Русского зарубежья и т.д. О сложностях, которые испытывали такие эмигранты, свидетельствует и личная переписка Е.А. Ананьина, проживавшего в 1950-е гг. в Венеции. Из членов меньшевистской «семьи» он в 1950-е гг. был связан, прежде всего, с Лидией Осиповной Дан (1878–1963) — вдовой Ф.И. Дана и сестрой Ю.О. Мартова. Последняя не только пользовалась большим авторитетом среди старых меньшевиков, но и поддерживала связь с теми, кто находился вне «семьи». Именно поэтому письма Е.А. Ананьина сохранились в личном фонде Л.О. Дан, находящемся в Международном институте социальной истории в Амстердаме. В 1955 г. он писал Л.О. Дан: «Я оторван действительно... не только от "мира", но даже в Италии (не забывайте, что Венеция — это провинциальная дыра)... Русских я никаких не знаю»¹⁰. Старый социал-демократ довольно тяжело переживал эту свою «оторванность» от культурной жизни Русского зарубежья, отсутствие у него повседневного круга общения на русском языке.

Находясь вдали от эмигрантских центров, Е.А. Ананьин, тем не менее, как и другие старые эмигранты, внимательно следил за развитием событий на давно покинутой им Родине и в мире в целом. В письмах Е.А. Ананьина Лидии Дан содержатся и интересные размышления старого социал-демократа, его

¹⁰ Е.А. Ананьин — Л.О. Дан. 1955 // International Institute of Social History (IISH). Lidiya O. Dan papers. Folder 7.

реакция на события в Советском Союзе. Конечно, его внимание не мог не привлечь знаменитый XX съезд КПСС, ставший важнейшей вехой эпохи «оттепели». Он полагал, что процесс трансформации сталинской модели, «запущенный» XX съездом, после этого было уже не остановить. Понимая, что у него и его ровесников не было шансов дожить до конца этого процесса, Е.А. Ананьин, однако, пытался предугадать его результаты. Одну из попыток такого рода старый социал–демократ предпринял осенью 1956 г. «Я полагаю, — замечал Е.А. Ананьин в письме Л.О. Дан, — что Хрущев, если бы и хотел повернуть вспять, не сможет. Положение этого "весельчака" трагическое или, если хотите, трагикомическое. Ему не удастся стать "смягченным" Сталиным, он должен будет идти налево... иначе он очутится во власти Молотова, Кагановича и др. Лет через двадцать будет, допускаю, легальное существование социал–демократии, которой борьба будет чрезвычайно трудна (против государственного капитализма и нового привилегированного слоя). Т.е. всё начнется заново»¹¹.

Во многом Е.А. Ананьину удалось предвосхитить развитие общественно–политических процессов в посткоммунистической России. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что старый меньшевик, давно, казалось, ушедший от политики в мир итальянской культуры, тем не менее, продолжал думать о будущем российской социал–демократии, надеясь на то, что у него и его товарищей будут наследники на Родине.

Внимательно следил старый социал–демократ и за ситуацией в международной политике. В середине 1950–х гг. внимание значительной части западной и русской эмигрантской прессы привлекала ситуация в Египте: последствия революции 1952 г., политика режима Г. Насера, позиция западных держав. Затрагивался этот вопрос и в личной переписке Е.А. Ананьина и Лидии Дан. В написанном в 1956 г. письме старого социал–демократа была представлена весьма характерная для эмигрантов различных направлений позиция: «Если Насеру не будет дан

¹¹ Е.А. Ананьин — Л.О. Дан. Сентябрь 1956 // ИИШ. Lidiya O. Dan papers. Folder 7.

отпор (согласно англо–французской формуле), то он обнаглеет еще больше. Даллес напрасно думает, что можно будет "откупиться" от него долларами»¹². Иными словами, Е.А. Ананьин полагал, что США должны занимать более жесткую позицию, а не стремиться к некоему компромиссному решению проблемы Египта. Как и другие эмигранты–антикоммунисты, он полагал, что всякие попытки соглашений с СССР и его союзниками обречены на провал.

Евгений Ананьин ушел из жизни в 1965 г.¹³ Ему был посвящен некролог в парижской «Русской мысли»¹⁴, к его жизни и творчеству продолжают обращаться современные российские и итальянские исследователи¹⁵. Чаще всего, рассказ о Е.А. Ананьине как о социал–демократе и политическом деятеле заканчивается его эмиграцией в Италию накануне Первой мировой войны, после чего он предстает уже как историк итальянского средневековья и популяризатор русской культуры в Италии. Во многом это так и есть, но письма Е.А. Ананьина, хранящиеся в Амстердаме, убеждают: он и в 1950–е гг. не порывал связей с некоторыми старыми товарищами по партии, продолжал интересоваться ситуацией в СССР, надеяться на то, что у партии, с которой была связана его молодость — РСДРП — будут перспективы и в новой России.

¹² Там же.

¹³ Похоронен в венецианском предместье Маргеры; см. *Талалай М.Г.* Вдохновительница наших успокоений. Российский некрополь в Венеции. М.: Старая Басманная, 2013. С. 20. — *Прим. ред.*

¹⁴ См.: *Зубов Г.* Памяти Евгения Аркадьевича Ананьина // Русская мысль. 1965. 4 мая (№ 2303). С. 4.

¹⁵ См., к примеру: *Larocca G.* I corrispondenti russi di Luigi Einaudi // Archivio russo–italiano X. Salerno, Collana di Europa Orientalis, 2015. P. 203–216; *Гардзонио С.* Евгений Ананьин — русский революционер и исследователь итальянской культуры // Статьи по русской поэзии и культуре XX века. Москва: Воделей, 2006. С. 238–245; *Саббатини М.* Евгений Ананьин и Пьеро Гобетти: письма о России (1924–1925) // Беспокойные музы: К истории русско–итальянских отношений XVIII–XX вв. Salerno: Collana di Europa Orientalis, 2011. Т. 2. P. 343–359. — *Прим. ред.*

ОБ АВТОРАХ

Андросов Сергей Олегович — выпускник Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (Академии художеств), факультета теории и истории искусства. С 1971 по настоящее время — в Государственном Эрмитаже, сначала как аспирант и мл. научный сотрудник, затем ст. научный сотрудник, зав. сектором и с 2006 г. зав. Отделом западноевропейского изобразительного искусства. Доктор искусствоведения. Кандидатскую диссертацию защитил в 1977 г., докторскую — в 1990 г. Автор более 400 научных публикаций по вопросам итальянского и русского искусства, а также по истории коллекционирования. Награжден орденом Итальянской республики.

Антошин Алексей Валерьевич — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург). Основная сфера научных интересов — политическая история эмиграции из России и Советского Союза. Занимался исследованиям в архивах и научных центрах России, США, Германии, Великобритании, Франции, Нидерландов, Сербии, Венгрии и других стран. Основные монографии: *Российские эмигранты в условиях холодной войны (середина 1940-х– середина 1960-х гг.)* (2008), *От Русского Монмартра — к Брайтон Бич: эволюция Русского мира в 1950-е — начале 1980-х гг.* (2014).

Бибиков Михаил Вадимович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой византийской и новогреческой филологии МГУ им. М.В. Ломоносова, вице-президент Российского национального комитета византинистов, действительный член РАЕН, член редакционных коллегий периодических сборников «Византийский временник» и «Средние века», автор многочисленных публикаций.

Бибикова Александра Михайловна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ им. Ломоносова. Кандидатская диссертация по теме «Итальянский вариант комедии абсурда:

драматургия Акилле Кампаниле» (2013). В качестве переводчика участвовала в составлении изданий: *Калабро Коррадо «Поэзия = Поэзия»* (2012) и *«Доктор Живаго» Пастернак, 1958, Италия. Антология* (2012). Автор учебного пособия «Итальянский язык: практикум по чтению» (2021).

Боттоне Валерия — исследовательница (защита диссертации в области сравнительных исследований, с уклоном в славистику, в Римском университете Тор Вергата в 2018 г.). Занималась пушкинистикой в СССР, в Русском зарубежье и в Италии в 1920–1930 гг. Под ее редакцией, совместно с Габриэле Маццителли, опубликован эпистолярный Э. Ло Гатто, хранящийся в Национальной Центральной библиотеке Рима («*Sono contento di averti continuato. Lettere a Ettore Lo Gatto conservate alla Biblioteca nazionale centrale di Roma*», 2020). В настоящее время преподает английский язык и литературу в средних школах.

Буонкристиано Паола — доктор филологических наук, автор многочисленных статей о русско-итальянских отношениях и куратор научных сборников, сотрудник журнала славистики «*Russica Romana*». Среди публикаций: *L'Imperatore e la modella. Artisti russi, modelli romani. Nuovi materiali*, Roma 2017 (*Император и натурщица. Русские художники, римские натурщицы. Новые материалы*); *Un cuore meccanico. Bambole e automi nella letteratura russa moderna*, Roma 2011 (*Механическое сердце. Куклы и автоматы в русской литературе XVIII–XX вв.*).

Вяземцева Анна Геннадиевна — кандидат искусствоведения, Ph.D. истории архитектуры, ведущий научный сотрудник НИИТИАГ. Автор монографии *Искусство тоталитарной Италии* (2018) и публикаций на тему искусства, архитектуры и градостроительства XIX–XX вв., искусства и архитектуры Италии XX в., культурных связей СССР и стран Запада, русских и советских художников и архитекторов в Италии, охраны и реставрации архитектурного наследия 1920–1940-х гг. Исследования были отмечены дипломом международного фестиваля «Зодчество» и поддержаны грантами РГНФ, университета Инсубрии (Италия)

и совместным грантом РФФИ и Национального центра научных исследований (CNRS) Франции.

Джусти Мария Тереза — доктор исторических наук, профессор современной и социальной Истории в государственном университете им. Г. д'Аннунцио Кьетти — Пескара (Италия). Автор книг и статей по теме Второй мировой войны, о итальянских военнопленных, о фашистской оккупации балканских стран, об итальянской кампании в России, об отношениях между СССР и Югославией до 1948 г. В России вышла ее монография *Итальянские военнопленные в СССР. 1941–1954* (СПб.: Алетейя, 2010).

Иванова Юлия Владимировна — кандидат филологических наук, координатор проектов Лаборатории ненужных вещей, преподаватель русского языка и литературы Института славистики Кёльнского университета. Ее исследования посвящены преимущественно истории неолатинской гуманистической литературы, святоотеческой экзегезы, медицины и политической мысли раннего Нового времени.

Каприо Стефано, дон — с 1989 г. капеллан Посольства Италии в Москве. В 1991 г. становится одним из основателей Московского Института богословия для мирян им. св. Фомы Аквинского, где преподавал патрологию и догматическое богословие (до 2002 г.). С 2007 г. преподаёт Русскую историю и культуру в Папском Восточном институте в Риме. Автор книг и статей по русскому богословию и философии. В настоящее время служит в Архиепархии Фоджа–Бовино (регион Апулия), где занимает должность руководителя епархиальной экуменической службы.

Каратоццоло Марко — выпускник Бергамского университета; с 2006 г. профессор русского языка и литературы Барийского Государственного университета, заместитель директора Департамента литературы, языков, искусств, итальянистики и сравнительных культур. Автор монографий (*La Russia allo specchio*, 2006; *Una voce russa a Parigi tra le due guerre*, 2013) и многочисленных статей. Опубликовал новое итальянское издание «Горя от ума» А.С. Грибоедова (2017),

новый итальянский перевод с комментарием очерка воспоминаний Максима Горького о Ленине (*Lenin un uomo*, 2018).

Карпова Елена Вениаминовна — кандидат искусствоведения, заслуженный работник культуры РФ, заведующий отделом скульптуры Государственного Русского музея. Автор ок. 270 публикаций, в т.ч. монографий *Русская и западноевропейская скульптура XVIII — начала XX века. Новые материалы. Находки. Атрибуции* (2009) и *Скульптура в России: неизвестное наследие. XVIII — начало XX века* (2015).

Маццителли Габриэле — библиотекарь в Римском университете «Тор Вергата». В течение многих лет был адъюнкт-профессором русского языка и литературы в Римском университете «Lumsa». Опубликовал многочисленные материалы как в области славистики, уделяя особое внимание отношениям между Италией и славянским миром, так и в области библиотечного дела, включая несколько книг: *Slavica biblioteconomica* (2007), *Le pubblicazioni dell'Istituto per l'Europa orientale. Catalogo storico (1921–1941)* (2016), *Очерки итальянской славистики* (2018) и, в сотрудничестве с Валерией Боттоне, *Sono contento di averti continuato. Lettere a Ettore Lo Gatto conservate alla Biblioteca nazionale centrale di Roma* (2020).

Милано Андреа, дон — священник Неаполитанской епархии Римско-Католической Церкви (рукоположен в 1960); доктор философских и богословских наук; в 1976–1978 гг. ординарный профессор догматического богословия и декан Папского Богословского факультета Южной Италии, затем ординарный профессор истории христианства и Церкви Неаполитанского университета им. Фридриха II и доцент истории и герменевтики христианских доктрин Урбинского университета им. Карло Бо. Автор трех трактатов, опубликованных в России трактатов: «Женщина и любовь в Библии. Эрос, агапа, личность» (2011), «В чем истина. К "критике" теологического разума» (2016), «Ипостась, Лицо, Личность: генеалогия понятия в богословии Древней Церкви» (2019).

Нестеров Александр Геннадьевич — доктор исторических наук, зав. кафедрой зарубежного регионоведения Уральского гуманитарного

института Уральского федерального университета (Екатеринбург), профессор Азербайджанского университета языков (Баку). Автор ок. 250 публикаций, в т.ч. *Итальянская Социальная Республика: документы эпохи* (2002); *Итальянская Социальная Республика: История. Идеология. Внешняя политика* (2003); *Экономика Италии* (2014, в соавторстве с Т.П. Нестеровой) и др.

Нестерова Татьяна Петровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета (Екатеринбург). Член редакционного совета журнала «Научный диалог» (Россия). Автор ок. 120 публикаций, в т.ч.: *Тоталитаризм в XX веке: Теоретический дискурс* (2000, в соавторстве); *Тоталитаризм: Спор историков* (2003, в соавторстве); *Внешняя политика Испании: XX век* (2005); *Экономика Италии* (2014, в соавторстве).

Нечипорук Дмитрий Михайлович — старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований пространства при Тюменском государственном университете. Прошел аспирантуру факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. В 2009 г. в Санкт-Петербургском институте истории защитил кандидатскую диссертацию «Американское общество друзей русской свободы». В 2011 г. был стипендиатом Международного института социальной истории в Амстердаме, в 2018 г. стипендиат программы Фулбрайт в Ратгерском университете (США). Автор монографии *Во имя нигилизма: американское общество друзей русской свободы и русская революционная эмиграция (1890–1930 гг.)* (2018) и др.

Романо Алессандро — исследователь и переводчик. В 2020–2021 гг. в издательстве Adelphi вышел его перевод «Образов Италии» П.П. Муратова с комментариями. Среди других публикаций: *Яковлев В.Д. Италия. Письма из Венеции, Рима и Неаполя* (Сост. и ред. вместе с А. Конечным и К. Кумпан (2012); *S.S. Uvarov. Roma e Venezia nell'anno 1843. In appendice Napoli nell'anno 1805, Venezia 2010* (Уваров С.С. Рим и Венеция в 1843 году. В приложении Неаполь в 1805 году / с французскими оригиналами и русскими переводами);

Катерино Кавос: легенды и правда об одном венецианском вундеркинде (Русско-итальянский Архив X, 2015. С. 31–46); в соавторстве с П. Буонкрисиано, *Орест в Риме и за его пределами. Новое о путешествиях, встречах и деятельности О.А. Кипренского в 1828–1835 гг.* // *Roma e il mondo / Рим и мир. Scritti in onore di Rita Giuliani*, Roma. 2019. P. 351–376.

Соколов Павел Валерьевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева и доцент Школы философии и культурологии Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Сфера интересов — история арабской и латинской средневековой философии, средневековая христианская экзегеза, гражданские науки раннего Нового времени.

Талалай Михаил Григорьевич — кандидат исторических наук, ассоциированный сотрудник ИВИ РАН. Автор ряда монографий, в т.ч. «Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии» (Макарьевская премия 2013); «Российский некрополь в Италии» (2014). В 2020 г. награжден медалью Министерства обороны РФ «За заслуги в увековечении памяти погибших защитников Отечества».

Терехова Наталья Геннадиевна родилась в Риме в семье советского дипломата. Защитила диплом по творчеству Итало Звево в МГУ им. Ломоносова. В 2014 г. организовала первое в России Общество изучения наследия Антонио Грамши. Автор более 30 статей по истории российско-итальянских связей в XVIII в., а также советско-итальянских отношений. Автор многочисленных переводов с итал. яз.

Фокин Сергей Иванович — доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры зоологии беспозвоночных Санкт-Петербургского государственного университета; ассоциированный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; профессор зоологии университета г. Пиза (Италия). Автор 8 книг и ок. 70 статей по истории биологии, а также более

200 исследовательских работ и обзоров, посвященных разным аспектам функциональной морфологии, таксономии и биологии протистов–инфузорий.

Чернобаев Анатолий Александрович — доктор исторических наук, профессор РГАНХиГС, главный редактор журнала «Исторический архив», ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Автор более 400 научных работ по истории и историографии России XVIII — начала XXI в. Автор–составитель биобиблиографического словаря «Историки России», выдержавшего 4 издания. Действительный член Международной академии информатизации (1993), Академии педагогических и социальных наук (1995) и Академии военно–исторических наук (2003).

Шварц Искра родилась в Болгарии, получила степень кандидата исторических наук в Московском университете (1981) и доктора философских наук в Венском университете в 1989 г. С 1990 г. работает в Институте Восточно–европейской истории и преподает в Венском университете. Специалист по истории России, Балканских стран и проблемам Европейской общности, автор монографического сборника «Исследования о Петровской эпохе» (в печати) и ряда статей, в т.ч. о дипломатических отношениях славянского мира и Европы в XVII–XVIII вв., а также по проблемам современной европейской политики.

Шкаровский Михаил Витальевич — доктор исторических наук. В настоящее время профессор Санкт–Петербургской Православной Духовной Академии, главный архивист в Центральном государственном архиве Санкт–Петербурга. В 2008–2009 гг. работал специальным приглашенным профессором в Славянском исследовательском центре Хоккайдского университета (Япония). Член Ученого совета при Общецерковной докторантуре и аспирантуре Московского Патриархата и член Церковно–общественного совета по увековечиванию памяти новомучеников и исповедников Российских при Священном Синоде РПЦ. Принял участие в качестве докладчика в 105 международных конференциях, имеет 697 научных публикаций, из них 60 книг.

Юсим Марк Аркадьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВИ РАН. Автор ряда монографий по истории итальянского Возрождения и философии истории. Автор и издатель комментированных переводов на русский язык сочинений итальянских и других историков и мыслителей: Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини, Дж. Виллани, Дино Компаньи, Л.–Б. Альберти, Г. Контарини, В. Парето, Ф. Бродедя. Автор и соредатор двух томов 6–томной «Всемирной истории» (2011–2019).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. *Андреа Милано, М.Г. Талалай* 5

Наука / богословие

Ю.В. Иванова. Августин и Амвросий в саду Юпитера 21

П.В. Соколов. Τὸ ἔνδον εἶδος: Марсилио Фичино,
Фридрих Крейцер и Алексей Лосев о внутренней форме
красоты и «эстетическом воспитании» древних 43

М.А. Юсим. Трудности книжного обмена.
Эпизод из переписки ученых XVIII века 61

С.И. Фокин. Неаполь и его окрестности.
Из писем русских зоологов, работавших на
Неаполитанской зоологической станции 71

Стефано Каприо. Преподаватели–католики
в православных духовных учебных заведениях 93

Русистика / итальянистика

Марко Каратоццо. У истоков итальянской славистики:
Никола Феста 109

Валерия Боттоне, Габриэле Маццителли.
Русские корреспонденты Этторе Ло Гатто 120

А.М. Бибикина. У истоков итальянистики в России:
Татьяна Борисовна Алисова 128

Перекличка искусств

С.О. Андросов. Еще раз о русских любителях античной
и современной итальянской скульптуры во второй
половине XVIII века 139

Е.В. Карпова. Италия в письмах и дневниковых записях
С.И. Гальберга 155

Алессандро Романо, Паола Буонкристиано.
О.А. Кипренский и «Ессе Ното» Тициана:
о трех утраченных произведениях старых мастеров 167

А.Г. Вяземцева. Русские студенты архитектуры
в Риме в первой половине XX века.
На материалах римских архивов 185

Новое время

<i>А.Г. Нестеров.</i> Младшие Габсбурги Тироля в XVII веке	200
<i>Искра Шварц.</i> Швейцарская легенда о жене царевича Алексея	212
<i>М.В. Бибииков, А.М. Бибиикова.</i> Выпускники Московского университета в Италии (1913 год): из дневниковых записей Ф.М. Кригера	218
Приложение. <i>Ф.М. Кригер.</i> Встреча с Горьким на о. Капри	219

Новейшее время

<i>А.А. Чернобаев, Н.Г. Терехова.</i> Антанта, Коминтерн и поляризация итальянского общества по отношению к Гражданской войне в России	227
<i>Т.П. Нестерова.</i> Габриэле д'Аннунцио, Альчесте де Амбрис и создание конституции Карнаро (1919–1920)	255
<i>Мария Тереза Джустини.</i> Влияние авиации на социо–политические и экономические отношения СССР и Италии в конце 1920–х гг.	265
<i>М.Г. Талалай.</i> Советские партизаны в Италии: историография	297

Эмигрантика

<i>Д.М. Нечипорук.</i> Войтинские и Каффи: история недосказанной дружбы	309
<i>М.В. Шкаровский.</i> Ю.Н. Данзас: Долгий путь из «северного Рима» в итальянский Рим	323
<i>А.В. Антошин.</i> «Венеция — это провинциальная дыра...»: русский социал–демократ Евгений Ананьин в Италии в 1940–е — 1950–е гг.	339
Об авторах	347

РОССИЯ – ИТАЛИЯ:
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ XVIII–XXI ВЕКОВ

Кураторы итало-русских сборников
Михаил Талалай и Андреа Милано

В сборник вошли статьи российских и итальянских исследователей, посвященные богатому спектру научных, культурных, религиозных и иных связей между Россией и Италией, академическому диалогу XVIII—XXI вв., множественным перекличкам в сфере политики, военного дела, искусства, литературы, философии, церковной жизни.

